

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Андре Миго

КХМЕРЫ

(история Камбоджи с древнейших времен)

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1973

Andre Migot
LES KHMERS.
Des origines d'Angkor
au Cambodge d'aujourd'hui.
Paris. Le Livre Contemporain. 1960.

Перевод с франц. и предисловие
Ю. П. Дементьева
Ответственные редакторы
Лонг Сеам, Э. О. Берзин

А. Миго.

М 57 Кхмеры (история Камбоджи с древнейших времен). Пер. с франц. М., Главная редакция восточной литературы изд-ва «Наука», 1973. 350 с. с карт.

В книге известного путешественника и востоковеда Андре Миго увлекательно рассказана история Камбоджи с древнейших времен. Описываются знаменитые памятники культуры и современная жизнь основных жителей Камбоджи — кхмеров.

0163-2001
М ~~042(02)-73~~ 79-72
042(02)-73

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Ю. П. Дементьев.</i> Предисловие	3
Часть первая	
ВОЗНИКНОВЕНИЕ СТРАНЫ КХМЕРОВ	
Глава I. Страна и население	11
Глава II. Королевство Фунань, первое индуизированное государство	25
Глава III. Цивилизация Ченлы	34
Часть вторая	
РОЖДЕНИЕ АНГКОРА	
Глава I. Страна и население	47
Глава II. Культы и религия кхмеров	64
Глава III. Яшоварман, основатель Ангкора	80
Глава IV. Сурьяварман I и экспансия Камбоджи на запад	94
Часть третья	
РАСЦВЕТ КХМЕРСКОГО КОРОЛЕВСТВА	
Глава I. Сурьяварман II, строитель Ангкор Вата	105
Глава II. Великий король-буддист Джаяварман VII	122
Глава III. Ангкор Тхом, королевский город	142
Часть четвертая	
УПАДОК	
Глава I. Преемники Джаявармана VII	164
Глава II. Оставление Ангкора	177
Глава III. От основания столицы в Пномпене до взятия Ловека	193
Глава IV. Португальцы и испанцы в Камбодже	215
Глава V. Конец испано-португальского влияния	236
Глава VI. Камбоджу разрывают на части	253
Часть пятая	
ВОЗРОЖДЕНИЕ	
Глава I. Установление французского протектората	278
Глава II. От протектората в независимости	304
Глава III. Современная Камбоджа	326

ПРЕДИСЛОВИЕ

На одной из могил кладбища в Луанпранбанге, городе, где находится резиденция короля Лаоса, лежит белая мраморная плита. Над ней сделан небольшой навес, чтобы уберечь могилу от разрушительных ливней и жгучих лучей солнца. Здесь покоится один из исследователей Индокитая — Анри Муо, который в буквальном смысле отдал этому делу свою жизнь. В 1868 г. в Париже вышла его книга, где он рассказал о своих путешествиях, в частности поведал современникам об открытии им развалин неведомого города Ангкора.

Свидетельство Муо, который, в отличие от побывавшего там несколько ранее французского миссионера Буйево, вполне оценил величие и красоту этого памятника исчезнувшей цивилизации, пробудило на Западе интерес к изучению истории Камбоджи. Многие сделали для изучения прошлого страны представители Французской школы Дальнего Востока, в том числе такие выдающиеся ученые, как Э. Эмонье, Ж. Седее, Б. и Ж. Гролье, Л. Фино, В. Голубев, А. Маршаль.

После второй мировой войны историей Камбоджи, особенно вопросами международных отношений и французской колониальной экспансии на Дальнем Востоке и в Юго-Восточной Азии, стали заниматься американские и английские историки. Появились работы В. Томпсон, Д. Кэйди, Б. Робертса, Л. Палмера и др.

Мы не ставим здесь перед собой цели дать подробный анализ работ этих ученых. Отметим только, что, хотя некоторые их работы отличаются тщательным изучением источников, книги буржуазных историков по истории Камбоджи не могут решить те задачи, которые в настоящий момент стоят перед историками-марксистами, занимающимися историей Камбоджи.

События на Индокитайском полуострове привлекают все большее внимание к истории Камбоджи. Интерес к ней пробудился и в прогрессивных слоях кхмерского народа. Перед кхмерской общественностью остро стали задачи изучения истории страны с прогрессивных позиций: выяснение роли народных масс в истории Камбоджи, осмысление самобытности истории кхмерского народа и др.

Между тем в работах буржуазных историков (А. Миго, А. Дофен-Менье и др.) преувеличенное внимание уделяется отдельным «героям» истории Камбоджи, т. е. королям, с целью в конечном итоге возвеличить и прославить личность самого Нородома Сианука, поскольку он является прямым потомком короля Нородома, содействовавшего установлению французского протектората. В то же время затушевывается роль феодальной верхушки Камбоджи в подавлении антифранцузских выступлений кхмерского народа в конце XIX — начале XX в., а значение и размах этих выступлений принижаются.

Ряд французских историков преувеличивают роль индийского и китайского влияния на историю Камбоджи, особенно во II—IX вв. Жорж Седес прямо пишет о Камбодже как об «индуизированной» стране. Еще более крайнюю позицию в этом вопросе занимает Б. Гролье. Пеллио же преувеличивает китайское влияние на Камбоджу. Сами названия раннефеодальных государств на территории Камбоджи он дает по-китайски, — и это вполне понятно, так как иные названия нам неизвестны, — но не подчеркивая, что это были монкхмерские раннеклассовые цивилизации.

Откровенно «профранцузской» становится позиция буржуазных историков при оценке значения французского завоевания для развития Камбоджи и итогов французского господства в этой стране. Они утверждают, что французское завоевание воспрепятствовало поглощению Камбоджи соседями — Вьетнамом и Сиамом — и предопределило ее дальнейшее возрождение (А. Миго). Неверно изображается история Камбоджи после достижения независимости.

В то же время история Камбоджи, написанная с марксистских позиций, даст возможность на конкретном материале углубить наше знание закономерностей

социально-экономического развития стран Востока, что, в свою очередь, непосредственно связано с правильной оценкой политических и социально-экономических изменений, происходящих в развивающихся странах.

Подъем национально-освободительного движения после второй мировой войны и задачи антиимпериалистической революции въезжали среди советских ученых большой интерес к истории бывших колониальных и зависимых стран, стремление заново осмыслить события этой истории, по-иному рассмотреть всю историю международных отношений,

В области изучения колониальной политики империалистических держав и международных отношений на Дальнем Востоке и в Юго-Восточной Азии советская историческая наука представлена такими выдающимися учеными, как А. А. Губер, Е. М. Жуков, А. Л. Нарочницкий. Специально историей Камбоджи в СССР занимались Л. А. Седов, Ю. П. Дементьев, Г. Г. Сочевко¹ и другие исследователи.

Однако ни советские, ни зарубежные историки-марксисты до сих пор не создали обстоятельной научной истории Камбоджи, хотя судьбы народов этой страны привлекают пристальное и растущее внимание не только узких специалистов-востоковедов, но и широкой мировой общественности. Не создано обстоятельных работ по истории Камбоджи и буржуазными учеными².

Как это часто бывает, историю Камбоджи, не научную, а скорее научно-популярную, написал не профессиональный историк. Автор этой книги Андре Миго — врач по специальности, занимавшийся историей буддизма и археологией, путешественник по призванию³. В своей работе он не претендует на то, чтобы дать научную историю Камбоджи. Достоинства книги Миго в другом. Она привлекает читателя хорошим, живым языком, простотой и ясностью изложения. Несомненными достоинствами книги Миго являются также большой фактический материал, стремление дать анализ и оценку источников, которые привлекаются при разработке отдельных периодов истории Камбоджи.

Автор провел много лет в Камбодже и свое изложение сопровождает свежими, непосредственными впечатлениями и замечаниями, рисующими повседневную жизнь современного камбоджийца. У него много наблюдений над характером, мироощущением кхмерского народа, и все это органически вплетается в повествование о событиях истории страны. В изложении чувствуется горячая любовь автора и к стране, и к народу, историю которого он излагает.

Иногда Миго впадает при этом в известную идеализацию страны, но этот недостаток легко понять и простить.

Другим важным достоинством книги Миго является стремление автора передать точку зрения камбоджийцев на события истории их страны, показать их отношение к тем «прелестям», которые принесла им Франция, установив протекторат над Камбоджей и создав в стране систему колониальной эксплуатации.

В то же время работа Миго не свободна от многих недостатков, свойственных буржуазной, в данном случае французской, историографии. Вызывает возражение утверждение Миго, будто установление французского протектората над Камбоджей спасло страну от поглощения соседними государствами. В советской исторической литературе уже высказывалась точка зрения, что приход Франции на Индокитайский полуостров разрушил сложившееся там известное равновесие сил, которое обеспечивало

¹ Л. А. Седов, *Ангкорская империя*, М., 1966; Ю. П. Дементьев, *Политика Франции в Камбодже и Лаосе (1852—1907 гг.)*, М., 1960; Г. Г. Сочевко, *Современная Камбоджа*, М., 1967.

² В 1914 г. в Париже была издана работа А. Леклера (A. Leclere, *Histoire du Cambodge depuis de 1er siecle de notre ere*, Paris, 1914), но она сильно устарела. В 1968 г. вышла, тоже в Париже, популярная история Камбоджи, написанная А. Дофен-Менье (A. Dauphin-Meunier, *Histoire du Cambodge*, Paris, 1968), однако эта работа очень невелика по объему и к тому же рассчитана на самый широкий круг читателей.

³ Он совершил в одиночку путешествие на велосипеде из Парижа в Калькутту, спустился на каяке по Евфрату, много раз поднимался на вершины гор, участвовал в экспедиции в Антарктику.

Камбодже возможность спокойного развития, и привел Камбоджу к утрате независимости.

Внешнеполитическое положение Камбоджи к середине XIX в. полностью нормализовалось. Ни Сиам, ни Вьетнам не могли возобладать в своей борьбе за Камбоджу. Динамизм этих государств был в значительной мере исчерпан, и они были заняты другими, внутренними проблемами. Кроме того, как показали восстания кхмеров в 1837—1840 гг., в самом камбоджийском народе имелось достаточно сил, чтобы отстаивать независимость своей страны от иноземных захватчиков.

Правитель страны Анг Дуонг (1847—1860) ловко лавировал между просиамской и провьетнамской группировками в придворных кругах, задабривая попеременно то Сиам, то Вьетнам. Его политика обеспечивала народу возможность отдохнуть от войн, восстановить внутреннюю торговлю.

Миго почти ничего не говорит о восстаниях атяров Суа и Покамбау. Эти восстания представляли собой широкие народные движения, участники которых боролись не столько за королевский трон, сколько против установления французского колониального гнета. Это была именно та сила, на которую бы следовало опереться правившему тогда Народоду, чтобы освободиться от слишком настойчивой опеки Франции. Между тем он предпочел опереться на французские войска, чтобы потопить эти восстания в крови.

Особенно хорошо это видно на примере народных движений в Камбодже в 1884—1886 гг. Ближайшей, непосредственной целью этих движений было защитить Народода от французов, сохранить в стране местное, кхмерское управление. Интересно, что в этот же период в соседнем Вьетнаме развивалось движение «кан-выонг» («Служение королю»), непосредственные задачи которого были те же, что и у патриотов Камбоджи. И то и другое движение носили характер феодально-монархического национализма.

А. Миго отмечает чрезвычайно важное обстоятельство, а именно связь повстанческих антифранцузских движений в Камбодже с движением «кан-выонг» во Вьетнаме, но, к сожалению, не показывает этого конкретно.

Между тем движение «кан-выонг» помешало французам использовать в полной мере вьетнамцев в войсках, которые направлялись для подавления кхмерского освободительного движения. Кроме того, между вождями движения в Камбодже и Вьетнаме намечалось и более тесное сотрудничество. Так, в перехваченном французами письме высокопоставленного чиновника из вьетнамской провинции Тяудок к кхмерским повстанцам из провинции Треанг говорилось: «Представители двух народов собираются встретиться, чтобы обсудить план совместных действий»⁴. Эти документы не известны Миго, так как их публикация появилась уже после выхода книги.

Союз Народода и феодальной верхушки с французскими оккупационными властями после того, как были достигнуты, по мнению Народода и его ближайших сановников, цели восстания — сохранение управления страной в руках местной администрации, предупредил поражение повстанцев. Это заставляет нас по-иному оценивать личность короля Народода, не так, как ее оценивает в своей книге А. Миго.

В этой связи представляет интерес и то обстоятельство, что отнюдь не все буддийские монахи, мелкие феодалы и другие руководители повстанческих отрядов послушались приказа Народода и не прекратили борьбу с французами. О некоторых из них известно, что они за это заплатились жизнью, причем до сих пор не выяснено, произошло ли это от рук французских агентов или же от рук убийц, подосланных самим Народодом. В этом отношении очень интересна история двух популярных героев антифранцузского движения — кралахома Конга и писнулока Чхука⁵, имена которых у А. Миго даже не упоминаются.

⁴ «Etudes cambodgiennes», 1967, № 12, стр. 36.

⁵ Кралахом (кхмерск.) — высший государственный титул; писнулок (кхмерск.) — чин гражданского чиновника.

Они приняли участие в восстании, по-видимому, в 1885 г. Конг до этого был руководителем буддийской общины в Кохкрабей, расположенной на берегу Бассака, к югу от Пномпеня. К восставшим он примкнул после того, как в его пагоду ворвался отряд французских войск и в оскорбительной форме потребовал указать, куда скрылись преследуемые ими повстанцы.

Деятельность Конга развернулась в районе к югу от Пномпеня, где, тревожа французские отряды неожиданными нападениями, он пытался объединить под своим руководством все силы повстанцев, действовавших в этом районе. В народе его стали именовать кра-лахомом. Однако на его призыв откликнулся только писнулок Чхук, который был одним из чиновников, возглавивших по приказу короля отряды регулярных войск, действовавших против французов. До восстания Чхук был чиновником в провинции Треанг, где под его властью находилось семь районов.

После того как французы вынуждены были пойти на уступки и Народом дал приказ прекратить борьбу, Конг и Чхук были приглашены ко двору, где их ждали награды и высокое положение. Желая расправиться с активными участниками сопротивления, французы через одного предателя-мандарина заманили Конга на военное судно и там убили. Чхук, по камбоджийской версии, был также убит агентами французов в доме у своих родственников в Пномпене. По данным французских историков, Чхук был убит по указанию самого Народом за то, что не захотел подчиниться приказу о прекращении сопротивления французам и принести Народому клятву верности⁶.

Касаясь причин французской колониальной экспансии в район Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии, А. Миго постоянно подчеркивает, что она была якобы чужда каких-либо «материальных» интересов. Между тем факты говорят совершенно иное.

Внимательно следившее за событиями в Индокитае французское правительство решило после заключения Нанкинского договора (1842 г.) постоянно держать в китайских водах военную эскадру из двух фрегатов и трех корветов. Выражая интересы крупной торгово-промышленной буржуазии, французский министр иностранных дел Гизо во время прений в палате 6 августа 1843 г. воскликнул: «Неужели вы не хотите иметь никаких баз ни в Атлантическом океане, ни в Тихом, ни на великих архипелагах Дальнего Востока? И это перед лицом новых и громадной важности событий, когда Китай открылся для мировой торговли»⁷. Такую же позицию занимает Миго, когда он излагает, кстати не совсем точно, историю миссии Монтиньи. Как известно, отправляясь в страны Индокитая, Монтиньи надлежало выяснить, «чем богаты страны Индокитая и какие товары могут иметь спрос среди местного населения»⁸.

Эти, а также и другие, более мелкие недостатки, не снижают ценности и значения книги А. Миго. Главное ее достоинство, как мы уже отмечали, это горячая любовь автора к кхмерскому народу, большая заинтересованность в его судьбе.

Появление книги А. Миго на русском языке очень своевременно. Развязывая агрессию в Индокитае, Соединенные Штаты перенесли военные действия и на территорию Камбоджи. Кхмерский народ, о миролюбии которого так тепло и проникновенно пишет А. Миго, вынужден был взяться за оружие, чтобы отстаивать свое право на мирную жизнь и независимое существование. Мировая общественность, в том числе и советский народ, с чувством большой симпатии следит за героической борьбой кхмерского народа. Книга Миго даст возможность глубже познакомиться с прошлым и настоящим этого замечательного народа и лучше понять его. Несомненно, появление этой книги на русском языке будет встречено с интересом советской общественностью и явится полезным вкладом в укрепление кхмерско-советской дружбы.

⁶ P. Collard, *Cambodge et cambodgiens*, Paris, 1925, стр. 120.

⁷ Цит. по: Ю. П. Дементьев, *Колониальная политика Франции в Китае и Индокитае 1844—1862*, М., 1958, стр. 18.

⁸ Там же, стр. 58.

* * *

Пользуюсь случаем, чтобы выразить благодарность всем, кто помог мне в работе над переводом, в особенности О. В. Ковнер, И. С. Царьковой и Ю. Я. Цыганкову.

Ю. П. Дементьев

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ВОЗНИКНОВЕНИЕ СТРАНЫ КХМЕРОВ

Глава I СТРАНА И НАСЕЛЕНИЕ

История стран Юго-Восточной Азии еще более, чем история стран Запада, находилась под влиянием экономических факторов, связанных с климатом и географической средой. Страна кхмеров, предшественник современной Камбоджи, не явилась исключением, но, чтобы более точно представить себе влияние этих факторов на историю страны, нужно определить ее территорию в период расцвета. Она намного превышала площадь, занимаемую современной Камбоджей, поскольку охватывала современный Южный Вьетнам, часть Центрального Вьетнама и Таиланда.

При первом взгляде на физическую карту Индокитайского полуострова видно, что костяк его составляет горная цепь большой протяженности — Вьетнамский хребет. Начинаясь в крупном горном массиве, расположенном на территории Северного Вьетнама, Юньнани и Бирмы, представляющем предгорья восточных Гималаев и Тибетских нагорий, этот хребет является как бы осью полуострова, доминируя своими вершинами, превышающими иногда 2000 м, над живописным вьетнамским побережьем. Затем хребет переходит в плоскогорье Дарлак и скалы мысов Варелла, Падарана, Окала, неподалеку от Сайгона, и далее теряется в водах Китайского моря.

Вьетнамский хребет не просто орографическая неровность почвы. Он разделяет два неодинаковых по своим размерам района, совершенно различных по населению, языку, культуре, религии. Это, по существу, два мира, которые условно можно назвать индийским и китайским. Если Вьетнам принадлежит к китайскому миру, то страна кхмеров — к индийскому. В течение многих веков эта страна была лучшим образцом того, что обычно называют Внешней Индией.

Как мы уже отмечали, протяженность этих районов различна, различен и характер склонов хребта, обращенных к этим районам. На востоке между хребтом и морем заключена узкая полоска земли, которая и составляет Центральный Вьетнам. Несмотря на то что прибрежные воды его богаты рыбой, население этого района не могло бы обеспечить себя пищей без богатой Тонкинской дельты, которая обогащается аллювиальными отложениями рек Сонгхонг, Сонгда и Сонгма. На запад от хребта простирается обширная равнина — бассейн Меконга, «королевской реки», «матери рек», составляющей богатство Камбоджи. И здесь тоже проявляется один из основных законов географии и экономики Индокитая: первостепенная важность аллювиальных равнин и дельт крупных рек — рисовых житниц, мест сосредоточения населения, очагов цивилизации.

Своеобразное величие чувствуется в геологической простоте этого обширного района, в прошлом затопленного и оставшегося плоским во вторичный и третичный периоды. Он сформирован из горизонтальных вторичных, триасовых слоев песчаника, толщина которых достигает 700 м. Они покрывают первичную основу из выветренных кристаллических пород. Этот район испытал воздействие тектонических волн со стороны Гималаев, которые, дойдя сюда, потеряли свою силу; тектонические толчки не

вызвали крупных перемещений, обусловив лишь процессы преобразования и возникновения горного пояса на окраине района: Кардамоновы горы, горы Дангрек, плато Боловен, Транинь и плато Мои.

В конце третичного и начале четвертичного периода море занимало всю южную часть современной Камбоджи, образуя громадный залив, который доходил до гор Дангрек. В этот залив нес свои воды Меконг, берущий начало в горных ущельях Верхнего Лаоса. Наносы Меконга, которые и сейчас составляют 250 г на 1 куб. м воды, постепенно заполнили этот залив и образовали территорию Нижней Камбоджи и Южного Вьетнама (Кохинхины)—громадной равнины, которая вместе с дельтой Северного Вьетнама (Тонкина) дает почти весь урожай индокитайского риса.

И еще один геологический фактор сыграл в экономике Камбоджи первостепенную роль, а именно процессы, связанные с деятельностью вулканов. В Кардамоновых горах, на плато Боловен, на плато Мои в результате вулканической деятельности образовались скопления базальтовых пород, при разрушении которых возникли знаменитые «красные земли», распространение в Камбодже и Южном Вьетнаме. Эти земли имеют толстый плодородный слой, хорошую структуру, богаты азотом, фосфоритами. На них разрослись пышные леса с ценными породами деревьев. Когда леса были выкорчеваны, на этих землях стали создавать крупные каучуковые плантации, которые вместе с ценными породами деревьев составляют одно из богатств Камбоджи. После того как старый камбоджийский залив оказался заполненным аллювиальными отложениями Меконга, на его северо-западном берегу осталась большая впадина — Большое озеро, или Тонлесап, самый большой водоем с пресноводной рыбой в Азии. Это озеро не только обеспечивает Камбоджу рыбой — основным продуктом питания населения, но и дает ей главный предмет экспорта в страны Юго-Восточной Азии.

Очень любопытна гидрография Меконга и Тонлесапа. Центр системы, обширное зеркало вод, на берегу которого расположен Пномпень, является результатом соединения четырех рек, которые на Западе называют «четыре рукава», а в Камбодже — «четыре лика». Самая большая из них — Меконг, увеличивающийся за счет притока, несущего воды из озера Тонлесап. Приток тоже называется Тонлесап. Громадные массы воды с большим содержанием ила несут к Сиамскому заливу Нижний Меконг и Бассак, два других рукава — «квадриги».

Во время сезона дождей, с июня по октябрь, уровень воды в Меконге поднимается за счет таяния снегов в Гималаях и притока дождевых вод в районе Пномпеня до 9 м, в районе Кратие — до 16 м и намного превышает тогда уровень вод в озере Тонлесап. Поэтому воды р. Тонлесап, в отличие от всех существующих рек в мире, поворачивают вспять и, в некотором смысле, текут обратно к своему истоку — озеру Тонлесап, уровень воды которого теперь повышается за счет прибыли воды из Меконга.

В октябре сезон дождей заканчивается, начинается сухое время года и уровень воды в Меконге быстро понижается. Озеро Тонлесап, в свою очередь, берет озерх. В течение всего сухого сезона уровень воды в озере выше, чем в Меконге. Течение в р. Тонлесап изменяет свое направление, и вновь воды озера текут в Меконг. Большой праздник, религиозный и одновременно народный, — праздник вод — славит изменение течения в Тонлесапе.

Во время всего периода высокой воды Меконг и озеро Тонлесап выходят из берегов и затопляют равнину и лиственные леса по берегам, зеркало вод увеличивается в три — четыре раза. Рыбы и птицы получают новые значительные источники питания. Эти периодические наводнения являются благом и для прибрежных жителей, тогда как обычно наводнения в странах Азии приносят жителям лишь разорение. Ил, который остается на почве, чрезвычайно плодороден, и после отступления вод обновленная земля готова для новых посевов.

Этим благодатным действием периодических наводнений объясняется распределение сельскохозяйственного населения Камбоджи по берегам рек и озер. Позади

кромки земель, окружающих реки при низком уровне воды, находятся обширные впадины плодородных полей (*бенг*), которые примитивными каналами соединяются с рекой. На этих землях растут кокосовые, арековые пальмы, капок с тонким стволом, манговые деревья, апельсины, хлебные деревья, сапотий⁹. Именно здесь сажают кукурузу, хлопчатник, индиго, табак, овощи, тутовые деревья. Длинные деревянные шесты поддерживают светлые листья бетеля, применяемые вместе с тертым орехом арека и известью для приготовления жвачки, употребление которой придает камбоджийцам столько очарования. Она окрашивает в красный цвет губы старых крестьянок и оставляет на земле следы, похожие на сгустки крови.

Вода играет роль в плодородии земли не только на территориях, расположенных по берегам рек и озер. В течение шести месяцев, когда продолжается сезон дождей, вся страна превращается в царство воды и во многих районах лодка заменяет повозку. Затопленные земли станут плодородными рисовыми полями, которые будут обрабатываться крестьянами и их буйволами, тянущими примитивный плуг, по колено в грязи. А потом, по колено в воде, низко нагнувшись, женщины начнут пересаживать нежно-зеленые молодые побеги риса, растение за растением.

Такое чередование двух сезонов — сухого и дождливого, периодов высокой и низкой воды — оказало влияние и на тип камбоджийского жилища. В противоположность вьетнамскому или китайскому домам, которые и в Камбодже своим фундаментом стоят на земле, камбоджийский дом, даже в таком большом городе, как Пномпень, всегда приподнят, стоит на сваях. Стены у него из соломы, пол сплетен из бамбука, который приятен на вид и хорошо сохраняет прохладу в течение сухого времени года; крыша покрыта пальмовыми листьями красивого рыжеватого тона. И этот тип камбоджийского жилища, который сейчас можно видеть повсюду — в городе и в деревне, был изображен еще на барельефах Ангкор Тхома. На них можно видеть и буйволов, запряженных в маленькие повозки с приподнятым дышлом, точно такие, какими в Камбодже пользуются и сейчас. Такова неизменная страна кхмеров, как будто созданная богами на века.

Чередование сезонов отражается и на пейзаже страны. В сезон дождей камбоджийская равнина напоминает скорее бесконечное озеро с выступающими над водой основными дорогами, селениями, рощицами, укрывающими буддийские пагоды. На их черепичных крышах с поднятыми вверх углами, возвышающихся над морем зелени, различаются фигуры наг и гаруд¹⁰. Единственной вертикальной линией в этом царстве горизонтали являются стволы сахарных пальм, возносящие высоко в небо венчающие их вершину скудные пучки листьев.

В этом мире воды и жидкой грязи царит буйвол. Только он может тянуть плуг, которым обрабатывают затопленные рисовые поля. Бык, маленький, горбатый и сильный, похожий на зебу, используется только в сухое время года. В период дождей его оставляют в стойле, которое часто представляет собой всего лишь площадку на сваях, крошечный островок, держащий скот над водой. Для передвижения тогда камбоджийские крестьяне используют пироги, выдолбленные из стволов деревьев. Когда глубина невелика, они обычно передвигаются по жидкой грязи на своеобразных повозках с деревянными полозьями типа саней, влекомых парой буйволов.

В сухое время года картина меняется. Вода остается только в озерах, болотах и на рисовых полях. Крестьяне начинают ирригационные работы с помощью примитивных ковшовых подъемников. Постепенно земля превращается в тонкую пыль, которая поднимается густым облаком за повозками с одним дышлом, запряженными маленькими быками. Теперь, в отличие от периода дождей, настало их время. Растительность желтеет

⁹ Фруктовое дерево с плодами, похожими на персик. (*Прим. перев.*)

¹⁰ Нага — мифическая змея, почитаемая за то, что под своим капюшоном укрывала Будду. Ее изображение стало главным декоративным элементом кхмерского искусства. Гаруда — тоже важный декоративный элемент у кхмеров — мифическая птица, носившая бога Вишну. (Примечания, кроме специально оговоренных, принадлежат автору.)

и увядает. Единственное, что веселит глаз в унылом пейзаже, выжженном ослепляющим, жестоким солнцем, — это рисовые поля, сверкающие всеми оттенками зеленого цвета.

Зона обрабатываемых площадей сменяется зоной редколесья, мелких, далеко отстоящих друг от друга деревьев. На свободном от деревьев пространстве располагаются бедные деревни, простираются саванны, где растет жесткая высокая трава желтоватого цвета, острая, как осока. Передвигаться в этой траве чрезвычайно трудно. Здесь царство слонов, диких буйволов, тигров, пантер, обезьян, скачущих с ветки на ветку.

На плато и в горах, которые окружают равнину, растут густые леса — жуткий мир, где деревья стоят плотной стеной в непроходимых зарослях кустарника, переплетенные лианами и колючими растениями. На узких тропинках, ведущих в маленькие деревушки, человек чувствует себя раздавленным массой зелени, затерянным в этом зеленом океане, куда никогда не проникает солнце. На земле, покрытой толстым слоем гниющих листьев, царит тишина, под покровом которой идет таинственная и полная опасностей жизнь — здесь обитают хищники, гигантские насекомые, пресмыкающиеся, орхидеи-эпифиты болезненно-бледного цвета. Наблюдая вблизи это разнообразие форм, где жизнь и смерть, мир живущего и мир небытия как бы переплетаются, я впервые понял всю глубину пантеизма, пронизывающего большинство религий Дальнего Востока¹¹.

В маленьких горных деревушках, затерянных в лесах, живут «горцы», которых чаще всего называют цим именем «мой». Сами жители не признают этого слова, ибо оно имеет уничижительный оттенок — оно означает по-вьетнамски «дикие». Чаще всего горное население называют искусственно образованным словом «пемсьен», которое произошло от сокращенного термина, употреблявшегося французской колониальной администрацией, ПМСИ (горные народности Южного Индокитая¹²). Я предпочитаю термин «горцы» или, что лучше и точнее, определение их по племенам: радэ, джараи, кхасы и т. д.¹³.

* * *

Все физико-географические, климатические, а также социальные особенности Камбоджи тесно связаны с ее принадлежностью к муссонной Азии и с чередованием муссонов. В чем же состоит это явление природы, которое столь значительно, что оказывает влияние на всю Восточную Азию?

Оно состоит в противопоставлении громадного массива суши этого континента и не менее громадной массы вод Тихого и Индийского океанов и Южно-Китайского моря. В зимнее время Азиатский материк с его холодными пустынными просторами Тибета, Монголии и Сибири охлаждается намного сильнее соседнего с ним океана, воды которого в силу своей природы дольше сохраняют летнее тепло.

В результате образуется антициклон, область высокого атмосферного давления с основным центром в районе Байкала и дополнительным в Пенджабе, на северо-востоке Индостанского полуострова. Одновременно возникает область низких давлений в северной части Тихого океана и в экваториальной зоне Южно-Китайского моря. Это противостояние районов с низким и высоким давлением выражается в сильных и постоянных ветрах северо-западного направления в Северном Китае и на побережье Индокитая и в северо-восточных ветрах в более южных районах. Это зимние муссоны. Сам термин «муссон» происходит от арабского «маусим», что значит «время года». Антициклон приносит в большую часть Восточной Азии сухую зиму и голубое небо при береговом ветре; в Камбодже — это сухое время года, которое продолжается с ноября до

¹¹ В понятие «Дальнего Востока», «Восточной Азии» автор включает государства, которые в советской литературе относят к районам Южной и Юго-Восточной Азии и Дальнего Востока. (Прим. перев.)

¹² Populations montagnardes du Sud-Indochinois.

¹³ Радэ, джараи (жараи) — представители малайско-полинезийской этнической группы. Окраинные горные районы Камбоджи и Южного Вьетнама населяют также племена горных кхмеров (монкхмерская этническая группа) — пнонги, мнонги, брао, стиенги, куи, кхасы и др. (Прим. перев.)

конца апреля. В этот период входит холодный сезон в декабре — январе, когда обычная температура +25° иногда по ночам опускается до +17—18°. Это самое приятное время года, период отдыха и путешествий для жителей Камбоджи, период проповедей для бонз, время, когда природа страны раскрывает все свое очарование. Затем с февраля по май наступает сухая и жаркая погода. В этот период средняя температура равна +30°, а в апреле и мае может подниматься и до +37—38°. Жизнь тогда как бы замирает; земля раскаляется добела, растительный покров «а ней высыхает, и земля покрывается трещинами от жары; животные стремятся найти спасение от зноя в лесах.

Летние муссоны, в отличие от зимних, являются результатом противостояния между областью низких давлений на материке и высоким давлением в районе океана. На этот раз дуют северо-восточные ветры, от моря к суше, несущие влажные испарения и дождевые облака. В Камбодже наступает сезон дождей, который продолжается с мая по октябрь. Дожди достигают максимальной силы в августе, слегка ослабевают в сентябре с тем, чтобы вновь набрать силу в октябре. Количество осадков достигает 290 куб. см.

Мы обратили внимание на муссоны не потому, что они представляют теоретический интерес как метеорологическое или климатическое явление. Смена сильных и постоянных ветров, то северо-западных, то юго-восточных, сыграла, облегчая мореплавание, важную роль в формировании кхмерской цивилизации, происхождение которой, как мы уже говорили, главным образом индийское.

* * *

Путешествуя по Камбодже, поражаешься, насколько физический тип кхмеров разнится от внешнего облика других народностей Азии, которые живут с ними бок о бок, в частности вьетнамцев или китайцев. Более того, этот этнический тип, одинаковый как в городе, так и в деревне, запечатлен на барельефах Ангкор Вата и Ангкор Тхома, в большинстве кхмерских статуй, к какой бы эпохе они ни принадлежали. Каковы же основные черты и происхождение кхмерской расы, так хорошо отображенной в памятниках?

По сравнению с ярко выраженным «азиатским» типом — китайцами Юга и вьетнамцами, как правило, низкорослыми и худощавыми, камбоджиец относительно высок (в среднем 166 см), хорошо сложен, гибок и мускулист, у него несколько короткие ноги с крепкими щиколотками. Камбоджийцы — брахицефалы с хорошо сформированной головой, с выступающими висками, которые, особенно у стариков, словно высечены резцом. У камбоджийцев высокий лоб, слегка уходящий назад, нос широкий и довольно крупный, резко отличающийся от небольших приплюснутых носов китайцев; губы полные, мясистые, чувственные, подбородок квадратный; цвет кожи обычно довольно темный, волосы черные, часто вьющиеся, иногда совсем курчавые, что свидетельствует об их негроидном происхождении¹⁴.

В юном возрасте кхмерские женщины прекрасны. Они тонки и гибки, с благородной осанкой, с миндалевидным разрезом восхитительных черных глаз, взгляд которых горяч и нежен, с длинной шеей, округлыми и нежными плечами, красивой полной грудью. Волосы коротко острижены, что придает им несколько мальчишеский и соблазнительный вид. Однако тяжелый труд на полях, многочисленные роды быстро иссушают и старят женщину, хотя она и увянув сохраняет гибкость и благородную осанку. Тогда они начинают брить себе голову, как бы посвящая себя религии и утешаясь употреблением бетеля, который делает рот старух похожим на кроваво-красное отверстие неправильной формы.

Но все лица — молодые и старые, женщин и мужчин — озарены улыбкой, свойственной только кхмерам, — той самой улыбкой, которая придает таинственное очарование изображениям будд в Байоне и так красит своей мягкостью и нежностью даже самые некрасивые лица.

¹⁴ Это результат привнесения крови негроидных элементов — народов, живших в районе Тибета (G. Oliver, *Anthropologie des cambodgiens*, Paris, 1968, стр. 41). (Прим. перев.).

Для нас невозможно составить себе полное впечатление о характере и образе мыслей кхмеров прошлых времен; мы можем высказывать лишь гипотезы, исходя из наблюдений над современными нам камбоджийцами, которые близки по своему физическому облику к своим предкам.

Камбоджиец весел, беззаботен, для него характерна насмешливая легкость в отношении к окружающему. Воздержанный и скромный в своих жизненных потребностях, камбоджиец удовлетворяет их, затрачивая минимум труда; однако не следует преувеличивать эту своеобразную «леность» и заключать, как это случается с путешественниками, поверхностно знакомыми со страной, будто камбоджийцы живут в райском безделье за счет благодатной природы. В действительности некоторые сельскохозяйственные работы, в частности сбор урожая с сахарных пальм, требуют немалой затраты сил, причем не следует забывать об особенностях местного климата — жаркого и влажного, с частыми грозами, климата, расслабляющего человека и лишаящего его воли. Надо заметить также, что буддийская религия, которая в Камбодже пустила глубокие корни, не содействует развитию жизненной активности населения, скорее наоборот.

Камбоджиец отличается честностью и природным умом. У него умелые, «золотые» руки. Одаренный природным тонким чувством юмора, он склонен иронизировать даже над такими вещами, к которым испытывает самое глубокое уважение: например, он с насмешкой относится к буддийским монахам. В то же время, несмотря на это фрондерство, он уважает общественную иерархию. Нельзя забывать, что кхмерский народ был народом-победителем, который вел тяжелые и часто победоносные войны со своими соседями — Тямпой и Сиамом. Кроме того, кхмеры — замечательные строители. Все это заставляет думать, что нельзя слишком далеко заходить в аналогиях между образом камбоджийца прошлых веков и камбоджийца — нашего современника, которого новые, не столь суровые условия жизни лишили значительной части былой воинственности и творческой энергии.

Из-за отсутствия достаточно древних антропологических данных происхождение кхмеров остается неясным. В раскопках одного из трех доисторических поселений в Камбодже — в Самронгсене, к северу от озера Тонлесап (провинция Кампонгчам), обнаружены останки человека, но они в таком плохом состоянии, что по ним можно судить только о том, что жители этого региона в эпоху неолита были довольно высокого роста. Останки человека, найденные в других раскопках — палеолитической стоянки в Хоабине и неолитической в Бакшоне (Северный Вьетнам), — обладают характерными признаками, которые дают возможность говорить о родстве кхмеров с австралийцами и меланезийцами.

Вполне возможно, что первые обитатели побережий Южно-Китайского моря и Сиамского залива принадлежали к аустро-азиатской этнической группе и походили на тех ее представителей, которых обнаруживают и в наше время на островах Тихого и Индийского океанов, — представителей негроидного, индонезийского и меланезийского антропологических типов. Первая, индийская¹⁵ примесь к этой первоначальной этнической ос-ве относится к очень древней эпохе. Ее внесло коренное население Южной и Восточной Индии незадолго до прихода ариев в этот район. Арии, захватившие северо-восток Индии в XVI в. до н. э., дошли до ее юго-восточных районов только к VII в. до н. э. Приблизительно в это время и произошло переселение из Индии в Индокитай, о котором говорилось выше. Вполне возможно, что причиной явилось нашествие ариев.

Эти первые этнические общности начали развиваться, применяясь к условиям тех районов Восточной Азии, где они поселились. В бассейне Меконга они получили из Китая примесь монгольской крови, а также в какой-то степени смешались с монами, появившимися из долин Менама и Иравади. Так образовалась монкхмерская этническая

¹⁵ Мы используем здесь классическую терминологию: термин «индиец» относится ко всем обитателям Индии, термин «индус» — исключительно к индийцам, исповедующим индуизм.

группа, о которой мы, по сути дела, почти ничего не знаем; ее этническое существование — чисто теоретическое, тем более что нам известны лишь ее языковые отличия.

Но как бы то ни было, мы знаем, что ко времени появления на исторической арене кхмерского государства, или, точнее, его далекого прототипа — Фунани, к началу проникновения туда индийцев там уже существовала автохтонная цивилизация, аустро-азиатская по своему происхождению. Эта примитивная цивилизация оставила, несмотря на позднейшее преобладание индусского влияния, свой след на всем облике страны кхмеров вплоть до наших дней.

Приблизительное представление об этой древней цивилизации можно получить из раскопок первобытных стоянок на территории Камбоджи: в Мелупрее, Самронгсене и Лонгпрао. Характерные находки здесь — орудия из отшлифованного камня и металла, предметы из кости, стекла, а также керамика и, наконец, мегалитические постройки. Все это говорит о том, что период доисторического¹⁶ развития в Юго-Восточной Азии продолжался гораздо дольше, чем в Европе, — приблизительно до I в. до н. э. Этот район переживал еще затянувшуюся стадию позднего неолита, когда сюда проникла брахмано-буддийская культура из Индии.

Как жили предки современных камбоджийцев? Их поселения состояли из деревянных хижин на сваях. Археологи находят черепки керамической посуды, очаги из камней, служившие для приготовления пищи, а также кости животных и рыб, раковины, что говорит о том, что пища древних камбоджийцев состояла главным образом из мяса диких животных, рыбы и различных моллюсков. Из орудий труда найдены большие топоры из отшлифованного камня для рубки деревьев, топоры меньшего размера, каменные ножи, скребки для обработки кож, наконечники стрел, гарпуны, рыболовные крючки. Поселения были окружены рисовыми полями и фруктовыми деревьями. Под полом свайного дома жили быки, свиньи и собаки. Ремесленники выделывали глиняную посуду, не зная гончарного круга, тем не менее она была почти идеальной формы. Орнамент наносился на сырую глину ногтями. Для него был характерен геометрический рисунок или мотивы спирали. Изготавливали здесь и ткани — при помощи веретена и ткацкого челнока (остатки их попадают при раскопках), украшения и браслеты из металла, выплавленного в печах. Погребений при раскопках обнаружить не удалось, ничего не известно и о похоронных обрядах. Все же можно предположить, что мертвых хоронили в положении сидя на корточках и надевали на них металлические браслеты и бусы.

По-видимому, жизнь доисторического камбоджийского поселения можно сравнить с жизнью, которую ведут в наши дни отсталые племена в горных районах Индокитая: на плоскогорьях и во Вьетнамских горах.

Таковы были жители и страна, на почве которой разрослась индийская цивилизация. Она и явилась тем ферментом, который содействовал зарождению и расцвету кхмерской цивилизации на базе древней примитивной культуры. Каковы были причины и формы этого культурного влияния? Каким образом возникло на берегу Сиамского залива первое индуизированное государство — Фунань? Попробуем ответить на эти вопросы.

Глава II **КОРОЛЕВСТВО ФУНАНЬ,** **ПЕРВОЕ ИНДУИЗИРОВАННОЕ** **ГОСУДАРСТВО**

Мы уже видели, что связи континентальной Индии и Индии Внешней очень давние и, вероятно, восходят к доарийским временам. С другой стороны, нам известно, что после

¹⁶ Т. е. период доклассового общества. (Прим. перев.)

буддийского собора в Паталипутре, Проходившего около 242 г. до н. э., император Ашока слал миссионеров распространять учение Будды в различные страны Востока, в том числе на Цейлон и в зрелевство Суварнабхуми, «Золотой Херсонес» древних греков, обычно идентифицируемое с современной Бирмой.

Выход индийской культуры за пределы области ее образования имел самые различные причины, но, несомненно, одной из самых важных было распространение буддизма. Ведь по брахманским законам запрещалось пересекать море под угрозой лишения касты, что для брахмана было гораздо страшнее, чем лишение жизни. У буддистов, отвергавших систему каст, этот запрет не действовал; они могли пересекать океаны, чтобы распространить учение Будды по всей Восточной Азии.

Однако главным, хотя и косвенным фактором распространения культуры Индии была деятельность торговцев и моряков. Торговые связи облегчались техническим прогрессом в области мореплавания — использованием муссонов, чередование которых сильно облегчало плавание парусным кораблям, которые могли перевозить до 600—700 пассажиров.

Это время было особенно благоприятно для развития торговых связей. Были созданы громадные империи: в Индии — царство Маурьев и Кушанское царство, в Иране — империя Селевкидов, в средиземноморском бассейне — Римская империя. Эти государства были богаты и могущественны, и контакты, установленные между ними в результате походов Александра Македонского, послужили началом важных торговых связей, главным образом торговли предметами роскоши, которые очень ценились в бассейне Средиземного моря. Индия была удобно расположена для ведения этой торговли, отсюда направлялись корабли и торговцы в восточные страны, где дешево можно было приобрести пряности, благовония — сандал, корицу, душистые смолы, камфару, ладан, но прежде всего золото, которое встречается во многих географических названиях.

Для мореплавателей из Индии страны Юго-Восточной Азии были настоящим Эльдorado. Их жители были добры и приветливы; многие торговцы, соблазненные прелестью здешних мест, основали тут свои фактории. У них не было переводчиков, и они по необходимости изучали местные языки; одни приезжали с семьями, другие женились на местных девушках из знатных семей и постепенно осваивались в стране. Это мирное и дружеское проникновение проходило без всякого плана, на основе личной инициативы, где сентиментальная привязанность сочеталась с торговыми интересами,— связь, без которой невозможно говорить о колонизации.

Индийские торговцы часто были культурными людьми. Довольно скоро к ним присоединилась брахманская и буддийская элита, и простые торговые фактории превратились в очаги культуры, обрастая ремесленниками, художниками, учеными и духовными лицами. Человечный характер этих контактов, любознательность и учение местных жителей к цивилизации, которая ни в коей мере не оскорбляла их чувств, способствовали ее распространению. Новая цивилизация внесла в местную культуру те элементы, которых этой последней недоставало: новую технику, религию, отвечающую духовным потребностям жителей, язык ученых, обладающий неограниченными возможностями, — санскрит.

Ранее мы отмечали важную роль, которую сыграл буддизм благодаря отсутствию кастовых предрассудков в развитии этой миграции; действительно, самыми ранними свидетельствами индийского проникновения в страны Индокитая являются чаще всего изображения Будды школы Амаравати. Однако почти всюду они встречаются вместе с шиваитскими образами, славящими культ королевских линг¹⁷. Это был символ первых государств, где в правящих кругах преобладали ассимилировавшиеся индусы или представители местной знати, воспринявшие индуизм благодаря смешанным бракам в нескольких поколениях. Можно было бы удивляться тому, что индусы из касты

¹⁷ Фаллическое изображение. (Прим. перев.)

брахманов или кшатриев так легко шли на эти браки, которые в Индии стоили бы им утраты касты; однако социальная структура брахманизма, такая жесткая в Индии, в контактах с местными жителями претерпевала существенные изменения. Данные эпиграфики говорят о том, что брахманский ритуал приема в общину постоянно соблюдался и многочисленная местная знать таким окольным путем проникала в касту кшатриев¹⁸.

* * *

Один из таких смешанных союзов, как говорится в легенде, привел в I в. н. э. к образованию первого крупного индуизированного государства, от которого и пошла кхмерская империя. Нам о нем известно только из китайских хроник, которые приводят донесения двух посланцев императора, посетивших страну в середине III в. н. э. Название Фунань, под которым она упоминается, является не чем иным, как современным произношением двух китайских иероглифов, фонетически воспроизводящих старокхмерское слово *бнам*, сейчас пишущееся как *фном*¹⁹, что значит «гора».

Один из китайских посланцев передает легенду, связанную с основанием первой династии Фунани: «Первый король Фунани был неким Каундиньей, брахманом из Индии. Он имел видение, что его божественный покровитель вручил ему волшебный лук и приказал сесть на торговый корабль. Наутро, отправившись в храм, Каундинья у подножия священного дерева нашел лук. Тогда он вышел в море на корабле, которому его дух-покровитель велел пристать у Фунани. Королева страны Лю-е, «Ивовый лист», хотела захватить корабль и разграбить его. Однако стрела, выпущенная Каундиньей из волшебного лука, пронзила королевский корабль насквозь. Испугавшись, Лю-е подчинилась, и Каундинья взял ее в жены. Так как он был недоволен тем, что она нагая, то он сложил кусок ткани и заставил жену просунуть голову сквозь отверстие в ткани. Каундинья до-т-го правил страной и передал власть своим потомкам». Эта история не что иное, как китайский вариант индийской легенды, изложенной в санскритской надписи Тямпы. Согласно этой легенде, брахман Каундинья, получив священное копье, высадился на песчаной косе, окруженной водой, — на месте будущей Камбоджи, и метнул свое копье, чтобы определить место будущей столицы. Дочь короля змей племени нага (королевских ко<бр)—нага Сома, отличавшаяся большой красотой, пришла в это время на отмель, чтобы искупаться, и Каундинья влюбился в нее без памяти. Он попросил у короля наг ее руки. Король же, чтобы помочь своему зятю выстроить столицу, выпил всю воду, которая покрывала страну.

Эти легенды имеют аллегорический смысл. В их основе лежит тот факт, что в Камбодже существуют земли, затопляемые в определенное время года. Король наг символизирует Меконг, наносы которого заполнили залив и образовали сушу; брахман Каундинья олицетворяет влияние индийской культуры, а голая принцесса «Ивовый лист» — символ примитивного состояния страны до прихода цивилизаторов — индийцев.

Фунань находилась на юге современной Камбоджи и была во II—IV вв. н. э. наиболее значительным государством Индокитайского полуострова, простирая свое влияние на Сиам, Бирму и побережье Явы. История Фунани загадочна; единственные источники, которыми мы располагаем, — китайские хроники: «История Лянской династии», «История Цинов», «История южных Ци».

После смерти Каундиньи и его ближайших потомков титул короля перешел к военачальнику Фань Ши-маню; располагая мощными армией и флотом, он начал завоевание соседних королевств, но в одном из походов умер (около 205—210 гг.). Во время правления одного из его преемников, узурпатора Фань Чжана, Фунань установила дипломатические отношения с Индией и Китаем. Китай направил в Фунань двух послов, и

¹⁸ Из четырех основных каст первой была каста брахманов, или священников, второй — кшатриев, или благородных и воинов, остальные две включали торговцев и ремесленников.

¹⁹ Иногда это слово транскрибируется как *Пном*. (Прим. перев.)

в донесении одного из них — Кан Тая мы находим первые сведения о стране и ее населении.

Правители сменяли друг друга, не оставляя после себя никаких следов, вплоть до 357 г., когда в Фунани появился правитель, возможно, иностранного происхождения, на что указывает его имя, приводимое в китайских источниках: Тьен чжу Чжань-тань, что означает: индиец Чжань-тань, китайская транскрипция слова *чандан*, царского титула среди индо-скифов. Можно предположить, что речь идет о принце из кушанской династии, которая угасла в Индии, вытесненная династией Гупта, но отдельные ее представители могли найти убежище в «Золотой земле», привлекавшей в то время многих искателей приключений. Во всяком случае, источники хранят молчание о дальнейшей судьбе Фунани вплоть до V в., когда начинается новый период индийского проникновения в страну.

Об этом нам известно из другой легенды, героем которой является еще один Каундинья, брахман из Индии²⁰. «Божественный голос сказал ему: Иди в Фунань и правь там! Каундинья возрадовался в сердце своем. Он прибыл в Пань-пань, на юге. Люди Фунани узнали об этом; все жители королевства испытали радость, они вышли навстречу Каундинье и избрали его королем».

Единственным его преемником, оставившим след в истории, был Каундинья Джаяварман. Он попытался получить от китайского императора помощь для борьбы с королевством Ченла, которое угрожало Фунани, но умер в 514 г., так и не успев получить ее. Положение Фунани после его смерти ухудшилось, и королевство, самое могущественное в Юго-Восточной Азии в течение первых пяти веков нашей эры, исчезает уже в начале VII в., побежденное своим прежним вассалом — Ченлой, которая продолжает доангкорскую линию развития.

Пожалуй, мы располагаем большими сведениями о культуре Фунани, чем об ее истории, благодаря многочисленным указаниям, имеющимся в китайских хрониках, хотя до сих пор невозможно точно установить местонахождение столицы Вьядхапуры, которую иногда идентифицируют с Ангкор Бореом, недалеко от современного Камлота. «Великий царь Фунани» носил титул «царя горы». Он жил в окружении придворных, чиновников и знати. Государство было феодальным. Казна королевства пополнялась за счет налогов.

Раскопки Луи Маллере в Окео в Южном Вьетнаме впервые дали материал о фунаньском городе, а собранные здесь многочисленные предметы быта позволили представить нам жизнь его населения. Город вытянут прямоугольником длиной в 3, шириной в 1,5 км. Он пересекался каналом, соединявшим его с близко расположенным морем. Деревянные постройки не сохранились, однако при раскопках обнаружены каменные фундаменты храмов и общественных зданий, назначение которых неясно. Это был безусловно важный торговый порт.

Жители города были искусными ремесленниками. Об их мастерстве можно судить по найденным здесь гончарным изделиям из серой или розовой глины, кувшинам и амфорам безупречной формы, предметам из шлифованного камня. При раскопках обнаружено особенно много монет и украшений, предметов из золота, серебра, бронзы, олова, свинца; бусины из горного хрусталя, аметиста, оникса, сердолика, иногда оправленные в золото; золотые кольца и браслеты, серебряная посуда, подвески, перстни, украшенные драгоценными камнями и надписями на санскрите, и т. д.

Надписи и донесения китайских посланцев, посетивших страну, дают нам ценные сведения о том, как жило население города. «Имеются города, обнесенные стенами, внутри них — дворцы и жилые дома. Жители некрасивые, с черной кожей и вьющимися волосами; они ходят голыми и босыми. Характера они простого, не отличаются хитростью; занимаются сельским хозяйством; один год сеют, а три последующих года

²⁰ В «Истории Лянской династии» говорится, что это был индийский брахман Цзяо Чжень-ю; по-видимому, это китайский вариант имени Каундинья. (Прим. перев.)

снимают урожай. Кроме того, они любят вырезать орнаменты и заниматься чеканкой. Посуда, из которой они едят, большей частью из серебра. Налоги платят золотом, серебром, жемчугом, благовонными смолами. У них есть книги, хранилища письменных документов и других вещей. Их письменность похожа на письменность ху»²¹.

В другом месте: «Люди Фунани хитры и коварны. Они силой захватывают жителей соседних городов, которые не воздают им почестей, и превращают их в рабов. В качестве товаров у них идут золото, серебро, изделия из шелка. Мужчины из знатных семей носят саронг из ларчи; женщины вырезают в ткани отверстие для головы²² и таким образом делают себе одежду. В бедных семьях прикрываются куском холста. Жители Фунани выделывают перстни и браслеты из золота, посуду из серебра. Они срубают деревья для строительства жилищ. Король живет во дворце с многоярусной крышей. Стены его — частокол из дерева. На берегу моря растет высокий бамбук, листья которого достигают 8—9 футов длины. Этими листьями кроют крыши домов. Население живет в постройках, приподнятых над землей. Здесь строят суда длиной в 80—90 и шириной 6—7 футов. Нос и корма этих судов похожи на голову и хвост рыбы. Король и его жены выезжают верхом на слонах. Для развлечения жители устраивают петушиные и кабаньи бои. У них нет тюрем. В сомнительных случаях, при решении спорных вопросов, они бросают в кипящую воду золотые кольца и мясо, и их нужно оттуда достать. Или же они накаляют докрасна цепь, которую надевают на руки и заставляют сделать с ней семь шагов. У виновного при этом с рук сходит вся кожа; руки же невиновного остаются здоровыми. Кроме того, используют погружение в воду. Правый в воде не тонет; виновный же тонет»²³. Здесь мы видим дальневосточный вариант наших средневековых способов дознания, которые нам известны из песен и легенд.

«История Лянской династии» дает нам новые сведения: «Там, где они живут, они не роют колодцев. На несколько десятков семей у них имеется водоем, из которого они берут воду. У них в обычае поклонение небесным духам. Изображения этих духов они делают из бронзы; те из них, которые имеют по два лица, имеют по четыре руки, те же, у кого четыре лица, имеют восемь рук. В каждой руке они что-нибудь держат: иногда ребенка, иногда птицу, или же солнце, или луну. Король выезжает всегда на слоне; так же поступают его наложницы и придворные. Когда король отдыхает, он садится боком, согнув правое колено, а левую ногу опускает на землю²⁴. Перед королем расстилают кусок хлопчатобумажной ткани, на которую ставят золотые вазы и курильницы с благовониями. Во время траура полагается брить бороду и волосы. Погребения бывают четырех видов: в воде, когда труп бросают в реку; в огне, когда труп превращается в пепел; в земле, когда труп зарывают; с помощью птиц, когда труп оставляют открытым в поле»²⁵.

С религиозной точки зрения, Фунань как и другие кхмерские империи в период их расцвета, дает нам замечательные примеры терпимости, часто даже синкретизма между брахманизмом в его двух главных формах — шиваизмом и вишиуизмом — и буддизмом, как Большой, так и Малой колесницы²⁶.

Оба Каундиньи, о которых говорит легенда, были брахманы. Несомненно, они ввели в Фунани брахманизм в форме шиваизма, который, как мы знаем из надписей, был наиболее распространен в V в. Действительно, в «Истории южных Ци» говорится, что в правление Каундиньи Джаявармана «обычаем страны было поклоняться богу Махешваре. При этом бог постоянно нисходит на гору Мотан». Махешвара — одно из имен бога

²¹ P. Pelliot, *Le Fou-nan*, — «Bulletin de l'École Française d'Extrême-Orient», 1903, vol. III, № 2. Племя ху жило в Центральной Азии и пользовалось письменностью, схожей с санскритом.

²² Отзвук легенды о Каундинье?

²³ P. Pelliot, *Textes chinois concernant l'Indochine indouïsee*.

²⁴ Эта поза, так называемый царский отдых, часто повторяется в индийских и кхмерских скульптурных изображениях.

²⁵ P. Pelliot, *Textes chinois concernant l'Indochine indouïsee*.

²⁶ Далее мы дадим более подробный обзор религий страны кхмеров.

Шивы, а гора Мотан — возвышенность, находящаяся неподалеку от столицы, центр королевства, где происходит общение между богами и людьми. Кроме того, бронзовые статуи, как говорится в уже цитированном выше отрывке из «Истории Лянской династии», изображают божества неба многоликими и многорукими, что в традициях кхмерской скульптуры, т. е. передают образы Шивы и Вишну, объединенные в одном изображении под именем Харихары. Эти статуи были предметом восторженного почитания у брахманов, которые «только и делают, что день и ночь напролет читают священные книги, полученные от небожителей, и усердно приносят им в жертву благовония и цветы». О культе Вишну также упоминают многочисленные надписи.

Буддизм тоже процветал здесь, особенно в последние годы правления королей Фунани; он распространился в III в. в форме буддизма Малой колесницы. Некоторые тексты, в которых говорится о милосердии бодисатв, позволяют предположить, что буддизм Большой колесницы также был известен в Фунани и что монах Нагасена, сопровождавший Каундинью Джаявармана, исповедовал именно эту форму буддизма.

Нам довольно хорошо известна фунаньская скульптура благодаря многочисленным доангорским статуям, найденным в Пном Да, около Ангкор Борея. Из них наиболее интересны изображение восьмирукого Вишну, одетого в длинный сампот²⁷, в митре, покрывающей его завитые волосы, статуя другого вишнуйского божества — Кришны и статуя Харихары, причесанного, как Шива в образе аскета — с высоким шиньоном, поддерживаемым лентой.

В Ангкор Борея также были обнаружены статуи буддийского культа; хотя они и более позднего происхождения, но могут дать представление и об этой стороне скульптурного мастерства в Фунани. Эти изображения будд схожи обычно по стилю с изображениями будд стиля Гупта, задрапированных в одежды, или буддийскими изображениями Амаравати и Цейлона с овальным лицом, миндалевидными глазами и носом иногда с горбинкой.

В то же время нам ничего не известно об архитектуре Фунани, а развалины в Окео и Ангкор Борея сохранили лишь остатки фундамента от здания неопределенного назначения. Некоторые из гротов Пном Да, неподалеку от древней столицы, несомненно, относятся ко времени Фунани, но они находятся в плохом состоянии и на них нет никаких следов той эпохи; лучше всего сохранился крытый резной вход, на фризе которого имеются миниатюрные изображения алтарей.

Это все, что мы знаем о королевстве, игравшем первостепенную роль в Юго-Восточной Азии благодаря мастерству ремесленников, материальной и духовной культуре своему искусству, а также благодаря военной мощи и деятельности моряков и торговцев. Фунань в большой степени обязана своей цивилизацией индийскому влиянию, но все то, что мы о ней знаем, говорит, что с самого начала индийская культура пустила ростки на почве местной аустро-азиатской культуры, чтобы создать глубоко оригинальную цивилизацию и искусство. Четыре века, в течение которых складывалась фунаньская культура, имеют основное значение для судеб Камбоджи, ибо именно здесь надо искать истоки кхмерского искусства. С самого начала кхмерское искусство, хотя и произошло от индуистского искусства и сохраняет многие его черты, отличалось от него своим радостным характером, натурализмом более человеческим, чем божественным, который ярко проявился затем в прекрасных статуях эпохи Байона, вершине кхмерского искусства.

Глава III ЦИВИЛИЗАЦИЯ ЧЕНЛЫ

²⁷ Вид юбки из квадратного куска ткани, собранной в складки и схваченной в талии,— одежда современных камбоджийцев, мужчин и женщин.

Фунань сменило королевство Ченла, возникновение которого тоже связано с легендой, как об этом рассказывает надпись на стеле X в., найденной в Баксен Тямкронге. Некий аскет по имени Камбу взял в жены небесную нимфу — апсару Меру, которая была ему послана богом Шивой. От их союза пошло поколение правителей королевства, которое называлось Камбоджа, по имени аскета Камбу, и дало позднее название современной Камбодже. Что же касается названия Ченла, под которым это королевство появилось в китайских текстах, то происхождение его неизвестно. Королевство вначале занимало средний бассейн Меконга, южную часть современного Лаоса, и его первая столица — Шрестхапура, основанная вторым правителем Шрестхаварманом, по-видимому, была расположена на месте Ват Пху, находящегося недалеко от Бассака на Меконге.

Ченла долгое время оставалась вассалом могущественной Фунани. В середине VI в. один из членов королевской семьи Фунани, Бхававарман, стал править в Ченле, на родине его жены, объединив, если верить уже упоминавшейся надписи, солнечную династию, к которой причислял себя, Камбу, и лунную династию, к которой, согласно легенде, принадлежали короли Фунани. Это, естественно, явилось залогом исключительности его дальнейшей судьбы.

Продолжая дело своих предшественников, Шрутавармана и Шрестхавармана, которые, согласно той же надписи из Баксеи Шамкронга, «постепенно увеличили могущество страны» и «освободили население от бремени налогов», Бхававарман осуществил попытку освободить принявшую его страну от владычества Фунани, хотя она и была его родиной. Обстоятельства оказались исключительно благоприятными для осуществления его замысла.

В это время, к середине VI в., Фунань находилась в полном упадке; ее цивилизация, очень древняя, может быть слишком рафинированная, была сосредоточена в нескольких больших городах, но совершенно не затронула деревню. Деревня была опустошена страшными наводнениями, плодородные равнины на месте будущей Кохинхины превратились в болота, дома разрушались, жители вынуждены были переселиться в более высокие районы. И наконец, другое обстоятельство способствовало иностранному завоеванию: приход на трон Фунани Руддравармана. Рожденный от наложницы, он устранил законного наследника и завладел тронном, нажив себе множество врагов.

Используя все эти обстоятельства, Бхававарман с помощью своего брата Читрасены напал на Фунань, прошел вдоль долины Меконга и быстро захватил всю страну, последние правители которой укрылись на юге. Эта победа является первым чисто камбоджийским эпизодом в цепи постоянно действующих факторов в истории стран Индокитая: движения населения горных районов в долины и их стремления к плодородным землям равнины юга.

Из завоевания Фунани Ченлой и слияния этих двух стран и родилась страна кхмеров, поэтому мы можем рассматривать Бхававармана как основателя этой страны. Еще долгое время, однако, в объединенном королевстве будут существовать следы дуализма его происхождения, дуализма в культуре и традициях, а может быть и дуализма этнического. Хотя население Ченлы так же как и население Фунани, принадлежало к большой монкхмерской этнической группе, оно, несомненно, имело некоторые отличия благодаря примеси монгольской крови, полученной от пришельцев из Юньнани и Верхней Бирмы.

Бхававарману наследовал его брат Читрасена, принявший при восшествии на престол имя Махендраварман. Он оставил после себя множество надписей, рассказывающих о сооружении линг и шиваитских статуй как свидетельство своих «побед над всеми землями». Читрасена поддерживал хорошие отношения со своим беспокойным соседом — Тямтуй и направил туда посольство. Его сын Ишанаварман завершил завоевание Фунани, как говорят надписи, найденные в провинциях Канда, Кампонгчам,

Прей Венг, Такео и даже в Чантабуме, в современном Таиланде. Единственные даты, которые нам известны, взяты из китайских хроник — «Истории Сунской династии» и «Новой истории Танской династии». Эти даты относятся к двум посольствам, которые Ишанаварман направил в Китай: первое в 616 г., второе в 623 и 628 гг. Он правил, вероятно, до 630—635 г. Его столица Ишанапура, по-видимому, соответствует современному Самборпрей Куку, на севере Кампонгтхома, в районе озера Тонлесап.

Правление его преемников—Бхававармана II, Джаявармана I и его жены Джаядеви, занявшей престол после его смерти, не представляет интереса. Управление таким большим государством было тяжелым бременем, непосильным для пожилой женщины. К тому же в Юго-Восточной Азии возникли сильные государства: Шривиджайя на Суматре, Дваравати в Бирме²⁸, Шалендра на Яве. Большое и богатое королевство Ченла было для них сильным искушением. Тем не менее трудно судить, какую роль сыграли эти полные динамизма молодые государства в упадке Ченлы, в ослаблении ее могущества.

Первая цивилизация Ченлы оставила многочисленные следы: храмы, статуи, надписи — все, что является так называемым доангкорским искусством²⁹. Архитектура храмов Самбор Прей Кука, древней столицы, еще очень близка к индийской архитектуре: храмы из кирпича, входы выложены камнем. Скульптура также сохраняет много индийских черт, хотя и в ней уже проявляются особенности, характерные для древнего; кхмерского искусства,— скованность и фронтальность. Все же от этого периода остались такие прекрасные произведения, как статуя Харихары из Самбор Прей Кука и бюст Умы.

Надписи Ченлы обычно делались не на санскрите, а на старокхмерском языке; в них содержатся ценные сведения, в частности о религиозной жизни страны. Здесь было представлено большинство индуистских сект как шиваитов, так и вишнуитов. Наиболее распространен был культ Харихары, синкретического божества, статуи которого соединяют в себе образы двух великих богов Индии — Шивы и Вишну — с отличительными признаками каждого из них. Это был апогей культа Харихары, который в последующие времена исчез. В то же время, как об этом говорят некоторые надписи и изображения в стиле Гупта, буддизм сохранил большую жизнеспособность, правда, по всей вероятности, район его распространения сократился по сравнению с периодом существования Фунани. Несомненно, на это указывает китайский путешественник И Цзин, побывавший в Ченле в конце VII в., когда пишет: «Закон Будды процветал и распространялся. Но сейчас злой правитель его полностью уничтожил, и в стране совсем нет бонз».

Есть еще одна китайская хроника — «История Сунской династии», которой мы обязаны наиболее содержательными сведениями о цивилизации Ченлы и жизни ее населения: «Резиденция короля находится в городе И-шо-на, в котором живет более двадцати тысяч семей. В центре города находится большая зала, где король дает аудиенции и где находится его двор. В королевстве имеется, кроме того, еще тридцать городов, каждый из которых населен многими тысячами семей и подчиняется своему правителю.

Каждые три дня король торжественно появляется в зале приемов и садится на трон, изготовленный из пяти сортов благовонного дерева и украшенный семью драгоценными предметами. Над тронном — балдахин из великолепных тканей, который поддерживается колоннами из инкрустированного дерева, а стенки трона сделаны из слоновой кости, украшенной золотыми цветами. Все вместе — трон и балдахин — являются как бы дворцом в миниатюре, в глубине которого подвешен диск с золотыми лучами в форме пламени. Перед тронном в золотой курительнице курятся благовония, за чем наблюдают два человека. Король носит пояс из хлопчатобумажной материи цвета алой утренней зари, который ниспадает до ног. На голове у него головной убор с украшениями из золота и драгоценных камней, с подвесками из жемчуга. На ногах — сандалии из кожи, иногда из

²⁸ Ошибка — государство Дваравати находилось в Сиаме. (Прим. перев.).

²⁹ См.: H. Parmentier, *L'art khmer primitive*, Paris, 1927.

слоновой кости; в ушах короля золотые серьги. Его одежда изготовлена из очень тонкой белой ткани, называемой пе-тие. Когда король обнажает голову, в волосах его видны драгоценные камни. Одежда военачальников почти такая же, как у короля; военачальников, или министров, всего пять, число младших офицеров весьма значительно.

Тот, кто предстает перед королем, трижды касается лбом земли. Если король ему приказывает приблизиться, он на коленях поднимается по ступенькам, держа руки скрещенными па плечах. Затем он и другие усаживаются вокруг короля, чтобы принять участие в обсуждении дел королевства. Когда заседание заканчивается, его участники вновь становятся на колени, prostираются ниц, затем удаляются. Более тысячи стражников, одетых в панцири и вооруженных копьями, выстроены у трона, в залах дворца, у дверей и колонн. Обычно жители ходят одетыми в панцири и вооруженными, так что любая ссора приводит к кровавым стычкам,

Только сыновья королевы, законной жены короля, могут наследовать трон. В день, когда провозглашается новый король, все его братья подвергаются уродующей их операции: одному отрубают палец, другому нос и т. д., затем их рассылают порознь в отдаленные места страны и никогда не призывают на службу.

Мужчины отличаются маленьким ростом и черной кожей; однако у многих женщин кожа белая. Все они укладывают свои волосы и носят серьги. Они отличаются живым, хотя и твердым характером. Их дома и мебель похожи на те, которыми пользуются Че-ту. Они считают правую руку чистой, а левую руку — нечистой.

Каждое утро они совершают омовение, чистят зубы маленькими палочками из дерева породы тополей, не забывая при этом читать молитвы. Омовение они делают каждый раз перед приемом пищи, затем чистят зубы деревянными зубочистками и произносят молитвы. В пищу употребляют много масла, кислого молока, сахарной пудры, риса и проса, из которого они делают нечто вроде пирожков и едят их, пропитав мясным соусом, в качестве закуски.

Тот, кто хочет жениться, сначала посылает подарки девушке, которой он добивается, затем семья девушки выбирает счастливый день, чтобы под охраной посредника проводить девушку в дом жениха. Семьи мужа и жены проводят вместе восемь дней, не выходя из дома. День и ночь в доме горит свет. Когда заканчивается церемония свадьбы, жених получает часть имущества своих родителей и поселяется в собственном доме. В случае смерти родителей, если у них остаются еще неженатые дети, эти дети наследуют оставшееся имущество, но если все дети женаты и уже получили свою часть приданого, то имущество, которое сохранили родители для себя лично, поступает в государственную казну.

Похороны происходят так: дети покойного семь дней ничего не едят, бреют голову в знак скорби и громко плачут. Родственники собираются вместе с буддийскими бонзами и монахинями Фо³⁰ или служителями культа Тао³¹, которые следуют за телом, распевая и играя на различных инструментах. Тело умершего сжигается на костре, сложенном из различных пород ароматических деревьев, пепел собирается в золотую или серебряную урну, которую бросают в реку. Бедняки пользуются урнами из глины, раскрашенными в различные цвета. Бывает, что оставляют тело покойного в горах, где его пожирают дикие звери.

На севере Ченла покрыта горами, изрезанными долинами. На юге страны болота и такой жаркий климат, что здесь никогда не бывает ни снега, ни заморозков; почва там выделяет миазмы и кишит ядовитыми насекомыми. В этом королевстве выращивают рис, рожь, немного мелкого и крупного проса».

В этом описании Ченлы и жизни ее населения можно найти много черт, которые наблюдаются и в жизни современной Камбоджи.

* * *

³⁰ Буддийские монахи и монахини.

³¹ Исповедующие даосизм (таосизм).

Согласно «Истории Танской династии», около 706 г. произошел распад королевства Ченла: северная половина — страна гор и долин — была названа Ченла-на-суше, южная часть, граничащая с морем и покрытая озерами, получила название Ченла-на-воде.

История этих соперничавших королевств неясна, особенно Ченлы-на-суше. Она занимала горный район, соответствующий современному Нижнему Лаосу и части сиамской территории. Это было независимое королевство, правители которого считали себя законными преемниками королей прежней, единой Ченлы и посылали в VIII в. несколько посольств в Китай. Столица королевства — Бхавапура находилась на Среднем Меконге, в районе Пак Хим Бун. Королевство сохранило свою независимость до середины X в., когда было захвачено Камбоджей.

Ченла-на-воде, напротив, пережила много потрясений, распалась на множество княжеств, феодальных кланов, которые в этот период ссорились из-за обломков агонизирующей Фунани, а во времена единой Ченлы существовали мирно. Наиболее значительным было расположенное на юге страны княжество Анандитапу-ра, во главе которого стоял Баладитья. Столица княжества Баладитьяпура, которую китайцы называли Бо-ло-ди-бо, считалась ими столицей Ченлы-на-воде. Баладитья утверждал, что был потомком мифических основателей Фунани: аскета Каундиньи и наги Сомы, и это утверждение рассматривалось последующими королями Ангкора как связь, устанавливающая преемственность их власти от первого правителя Фунани, основателя династии кхмерских королей.

Далее к северу простиралось другое княжество, во владениях которого находилось озеро Тонлесап. Его столицей была Самбхупура, расположенная на месте раскопок в Самборе, на Меконге, к северу от Кра-тие.

Княжеством правила принцесса Джаядеви, которая, вероятно, была вдовой Джаявармана I. Она передала затем власть принцу Пушкаракше, который стал ее вторым мужем, как об этом говорит надпись 716 г., найденная в районе Самбора. Другие надписи 770 и 789 гг. свидетельствуют о существовании другого Джаявармана и ряда других владетелей, но вся эта история крайне запутанна. Упадок княжества проявился в его новом дроблении. В конце VIII в. на месте прежней Ченлы-на-воде существовало по меньшей мере пять различных государств.

Этот упадок облегчил молодой и динамичной династии Шалендра с Явы вторжение в страну. Шалендра направили свои войска на континент и навязали свою власть самому слабому государству Индокитая, Ченле-на-воде. Поэтому первый из ангорских королей отметил позднее свое восшествие на престол праздником освобождения королевства от яванского господства.

С этой победой связана легенда. Ее беллетристический вариант, из которого мы получаем ценные сведения о жизни кхмеров, сообщает арабский писатель начала X в.: «Кхмер — это страна, откуда привозят алое. Эта страна не остров и расположена на той части Азиатского материка, которая граничит со странами арабов. Нет королевства более многонаселенного, чем Кхмер. Все кхмеры передвигаются пешком. Разврат и алкогольные напитки у них запрещены, в городах и во всей империи не найти ни одного распутника или пьяницы. Кхмер находится на той же долготе, что и королевство Махараджи, т. е. остров, который называется Джавага³². Между этими двумя странами лежит расстояние в 10—20 дней пути морем, если плыть по направлению с севера на юг или наоборот.

Рассказывают, что когда-то кхмерский король получил царство. Он был молод и скор на поступки. Однажды он сидел в своем дворце над рекой, похожей на Тигр в Ираке, перед ним стоял его министр. Он говорил с министром, и речь у них зашла о королевстве Махараджи, о его блеске, о его многочисленном населении и островах, которые находятся под его властью. «У меня есть желание,— сказал тогда король,— и мне бы очень

³² Остров Ява.

хотелось, чтобы оно исполнилось». Министр был искренне предан королю и, зная, что тот любит быстро принимать решения, спросил у него: «Что это за желание, о король?» Тот сказал: «Я бы хотел, чтобы передо мной на блюде лежала голова Махараджи, короля Джаваги».

Министр понял, что зависть внушила королю эту мысль, и ответил ему: «Я бы не хотел, о король, чтобы мой господин выражал такое желание. Народы Кхмера и Джаваги никогда не проявляли ненависти друг к другу ни в словах, ни в поступках. Джавага не сделала нам ничего плохого. Это далекий остров, который никогда не был соседом нашей страны. Его правитель никогда не выражал желания захватить Кхмер. Нужно, чтобы никто не узнал о том, что сказал сейчас король, и чтобы он никогда не повторял таких речей». Король Кхмера рассердился на своего министра, не послушался совета, данного ему мудрым сановником, и повторил свои слова перед военачальниками и придворными. Эти речи его передавались из уст в уста, пока не достигли ушей Махараджи.

То был правитель энергичный, смелый и опытный. В это время он уже достиг зрелого возраста. Он вызвал своего министра и сообщил ему об услышанном, а затем добавил: «Этот глупый кхмерский король высказал публично свое желание увидеть мою голову перед собой на блюде; и хотя он это сделал только потому, что молод и легкомыслен, но если уж эти слова произнесены публично, нужно мне им заняться. Оставить без внимания подобное оскорбление — значит нанести ущерб самому себе, унижить себя перед ним». Король приказал своему министру сохранить разговор в тайне, подготовить тысячу судов среднего размера и снарядить их, поместить на борту каждого как можно больше оружия и храбрых воинов. Чтобы объяснить эти приготовления, король объявил, что собирается предпринять увеселительную прогулку на острова своего королевства, и написал губернаторам подвластных ему островов, что намерен посетить их. Новость распространилась повсюду, и каждый губернатор готовился принять Махараджу подобающим образом.

Когда приказания были исполнены и приготовления закончены, король сел на корабль и вместе со своим флотом и войском двинулся на кхмерское королевство.

Король Кхмера ничего не подозревал до тех пор, пока Махараджа не появился на реке, ведущей к кхмерской столице, и не двинул вперед свои войска. Они неожиданно осадили столицу, окружили дворец и захватили в плен короля. Кхмеры отступили перед врагом. Махараджа объявил через глашатаев, что он обещает сохранить всем жизнь, затем занял трон короля Кхмера, которого взял в плен, и приказал привести пленного короля и его министра.

Он сказал королю кхмеров: Что заставило тебя высказать желание, которое не в твоей власти было осуществить, которое не принесло бы тебе счастья, если бы оно осуществилось, и которое было ничем даже не оправдано, если бы и было легко осуществимо? Король кхмеров молчал. Махараджа продолжал: Ты хотел увидеть перед собой мою голову на блюде, но если бы ты хотел также завладеть моей страной и тронem или только разрушить часть ее, я бы то же самое сделал с Кхмером. Ввиду того, что ты выразил только первое из этих желаний, я поступлю с тобой так, как ты хотел поступить со мной, и затем вернусь в свою страну, не завладев ничем в Кхмере, будь то предметы большой или ничтожной ценности. Моя победа послужит уроком твоим преемникам; никто отныне не будет стремиться сделать что-либо, превышающее его силы, и желать того, что свершить ему не предназначено судьбой. Пусть считают себя счастливыми уже тем, что обладают хорошим здоровьем.

Затем он приказал отрубить голову королю кхмеров. Потом он приблизился к кхмерскому министру и сказал ему: Я награжу тебя за то добро, которое ты пытался совершить, поступая как хороший министр; ибо я знаю, как мудро ты советовал своему господину, жаль, что он тебя не послушал. Найди же того, кто мог бы стать хорошим королем вместо этого дурака и возведи его на трон.

Махараджа тотчас же отбыл в свою страну; и ни ой, и никто из сопровождавших его ничего не взяли с собой из страны кхмеров. Вернувшись в свое королевство, он сел на трон, который возвышался над озером и стоял на слитках золота, и приказал поставить перед собой блюдо с головой кхмерского короля. Затем он созвал высших сановников королевства, рассказал им о том, что произошло, и о причинах, заставивших его выступить в поход против короля кхмеров.

Узнав все это, народ Джаваги вознес молитвы за своего короля и пожелал ему всяческого счастья. Затем Махараджа приказал обмыть голову короля кхмеров и набальзамировать ее, после этого ее положили в вазу и отослали королю, заменившему на троне Кхмера обезглавленного правителя. Одновременно Махараджа написал ему письмо: Я вынужден был поступить так, как я поступил по отношению к твоему предшественнику, потому что он проявил по отношению к нам ненависть, и мы его наказали, чтобы дать урок тем, кто захотел бы ему подражать. Мы поступили с ним так, как он хотел поступить с нами. Мы посылаем тебе его голову, так как сейчас нет необходимости держать ее здесь. Мы не видим ничего славного в победе, которую одержали над ним. Когда весть об этих событиях дошла до правителей Индии и Китая, Махараджа возвысился в их глазах. С этого времени короли Кхмера каждое утро, встав, поворачивают лицо в сторону Джаваги и кланяются до земли, чтобы воздать почести Махарадже»³³.

Этот рассказ, составленный для прославления яванского государя, явно тенденциозен. Цель его, несомненно, заключается в оправдании завоевания Ченлы-на-воде ее южными островными соседями и замены по крайней мере одного из правящих в ней королей ставленником Шалендров. Впрочем, короли Явы в своем стремлении захватить гибнущую Ченлу имели соперников в лице правителей малайского государства Шривиджайя, находившегося в тот период, как и Яванское, в расцвете.

Возможно, этим двойным нашествием и следует объяснить распространение в Камбодже начиная с конца VIII в. буддизма большой колесницы. Во время правления королей династии Шалендра, ярых приверженцев буддизма, были построены во второй половине VIII в. замечательные храмы, которые и сейчас составляют славу Явы: Чанди Калассан, посвященный богине Тора, на котором сохранилась надпись о дате его постройки - 778 г.; Чанди Менду, в котором скульптурные изображения Будды выполнены в совершенном стиле Гупта, а также Чанди Сари, Чанди Севу, состоящий из 250 миниатюрных храмов, и особенно Боробудур, подлинный микрокосмос из камня, концентрические галереи которого представляют великолепное собрание барельефов, иллюстрирующих некоторые из самых знаменитых текстов буддизма Махаяны, например Лалиты Вистара.

Расцвет Махаяны во Внешней Индии совпадает с приходом к власти династии Пала на северо-востоке Индии и с расцветом буддийского университета в На-ланде, преподаватели которого привлекали ученых и известных своей святостью монахов со всей Азии. В буддизме Ченлы находят характерные для поздней Махаяны черты: тантризм, употребление магических формул, заимствованных у шиваизма, большое значение культа мертвых. В Камбодже господствующим был культ Авалокитешвары, или Локешвары; от того времени до нас дошла статуя 791 г. в Прасат Та Кеаме.

Благоприятная обстановка, сложившаяся для буддизма Большой колесницы, ни в коей мере не затрагивала брахманских культов, в частности культа Хари-хары, очень распространенного в объединенной Ченле. Прекрасная статуя этого синкретического божества была найдена в Прасат Андете; она замечательна чистотой линий, рельефными формами, концентрическим расположением складок одежды.

Известны несколько памятников той эпохи. Они представлены стилями Прей Кменг (конец VII — середина VIII в.) и Кампонгпрах (вторая половина VIII в.), являющимися промежуточными между стилями Самбор Прей Кук и Кулен. Сооружения

³³ G. Ferrand, Voyage du marchand arabe Sulayman en Indie et en Chine (redige en 851).

выстроены из кирпича, появляется ступенчатая пирамида. Множество стилизованных листьев, обычно расположенных в виде посоха, украшают перемычки. Стволы маленьких колонок также перегружены украшениями из ливы. На стенах начинают появляться изображения отдельных персонажей, которых, к сожалению, невозможно опознать из-за плохой сохранности: несомненно, здесь можно видеть влияние яванского и тямского искусства. Человеческие фигуры изображаются стилизованно. Лучшие образцы стиля Кампонгпрах можно наблюдать и в Пум Прасате и Пном Бассете, к северо-западу от Пномпеня.

Таким образом, несмотря на исторические перемены и политические беспорядки, кхмерское искусство продолжает развиваться. Не уходя от индийских образцов, оно все более приобретает свои собственные, только ему присущие черты. Восстановление мощного единого королевства вскоре помогло кхмерам лучше осознать себя, развить свой оригинальный стиль и совершенствовать классическое кхмерское искусство.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

РОЖДЕНИЕ АНКОРА

Глава I КУЛЬТЫ И РЕЛИГИЯ КХМЕРОВ

Цивилизация кхмеров глубоко связана с религией: их храмы являются земным символом божественного порядка, их статуи воплощают божества, и мы скоро увидим, что первым актом основателя кхмерского королевства было установление своей власти на религиозной основе путем учреждения культа бога-короля. Поэтому, прежде чем рассматривать историю создания кхмерского королевства, необходимо дать обзор системы религиозных взглядов кхмеров, лежавших в основе их культуры, рассмотреть культ бога, с которым нам придется сталкиваться в храмах и в жизни страны.

Две религии господствуют в жизни камбоджийцев — буддизм и брахманизм. Редко случается, чтобы эти два крупных учения соперничали друг с другом, гораздо чаще мы будем наблюдать их сосуществование, слияние; к тому же к ним часто присоединяются архаические верования, наследие примитивной цивилизации, верования, сохраняющиеся и в современной Камбодже. Буддизм возник в Индии в VI в. до н. э. из учения великого мудреца Будды, существование которого, бесспорно. Будда родился около 562 г. до н. э. на территории современного Непала, в семье правителя из племени Шакья, отсюда его прозвище — Шакья-муни, отшельник из племени Шакья. Настоящее его имя — Гаутама. Он вел легкую и приятную жизнь молодого принца, женился, у него родился сын Рахула. Однако в вихре светских удовольствий его преследовала мысль о вселенском страдании. Стремясь целиком сосредоточиться на этой мысли, он удалился от мира на шесть лет, чтобы вести суровую жизнь йогов, индийских аскетов, занимаясь жесточайшим умерщвлением плоти. Но он понял, что такой путь не приведет его к цели: только размышления могут привести к освобождению, нужно следовать «средним путем», нужно найти середину между чувственной жизнью и самоистязанием. Он сел в одиночестве под смоковницей в Бодх-Гайя, и там, после многих дней глубокого размышления, победив демонов-искусителей, пройдя все ступени экстаза, достиг высшего понимания, просветления; отныне он стал «Будда», что значит «Возвышенный», «Просветленный».

Он начал свои наставления проповедью в Бенаресе, в которой он привел в движение «Колесо Закона». Отныне жизнь его стала жизнью проповедника. Он ходил по деревням Магадхи, живя милостыней и проповедуя свое учение, окруженный учениками, число которых с каждым днем росло. Истощив свои силы, он умер или, точнее, погрузился в нирвану, в Кушинагаре, на севере Индии, около 483 г. до н. э. в возрасте 80 лет.

Таким образом, в отличие от большинства основателей религий, Будда никогда не выступал в качестве посланника или сына бога, а просто был человеком, нашедшим благодаря своим собственным усилиям решение проблемы страдания и освобождения и стремившимся передать свое знание другим. Такая совсем простая жизнь не могла удовлетворить людей, жаждущих чудес; поэтому они вообразили себе множество из ряда вон выходящих событий и чудес, превративших Будду в божественную фигуру. Так возникла целая нравоучительная литература, самый известный текст которой называется «Лалита Вистара» или «Развитие действия». Многие эпизоды из этого текста были воплощены в камне художниками в ряде стран Востока. Чаще всего воспроизводятся: сцена благовещения, когда царица Майя, мать Будды, видит во сне бодисатву, который нисходит в ее лоно в виде слоненка; сцена рождения Будды, когда молодая мать, стоя, держится рукой за ветвь дерева; сцена семи шагов Будды; различные эпизоды из жизни молодого принца; его отъезд из королевского дворца верхом на лошади, которую сдерживают четыре небесных стража; срезание волос в момент, когда он порывает связи с миром; изображение Будды-аскета, передающее с поразительным реализмом изможденные черты его лица и исхудавшее, похожее на скелет тело; сцена соблазна Будды полчищами Мары, демона греховного сладострастия; сцена просветления под священным деревом. Сцена встречи Будды со змеем Мучилингой, который обвивается вокруг его тела и простирает над его головой, как капюшон, свои семь голов, чтобы уберечь его от холода и дождя, лежит в основе известного и типичного для кхмерского искусства изображения Будды и наги. Затем следует сцена первого поучения в парке газелей, около Бенареса, где Будда привел в движение «Колесо Закона»; сцена дарения, когда богатый торговец покупает для него знаменитый сад Анатхапиндика, где впоследствии была основана первая община; чудо, когда Будда поднимается в воздух и из его головы вырываются языки пламени, а из ног льются потоки воды; наконец, различные его перевоплощения. Сцена, изображаемая, быть может, чаще всего,— это смерть учителя, лежащего на правом боку, между двух сросшихся деревьев, с головой, обращенной на север и покоящейся на правой руке. В этой позе его изображает вся популярная иконография Дальнего Востока.

Однако художниками был широко использован и другой источник вдохновения: предшествующие жизни Будды. Мы знаем, что индийцы, как буддисты, так и брахманисты, твердо верят в переселение душ. Для них наша жизнь в настоящем не является творением бога, а всего лишь простым эпизодом в последовательном, непрерывном ряду существований; ей предшествовали и за ней последуют многие другие существования, пересекающие единое жизненное течение на отрезки от рождения до смерти и от смерти до нового рождения. Эта смена существований происходит не случайно, она подчиняется закону кармы, который распространяет идею причинности на сферу морали. Каждое существование, счастливое или несчастливое, определяется поступками (на санскрите — *карма*) хорошими или дурными, совершенными в предыдущей жизни; а это существование в свою очередь определяет последующее. Таким образом, счастье или несчастье каждого существа не результат непонятного решения бога, а следствие его собственных действий; такое учение очень разумно и бесконечно утешает, оно далеко от фатализма и покорности судьбе, ибо каждый из нас — непосредственный творец своей судьбы.

Цепь перевоплощений бесконечна: «Происхождение перевоплощений существ теряется в прошлом. Невозможно найти начальную точку, от которой существа, погруженные в неведение, опутанные цепями жажды жизни, блуждают от возрождения к возрождению». Будда также не избежал подчинения этому закону. Земному существованию, во время которого он достиг просветления, предшествовало много других, подготовивших его; и так же, как последнее воплощение, они составляют для буддистов неотъемлемую часть истории Блаженного. В течение предшествующих жизней, о которых рассказывается в книге джатак, будущий Будда прошел серию воплощений, вначале как животное, затем как человек; во время этих перевоплощений он приобретал

заслуги, распространяя сострадание на все сущее, и, наконец, благодаря заслугам смог достичь своего последнего воплощения, подняться до освобождения через нирвану.

Эпизоды его предшествующих существований, *джатак*, стали одним из богатейших источников вдохновения для художников Индии и индуцированных стран Востока. Эти книги, как правило, очаровательны и наивны, они несут на себе отпечаток большой нежности, трогательной любви к природе, удивительно напоминая изображения на капителях романских соборов.

В них будущий Будда изображается проходящим через различные воплощения; в воплощении животного он изображается рыбой, ящерицей, лягушкой, змеей, крысой, зайцем, вороном, бекасом, глухарем, коршуном, орлом, быком, лошадью, оленем, львом, обезьяной или слоном; в воплощении человека — это раб, пария, погонщик слонов, дровосек, каменщик, актер, ювелир, торговец, даже вор, затем студент, брахман, знатный человек, аскет, ученый или царь. Но в каждом из этих воплощений, даже самых низких и ничтожных, он проявляет сострадание к другим существам, жертвует собой ради них не колеблясь, если даже лишается здоровья и жизни. Невозможно здесь пересказать все эти легенды, отметим только самые распространенные: о черепахе и двух утках, слоне с шестью бивнями, о петухе и кошке, о царе, который покупает голубя за равный весу голубя кусок собственного тела, и еще много других, похожих на басни Лафонтена, в том числе самая популярная легенда — Вессантара, которая и сейчас вызывает у камбоджийцев слезы умиления. В образе милосердного принца Будда раздает все свои богатства, отдает белого слона — хранителя королевства, рабов, лошадей и сам впрягается в повозку, в которой сидит его семья, и, наконец, в своей щедрости и самопожертвовании он доходит до того, что отказывается от своего сына, дочери и жены.

К иконографии, посвященной Будде, в Большой колеснице, или Махаяне, добавляются многочисленные новые образы, неизвестные Малой колеснице, или Хинаяне. Чтобы понять эти новые образы и их значение, необходимо сказать несколько слов об учении, которое лежит в основе иконографии.

Первоначальный буддизм, учение Будды, имел главной целью борьбу против страдания. Именно для этого Будда прошел суровый путь святости. Стремясь открыть причину страданий, он погрузился в размышления и понял эту причину в ночь просветления; она зовется желание. Всякое желание приводит к действию, которое его удовлетворяет; действие влечет за собой новые связи и новые желания; в момент смерти жажда жизни определяет переход жизненной силы в новое воплощение, и цикл продолжается. Таким образом, чтобы достичь освобождения, нужно уничтожить желание, жажду жизни. Подобно тому, как лампа, в которой нет больше масла, обязательно погаснет, так и равнодушный к жизни человек достигает высшего состояния от вдохновения, нирваны, состояния невосприимчивости, освобождения от всякого желания, от всякого нового воплощения, от всякого страдания.

Заметим, что избавление от страданий основано на двух философских принципах, которые и составляют главную особенность буддизма: принцип непостоянства и принцип «не-Я». Мир и все сущее постоянно меняются; у них нет собственного существования, они представляют собой лишь соединение причины и следствия, соединение элементов, постоянно заменяемых другими, находящимися в свою очередь в постоянном становлении; не существует бессмертной души, но есть простой круговорот восприятий, ощущений, представлений, мыслей, которые появляются и исчезают по воле определяющих их психо-сенсорных возбуждений.

Это учение, более рациональное, чем чувственное, не могло удовлетворить массу верующих, ибо не приносило людям утешения присущей им потребности в поклонении и жажде чудесного. К началу нашей эры в Индии появляется новая форма буддизма — Большая колесница, или Махаяна, причем слово «колесница» употребляется в смысле «путь к спасению». Новое учение предлагало «колесницу большого размера» для пути более длинного и более приспособленного для большего числа существ; в связи с этим

прежняя форма буддизма стала называться по контрасту Малой колесницей, или Хинаяной. Именно Большая колесница и появилась на Яве и в Камбодже в VIII в. Освобождение доступно всем: как монахам, так и мирянам; прежний идеал мудреца, занятого достижением нирваны только для себя, был заменен образом доброго существа — бодисатвы, который, достигнув полного отрешения, не укрывается эгоистически в мире нирваны, а остается среди людей или в буддийской общине, чтобы посвятить себя их спасению.

Это изменение идеала, сопровождавшееся значительным расширением представления о Будде, проявляется в полном изменении всей иконографии. Малая колесница знала только исторического Будду — Шакья-муни. Только его изображали на алтарях. Если его изображения иногда и сопровождалось изображениями других — его главных учеников Ананды, Кашьяпы, Сари-путры или Маудгальяны, а также Матреи — будущего Будды, единственного бодисатвы, известного Хинаяне, то все они играли лишь второстепенную роль.

С развитием Большой колесницы появляется множество мифических образов, тогда как Будда как историческая личность отходит на второй план. Радикальный идеализм Большой колесницы привел к определению метафизического абсолюта, или к *дхармакае*, т. е. «своду Закона», безусловной духовной реальности, всего лишь земным проявлением которой являлся исторический Будда. Но не он один. Кроме него абсолют имеет многочисленные проявления, по крайней мере такие же значительные. Новые персонажи появляются в иконографии с их собственными атрибутами и становятся объектом еще более горячего поклонения, чем Будда.

Назовем некоторые из этих проявлений абсолюта. Они часто встречаются в иконографии и скульптуре Кхмеров. Прежде всего — это изначальный Будда, или *ади-будда*, ставший в Тибете вдохновителем неререформированных сект. Путем размышления он создал пять *дхьяни-будд*, иначе называемых *джины*, или «победители», которые связаны с пятью странами света³⁴; наиболее известные из них Амитабха, Будда Запада, вдохновитель секты амидистов, распространенной в Китае, Японии и Вьетнаме; Вайрочана, Будда Центра и Амогхасиддхи, Будда Севера. Каждый из пяти джинов имеет небесное проявление, и некоторые из них являются предметом культа, в частности Вайрасатва и Амита. Эти небесные проявления в свою очередь обладают каждое своей *шакти*, или женской энергией. Самая известная из них — Тара, часто изображаемая в кхмерском искусстве в качестве Праджнапарамиты, «совершенства разума», с четырьмя руками, несущая на прическе изображение Амитабхи, своего духовного отца.

Пять дхьяни-будд имеют также по духовному сыну, или небесному бодисатве, самыми известными из которых являются Самантабhadра, Важрапани и особенно Авалокитешвара. Это имя означает «Тот, кто смотрит во все стороны», т. е. защитник мира. Он символизирует понятие «провидения», не свойственное первоначальному буддизму, т. е. понятие властителя мира, от которого происходят все боги. Сам он — олицетворение доброты, милосердия и буддийского сострадания. Статуи представляют его обычно сидящим «в позе лотоса»³⁵ или стоящим на цветке лотоса. Он изображается с четырьмя руками, в которых держит свои атрибуты: сосуд с амброзией, книгу, лотос и четки из шести, двенадцати и более зерен. Изображен он в фас; у него может быть несколько голов, расположенных одна над другой и символизирующих могущество и покровительство, которые исходят от него во все страны света. В волосах у него изображение дхьяни-будды Амитабхи. В Индокитае и в самой Камбодже он больше известен под именем Локешвары («Властитель мира»). Самые известные его изображения — это гигантские башни с ликами в Байоне Ангора. Взгляд громадных глаз, вззирающих сверху вниз на посетителя, подавленного величиной их ликов, чрезвычайно впечатляет. В Камбодже Локешвара часто изображается как излучающий множество

³⁴ На Востоке насчитывают пять стран света: Север, Юг, Запад, Восток и пятая — Центр.

³⁵ Ноги скрещены и подогнуты под сидящего.

сверхъестественных существ, в ореоле маленьких образов, парящих в пространстве и окружающих, иногда даже покрывающих его как бы живой кольчугой. В Тибете Авалокитешвара также пользуется огромной популярностью; там он считается покровителем страны; именно ему посвящена знаменитая формула: «*Ом мани падме хум*»³⁶. В Китае и Японии он часто принимает образ женщины, это Кван-йин у китайцев и Кван-нон у японцев. Последнюю ступень этого пантеона занимают пять земных Будд, в том числе Шакья-муни, исторический Будда, и Матрея, мессия будущего мира.

Эти божества часто объединяются в триады: наиболее популярная — это Будда, сидящий между Локешварой и его шакти, Праджнапарамитой.

Другая распространенная религия кхмеров — индуизм. Он тоже появился из Индии, где был насажден ариями около XVI в. до н. э. во время арийского завоевания. Его первоначальная форма — ведическая религия, в священных книгах которой, ведах, боги персонифицировали силы природы: Ваю — ветер, Парджанья — дождь, Сурья — солнце, Варуна — небо, Агни — огонь, Вишну (три шага его изображают завоевание светом трех миров), Индра — арийский национальный герой, символизирующий силу во всех ее видах — он распоряжается благотворной грозой и дождями, изгоняет мрак, сражает врагов своей молнией, или ваджрой, это задорный и вспыльчивый воин, распутный и благородный, любитель поесть и выпить сочмы, напиток бессмертия; он добр и отзывчив, если не пьян; этот красочный персонаж являет образ вождя арийского клана древности. Все эти примитивные божества, некоторые больше, другие меньше, представлены в кхмерском пантеоне брахманизма.

Второй период в развитии индуизма начинается с появления жертвенных текстов — *брахман*, откуда и название брахманизм, данное этой новой форме старой ведической религии. В классическую эпоху индуизма вершину пантеона занимает всемогущая триада — Брахма, Вишну и Шива. В противоположность распространенному представлению, изображаемый первым Брахма наименее важный в этой троице; он всего лишь персонификация брахмана ведической эпохи, символизирующего ритуальное жертвоприношение и всеобъемлющий дух, абсолют. В Камбодже он был предметом почитания скорее литературного, чем религиозного, и его изображения относительно редки. Он изображается с четырьмя лицами, над каждым многоярусная прическа цилиндрической формы, с четырьмя руками, верхом на священном гусе. Имеется несколько прекрасных его изображений в Самбор Прей Куке и в районе Баттам-банга. Однако его популярность намного меньше, чем двух других богов *тримурти*³⁷ — Вишну и Шивы.

Властитель, создатель и хранитель мира Вишну — древнее космическое божество, управляющее различными циклами вселенной. Согласно индийской космогонии, мир проходит через серию циклов, смену сна и пробуждения. Между двумя космическими периодами, или *кальпами*, Вишну спит, вытянувшись на змее вечности Ананте; мир дремлет в хаосе. В этом виде Вишну часто изображается на рельефах Ангкора. Покрытый семиглавой тиарой, он покоится, размышляя о судьбах мира, который пульсирует в такт его дыханию; из его пупка растет лотос, на котором сидит бог Брахма. Когда Вишну просыпается, начинается новая кальпа, или новый период существования мира, мир вновь выходит из состояния хаоса, чтобы вернуться в это же состояние, когда Вишну опять заснет. Такова вечная судьба космоса, жизненный ритм которого регулируется дыханием бога.

Но когда наступает новая кальпа, Вишну приходит в мир живущих, чтобы восстановить власть добра, которому грозят злые силы. Это *аватары* Вишну, санскритский термин, означающий «нисхождение» бога на землю. Аватары являются

³⁶ Смысл этой мистической фразы обычно объясняется так: *ом* — это *аум*, символизирующий буддийскую троицу; *мани падме* — санскритское выражение, означающее «жемчужина в лотосе», что можно понимать по-разному: Будда в мире и т. д.; *хум* — магическое обращение, изгоняющее демонов.

³⁷ Санскритское название индусской троицы.

излюбленными темами индийцев и кхмеров, которые изображают их в барельефах. Аватары многочисленны — от десяти до двадцати двух, как об этом говорят тексты. Одни из них Вишну совершает в виде животного, другие в образе человека.

Чаще всего изображается аватара рыбы, связанная с легендой о потопе, так же широко распространенной на Востоке, как и на Западе. Мудрец Ману, совершая омовение, поймал однажды рукой маленькую рыбку, которая стала умолять его сохранить ей жизнь. Ману согласился, но маленькая рыбка стала быстро увеличиваться в размерах. Вначале ее можно было поместить в чаше с водой, затем только в кувшине, потом в озере и, наконец, в море. Мудрец понял, что имеет дело с богом, а Вишну в знак благодарности возвестил ему, что скоро настанет потоп. Ману построил плот и поместил туда представителей всех существ, живущих на земле. Затем, использовав мифического змея Васуки в качестве веревки, он привязал свой плот к голове божественной рыбы, которая и привезла его в безопасное место в Гималаях.

В другой легенде рассказывается, что причиной потопа стал злой демон, который опустил землю в пучину вод. Вишну, превратившись в вепря, погружается в воду, убивает демона и благодаря мощи своих клыков вытаскивает из пучины вод влажную землю. В другом случае бог превращается в человеко-льва, чтобы наказать за дерзость царя-безбожника, рассерженного набожностью своего сына.

Но самый распространенный мотив у кхмерских художников—аватара черепахи, легенда, взятая из «Бхагавата-пураны», большого эпоса вишнуизма. Эта история, известная как «сбивание масла из молочного моря», много раз изображалась на памятниках группы Ангкора. В далекие времена священная ваза, содержащая амриту, напиток бессмертия, находилась глубоко на дне молочного моря. Боги и демоны решили, соединив усилия, сбить это море и завладеть напитком. Они задумали использовать для этого гору Мандака. Чтобы привести ее в движение, мифическая змея Васуки обвила гору кольцами своего тела, а боги и демоны попеременно тянули ее за хвост и за голову, причем Вишну в образе человека руководил их действиями.

Вдруг случилось так, что гора чуть было не провалилась в море. Тогда Вишну, приняв образ черепахи, подставил свой панцирь под гору и восстановил равновесие. Из молочного моря появилась серебряная чаша с напитком бессмертия, которую протянул богам черный юноша. Демоны хотели завладеть напитком, но Вишну принял образ женщины потрясающей красоты, и очарованные демоны забыли о чаше, которая благодаря этой уловке досталась богам.

Еще более популярны человеческие воплощения Вишну в Кришну и Раму, героев двух индийских эпических поэм — «Махабхарата» и «Рамаяна»; и та и другая имеют свои камбоджийские варианты, которые и были источником вдохновения для кхмерских художников. Начало легенды о Кришне, каким его знают по «Махабхарате», странным образом напоминает эпизод избияния младенцев в предании о Христе. В давние времена в Бенаресе правил жестокий тиран. Узнав от прорицателя, что ему суждено умереть от руки одного из сыновей своей племянницы Деваки, он убивает одного за другим всех шестерых своих внучатых племянников. Возмущенный Вишну проникает в лоно Деваки, рождающей нового ребенка, охрана которого поручается богами пастуху Нанде. Новость о рождении ребенка достигает ушей царя, и, чтобы быть уверенным в том, что новорожденный не ускользнет от него, царь приказывает убить всех новорожденных мальчиков в стране; однако благодаря пастуху Нанде новорожденному Кришне удалось уцелеть.

Этот ребенок-бог очень резв и шаловлив; разнообразны опасности, которых ему удастся избежать. В юности, отличаясь удивительной красотой, он соблазняет пастушек, которые танцуют под звуки его свирели. Иконография часто представляет его в образе пастуха Гопала, одетого в золотисто-желтую тунику, надушенную сандалом, с цветком за ухом, украшенного гирляндами цветов, в окружении множества влюбленных пастушек. Дикие животные, павлины и газели танцуют вокруг него. Однажды он одной рукой

поднимает гору Говард-хана, чтобы укрыть от бури пастухов, навлекших на себя гнев бога Индры.

Кришна не только красивый пастушок. Он совершает и героические подвиги. Он укрощает бешеного слона, затем вступает в бой с тираном, из-за которого ему пришлось покинуть страну, сажает на престол законного правителя, а затем спускается в ад, чтобы воскресить своих несчастных братьев.

Желая отдохнуть в укрепленном городе, который он построил на берегу моря, Кришна берет в жены сестру Арджуны, героя «Махабхараты», но, прежде чем испытать с ней блаженство, он должен еще победить своего заклятого врага — демона Бана, пользующегося покровительством бога Шивы. Эта битва часто встречается на рельефах Ангкора. Тысячеголовый, восьмирукий Кришна верхом на мифической птице Гаруде вместе со своим молочным братом приближается к городу, где укрылся демон. Но на подступах к городу огненная стена преграждает им путь. Гаруда летит к Гангу, выпивает его воду и в виде дождя выливает ее на огонь. Это позволяет героям пройти сквозь стену огня невредимыми. Битва принимает особенно ожесточенный характер из-за того, что Бану защищает бог с шестью головами и четырьмя руками, верхом на чудовище. Преодолев все препятствия, Кришна уже готов убить демона, но тут вмешивается бог Шива и умоляет Кришну пощадить его. Герой великодушно соглашается и оставляет жизнь побежденному демону.

Эпизод из «Махабхараты», чаще всего воспроизводимый в Ангкоре, — битва между двумя враждующими племенами — пандавами и кауравами. Первых поддерживал Арджуна, с которым вступил в союз Кришна. Барельефы во всех деталях изображают борьбу между двумя армиями, начальники которых сидят на слонах. Арджуна сидит на колеснице, которой управляет Кришна, и их философский диалог является сюжетом одной из наиболее известных мистических поэм Индии — «Бхагавадгиты». Когда закончилась война, Кришна возвращается домой и ведет отныне мирную жизнь... среди своих 16000 жен и 180000 детей.

Другое воплощение Вишну в образе человека — Рама — герой эпоса «Рамаяна», написанного поэтом Валь-мики. Когда Вишну спал тысячетним сном, его разбудили боги, умоляя освободить землю от ужасного демона Раваны. Уступая их просьбе, Вишну перевоплощается и возрождается на земле в образе принца Рамы, сына царя Айодхьи. Сначала он учится под руководством аскета, затем возвращается в свой родной город; победив в соревнованиях стрелков из лука, он завоевывает прекрасную Ситу, дочь соседнего властителя. После смерти короля Айодхьи из-за интриг своей матери он оказался отстраненным от власти и был вынужден вместе с женой Ситой и братом Лакшманом удалиться в изгнание; втроем они укрываются в лесу, где в течение двенадцати лет ведут жизнь аскетов, переживая различные злоключения, которые часто изображались художниками.

Гигант Равана, с десятью головами и двадцатью руками, увидев однажды Ситу, влюбился в нее и решил хитростью похитить ее. Демон из его свиты превращается в газель красивой масти, которая бродит около жилья изгнанников; восхищенная золотистой шкуркой газели, Сита просит Раму убить несчастное животное и сделать из ее шкуры плащ. Рама отправился в погоню за газелью и стрелой убил ее, но демон, воплотившийся в животное, громким криком призвал Лакшмана; тот бежит на зов, оставив Ситу одну в хижине. Этим пользуется Равана и, несмотря на слезы Ситы, похищает красавицу. К счастью, при этом присутствовал ястреб. Он указал отчаявшимся братьям место, где укрылся похититель, — остров Ланка (Цейлон).

Долго несчастные братья блуждают по лесу, где им приходится сражаться с многочисленными демонами. Однажды они встречают белую обезьяну — Ханумана, который ведет их к королю обезьян — Сугриве, лишенному трона своим братом Валином. Они заключают между собой договор, по условию которого братья обещают Сугриве

помочь вновь занять трон с тем, чтобы армия обезьян отправилась на остров Ланку для освобождения Ситы.

Но как переправить обезьян через пролив, который отделяет остров от материка? Хануман, «сын ветра», одним прыжком преодолевает пролив. Остальное войско обезьян строит мост из обломков скал. Рельефы западной галереи Ангкор Вата изображают великую битву на Ланке. Равана, стоя на своей колеснице, запряженной лошадьми с человеческими головами, потрясает тысячью копий, в это время Рама осыпает его стрелами, армия обезьян совершает чудеса доблести. Сын Раваны пускает в Раму и его брата волшебные стрелы, которые превращаются в змей, но вмешивается мифическая птица Гаруда, заклятый враг змей, и решает судьбу битвы. Прекрасная Сита вновь обретает своего супруга, Сугрива занимает трон, после того как узурпатор был убит Рамой во время сражения. Супруги-победители возвращаются в Айодхью на колеснице, в которую впряжены птицы, захваченные у гиганта Рава-ны, и в сопровождении эскорта из армии обезьян.

Шива, последний персонаж индуистской троицы и объект горячего почитания, как и Вишну, сложный образ. Он — носитель разрушительного элемента в троице, олицетворение смерти, олицетворение времени, поглощающего живущих; его называют Хара — «тот, кто уносит», Бхайрава — «ужас», именно в этом свирепом облике он чаще всего и изображается. Возможно, он унаследовал свой характер от ужасного бога Рудры — «рычащего», старого ведического божества, символизирующего непокоренные силы природы. Но этот разрушитель одновременно и созидатель, ибо смерть в мире не что иное, как зарождение жизни. Он, таким образом, *шива, шанкара*, «благоприятный», поэтому он возглавляет сексуальные празднества как представитель производящих сил, отсюда и его изображение, чрезвычайно распространенное в Индии и Камбодже, в виде лин-ги (фаллоса), символизирующее оплодотворение, созидание.

Эта двойная функция бога Шивы нашла наилучшее выражение в символах космического танца, породившего произведение, замечательные своей пластической красотой. Шива Натараджа, «царь танца», изображается стоя, правая нога вытянута почти горизонтально, левая натюловину согнута и опирается на уродливое тело карлика. Одна из четырех рук с бубном аскетов поднята, другая указывает на бушующее пламя, третья, протянутая вперед, делает «жест, который успокаивает», а четвертая повисла перед туловищем и касается поднятой ноги. Грудь бога перевязана брахманским шнуром. В его высокой прическе блестит полумесяц, окруженный листвой, а также черепами человека, кобры, сирены и т. д. Во лбу находится третий глаз, блеском которого он как молнией поражает бога любви. Его грудь, лодыжки и запястья украшены браслетами и бусами. Губы раздвинуты в легкой улыбке. Изящный силуэт бога, где все гармония, сила и красота, вписан в огненный круг — символ «колеса жизни», материальной энергии природы, цикл которой состоит в вечном обновлении. Власть духа, которую олицетворяет Шива Натараджа, приводит в движение колесо жизни, где материя и дух слиты воедино.

Изображение Шивы в человеческом облике довольно часто встречается в Камбодже. Обычно его лицо обрамлено изящной бородкой, а на лбу, украшенном диадемой, сверкает глаз мудрости. Прическа сделана в форме усеченного конуса и перевязана лентой. Иногда он изображается с четырьмя руками и двумя головами, шестью руками и пятью головами, иногда в окружении Вишну и Брахмы.

Жестокая богиня Дурга, «воительница», часто изображается в привлекательном образе Умы — «грациозной», или Парвати, «богини земли». Она супруга Шивы, его шакти, женская форма его естества. Эта божественная пара вдохновила художников на создание произведений, полных тонкого очарования. Богиня миниатюрного сложения и грациозных форм сидит на левом колене своего также сидящего супруга, который ее нежно обнимает. На некоторых рельефах Ангкора изображается сцена из «Рамаяны». Однажды, когда Шива и Парвати отдыхали на вершине священной горы Кайласа, Равана, ужасный правитель Ланки, проходя мимо, схватил гору руками и стал ее сильно

раскачивать. Парвати испугалась, но Шива успокоил ее и, нажав большим пальцем ноги на вершину, остановил гору, под которой Равана оставался пленником в течение 10 000 лет.

Шива часто изображается в храмах, которые ему посвящены, в виде одного лишь его символа — линги. Изображения эти абсолютно целомудренны и не допускают кривотолков. Они состоят из трех частей — кубической основы, покоящейся в центре квадратной чаши: эта основа поддерживает стержень восьмиугольной формы, который заканчивается полусферической верхушкой, на которой иногда слегка намечена фигура Шивы. Верующие льют на лингу воду, растопленное масло, осыпают цветами. Чаша, куда все это попадает, изображает землю, тогда как подношения символизируют проникновение в землю очистительных вод. Мы увидим в дальнейшем, что культ линги, символизирующий правителя, уже на заре династии создателей Ангкора станет официальным культом и что его символы найдут отражение в архитектуре кхмерских храмов.

Напомним, что в Фунани и Ченле наиболее распространенным был культ Харыары, синкретического божества, статуи которого представляли с одной стороны Вишну (Хари), а с другой — Шиву (Хара). Обычно он изображался с четырьмя руками, в двух с левой стороны были атрибуты Вишну — раковина, диск или дубинка, а в руках с правой стороны атрибуты Шивы — четки и трезубец. Даже голова у него состоит из двух симметричных частей, лба Шивы с половиной глаза на лбу, характерного для этого бога. Прическа с левой стороны представляет высокую цилиндрическую митру Вишны, с правой — высокую, характерную для Шивы прическу аскета с полумесяцем.

В кхмерской скульптуре часто встречаются изображения и других богов индуистского пантеона. Из них наиболее популярен Ганеша. Особенно его почитают интеллигенция, студенты, писатели, которые, как правило, посвящают свои книги этому благожелательному божеству. Происхождение этого бога с головой слона неясно. Его изогнутый хобот погружен в чашу, которую он держит в одной руке, тогда как в другой — острый конец одного из сломанных бивней. У этого добродушного бога дородное тело с округлым животом, перепоясанное брахманским шнуром.

Одна из многочисленных легенд представляет его как сына Шивы и Парвати. Он был прекрасным юношей, но однажды, пытаясь запретить своему отцу войти к матери, вызвал гнев Шивы, который ударом меча отрубил ему голову. Бедная мать у ног своего божественного супруга умоляла спасти сына и дать ему другую голову. Шива согласился, но с условием дать ему голову первого встреченного живого существа. К несчастью, случилось так, что это был слон.

Среди второстепенных божеств, заимствованных главным образом из ведического пантеона, одни, такие, как Сурья — «солнце», игравшие важную роль в Фунани и Ченле, в ангорской скульптуре играют незначительную роль. Другие сохранились и в период классического кхмерского искусства: например Кама, бог любви, изящный юноша, пользующийся, как и его западный собрат, луком и стрелами; но в Камбодже луком стал сахарный тростник, а стрелами — бутоны лотоса. Жена Камы — Рати, его верховное животное — попугай. Яма — бог правосудия — вершит суд в аду; его представляют верхом на буйволе или сидящим в повозке, запряженной быками. Кубера — бог богатства, безобразный карлик, властитель якшей, или асуров, демонов, противостоящих дэвам (богам) во время сцены сбивания молочного моря. В то время как последние изображаются с миндалевидными глазами и благожелательным выражением лица, асуры отвратительны — глаза вылезают из орбит, клыки торчат, лицо искажено гримасой.

Бывший глава ведического пантеона Индра, гуляка и мот, остался в Камбодже самым важным из божеств «второго разряда». Обычно он изображается в позе «царского отдыха» — одна нога подогнута, другая свободно свисает, верхом на Айравате, белом слоне с тремя головами, рожденном во время сбивания молочного моря. Иногда он сидит в раю, на вершине горы Меру, вооруженный молнией, которая вызывает грозы и

проливает на землю благодатный дождь. Он владычествует над локапалами, четырьмя «правителями мира», которые часто изображаются на четырех углах храмов.

Другие второстепенные божества, которые изображаются в кхмерском искусстве,— это дэвы и асуры, дварапалы, или «стражи дверей», вооруженные дубинами, стоящие на страже у дверей алтаря; атюары, или «небесные нимфы», рожденные от сбивания молочного моря. Их изображают летающими или танцующими, забавляющими обитателей рая Индры, окруженными мужьями-гандхарвами, небесными певцами и музыкантами; и, наконец, это деваты, богини ангорских барельефов, благочестивые и очаровательные, одетые в роскошные одежды и украшенные цветами.

Образы животных — гаруд и марак — являются обычным сюжетом орнаментов кхмерских храмов, первые — мифические птицы, которые обычно возят Вишну, вторые — странные существа с головой крокодила и телом броненосца, на которых обычно ездит Варуна, бог мирового океана. Их часто изображают с широко раскрытой пастью, из которой появляется лев или змея. Другим постоянным элементом орнамента кхмерских храмов является сидящий лев, изображаемый на каменных лестницах, — странное животное с завитой и уложенной в прическу гривой, более похожий на пуделя и, между прочим, вообще не встречающийся в Индокитае.

Однако наиболее часто изображающееся животное в кхмерском искусстве — это несомненно нага, мифическая змея, стилизация кобры, очень распространенной в Камбодже, бог подземных сфер, божество вод, играющее первостепенную роль в местных древних культах. Напомним, что первые цари Фунани произошли от союза брахмана Каундиньи и дочери царя наг и что правители Ченлы объявляли себя их потомками, как позднее это делали и цари Ангкора.

Наги в Камбодже изображаются всюду, и иногда это воспринимается чуть ли не как навязчивая идея. Мы видим их в форме балюстрад, которые обрамляют лестницы и аллеи Ангкора, окружают бассейн, украшают перекладины над дверьми и окнами, тимпаны, располагаются по краям фронтонов. Именно на змее возлежит Вишну; змея была использована для того, чтобы сбить масло в молочном море; змеи окружают запястья и тело Шивы и Ганеши; на кольцах свернувшейся змеи сидит Будда, в то время как капюшоны ее голов укрывают его от дождя.

Заканчивая этот раздел, заметим, что все культы и верования пребывают в уме современного камбоджийца в гармоническом сочетании точно так, как это было и у древних кхмеров. Всему этому мы имеем многочисленные доказательства как в надписях, так и в архитектуре и иконографии: храмы построены одним и тем же правителем, но одни буддийские, другие вишнуйские или шиваитские, алтари с изображением одновременно богов всех религий. Эта смесь верований и культов — основная особенность религиозной жизни кхмеров. Нельзя забывать и о главном элементе — примитивных местных культах, где бесчисленные наги являются наиболее распространенным мотивом. И все эти боги, большие и малые, могучие и слабые, даже самые примитивные божества, *неакта*, выдержали испытание временем: их до сих пор находят на всех дорогах Камбоджи и даже за оградами буддийских монастырей.

Глава II РОЖДЕНИЕ КХМЕРСКОЙ ИМПЕРИИ

Обратимся к истории Ченлы, пришедшей в упадок, раздробленной, находящейся во власти островных захватчиков; один из ее последних правителей был обезглавлен яванским махараджей, который увез с собой его голову. Неожиданно в начале IX в. появляется великий король — Джаяварман II. Он и становится освободителем Ченлы, ее объединителем, основателем династии кхмерских королей.

Откуда он появился? О его происхождении известно так мало, что кажется, будто он явился в результате самозарождения, о чем довольно ясно говорит надпись X в.,

сообщающая о его восшествии на престол: «Для блага народа в этой чистой расе королей, цветке лотоса, у которого не было более стебля, он явился как воплощение нового расцвета».

Неясность его происхождения нашла отражение в легенде, которая изображает его сыном Индры и кхмерской принцессы; бог оплодотворил ее, ниспослав на нее дождь из благоухающих цветов,— кхмерский вариант легенды о Зевсе и Данае. От этого союза, в равной мере поэтического и чудесного, родился сын, названный Прах Кет Меалеа, предназначенный для великих свершений,— первый кхмерский король.

Надписи, найденные в Пре Рупе, туманно свидетельствуют о его принадлежности к одной из древних королевских династий Ченлы, а именно Пушкаракши, которая, как мы знаем, правила в VIII в. на севере страны, в районе Самбора; ее столицей была Шамбхупура. Другие надписи говорят, что он пришел с Явы; несомненно, он принадлежал к одной из знатных семей, эмигрировавших на Яву или, быть может, увезенных туда в качестве заложников после завоевания Ченлы династией Шалендров. Но все эти псевдоисторические данные, по всей вероятности, выдуманы впоследствии, чтобы обосновать династические права первого короля кхмеров. Быть может, он был всего лишь авантюрист или узурпатор?

Версия кхмерских надписей, а именно рассказ о длительном пребывании первого кхмерского короля на Яве, в центре блестящей цивилизации, расцветшей на острове в VIII в., дает логичное объяснение наличию организаторских талантов у Джаявармана II. Он, несомненно, вдохновлялся созданной династией Шалендров превосходной организацией, которую наблюдал во время изгнания, и, конечно, любовался прекрасными памятниками Явы — Боробудуром и храмами на плато Диенг, характерные черты которых находят в сооружениях, выстроенных при молодом короле. Как бы то ни было, возвращение Джаявармана II в страну кхмеров, по-видимому, произошло около 800 г., ибо многочисленные свидетельства говорят, что его правление началось с 802 г.

Какие обстоятельства помогли ему прийти к власти? Безусловно, этому способствовало известное ослабление династии Шалендров и прибытие на остров шиваитских принцев с Востока. Наиболее полные сведения о правлении Джаявармана II и его преемников мы получаем из надписи XI в., открытой в Сдок Как Тхоме, которая представляет собой записи о деятельности членов семьи священнослужителей, состоявших наследственно на службе у королей в период между 802 и 1052 г. Из нее мы узнаем, что «Его Величество пришел с Явы, чтобы править в городе Индрапура, название, совершенно естественное для сына Индры». Путем сопоставления данных эпиграфики можно определить место этой первой столицы Камбоджи. Она находилась в районе Тхбонг Кхмун, к востоку от Кампонгчама, может быть, даже на месте археологических раскопок в Бантеай Прей Нокоре, название которого наводит на мысль о королевском городе: здесь находят памятники доанг-корского периода, датируемые началом IX в.

Перед молодым правителем стояла непростая задача. Ченла находилась в состоянии полной анархии, в ней правили кланы, постоянно враждовавшие между собой; прежде чем думать об объединении страны, раздираемой усобицами и внутренними войнами, разоренной оккупацией, нужно было начать с нового ее завоевания.

В этом предприятии, требующем длительных усилий, правителю оказал большую помощь брахман Шивакайвалья, который стал его жрецом и остался ему верен; после его смерти его потомки в течение многих веков находились на службе у кхмерских королей. Брахман отличался большой мудростью, ловкостью и умом дипломата, и все это он целиком отдал служению своему господину; тот, со своей стороны, осыпал его почестями. Уже в первые годы правления Джаявармана II, в период его пребывания в Индрапуре, несколько знатных княжеских семей присоединились к новому правителю, ибо он был на верном пути.

Политические перемены, суть которых нам мало известна, вынуждали Джаявармана II много раз менять место своей столицы. Однако все эти изменения

производились в одном, как бы заранее predetermined направлении и привели после различных колебаний к выбору района Ангкора. Таким образом, было определено место, где в течение последующих веков кхмерская цивилизация достигла вершины своего расцвета и где создавались в честь богов и королей замечательные города.

Вместе со жрецом Шивакайвальей и своей семьей Джаяварман покидает Индрапуру, чтобы обосноваться севернее, в районе озера Тонлесап. Стела в Сдок Как Тхоме говорит об этом: «Когда они прибыли в восточный район, король пожаловал семье своего жреца землю и деревню Кути». Речь здесь идет о поселении Бантеай Кдей, к востоку от Ангкора. Затем «король правил в городе Харихаралая. Жрец обосновался в этом городе, и члены его семьи были назначены в число придворных».

Считается, что вторая столица находилась на месте раскопок в Ролуосе, в 15 км к югу от Сиемреапа, маленького городка, откуда отправляются обычно осматривать Ангкор Ват и Ангкор Тхом. В группе Ролуоса сохранились три храма конца IX в.: Баконг, Прах Ко и Лолей, название последнего происходит от названия древней столицы. Впрочем, правитель недолго оставался в Харихаралае, он ее быстро покинул, хотя и вернулся сюда перед смертью.

«Затем король основал город Амарендрапуру, и его жрец поселился здесь, чтобы служить королю». Различные предположения высказывались относительно места этой столицы; наиболее правдоподобной является гипотеза, выдвинутая Сёдесом о том, что она находилась на берегу большого пруда Западный Барай, где были найдены ограда и строения в доангкорском стиле, для которых иногда вторично употреблялись более древние материалы.

Новое перемещение правителя и его двора имело гораздо большее значение, чем предыдущее. В Махендра-парвате, на горе Махендра, Джаяварман II торжественно провозгласил независимость кхмерского королевства, построил первый религиозный центр королевства и, что особенно важно, учредил официальный культ королевской линги, культ бога-короля. Вот полный текст надписи, которую мы неоднократно приводили в отрывках: «Король прибыл править в Махендрапарвату, и господин Шивакайвалья также прибыл сюда, чтобы, как и прежде, служить королю. В это время знаток в области тайных наук, брахман по имени Хираньядама, пришел из своей страны по приглашению короля, чтобы совершить обряд, который освободит Камбоджу от яванской зависимости и после которого будет только один государь, и он станет Чакравартином (монархом вселенной). Этот брахман совершил обряд согласно священным книгам Винашикха, Найоттара, Саммоха и Шираккхеда. Он пересказал их от начала и до конца, чтобы записать и обучить им господина Шивакайвалью. И он приказал господину Шивакайвалье совершать обряд бога-короля. Король и брахман Хираньядама дали клятву, что служителем культа бога-короля будет род господина Шивакайвальи, который не позволит никому больше служить богу-королю. Господин Шивакайвалья, ставший жрецом (пурохитой), назначил всех своих родственников служителями этого культа».

Где же находилась эта последняя столица? Ее место уверенно связывают с раскопками на Пном Кулене. Это обширное плато, сложенное из песчаника, возвышается с севера над равниной Ангкора. Здесь найдены памятники, которые, вне всякого сомнения, принадлежат королевскому городу Джаявармана II и сооружены в стиле, названном «стилем Кулен»; к ним мы еще вернемся.

Гораздо важнее места столицы те церемонии и обряды, которые там совершались, ибо они знаменовали исключительно важный период в религиозной истории кхмеров, так как вернули королевскую династию к индийским традициям и восстановили связи, которые были нарушены иностранными захватчиками. Именно в этом и заключается смысл одновременного совершения двух обрядов, когда один из них устанавливал культ бога-короля, а второй провозглашал независимость от Явы.

Во все времена Камбоджа была страной сельского хозяйства, главной ее культурой был рис. Уже на заре южноазиатской цивилизации глава рода, одновременно олицетворяющий светскую и духовную власть, считался и покровителем религии. Цель религии заключалась в получении хороших урожаев, и культ тотемического происхождения был обращен к богам земли, представлявшимся в образе камней, поднятых вертикально и водруженных обычно на вершину горы или холма. Ин-дуизация не уничтожила местных культов, но Камбоджа приняла гораздо более рациональные космогонические концепции Индии, одновременно с этим шиваит-ская линга заменила стоящие камни, а гора Меру — прежние священные холмы.

Согласно индийской космогонии, воспринятой в Камбодже, вселенная имеет Форму яйца (*брахманда*), состоящего из трех частей. В верхней части — семь небесных этажей, там обитель богов; самый высокий, седьмой, является местом пребывания высшей реальности, брахмана; над ним находится лишь пустое пространство. Нижняя часть состоит тоже из семи подземных этажей; здесь живут наги и другие мифические существа, самый нижний этаж представляет собой преисподнюю, или *нараки*, тоже из семи этажей. Между небом и преисподней находится земля, которая рассматривается как громадный плоский диск, ограниченный по краям неприступным горами. В середине диска находится высокая гора Меру, центр и ось вселенной, «которая блестит, как восходящее солнце или как огонь без дыма». Гору Меру окружают четыре острова-континента (*двина*). Южный континент называется «островом розовой яблони» (*джамбидвина*) и есть не что иное, как Индия, единственный обитаемый континент, известный индийцам.

Кхмеры приняли эту космогонию одновременно с религиями Индии, в частности шиваизмом. Но в Индии культ Шивы имел тенденцию превращаться в королевский культ, космический по своей природе, во Внешней Индии эта тенденция проявилась гораздо более отчетливо. В центре королевского города высокий холм символизирует гору Меру, ось мира, и, как бы сливаясь с ним, поддерживает шиваитскую эмблему, лингу, символ мощи и созидательной энергии бога. Эту чудесную лингу брахман передал в дар основателю династии, получив ее в свою очередь от самого бога Шивы. В ней заключено «сокровенное Я» короля, вся сущность королевской власти, линга — живое олицетворение и защита королевства.

Однако соединение личности короля с божественной эмблемой может быть произведено только при посредстве брахмана, совершающего обряды. Мы можем представить себе эти обряды культа бога-короля благодаря ранее цитировавшейся надписи, содержащей также и четыре текста, которые составляют основу обряда: Винашикха, Найоттара, Саммоха и Шираккхеда. Эти тексты впервые были произнесены четырьмя устами Шивы, а за отсутствием других данных их смешивали с тантрическими текстами. Установление обряда девараджа, бога-короля, имело в качестве социального следствия появление в окружении кхмерских королей привилегированного класса брахманов, ибо без них, без их знания текстов и обрядов церемония освящения бога-короля невозможна. Происходя из Индии, они иногда приобретали при дворе значительное влияние и даже пытались узурпировать власть или управление у слишком слабого короля. Тесные связи между королем и его жрецом, установленные Джаяварманом II, поддерживались при всех последующих династиях. Даже в современной Камбодже, официально только буддийской, среди придворной знати есть брахманы, которые возглавляют различные королевские церемонии, как, например, праздник первой борозды, праздник воды или церемонию коронации.

Понятие «бог-король» (*девараджа*) — использование очень древнего понятия, возможно даже иранского происхождения, а именно Чакравартин, «повелитель вселенной», весьма распространенного во Внешней Индии. Еще правители Фунани, так же как и Шалендры, с Явы, претендовали на титул «императора вселенной», таким образом, для нового правителя Камбоджи важно было торжественно принять этот титул, чтобы

подчеркнуть полную независимость своего королевства от прежних правителей Явы. Культ девараджи, королевский атгофеоз, хотя и заложил основы могущества кхмерской империи и развития культуры и искусства кхмеров, достигших полного расцвета в XII в., в то же время имел и оборотную сторону — а именно гипертрофию абсолютной власти короля, настоящую манию величия, которая в конце концов слишком большой тяжестью легла на плечи нации. Приведя страну к славе, она же довела ее до развала. Но не будем забегать вперед.

Те же космогонические и религиозные понятия играли ведущую роль в архитектурных концепциях кхмеров. Не входя здесь в детали различия стилей, о чем будет сказано ниже, уже сейчас можно сформулировать некоторые общие положения о глубоком значении религиозных сооружений кхмеров, действительные для всех периодов их истории.

Прежде всего отметим, что все памятники, которые сохранились до наших дней, — это храмы или, говоря шире, культовые сооружения, а не частные жилища, хотя бы и дворцы королей. Только религиозные сооружения строились из прочного материала — кирпича, камня или латерита, тогда как жилые постройки, даже принадлежавшие королям или князьям, строились из легко разрушающегося материала — дерева или глины, чем и объясняется полное отсутствие следов этих построек. Китайский путешественник Чжоу Да-гуань оставил после своего путешествия в Камбоджу в конце XIII в. яркое описание увиденного им. Этот рассказ, и до сих пор являющийся одним из лучших источников сведений о стране и ее жителях, не содержит упоминания о каком-либо дворце или жилом доме из камня, тогда как все храмы в нем отмечены. Впрочем, Чжоу Да-гуань добавляет: «Кровли частных домов кроют свинцом, других сооружений — желтым гонтом. Не отличаются симметрией длинные веранды, открытые галереи смелой, неправильной формы. Жилища принцев и высших военачальников имеют иную, по сравнению с обычными домами, планировку и размеры. Жилища простолюдинов и сельских жителей кроют соломой, только семейные кумирни и собственные дома сановников могут быть крыты черепицей. Простое население не смеет пользоваться черепицей и применяет солому».

Что же касается храмов и культовых сооружений, они по своему назначению совершенно отличны от наших храмов и церквей. Они никогда не были местом, куда бы верующие собирались для молитвы; храм — прежде всего жилище бога, изображенного в виде статуи или символа. Если их значение или размеры часто слишком велики по сравнению с городом, в котором они построены, то потому, что они одновременно и жилище бога, и благочестивые сооружения королей и принцев, воздвигнутые с целью расширить сферу своего могущества и приобрести заслуги.

Более того, кхмерские храмы выражают абстрактное понятие, символизируя в камне всю космогонию, воспроизводя в их внешнем расположении и внутренней архитектуре гармонию божественного порядка. Само их сооружение — это своеобразное жертвоприношение, совершаемое с определенными обрядами, своего рода соглашение между богами и верующими.

Архитектура храма, таким образом, является копией вселенной, в полном соответствии с представлениями кхмерской космогонии, которых мы касались выше. Отсюда типичный образ «храма-горы», основного элемента кхмерской архитектуры, олицетворяющего гору Меру, центр и ось мира. Последовательно спускающиеся террасы представляют собой многоярусные жилища богов. Вокруг этого центрального элемента расположены ограды и рвы с водой, символизирующие горные цепи и космический океан. Эта схема эволюционировала с течением веков, все более усложняясь, но общий план не менялся никогда; он вечен, как и сами боги.

Но и по этой схеме строительство никогда не велось без плана. Оно находилось под контролем астрологов, заранее определявших наиболее удобное расположение. Важную роль в сооружении храма играла его правильная ориентация. Четыре входа в храм соответствовали четырем странам света, а главный вход всегда помещался в

восточной стене, что считалось наиболее благоприятным. Кроме того, так как строительство храма было жертвоприношением, архитектором часто был жрец или же к архитектору был приставлен компетентный жрец.

В центре алтаря помещалась статуя идола, а в шиваитских храмах — линга. Так было впервые в построенном Джаяварманом II алтаре при его восшествии на трон как девараджи. Единственный храм в Пном Кулене, который представляет образ классической пирамиды храма-горы, — это храм Крух Преах Арам Ронг Чен; его, вероятно, можно считать первым официальным алтарем бога-короля, местом пребывания священной линги, о которой мы уже говорили. Наличие королевской линги в храме, построенном для нее на возвышенном месте, станет отныне неперенным признаком столицы королевства; если король меняет столицу, королевская линга торжественно переносится в новую столицу, где строится новый храм-гора для ее хранения.

Все, что мы сказали, относится к первым кхмерским храмам, посвященным только культу бога-короля и хранящим королевскую лингу. Впоследствии, особенно в эпоху расцвета буддизма, храмы стали монастырями, и архитекторы вынуждены были предусматривать помещения для многочисленных монахов, что привело к значительному расширению первоначального плана.

Развитие понятия бога-короля в свою очередь привело к некоторым изменениям в назначении храмов. Если король — бог на земле, то его смерть не может положить предел его божественной сущности. Отсюда появление в Камбодже церемонии, уже существовавшей на Яве, а именно церемонии королевского апофеоза. Королю давалось посмертное имя, а также место в одном из раев, под покровительством бога, которому король оказывал почести во время своего земного существования. Однако поскольку храм — образ вселенной, королевские останки должны найти свое место в нем; так храм превращается в мавзолей.

Археологи долго спорили относительно природы больших кхмерских ансамблей: были это храмы или же гробницы; в действительности они и то и другое. Жорж Седее писал: «Главные храмы, храмы, построенные королями, — это храмы погребальные, мавзолеи, а также своего рода усыпальницы, если допустить, что пепел покойного помещали под статуей, изображавшей его в образе божества. Речь идет не об общественных храмах или местах паломничества, но о тех последних жилищах, где правители Камбоджи восседали в божественном облике так же, как раньше во дворце. Они становились как бы последним жилищем человека, который при жизни уже пользовался некоторыми правами божества и смертью которого завершился процесс уподобления его богу; таким образом, это был загробный дворец короля, где покоились его останки, но где одновременно стояла статуя, представлявшая его в облике бога». Надо заметить, что во множестве храмов были найдены большие каменные чаши, которые отождествляют с саркофагами.

Вернемся, однако, к Джаяварману II. Его пребывание в Кулене имело первостепенное значение, ибо в этой, третьей его столице родился культ бога-короля и была провозглашена независимость Камбоджи; однако выбор этой столицы не был окончательным. Через какой-то промежуток времени, о котором мы не располагаем никакими сведениями, король покинул это священное место, чтобы переехать в свою вторую столицу; вот продолжение надписи, которую мы уже цитировали: «Затем король возвратился править в город Харихаралаю и туда же был доставлен бог-король; жрец и все его родственники, как и раньше, совершали богослужения. Жрец умер во время этого царствования. Король умер в городе Харихаралае, где находился бог-король».

Дата смерти Джаявармана II — 854 г., следовательно, его правление продолжалось 52 года. Его смерть была отмечена первой из нововведенных церемоний королевского апофеоза: умерший правитель получил посмертное имя Парамешвара, что означает «Властитель над всеми».

Столица Харихаралая была расположена, как уже говорилось, на месте группы Ролуос, в 15 км к югу от Сиамреапа. Некоторые из храмов этой группы, по-видимому, совпадают хронологически со временем пребывания правителя в своей столице. Что касается местонахождения королевского дворца, от которого не осталось никаких следов, поскольку он был построен из легко разрушающихся материалов, можно с известной долей достоверности поместить его на месте большого четырехугольника, называемого Прей Монти, что и означает «королевский дворец».

Джаяварман II, несомненно, один из великих кхмерских королей, основатель династии королей Ангкора. Когда он прочно обосновался в стране, возвратившись из изгнания на Яве, страна находилась в состоянии полной анархии и распалась на множество княжеств, относительно которых мы почти ничего не знаем, за исключением разве того, что они скорее теоретически, чем практически составляли два объединения, которые условно назывались Ченла-на-воде и Ченла-на-суше, но не существовали как государства. Много задач стояло перед ним, все одинаково неотложные и взаимосвязанные; ему нужно было освободить страну от яванского господства, объединить обе Ченлы, чтобы превратить их в одно реальное государство, создать сильную королевскую власть, способную управлять страной.

Первая из этих задач не представляла больших трудностей. Династия Шалендров на Яве, занятая своими проблемами, казалось, не интересовалась этим далеким и не очень прочным протекторатом и не предпринимала никаких усилий, чтобы его сохранить. Вероятно, во время появления в стране Джаявармана II власть династии Шалендров в Камбодже была чисто номинальной, и освобождение страны произошло как бы само собой, без вооруженной борьбы. История сохранила нам только одно воспоминание об этом — провозглашение правителем независимости страны.

Джаяварман успешно выполнил и последнюю задачу. Основав культ бога-короля, он создал прочную религиозную основу для королевской власти, стал сразу абсолютным монархом, пользующимся властью тем более неограниченной, что она была божественного происхождения.

При прочности королевской власти территория королевства была невелика, и объединение Ченлы по существу только началось, когда король умер. Ченла-на-воде была совершенно ему неподвластна; в Ченле-на-суше он владел только южной частью, не продвинувшись на север дальше района Сиамреапа и Кулена, на северо-восток дальше Кампонгчама. Объединение страны проходило не без борьбы. Надпись XI в. упоминает о военных операциях по умиротворению страны. Среди военачальников, возглавивших этот вторичный захват, называется имя некоего Притхивинарендры, который должен был подчинить район Мальянг, к северу от Баттамбанга, и который отличился, «спалив как огнем войска противника». Не очень-то мирное умиротворение!

Если Джаяварману II и не удалось завершить объединения, о котором он мечтал, все же он его начал и указал своим преемникам путь, по которому нужно следовать; более того, для завершения этого он оставил им лучшее из орудий — прочную власть, основанную на культе бога-короля. За одно это можно было бы считать его великим королем, но он сделал больше.

Благодаря настоящей проницательности, достойной бога-короля, Джаяварман II понял будущее значение района Ангкора, одного из самых богатых в стране, с затопляемыми равнинами, которые после проведения осушительных работ превратятся в богатую рисовую житницу, с его озерами с неисчерпаемыми запасами рыбы, достаточными, чтобы прокормить население всей Камбоджи; при этом не следует забывать и исключительное географическое положение района Ангкора, делающее его центром связей между бассейнами двух великих рек Индокитая — Меконга и Менама. Джаяварман II сумел выбрать именно этот район для создания здесь своих столиц. Это место вскоре стало сердцем страны кхмеров, очагом ее цивилизации и одним из великолепных средоточий искусства па Дальнем Востоке. Джаяварман II вполне заслужил

хвалебные стихи, написанные придворным поэтом через пятьдесят лет после его смерти: «Он восседал на головах львов, окружавших его трон, его воля была законом для королей, он основал свою резиденцию на вершине горы Махендра и не возгордился всем этим».

Сын Джаявармана II, новый правитель Камбоджи, не оставил следа в истории, нам известно лишь о его увлечении охотой на слонов. Все, что мы знаем о Джаявармане III (надписи о нем умалчивают), — это то, что он сохранил резиденцию своего отца в Харихаралае. Кроме того, он построил несколько сооружений в районе Ангкора, но сделал он немного. После смерти в 877 г. он получил имя Вишнулока.

Индраварман, сменивший его на престоле, по-видимому, не имел никаких родственных связей со своими предшественниками. В некоторых надписях он упоминается как внук и сын двух правителей, имена которых неизвестны. Возможно, они были правителями каких-либо княжеств на границах Ченлы-яа-воде и Чеилы-на-суше, ибо при восхождении на трон, после смерти Джаявармана III, к землям королевства молодым правителем были в качестве дара присоединены обширные владения, включавшие всю равнину Среднего Меконга, район Шамбхупура, современного Самбора, к северу от Кратие. Объединение этих владений с районом озера Тонлесап означало объединение всей Ченлы-на-воде, за исключением небольшого княжества Бхаватура, прежней столицы Бхававармана I, местонахождение которой неясно, но которая, вероятно, была расположена к западу от Ангкорской равнины, в районе современного Монкол Борей, на границе с Таиландом. Так осуществилась мечта Джаявармана II.

Данные эпиграфики не позволяют установить обстоятельства, способствовавшие расширению королевства Индравармана, правление которого было довольно коротким и, как представляется, мирным. Однако увеличение территории действительно произошло, две надписи не оставляют на этот счет никакого сомнения. Одна из них говорит о сооружении шиваитского алтаря в Пном Баянге, в районе Тяудока, на крайнем юге Ченлы-на-воде, в современном Южном Вьетнаме. Другая, буддийская надпись 886 г., найденная к северо-западу от Убона, севернее Бассака, в современном Лаосе, говорит об Индравармане как о правителе. Таким образом, речь шла уже о районе, бывшем среди земель Ченлы-на-суше. Объединение совершалось семимильными шагами!

Сохранив Харихаралаю в качестве столицы, Индраварман организовал там работы, имевшие огромное значение. В этом песчаном районе орошение является проблемой первостепенной важности для крестьянского населения, Индраварман проявил заботу о нем, соорудив на севере столицы большой бассейн Индратака с запасами драгоценной влаги.

Его религиозные сооружения подтверждают стремление узаконить свое правление, связав его с царствовавшими ранее двумя предшественниками. В 879 г. он приказал возвести шесть кирпичных башен в Прах Ко, посвященных памяти его предков: деда по материнской линии — Джаявармана II и его жены, обожествленных в облике Шивы и Парвати; в 881 г. был построен храм-гора в Баконге, предназначенный для хранения королевской линги Индрешвары, — в этом имени соединилось имя бога Шивы (Ишвара) с именем основателя столицы, «предка» Индравармана.

При Индравармане страна узнала подлинное благоденствие и установила дипломатические отношения с различными странами, как об этом сообщает в очень поэтической форме, но безусловно с преувеличениями, брахман Шивасома, духовный наставник Индравармана: «Его правление было подобно венку из жасмина на головах гордых правителей Китая, Тямпы и Явы».

Во время правления трех первых королей ангорской династии, продолжавшегося в течение всего IX в., кхмерское искусство продолжало развиваться. Оно проходило промежуточную стадию между так называемым примитивным кхмерским искусством (стиль Самбора, Прей Кхменга и Кампонгпраха), или искусством доангорского периода Фунани и Ченлы (VII—VIII вв.), и классическим кхмерским искусством периода Ангкора.

В правление Джаявармана II получил развитие стиль Кулен по названию местности Пном Кулен, к северу от Ангкора, где правитель выстроил свою вторую столицу, сохранившую много важных памятников: Прасат Дамрей Крап, О Паонг, Рун Арак, Прасат Неак Та. Все они выстроены из кирпича, с отдельными элементами из песчаника. Кирпичи тщательно притирались один к другому, затем скреплялись раствором, состав которого неизвестен, но который отличался большой прочностью, а это видно хотя бы из того, что здания сохранились в течение двенадцати веков.

Мы уже знаем, что в соответствии с кхмерскими символами основным элементом храма был алтарь-башня, или *прасат* — образ горы Меру, центра и оси мира. Сложное расположение величественных ансамблей Ангкора с их системой храмов-гор, галерей и концентрических оград является результатом длительной эволюции, связанной с углублением религиозной символики и с техническим совершенствованием строительства. Первые кхмерские храмы состояли из простых алтарей-башен, обычно расположенных без всякой системы. Хотя с VIII в. башни некоторых памятников, как, например, северной группы Самбор Прей Кука, уже были расположены в шахматном порядке на общей террасе, но это еще было исключением, которое, однако, указывает на то, что архитекторы тогда придавали значение символической симметрии религиозных сооружений. В IX в. симметрическое расположение алтарей-башен на общей террасе стало обычным, а затем уже и обязательным. В храме Дамрей Крап группы Кулена, датированном началом IX в., три кирпичные башни возведены на общем фундаменте.

Одна из особенностей стиля Кулен — то, что в нем ассимилировались яванские и тямские влияния, но в то же время сохранилась орнаментация предшествующих стилей. Двери, образованные перекладиной, поддерживаемой колоннами, обрамлены песчаником. Перекладины сохранили орнамент из листьев, но сюда добавились изображения маленьких фигурок, помещенных в овальные рамки и представляющих сценки из жизни. По краям перекладин — макары, заимствованные в строительном искусстве Явы. Восьмиугольные колонны опоясаны орнаментом в виде колец, их грани украшены листвой. Статуи по-прежнему архаической формы, той формы, которой мы любуемся в скульптуре-Харихары в Прасат Андете, хотя они и начинают принимать гораздо более условный культовый характер. Львы изображаются пока еще вполне натуралистически.

За какие-нибудь тридцать — сорок лет, которые отделяют пребывание Джаявармана II в Пном Кулене от водворения Индравармана в Харихаралае, произошла эволюция в области архитектуры, вполне достаточная, чтобы отличать новый стиль, так называемый Прах Ко или Ролуос, по современному названию той местности, где находилась древняя столица. Алтари еще сделаны из кирпича, стоят на общем фундаменте, но в Ба-конге, самом значительном храме группы Ролуос, кирпичные башни окружают большой храм-гору из камня, что указывает на появление в строительстве нового материала. Это великолепное сооружение было, несомненно, центральным храмом столицы Харихаралаи, вместилищем королевской линги и местом, где проходили церемонии, связанные с культом бога-короля.

Кроме такой особенности, этот храм из камня знаменует собой важный этап в развитии принципов строительства кхмерских алтарей. Чтобы отвечать своему символическому назначению и представлять гору Меру, центр мира и обитель богов, алтарь — хранитель королевской линги должен был обязательно находиться на месте, доминирующем над столицей, центром королевства. Джаяварману II было нетрудно удовлетворить этому требованию во время строительства первого алтаря. Архитекторам достаточно было выбрать любой из многочисленных холмов плато Кулен. Другое дело было в равнинной Харихаралае. Чтобы возместить отсутствие естественных возвышенностей и соблюсти принцип, который он сам же выдвинул, Джаяварман II, строя в 881 г. Баконг, задумал воспроизвести в самой архитектуре храма-горы недостающий холм. При помощи целого ряда террас и постепенного уменьшения их поверхности

архитекторы создали искусственную гору Меру, которая поддерживала алтарь королевской линги; от него в настоящее время не осталось следа. Этот способ применялся бесчисленное множество раз в последующие века. Так был создан кхмерский классический тип храма-горы.

Соседний храм, храм Прах Ко, который после смерти Джаявармана II стал храмом-усыпальницей, также является носителем нового декоративного элемента — изображения стражей храма (дварапалов) и небесных танцовщиц (апсар), которые высекались в глыбах песчаника, вделанных в кирпичную стену.

Памятники группы Ролуоса знаменуют конец того, что обычно называют примитивным кхмерским искусством; благодаря усилиям архитекторов сложилось классическое искусство, достигшее расцвета в Ангкоре. То же можно сказать и об усилиях создателей кхмерской империи — Джаявармане II, его сыне Джаявармане III и Индравармане, при которых кхмерская империя возникла, чтобы затем достичь своего полного расцвета в правление Яшовармана I, основателя Ангкора, и великих правителей, сменивших его на престоле. Один период кхмерской истории кончается, другой начинается, чтобы привести империю к апогею ее величия.

Глава III ЯШОВАРМАН, ОСНОВАТЕЛЬ АНГКОРА

Матерью Яшовармана I, сына Индравармана, была Индрадеви, прямой потомок древних королевских фамилий Фунани и Ченлы. Новый король с помощью своей матери восстановил династическую традицию, нарушенную Джаяварманом и Индраварманом, происхождение которых было неясным. Отец Яшовармана хотел сделать из него совершенного правителя, поэтому особенно тщательно следил за его воспитанием. В качестве воспитателя он приставил к нему брахмана Шивакайвалью, назначенного королем для выполнения обрядов культа бога-короля; другим его воспитателем был Шивасома, который преподал Яшоварману учение знаменитого индусского философа Шанкарачарьи; юный принц получил религиозное образование. Но его знания были очень обширны, и, если верить надписи, его образование «не ограничивалось занятиями философией, он с прилежанием занимался и различными видами искусств... Он обладал четырьмя качествами: энергией, знаниями, добродетелью и последовательностью».

Прекрасно подготовленный к роли правителя, Яшо-варман I вступил на трон в 889 г., наследовав умершему отцу, который получил посмертное имя Ишварало-ка. Вначале Яшоварман жил в семейной резиденции в Харихаралае. Уже с первых лет своего правления он обнаружил приверженность к религии, предприняв строительство сотни убежищ (*ашрама*), рассеянных по всему королевству и расположенных поблизости от наиболее почитаемых святилищ, с целью облегчить к ним паломничество. В каждом из этих убежищ специальное помещение было выделено для короля, который имел особую склонность к такого рода проявлению религиозных чувств. Было найдено местоположение двенадцати святилищ, отмеченных стелами с одним и тем же текстом на санскрите. В этих надписях после королевской генеалогии, перечисления добродетелей и благочестивых дел правителя следует текст королевского указа, устанавливающего специальные правила для паломников. В столице король приказал поставить храм Лолей в центре большого бассейна, построенного еще его отцом. Храм состоял из четырех башен-алтарей и был предназначен для статуй предков короля с отцовской и материнской стороны, ранее стоявших в Прах Ко.

Но все эти благочестивые дела не могли удовлетворить молодого правителя. Столица, которую он унаследовал от отца, строилась беспорядочно, без единого плана, по указаниям разных королей, которые в ней жили. Яшоварман горел желанием построить такую столицу, которая отвечала бы его собственным религиозным концепциям, законам тогдашней космогонии и соответствовала бы религиозной символике, т. е. всему, чему он

научился у своих учителей. Кроме того, местоположение Харихаралаи не казалось ему удобным для дальнейшего строительства столицы, достойной великого королевства, которое он мечтал основать. Он решил построить настоящую столицу, которая бы полностью отвечала его требованиям; ею стал Ангкор.

Прежде чем идти дальше, остановимся на значении самого названия Ангкор. Для многих оно означает просто храм Ангкор Ват, который стал популярен особенно после колониальной выставки в Париже в 1931 г. В действительности же это слово не что иное, как европейское искажение кхмерского слова *нокор*, происшедшего в свою очередь от санскритского *нагара*, которое означает город или, точнее, город — столица государства Ангкор; таким образом, это не памятник, а город, столица кхмерского королевства. Храм называется Ангкор Ват, что значит «столичный храм».

Теперь рассмотрим идеи, которыми руководствовался Яшоварман I при создании своей столицы. Прежде всего, здесь, в резиденции правителя, должен возвышаться, доминируя над остальными зданиями, храм-гора, место, где пребывает бог-король и находится алтарь королевской линги. Напомним еще раз, что храм-гора является символом горы Меру. Подобно тому как гора Меру находится в центре мира богов, столица должна быть расположена в центре мира людей, в центре королевства. Однако поскольку Харихаралая не отвечала этому требованию, нужно было найти место для другой столицы и перевезти алтарь бога-короля туда, где находится средоточие кхмерского королевства.

Еще раз обратимся к драгоценной надписи в Сдок Как Тхоме: «Тогда король основал город Яшодхарапуру и перенес бога-короля из Харихаралаи, чтобы поместить его в этой столице. Тогда же он построил Главную гору. Жрец Шивашрама воздвиг в центре ее священную лингу».

Здесь мы подошли к одной из наиболее трудных и противоречивых проблем кхмерской археологии, которая была окончательно решена благодаря трудам Л. Фино, Ф. Стерна, Ж. Сёдеса, В. Голубева. Давно известно, что Яшодхарапура — это и есть Ангкор, но неясно было, какую часть этого громадного города занимала столица Яшовармана I? Чему соответствовала Главная гора, упоминаемая в надписи?

Решение казалось простым. Среди нагромождения памятников, составляющих то, чем сейчас является Ангкор, один город выделяется очень четко, а именно Ангкор Тхом, с его четырехугольной стеной, протяженностью три километра с каждой стороны, с его рвами, четырьмя угловыми башнями, монументальными входами, обращенными к четырем сторонам света. В центре возвышается гигантский храм-гора, Байон, доминируя над городом. Нечего больше искать: Яшодхарапурой мог быть только Ангкор Тхом, а Главной горой — Байон.

Эта точка зрения разделялась всеми до 1923 г. Луи Фино, внимательно изучив скульптуру Байона и двери Ангкор Тхома, обнаружил, что эти изображения бесспорно отражали религиозную концепцию буддизма; после этого было трудно видеть в них творения Яшовармана I, короля-шиваита. Четыре года спустя Филипп Стерн, продолжая свои исследования в области хронологии стилей кхмерских памятников, был поражен тем, что скульптуры орнамента в Ангкор Тхоме, позволяющие установить хронологию стилей в искусстве кхмеров, слишком совершенны, чтобы быть выполненными в конце IX или в начале X в. Следовало их отнести по крайней мере к XI в., по всей вероятности к периоду правления Сурьявармана I (1002—1049) или Удаядитьявармана, его преемника. К тому же Сурьяварман был буддистом, что вполне объясняло характер скульптурных изображений. Более того, надпись, найденная в Ловеке, гласила, что в центре столицы Удаядитьявармана возвышалась «золотая гора», которую, вероятно, можно было отождествить с Главной горой в надписи Сдок Как Тхома.

Гипотеза Филиппа Стерна была вскоре развита далее. Во время исследований надписей Жорж Седее в I 1928 г. открыл на одной из стел, помещенных в четырех углах крепостной стены Ангкор Тхома, надписи, датированные правлением Джаявармана VII,

который правил в Ангкоре в конце XII в. В этих надписях король прославляет себя за постройку стен и рва Ангкор Тхома. Байон, выполненный в том же стиле, что и двери в этих стенах, может, таким образом, рассматриваться как творение конца XII в., что прекрасно объясняет религиозный характер его скульптур, в частности, четырех больших башен с украшающими их ликами. Все археологи признали в них изображения бодисатвы Локешвары с чертами обожествленного Джаявармана VII; следовательно, этот великий правитель был горячим приверженцем буддизма, и исповедуемая им религия была буддизмом Большой колесницы, где Локешвара, как мы упоминали,— одно из наиболее почитаемых божеств.

Ангкор Тхом и Байон были построены в конце XII в. Джаяварманом VII. В настоящее время это признано всеми учеными, однако эта идея дает только негативное решение вопроса: где же находилась столица Яшовармана I? Что же считать ее Главной горой?

Решение было найдено Виктором Голубевым. Глубокое изучение топографии привело его к мысли, что Пном Бакхенг, памятник, построенный в правление Яшовармана I на естественном холме, расположенном вне ограды, Ангкор Тхома, и посвященный культу линги, вполне вероятно, мог быть таинственной Главной горой.

Раскопки, предпринятые в 1931—1934 гг., позволили Голубеву подтвердить свою гипотезу полностью. У подножия Пном Бакхенга он обнаружил следы первой ограды с четырьмя входами, от каждого из которых в направлении четырех стран света отходила целая система бассейнов и дорог, ведущих к развалинам внешней ограды. Кроме того, он нашел много следов заваленных камнями рвов, террас, лестниц, мостов, храмов, скульптурных изображений, которые указывают на то, что здесь находилась важная столица. Так закончилось одно из волнующих археологических приключений, которое после многочисленных нащупываний, неверных шагов, дискуссий смогло наконец решить одну из труднейших проблем кхмерской истории — окончательно определить место и дату основания двух самых крупных королевских столиц: Яшодхарапуры и ее Главной горы, Пном Бакхенга,—IX в. и Ангкор Тхома и его «Золотой горы», Байона,— XII в.

Новая столица Яшовармая занимала площадь в 26 кв. км. С прежней столицей Харихаралаей ее соединяла дорога. Рядом с Пном Бакхенгом, где находился алтарь бога-короля с королевской лингой, стояли два других естественных холма — Пном Кром и Пном Бок, на которых возвышались три башни, сложенные из песчаника и посвященные трем богам брахманского пантеона: Брахме, Вишну и Шиве.

Ярый приверженец шиваизма, Яшоварман тем не менее допускал эклектизм и терпимость в религиозных вопросах, что вообще отличало великих кхмерских королей. Желая создать благоприятную обстановку для процветания всех религий в своем королевстве, он построил ряд монастырей, в которые монахи принимали не только исповедующих их религию, но и других паломников и учеников, желавших углубить свои философские и религиозные знания. В Камбодже существовали многочисленные религиозные секты, которые были связаны с двумя важнейшими ветвями индуизма — шиваизмом и вишнуизмом, а также с буддизмом; например, была обнаружена стела с надписью, сообщавшей об основании буддийского монастыря в Согаташраме.

Строительство двух больших шиваитских храмов было начато в правление Яшовармана: Шикхаришвары, или «Шивы на вершине», на горе Прах Вихеар, одной из вершин горной цепи Дангрек, в сотне километров к северу от Ангкора, и Бхадрешвары в Пном Сандаке. Первый из них, очень большой, был закончен только через двести лет. Его ансамбль включал ряд площадок, соединенных дорогой длиной 800 м, ведущей к главному храму, который был возведен на краю отвесного обрыва, в живописном месте.

Эти религиозные сооружения не помешали Яшоварману интересоваться экономическим развитием района Ангкора и стать великим строителем полезных сооружений. Для сооружения восточной стены столицы он приказал отвести русло реки Сиереап, спрямив его и защитив стены города от ее вод плотиной. Внутри города он

велел вырыть 800 колодцев. Наконец, по его приказу был сооружен Восточный Барай, громадный резервуар для воды длиной 7 км, шириной 2 км, глубиной 3 м, емкостью 40 млн. куб. м, что позволяло оросить земледельческие участки вокруг столицы.

Политическая история правления Яшовармана I мало известна. Надписи говорят о том, что при нем королевство значительно увеличилось территориально. Были присоединены западные земли, причем Яшоварман I достиг этого мирными средствами. О его правлении упоминают многочисленные надписи в различных районах — в Лаосе, г. Чантабури, Хатиене. Надпись его племянника Раджендравармана включает в его королевство Бирму, Сиамский залив, Тямпу и Китай; это последнее название означает просто Нань-чжао, или страну таев, западную и северо-западную части Юньнани, что подтверждается и китайской надписью. Единственная военная акция, о которой сохранилось упоминание,— это одержанная им победа в морском сражении «над тысячами лодок с белыми парусами», образ в такой же степени поэтический, как и неточный, который можно связать как с войной против Тямпы, так и с сопротивлением новой попытке вторжения со стороны Явы или Суматры.

Яшовармана можно считать одним из самых блестящих кхмерских королей. Миротворитель, терпимый, культурный, создатель первого королевского города в Ангкоре и нескольких крупных памятников древнего кхмерского искусства, он широко раздвинул пределы своего королевства, в то же время уделяя внимание его экономическому развитию и проявляя интерес к жизни горожан и крестьян. Памятуя о том, что надписи вообще содержат много восхвалений, некоторым все же можно доверять. В одной из них говорится: «В области наук, искусств, письма и языка, в песнях, танцах и играх он не знал себе равного. Создатель, дозволивший родиться и расцвести столь могущественному правителю, наверное, сам удивлялся, что у него появился такой соперник. При одном виде этого монарха, сияние которого было трудно выдержать, его враги опускали головы, говоря: Это олицетворение солнца!»

Точная дата смерти Яшовармана неизвестна, во всяком случае это произошло не позднее 910 г., поскольку надпись, относящаяся к этой дате, упоминает о нем под его посмертным именем Парамашивалока. Нам почти ничего не известно о деятельности его двух сыновей— Харшавармана и Ишанавармана II, которые правили страной один после другого. Первый стал править совсем юным, это явилось основной причиной того, что он не оставил никакого следа в истории, если не считать пожертвования в 912 г. и строительства маленького храма Прасат Краван, замечательного своими скульптурами из обожженной глины внутри алтаря. Ему наследовал брат Ишанаварман, взойшедший на престол между 922 и 925 гг. и оставивший в истории еще менее заметный след, чем его старший брат.

Оба этих бесцветных правителя были устранены от власти одним из их дядей по материнской линии, который захватил престол в 921 г. и стал править под именем Джаявармана IV. Его часто представляют узурпатором; в действительности же, будучи женат на Джая-деви, младшей сестре Яшовармана, он имел право на корону. Первое, что он сделал,— это покинул столицу Яшовармана, «чтобы пойти править в Чок Гаргьяр, и взял с собой бога-короля».

Ишанаварман II еще был на троне, когда его дядя захватил власть под именем Джаявармана IV. Страной правили два монарха, у каждого была своя столица: Яшодхарapura у Ишанавармана, Чок Гаргьяр³⁸ у Джаявармана IV. В 928 г. Ишанаварман бесследно исчез, и Джаяварман стал законным претендентом на престол; именно по этой причине запоздалая надпись сообщает о переходе власти к нему в 928 г.

Где же находилась новая столица Чок Гаргьяр? Она стояла на месте современного Кох Кера (название которого, между прочим, происходит от Гаргьяра), в сотне километров к востоку от Ангкора. Новая столица была громадных размеров, а несколько

³⁸ ⁵ Чок Гаргьяр — в переводе со старокхмерского «Озеро деревьев коки». Дерево коки (*horea odorata*) — большое дерево, очень твердое, употребляемое для строительства. (*Прим. перев.*)

памятников, построенных при Джаявармане IV, свидетельствуют о его любви к грандиозному. При нем, например, была построена гигантская семиэтажная пирамида высотой 35 м, на вершине которой правитель приказал поместить громадную королевскую лингу Трибхуванешвару, упоминаемую в надписях как «Камратенг Джагата раджья», что означало «Бог — есть королевство». В городе были построены и другие храмы, а также огромный бассейн Рахаль, предназначенный для снабжения столицы питьевой водой. Все эти грандиозные памятники остались неоконченными, так как Чок Гаргьяр недолго оставался столицей.

Джаяварман IV умер в 941 г. в Кох Кере и получил посмертное имя Парамашивапад. От младшей сестры Яшовармана, Джаядеви, у него был сын, который наследовал престол под именем Харшавармана II. Но он был еще ребенком. Смерть в 944 г. положила конец его трехлетнему правлению.

Нам неизвестны обстоятельства его преждевременной смерти. Отметим только, что она произошла очень кстати и дала возможность его двоюродному брату — Раджендраварману II — прийти к власти; он тоже был очень молод, но оказался более сильной личностью и к тому же обладал значительными наследственными правами. Он был сыном Махендрадеви, старшей сестры Яшовармана I, и некоего Махендравармана, о котором надписи говорят как о князе Бхавапуры, территории, которая, как помнит читатель, считалась ядром Ченлы-на-суше. Таким образом, юный правитель через своего отца был связан с правителями доангкорской династии, а через свою мать — с Яшоварманом I, он как бы завершил объединение кхмеров, овладев наследством отца и матери.

Из законного желания восстановить династические традиции новый правитель быстро оставил недолговечную столицу Джаявармана IV. О ней скоро забыли, так же как и о ее грандиозных, но незавершенных памятниках; ее расцвет продолжался всего двадцать лет. «Подобно тому, как Куша сделал это для Айодхьи, он восстановил святой город Яшодхарапуру, долгое время остававшийся пустым, сделал его пышным и прекрасным, построив там дворец с алтарем из золота, сверкающий, подобно дворцу Махендры на земле».

Эта реставрация Ангкора действительно, как об этом говорит надпись, сопровождалась строительством многочисленных памятников. «Золотой алтарь» обычно ассоциируют с Пхименеакасом, «Воздушным дворцом», небольшим храмом в форме пирамиды, расположенным внутри ограды королевского дворца Ангкор Тхома, к северо-западу от Байона и королевской площади. Совершенно очевидно, что нельзя судить о королевском дворце Раджендравармана II по тому, что представляет собой в настоящее время королевский дворец Ангкор Тхома. Этот последний гораздо более позднего происхождения. Архитекторы XII в., построившие его, заботились исключительно о строгой планировке города Ангкор Тхома; именно этим и объясняется, почему Пхименеакас, гораздо более древний, занимает более удаленное от центра место по сравнению с теперешним королевским дворцом.

Планировка Ангкор Тхома отвечала другим задачам. Стремясь прежде всего восстановить ангкорскую традицию Яшовармана I, юный Раджендраварман II выбрал для постройки «золотого алтаря» в своем королевском дворце место, где пересекались геометрические оси двух главных творений его дяди: ось Яшодхарапуры, направленная с севера на юг к Бакхенгу, и ось, идущая с востока на запад, — ось Яшодхаратаки, громадного озера, известного сейчас под названием Восточного Барая. Китайский путешественник Чжоу Да-гуань, посетивший Ангкор в 1296 г. и очень живо описавший праздники, которые устраивались в то время на королевской площади, тоже называет Пхименеакас «Золотой башней», указывая, что она находилась «в покоях короля, предназначенных для отдыха».

Еще несколько храмов группы Ангкора связывают с именем Раджендравармана II. Самый важный из них — Восточный Мебон, построенный в центре пруда Восточный

Барай. Может быть, это возврат к творчеству Яшовармана? Яшоварман возвел в центре большого бассейна Индратаки, выстроенного его отцом Индраварманом, храм Лолей, который посвятил памяти своих родителей, обожествленных в образе Шивы и Парвати. В Мебоне, также в пяти кирпичных башнях, расположенных в шахматном порядке, помещались статуи родителей Раджендравармана II, изображенных в облике Шивы и Парвати. В центре находилась королевская линга Раджендрешвара, которая позднее была перенесена в специальное святилище, тогда как в каждой из восьми маленьких башен, воздвигнутых вокруг главного храма, содержалась одна из восьми линг «бога в восьми образах».

Архитектура Восточного Мебона представляет особый интерес. Ряд галерей со стенами из латерита, в которых окна с баясинами образуют портики, были расположены внутри наружной ограды и служили местом размышлений или отдыха. Это первый случай появления сплошных галерей, которые позднее получили широкое распространение.

Десять лет спустя, в 961 г., Раджендраварман построил другой храм — Пре Руп, по которому можно судить о восхищении правителя творениями Яшовармана. Пре Руп построен на юге Восточного Барая, так же как храм Прах Ко был возведен Яшоварманом на юге Яшодхаратаки. Он полностью выстроен из латерита и кирпича, его, как и Восточный Мебон, окружает ряд открытых галерей, предвосхищая архитектуру «храмов-гор» IX и X вв.

Как и на горе Меру, которую он символизировал, в центральной башне храма находилась линга Раджендрабхадрешвара. Выбор этого имени еще раз указывает на великую идею, которая вдохновляла правителя, — идею единства страны, достигнутого путем слияния в его лице прошлого и настоящего Камбоджи. Это единство символизируется путем присоединения его собственного имени Раджендра(варман) к имени Бхадрешвары, божества, которому поклонялись в Ват Пху, древнем национальном храме Фунапи. Правитель иначе проявил свою преданность традициям предков, поместив в четырех угловых башнях верхней террасы Шиву Раджендравармадевешвару, символизирующую его предшественника Харшавармана II; Парвати, символизирующую его тетку Джаядеви, мать Харохавармана; Вишну Раджендравишварупу — в честь своих предков из Фунани и, наконец, еще одну лингу — Раджендравармешвара, символизирующую его собственную мощь.

Несколько менее значительных храмов относится к правлению Раджендравармана: Баксей Чамкронг, у подножия Пном Бакхенга, датируемый 947 г., прасаты Бантеай Пи Чан и Леак Неанг, относящиеся соответственно к 937 и 960 гг. Другие сооружения времени его царствования построены высокопоставленными лицами, сановниками и брахманами, которые из-за юного возраста короля приобрели при дворе влияние, зачастую чрезмерное. Надписи сохранили нам имена некоторых из них: Раджакуламахамантрин, «великий советник королевской семьи», который был чем-то вроде регента при юном короле, брахман Шивачарья, наставник короля, и Кавиндраримхатхана, которому приписывают строительство Восточного Мебона. Архитектор был буддистом, что указывает на эклектизм и терпимость короля, любившего окружать себя представителями религий, отличных от его собственной. Строитель Мебона, впрочем, оставил после себя небольшой алтарь Бат Чум, где имеются изображения Будды, Ваджарапани и Праджнапарамиты. Это лишний раз подтверждает, что учение Большой колесницы в то время было господствующей формой буддизма.

Правление Раджендравармана II отмечено созданием одного из драгоценнейших сокровищ кхмерского искусства — храма Бантеай Срей («Цитадели женщин»), относящегося к 967 г. Этот храм выстроен не королем, а брахманом Яджяварахой, «святым наставником», родственником короля. Храм стоит одиноко в дикой местности, в 25 км к северо-востоку от Ангкор Вата. Небольшого размера, он является как бы прекрасно отделанной драгоценностью, чудом грации и гармонии.

Интересно, что он был обнаружен только в 1914 г., а его реконструкция в 1924 г. стала триумфом метода, именуемого анастилоз, который состоит в том, чтобы полностью разобрать остатки реставрируемого памятника, предварительно пронумеровав каждый его камень, а затем выстроить его заново, как в игре в кубики, заполняя недостающее. Этот метод имел такой успех, что был окончательно принят реставраторами Ангкора. Эта реконструкция, впрочем, была начата в связи с похищением резных плит, имевших большую ценность, похищением, которое послужило основанием для нашумевшего процесса.

Храм выстроен из твердого розового песчаника, который поддается обработке, как дерево, что позволило кхмерским художникам полностью проявить талант скульпторов и дало прекрасные результаты с точки зрения точности и законченности работы, напоминающей больше искусство резчика или ювелира, чем скульптора; это лишает храм обычной для подобных сооружений монументальности. Ничтожный недостаток по сравнению с красотой ансамбля!

Крестообразная гопура из латерита на искусно украшенном портике открывает выход на дорогу, окаймленную декоративными каменными тумбами и ведущую к стенам, окружающим собственно храм. Храм состоит из трех башен, выстроенных по прямой линии на одном фундаменте в форме буквы Т, высотой 90 м. Высота боковых башен 8,34 м, а средней 9,8 м, со сторонами оснований 1,8 и 1,9 м. Это, действительно, миниатюрный храм.

Резьба храма, ложные двери, украшения фронтонов, ветвевидный орнамент странным образом напоминают некоторые памятники эпохи Возрождения, а мелкие детали скульптурных украшений фронтонов и перемычек — настоящее чудо. Эти брахманские скульптуры изображают классические сцены из легенды о Шиве, Вишну и Кришне. Некоторые скульптуры, представляющие, в частности, бога-обезьяну Ханумана, выполнены с замечательным реализмом и почти совершенным искусством.

Ангкор Ват представляется нам циклопическим сооружением, подавляющим своей массой, величию плана и дерзостной высотой башен, однако в нем не хватает жизни и кажется, что здесь отсутствует душа; статуи, которые в нем находятся, выглядят неодошевленными, будто они всего лишь музейные экспонаты. Совсем другое впечатление оставляет Бантеай Срей: кажется, что жизнь лишь временно покинула его, статуи как бы живут. Боги, люди, животные продолжают в камне свою легендарную жизнь, апсары улыбаются посетителю как бы для того, чтобы удержать его в своем зачарованном мире.

В плане политическом мы почти ничего не знаем о правлении Раджендравармана. Этот король продолжал борьбу против Тямпы, начатую Яшоварманом. Борьба эта в дальнейшем стала одним из постоянно действующих факторов внешней политики кхмеров и приобрела большое значение в последующие века. Однако во времена Раджендравармана она сводилась к простым карательным экспедициям и разграблению нескольких богатых святилищ. Надписи говорят, например, что во время одной из этих экспедиций кхмеры унесли с собой золотую статую из храма По Нагар, расположенного на месте современного Нхатранга,

Раджендраварман II умер в 968 г., получив посмертно имя Шивалоки. Его сын вступил на трон под именем Джаявармана V еще очень юным, поэтому воспитателем к нему был назначен строивший Бантеай Срей знаменитый брахман, возведенный в сан Камратенг ань Врах Гуру, что значит «очень уважаемый наставник». Учеба короля закончилась к 974 г., и он начал строительство новой столицы — Джаендранагари, центр которой был, как обычно, обозначен храмом королевской линги, «Золотой горой», или «Золотым рогом». Речь, вероятно, идет о Та Кео, сооружение которого было приостановлено вскоре после начала работы над орнаментами, возможно, из-за смерти короля, который оставил нам только это сооружение. Храм интересен тем, что у него основание сложено из песчаника, тогда как в Пном Бакхенге храмы строились на

естественном возвышении. Действительно, две нижние ступени образуют пьедестал, площадка которого является основанием для расположенных в шахматном порядке алтарей; это первое здание подобного типа.

Надписи прославляют красоту Джаявармана V, его храбрость, ум, доброту: «Как отец, обожаемый своими детьми, он осушил слезы своих страждущих подданных». В действительности он, вероятно, прожил свою жизнь под опекой брахманов и придворных сановников. Он выдал свою сестру Индралакшми замуж за брахмана; много брахманов во время его правления пришло из Индии и основало в стране шиваитские святилища. Шиваизм оставался государственной религией, но терпимость, свойственная кхмерским правителям, не мешала развиваться в стране буддизму и строить буддийские святилища. Надписи говорят о том, что господствующей формой оставался по-прежнему буддизм Большой колесницы, или Махаяны. Учение его было связано со школой йогачары, или виджнянавадина, проповедовавшей идеалистическое положение «существует только мысль» и учение о «пустоте», но отправление культа ограничивалось поклонением бодисатве Локешваре, которому были посвящены несколько храмов того времени.

Джаяварман V умер в 1001 г., после тридцатитрехлетнего правления, о котором фактически ничего не известно, кроме того, что при нем совершенно не было войн. Действительно, надписи этого периода, кстати, довольно многочисленные, сообщают только, какую роль играли правители, высшие сановники и брахманы в создании религиозных сооружений. Первые яркие сведения о жизни населения страны, его обычаях, религии можно найти лишь в мемуарах Чжоу Да-гуаня, посланника китайского императора в XIII в.

Что же касается королей, то мы почти ничего не знаем об их делах, как военных, так и мирных, об их правлении и личной жизни. Они представляются нам метафизическими образами, персонифицированными богами; королевская линга, помещенная в алтаре храма-горы, заставила людей забыть о том, что бог-король тоже был человеком. После его смерти помнили не о человеке, не о хорошем или плохом правителе, о котором подданные сожалели или которого ненавидели, а только о боге, посмертное имя которого определяло его место в раю.

Даже когда речь шла о правителях-вишнуитах или буддистах, статуи божеств имели гораздо меньше «божественных» черт, чем личных черт правителей, брахманов или высших сановников, персонифицированных в образе бога или бодисатвы, с которым они соединялись после смерти.

Управление королевством, по-видимому, было целиком в руках брахманов и высших сановников, родственников правителя или лиц, принадлежавших к королевской семье. В то же время были распространены браки между брахманами и кшатриями, кастой воинов и знатью.

Кхмерские произведения искусства X в. и грандиозные памятники, о которых мы говорили, выполнены в стиле Бакхенг, Кох Кер и Бантеай Срей. Стил Бакхенг относится к концу IX и первым годам X в. В этот период появляются большие храмы — горы из песчаника, построенные иногда на каменной ступенчатой пирамиде, покоящейся в свою очередь на естественном возвышении. Однако строительство алтарей из кирпича не было забыто: их перемишки украшены более мрачным орнаментом, а колонны — барельефами из крупных листьев. Настенные рельефы часто высечены в блоках из песчаника, вставленных в кирпичную стену. В статуях, более религиозных по своему характеру, чем в предшествующих стилях Ролуоса и Кулена, особенно заметна фронтальность. Среди главных храмов этого периода назовем Бакхенг, Пном Бок, Ином Кром и Баксей Тямкронг.

Для стиля Кох Кер, относящегося ко второй четверти X в., характерны едва намеченные галереи вокруг внешних стен храма, которые превратились в длинные галереи в храмах позднейшего времени. Статуи еще очень высоки, но уже имеют несколько менее выраженный религиозный характер. Что касается стиля Бантеай Срея,

относящегося ко второй половине X в., он замечателен богатством орнамента храмов. Статуи, помещенные в нишах, отличаются особой грацией и изяществом. Выражение их лиц более мягкое, губы полные, рот маленький. Главные памятники этого стиля: Восточный Мебон, Пре Руп, Бантеай Срей. Кхмерское искусство приближается к своему классическому периоду.

Глава IV СУРЬЯВАРМАН I И ЭКСПАНСИЯ КАМБОДЖИ НА ЗАПАД

После смерти Джаявармана V наступил короткий период смут, в течение которого власть оспаривали три претендента, права которых были одинаково законными. Эта борьба закончилась восшествием на престол Сурьявармана I, одного из великих кхмерских королей, основателя династии, правившей в Камбодже в течение всего XI в.

Прямой наследник Джаявармана V, его племянник Удаядитьяварман, взшел на престол в 1001 г., сразу же после смерти своего дяди. Только две надписи, дошедшие до нас, упоминают о его царствовании, безусловно очень кратком, поскольку с 1003 г. другая надпись говорит уже о новом правителе, воцарившемся с 1002 г. в Ангкоре под именем Джаявиравармана. Совершенно неизвестно происхождение этого правителя, а также обстоятельства, при которых он пришел к власти, права, которые он выдвинул, и подробности его недолгого царствования.

Ничего также не известно о дальнейшей судьбе Удаядитьявармана после того, как его соперник пришел к власти и правил в Ангкоре с 1003 по 1006 г.; возможно, что оба монарха правили одновременно в различных местах, пока тот и другой не были устранены «третьим радующимся», который обосновался на востоке Камбоджи и вступил на трон Ангкора около 1010 г. под именем Сурьявармана I.

Он не принадлежал к законной ветви королей, и его можно считать узурпатором. Тем не менее он стремился обосновать законность своего царствования, возводя свое происхождение по материнской линии к Индраварману, что совершенно нельзя было проверить. Впрочем, его женитьба на принцессе Виралакшми, имя которой указывает на то, что она была вдовой Джаявиравармана, дала ему более или менее фиктивное родство с сыном Яшовармана. Это еще один пример того, как кхмерские короли стремились узаконить свое восшествие на престол, взяв в жены вдову своего предшественника.

Выбор Сурьяварманом имени после воцарения указывает на то, что он связывал свое происхождение с солнечной династией (Сурья на санскрите — солнце), к которой считали себя принадлежащими правители Ченлы, возводившие свой род к отшельнику Камбу, тогда как правители Фунани, происходившие якобы от Каундиньи, считали себя принадлежащими к лунной династии. Благодаря двойной линии родства Сурьяварман объединил бы в себе две династии, солнечную и лунную, если бы это соответствовало действительности.

На самом деле ничего подобного не было. Сурья-варман был малайского происхождения, на что указывает имя Камтван, происходящее от малайского «туан», которое употребляется по отношению к нему в двух надписях из Самбора и Кампонгтхома. Отцом его был король центрального района малайского полуострова, столицей которого был Нагара Шри Дхармараджа (Након Си Таммарат), современный Лигор; его отец завязал тесные связи с суматранскими правителями империи Шривиджая. Этот король простер свою власть на княжество Лаво (современный г. Лопбури), находившееся на Нижнем Менаме, в стране монов.

Об этом завоевании Лаво (Лопбури) отцом Сурьявармана рассказывается в многочисленных хрониках

Чиенгмая, изданных на пали в XV—XVI вв.: «Король [страны] Харипунджая, называемый Атрасатака, напал на Лаво, где правил Укчитханакаватти. Когда оба правителя готовились к сражению, к Лаво подошел король Сиридамманнагара (Лигора) по

имени Суджита с войсками и флотилией судов. Под угрозой неожиданного нападения оба правителя бежали к Харипунджае. Укчиттханаккаватти прибыл туда первым, объявил себя королем и взял в жены жену своего противника, который, сев на корабль, удалился на юг. Суджита, король Лигора, обосновался в Лаво в качестве правителя».

Взятие власти Сурьяварманом I описано в общих чертах следующим образом: «Он взял королевство у короля, среди толпы других королей». Это, однако, произошло не без затруднений; согласно некоторым надписям, борьба длилась девять лет. Сурьяварман обосновался на плато Корат, рядом с Лопбури, к северо-западу от Ангкора, и только в 1006 г. ему удалось захватить Ангкор. Дата восшествия на престол установлена около 1010 г., хотя он стремился доказать, что это произошло в 1002 г., чтобы узаконить свое правление, связав его с концом царствования Удаядитьявармана.

Как бы то ни было, но тот факт, что на троне Ангкора воцарился Сурьяварман I, привел к значительному территориальному увеличению империи кхмеров, поскольку король принес с собой наследство отца: часть малайского полуострова, более или менее зависимого от суматранской империи Шривнджаев, и Нижний Менам, район, где в течение долгого времени существовало монское королевство Дваравати. Значение этого наследства было не только в территориальных приращениях. Империя Шривиджаев и королевство Дваравати представляли собой два самых важных очага буддийской культуры во Внешней Индии. Глубоко верующий человек, Сурьяварман, первый кхмерский король-буддист, превратил веру своих отцов в государственную религию своего нового королевства; он содействовал большому подъему религиозных чувств в стране, что проявилось в кхмерской архитектуре XI в.

Религиозность, однако, не мешала Сурьяварману совершать завоевательные походы. В его царствование кхмерское королевство было значительно расширено. Приращения земель за счет наследства, подтверждаемого надписями на монском языке VIII в., найденными на Нижнем Менаме, показались ему недостаточными, и он сосредоточил усилия на расширении территории королевства в северо-западном направлении.

Первым объектом он наметил королевство Харипунджа, созданное монскими правителями Дваравати, далеко к северу от Лопбури и бассейна Менама, в районе современного Чиенгмая на севере Таиланда. Кажется, эта попытка, если верить вышеприведенным хроникам Чиенгмая, закончилась неудачей: «По прошествии трех лет сын Суджиты, Камбоджараджа, пришел прогнать Укчиттханаккаватти в Харипунджаю, но потерпел поражение и должен был вернуться в свою столицу». Этим сыном царя Лигора был, несомненно, Сурьяварман I, как на это достаточно ясно указывает наименование «Камбоджараджа» — король Камбоджи. Адитьяраджа, новый правитель Харипунджаи, несколько позднее осуществил контрнападение на кхмерские владения в бассейне Менама, в районе Лопбури, но оно было отражено Сурьяварманом. Страна осталась во владении кхмеров до XII в., когда была захвачена тайцами.

Традиционная борьба между Камбоджей и Тямпой, по-видимому, была прекращена во время правления Сурьявармана I, ибо он счел более правильным установить с Тямпой, а затем и с Китаем длительный союз, чтобы противостоять растущей угрозе со стороны Дай Ко Вьет, новой вьетнамской империи.

Значительное расширение владений, достигнутое кхмерским королевством при Сурьявармане I, подтверждается заслуживающими доверия документами. Согласно некоторым местным хроникам, владения Камбоджи простирались на весь бассейн Менама и Меконга до Чиенгсена; в действительности они, вероятно, не заходили далее Луангпранганга на Меконге, современной столицы Лаоса, и Сукотай Саванкалока на Менаме. Во всяком случае, это те границы, в которых найдены кхмерские памятники.

Такой большой империей трудно было управлять, тем более что недавно завоеванные районы не были еще окончательно умиротворены. Весь северо-запад страны был опустошен войнами, там часто вспыхивали волнения, особенно в районе Араньи, где

мятежники уничтожали статуи и памятники. Действуя мудро и энергично, Сурьяварман сумел восстановить разрушенное войной, установить порядок и дать жителям мир и спокойствие.

Управление страной при Сурьявармане I неуклонно улучшалось в традициях его предшественников; правитель сохранил ранее существовавшую иерархию и посты сановников как в столице, так и в провинциях, но установил для всех торжественную церемонию принесения присяги. Текст ее, высеченный на воротах столицы, касается «четырёх тысяч царей, принцев и сановников». Эта присяга приносилась после того, как был зажжен огонь и внесены священные реликвии. Она заканчивалась ужасным проклятием для тех, кто ее нарушит: «Если мы не будем в точности соблюдать эту клятву, да будем мы тогда возрождаться в тридцать втором аду до тех пор, пока существуют луна и солнце!»

До того как обосноваться с двором в Ангкоре, Сурьяварман I некоторое время жил в Прах Кхане Кампонгсвая (не смешивать с гораздо более поздним Прах Кханом Ангкора). Горячий последователь буддизма, король тем не менее сохранил официальные культы, учрежденные его предшественниками-шиваитами, и, как говорит надпись в Сдок Как Тхоме, «во время его правления члены семьи священнослужителей из Давараджи по-прежнему отправляли культ бога-короля». Таким образом, он, как и раньше, оставил исполнять их функции всех религиозных должностных лиц и служителей культа королевской линги. В одной из семей священнослужителей он выбрал, чтобы сделать его первым лицом в королевстве с титулом Камстенг Шри Джоендрапандита, молодого брахмана Садашиву, племянника великого жреца Шивагарьи, дав ему в жены одну из своячениц.

Многочисленные памятники, воздвигнутые в правление Сурьявармана, свидетельствуют о терпимости этого короля-буддиста, ибо многие из этих памятников являются дарами брахманов, занимавших высокие посты при дворе. Король завершил строительство храмов Пхименеакас и Такео, из которых первый был начат при Раджендравармане, а второй при Джаявармане V, причем оба храма шиваитские. В королевском дворце в Ангкор Тхоме он пристроил ограду и два входных павильона, а также построил два небольших павильона в северном и южном Клеанге, чтобы там останавливались прибывающие с визитом принцы и сановники. В Дангреке он перестроил по новому плану Прах Вихеар, в провинции Такео — храм Пном Чизор, в провинции Баттамбанг—Пном Басет, не говоря уже о его первой временной столице Прах Кхан в Кампонгсвае.

Можно было бы удивляться тому, что буддист Сурьяварман строил только шиваитские памятники. Однако это указывает на его уважение к традиционным культам, которое он проявил, сохранив шиваизму с его культом королевской линги преимущества государственной религии. Но, кроме того, это происходило, по-видимому, и потому, что буддизм в это время еще не стал популярным в народе и оставался религией избранных. Иное дело было в провинциях, недавно присоединенных к кхмерскому королевству. Нам хорошо известна религиозная ситуация в районе Лаво (Лопбури) благодаря надписям 1022—1025 гг. Одна из этих надписей вишнуитская. Другая указывает, что в правление Сурьявармана «существовали бок о бок в Лаво монахи, принадлежащие к двум школам буддизма (Махаяне и Хиньяне), и брахманы, занимающиеся упражнениями йоги (тапасви йога)». «Короче говоря, данные эпиграфики сообщают, что в районе Лаво существовали различные религии, исповедуемые в кхмерской империи, и эти религии имели там своих служителей и святилища. Однако преобладание в Лопбури буддийских памятников и изображений доказывает, что даже при кхмерском господстве буддизм там сохранил такое же значение, как во времена королевства Дваравати»³⁹.

³⁹ G. Coedes, *Inscriptions du Siam*.

После смерти Сурьявармана в 1050 г. осталось процветающее королевство, более обширное и прочное, чем когда-либо, королевство, где все религии уживались в гармоническом единстве. Посмертное имя короля — Нирванапада — последнее доказательство его буддийского вероисповедания. Он оставил двух сыновей, которые один за другим сменили его на троне.

Удаядитьяварман был еще совсем молодым человеком, когда пришел к власти. Несколько лет он оставался под опекой знаменитого Джаендрапандита, возвышенного Сурьяварманом. Бывший жрец бога-короля был не только гуру, но одновременно и дядей юного государя, поскольку он женился благодаря королю-покровителю на сестре королевы Виралакшми. Удаядитьяварман II полностью доверял ему и возвысил его, дав ему почти королевский титул Дхули Дженг Врах Камратенг ань шри Джаендраварман.

Могущественный жрец сумел убедить своего царственного воспитанника, что храм-гора, построенный его предками для королевской линги, недостойн его. «Подобно тому, как среди Джамбудвипы, обители богов, возвышается Золотая гора Меру, Удаядитьяварман приказал выстроить, как бы соперничая с ней, золотую гору. В золотом храме, блистающем небесным светом и являющемся украшением трех миров, он воздвиг золотую шивалингу». Это был Бапхуон. И нужно признать, что этот храм, возвышавшийся над дворцовой площадью, благодаря гармонии своих частей и красоте украшений стал одним из самых прекрасных памятников кхмерского искусства. Его расположение не в центре, а около террасы слонов теперь несколько лишает храм прежнего величия, но в то время он, очевидно, занимал центральную часть королевского города, представляя промежуточную ступень между первым Ангкором, с центром в Бакхенге, и столицей Джаявармана VII, с центром в Байоне.

Заботясь, как и большинство великих кхмерских королей, о водоснабжении, Удаядитьяварман II выстроил громадный бассейн — Западный Барай для того, чтобы заменить начавший высыхать Восточный Барай Яшвармана. Новый бассейн имел 8 км в длину и 2,2 км в ширину. Чтобы ни в чем не отставать от своего предшественника, юный правитель приказал выстроить в центре бассейна храм Западный Мебон, во всем подобный Восточному Мебону и расположенный также на небольшом острове.

Рядом с этим храмом были найдены части гигантской бронзовой статуи спящего Вишну. Размеры этой статуи делают ее уникальным памятником кхмерского искусства. Возможно, именно об этой статуе говорил китайский путешественник Чжоу Да-гуань, упоминая о «спящем бронзовом Будде, из пупка которого непрерывно течет вода». Позади колодца, где были найдены голова и часть тела статуи, действительно находился бассейн в виде квадрата со стороной 2 м, облицованный песчаником.

Удаядитьяварман II, король, который «радовал сердца», по всей вероятности, был прежде всего художником, образованным человеком. Надписи изображают его «наделенным всякого рода знаниями — наук, грамматики, права.., а также искусств и ремесел и другими». Тем не менее в его царствование происходила серьезная внешняя и внутренняя борьба.

Централизация королевства Сурьявармана еще не была закончена. Мятежи, которые начались при его правлении в провинциях, недавно присоединенных к кхмерской империи, продолжались; молодость нового правителя казалась мятежникам прекрасной возможностью возобновить борьбу в надежде захватить власть. Первый мятеж разразился в 1051 г., спустя лишь год после воцарения Удаядитьявармана II. Юг страны находился в то время под властью некоего Аравиндахрада, «великолепно постигшего искусство стрельбы из лука, вождя армии героев, который в южном районе твердо держал в своих руках половину земли». Тем не менее этот грозный воин был после ожесточенной борьбы разбит предводителем королевских войск Санграмой. О подвигах, своих и вражеских, в эпическом стиле рассказал сам Сантрама на стеле у подножия Бапхуона, поставленного в честь королевской линги, хранителем которой был этот храм.

Побежденный Аравиндахрада бежал в город Тямпу, и королевство обрело мир и спокойствие на четырнадцать лет. Затем вспыхнули два новых мятежа, первый в 1065 г. на северо-западе королевства. «Ловкий любимец короля, доблестный воин по имени Камвау, которого король сделал предводителем своих войск, ослепленный собственным величием и замыслив в своем сердце уничтожить того, кому он обязан был своим величием, вышел из города во главе войска». В сражении Санграма был ранен, но вождь мятежников погиб, пронзенный тремя стрелами. Однако новые мятежи не заставили себя ждать. Они разразились на востоке, спровоцированные тремя честолюбивыми военачальниками: Сашантибхуваной, Слватом и его младшим братом Сиддхикарой. Не столь грозные, эти волнения были быстро подавлены Санграмой. Чтобы отметить свои победы, благочестивый военачальник соорудил несколько храмов в честь богов, которые ему покровительствовали.

Правление Удаядитьявармана II отмечено также началом тяжелых войн с Тямпой, которые достигли высшего накала при его преемниках.

По-видимому, Удаядитьяварман II не был женат, во всяком случае, у него не было детей. После его смерти в 1066 г. ему наследовал брат под именем Харшавармана III, который получил в наследство междоусобные войны, начавшиеся в правление старшего брата. Задачи нового правителя состояли в том, чтобы залечить раны королевства, восстановить храмы и памятники, разрушенные или пришедшие в негодность, и постараться создать условия для процветания страны. Однако внешние войны помешали ему полностью осуществить программу мирного строительства.

В Тямпе, на которую в начале XI в. совершал успешные нападения Вьетнам, пришла к власти новая династия. Ее первый правитель Хариварман IV, отбив нападение Вьетнама, решил напасть на кхмеров, чтобы отомстить им за поражение своих предшественников и, кстати, захватить часть их территории. В 1074 г. он напал на Камбоджу и вначале достиг успеха. Он завладел Сомешварой и взял в плен принца Шри Нандавармадеву, который стоял во главе кхмерской армии. Во время этого похода принц Панг, младший брат короля Тямпы, сумел даже взять город Шамбхупуру (современный Самбор) на Меконге. Сровняв с землей все святилища в городе, Панг взял в плен и увел в тямский город Мисон всех кхмеров, которые при этих святилищах состояли. Он их распределил в качестве рабов между жрецами главных храмов.

Однако ни кхмеры, ни жители Тямпы, по-видимому, особой ненависти друг к другу из-за этих «инцидентов» не испытывали, ибо в скором времени они вместе выступили против общего врага — вьетнамцев. В 1076 г. китайцы, обеспокоенные быстрым возвышением своих бывших вассалов, вовлекли тямов и кхмеров в войну. В то время как китайские войска шли к Ханюю через Лангшон, войска Тямпы и кхмеров шли к столице Вьетнама с юга, захватив Пгсан, современный Винь, в бассейне Сонгка. Кампания для «союзников» окончилась плохо — китайцы потерпели поражение, а кхмерские войска, оторванные от своих баз, были вынуждены отступить, понеся тяжелые потери.

О последних годах правления Харшавармана III почти ничего не известно. Осталось только одно — его посмертное имя — Садашивапада, которое указывает на то, что он наверняка был шиваит. Мы не знаем, кто сменил его на троне Ангкора и царствовал в 1108—1113 гг.: их бледные тени были стерты после того, как на троне появился Джаявармап VI, основатель новой династии, которая правила в Камбодже в течение многих веков и дала стране двух самых великих кхмерских правителей: Сурьявармана II и Джаявармана VII.

Кхмерское искусство XI в. принадлежит к двум важным стилям — Кхлеанг и Бапхуон, соответствующих первый — правлению Сурьявармана I, второй — правлениям Удаядитьявармана II и Харшавармана III.

Стиль Кхлеанг представлен двумя небольшими святилищами того же названия, Пхименеакасом, Такео, гопурами королевского дворца, Прах Вихеаром и Пном Чизором. Архитектура достигла уже совершенства классического кхмерского стиля. Основой

строения теперь стала высокая ступенчатая пирамида, окруженная концентрическими оградами, вокруг ступеней идут галереи, крытые плитами из песчаника. На обширной площадке, образующей вершину пирамиды, высятся пять башен, с этого времени сооружаемых целиком из камня. В оградах, которые окружают пирамиду, выстроены павильоны, или гопуры, в виде креста.

Перекладки имеют гораздо меньше украшений, чем в стиле Бантеай Срей, но по-прежнему орнаментом является листва, причем в центре обычно изображается голова макары. Колонны имеют обычную форму восьмигранника, и каждая сторона украшена мелкой листвой. Менее религиозные по духу скульптурные изображения имеют более грациозные, изящные формы, их лица улыбаются, предвещая появление стиля Байон.

Стиль Бапхуон представлен только двумя большими ансамблями Бапхуона и Западного Мебона, но эти памятники имеют первостепенное значение. В Бапхуоне, например, храм-гора достигает колоссальных размеров. Выстроенный на искусственном земляном холме, храм имеет протяженность 120 м с запада на восток и 100 м с севера на юг. Время, однако, лишило его значительной части бывшего величия. Форма галерей более не эволюционирует; здесь они соединяют между собой все башни. В их центральной части поставлены столбы, разделяющие их на два параллельных нефа.

Перекладки часто украшены различными сценками; иногда в центре помещают маску макары, окруженную ветвевидным орнаментом. Новое в украшении Бапхуона заключается в небольших барельефах, представляющих сцены из «Рамаяны» и «Махабхараты». Они расположены на внешних стенах по бокам дверей. Статуи полностью утратили фронтальный и стилизованный характер предшествующей эпохи; этнические типы изображаемых людей ярко выражены, изящество исполнения напоминает лучшие скульптуры Бантеай Срея; тонкие фигуры с грациозными жестами иногда несколько вычурны. Мы уже говорили о прекрасной бронзовой скульптуре, найденной около Западного Мебона; от нее остались только бюст и голова, причем у последней утрачена диадема и головной убор, но этот спящий Вишну являет нам дивный образ с добрым лицом, излучающим мир и величие.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

РАСЦВЕТ КХМЕРСКОГО КОРОЛЕВСТВА

Глава I

СУРЬЯВАРМАН II, СТРОИТЕЛЬ АНГКОР ВАТА

Еще продолжалось не оставившее заметного следа в истории страны правление Харшавармана III, а на небе камбоджийской истории зажглась новая звезда — Джаяварман VI. За семь лет до смерти законного монарха он уже стал правителем в отдаленном районе страны, к северу от гор Дангрек.

Что же известно о его происхождении? Надпись, сделанная его внучатым племянником, правившим под именем Сурьявармана II, указывает, что Джаяварман VI был сыном Хираньявармана и принцессы Хираньялакшми, родом из Кшитиндраграма, города, местонахождение которого неизвестно. Другая, более поздняя надпись, приписываемая Джаяварману VII, говорит о принадлежности Джаявармана VI к королевской семье города Махидхарапуры, местонахождение которого также неизвестно. Вероятно, эти два названия городов имеют какое-то отношение к отдаленной северной провинции, присоединенной к кхмерской империи после вступления на трон Сурьявармана I.

Отец Джаявармана VI, видимо, был правителем этого далекого района. Используя беспорядки, вызванные междоусобными войнами во время правления Удайдитьявармана, и слабость центральной власти, Джаяварман VI объявил себя независимым правителем

своего небольшого княжества. Церемония коронации в известной мере узаконила эту узурпацию благодаря содействию старого жреца Харшавармана III, перешедшего, если можно так сказать, на сторону врага.

Какова бы ни была доля правды в предположениях, связанных с восшествием на престол Джаявармана VI, факт остается фактом: он никогда не стремился приписать себе мнимые родственные связи с династиями Фунани и Ченлы. Как и многие из его предшественников, он был всего лишь узурпатором, но никогда не старался скрыть свое происхождение, что было необычным для королей Камбоджи.

Можно ли, действительно, считать его королем Камбоджи? Его политическое положение, по-видимому, никогда не было прочным, и возможно даже, что он никогда не правил в Ангкоре, ибо не оставил там никаких надписей. Его власть распространялась только на северные районы страны, откуда он был родом.

Во время правления Джаявармана VI был построен ряд сооружений на севере страны: шиваитские храмы Пном Сандак, Прах Вихеар, Ват Пху, буддийский храм Пхимаи. В районе Ангкора в годы его правления начали строить два храма: буддийский — Прах Палилай и шиваитский — Бенг Меам, одно из крупнейших сооружений Ангкора, архитектура которого представляет переход от стиля храма Бапхуона к стилю Ангкор Вата.

Эти памятники указывают на религиозную терпимость и либерализм Джаявармана VI. Тем не менее в течение всей жизни он сохранил большую склонность к шиваизму, особенно к своему жрецу. По отношению к жрецу он выказывал большую щедрость и пожаловал ему почти королевские привилегии, что впоследствии не помешало этому интригану предать брата Джаявармана VI так же, как ранее он предал своего первого господина.

Джаяварман VI умер, не оставив потомства, в 1107 г. Поскольку его старший брат совершенно не интересовался политикой, Джаяварман VI назначил наследником младшего брата с титулом Ювараджа. Однако из-за его преждевременной смерти престол перешел к старшему брату, принявшему имя Дхараниндравармана I. Надпись в Пном Сандаке, переведенная Ж. Сёдесом, рассказывает об обстоятельствах, связанных с его приходом к власти: «Не желая трона, после того как король, его младший брат, возвратился на небо, он из сострадания, уступая просьбам людей, оставшихся без покровителя, стал править страной и делал это благородно».

Правление этого короля не сохранило отпечатка его личности; следуя чувству долга, он всегда выполнял свои обязанности добросовестно, честно и в духе справедливости. Лишенный воображения, он довольствовался тем, что продолжал строительство религиозных сооружений, начатое его братом, дойдя в своем стремлении во всем подражать ему до того, что женился на его вдове, принцессе Виджаендралакшми.

Дхараниндраварман I недолго занимал этот так мало желанный для него престол, который тем не менее стоил ему жизни. Ибо если сам король и был лишен честолюбия, то этого нельзя сказать о его внучатом племяннике по материнской линии, будущем короле Сурьявармане II, который, как об этом говорит надпись в Бан Тхате, «еще совсем молодым, окончив учение, испытал желание завладеть фамильным королевским титулом».

Положение было сложным, так как для осуществления своих желаний будущему королю нужно было убрать с дороги двух королей. Как было сказано выше, приход к власти Джаявармана VI не означал конца правления Харшавармана III. Фактически оба правителя делили между собой власть; так продолжалось и после смерти Джаявармана VI. Его наследник оказался соперником наследника Харшавармана III, имя которого нам неизвестно и который правил в Ангкоре до 1113 г. Это соперничество было мирным и, совершенно не мешая соправителям, сильно затрудняло действия честолюбивого Сурьявармана II.

Это подтверждается надписью, которая говорит, что Сурьяварман вырвал власть у двух королей и «завладел властью, объединив оба королевства». Битва, если верить надписи, была жестокой: «После сражения, которое длилось целый день, король Шри Дхараниндраварман был низвергнут Шри Сурьяварманом с престола, и его королевство осталось без защиты... Приведя с собой многочисленное войско, он начал жестокую битву; прыгнув на голову слона, на котором сидел вражеский король, он убил его, подобно тому, как Гаруда на вершине горы убила змею».

Обратившись затем против безвестного царька, наследника Харшавармана III на троне Ангкора, он заставил его разделить судьбу его дяди Дхараниндравармана. Так, устранив все препятствия, мешавшие осуществлению его честолюбивых замыслов, Сурьяварман II стал законным правителем объединенного королевства не без содействия своего знаменитого жреца, искушенного в предательстве, но верного своей старой привычке — всегда становиться на сторону сильнейшего.

Как отмечает Ж. Сёдес, восшествие на престол Сурьявармана II совпало со смертью Джаи Индравармана II в Тямпе и Чанзиты в Пагане; может быть, следует видеть «причинную связь между смертью двух могущественных властителей и захватом власти честолюбивым кхмерским королем, готовым воевать как на востоке, так и на западе».

Отмечая отрицательные черты характера и неумеренное честолюбие Сурьявармана II, следует признать, что эти недостатки он обратил в достоинства и что правление этого великого короля было одним из самых блестящих в кхмерской истории. Его первым актом как правителя было грандиозное празднество в 1113 г., посвященное его восшествию на престол, великолепнее которого еще никто не видел. Без счета он награждал принцев, вассалов, сановников: среди даров были породистые кони, паланкины, веера, короны, диадемы, перстни, серьги, драгоценности и различные изделия с инкрустациями из драгоценных камней, а также земли, передаваемые в дар, в качестве держания или в аренду.

Болезненно честолюбивый Сурьяварман любил воевать, но, будучи умным государственным деятелем, он прежде всего позаботился об укреплении своей власти, завязав выгодные союзнические отношения с самым могучим соседом — Китаем. Он восстановил с ним отношения, разорванные при его предшественниках, послав туда посольства в 1116 и 1120 гг., упоминаемые в «Истории Танской династии».

После этого он смог начать войны, о которых мечтал, так как хотел расширить пределы своего королевства. Кхмерская надпись говорит о нем как об удачливом завоевателе. «Королей других стран, которых он желал подчинить себе,— говорится в надписи в Бан Тхате,— он заставил приносить себе дань. Он сам отправлялся в земли своих врагов и затмил своей славой победоносного Раху»⁴⁰. В действительности же армия Сурьявармана терпела многочисленные поражения, хотя следует учитывать, что сведения о его войнах с Вьетнамом и Тямпой сообщают враждебные ему источники, пристрастие которых очевидно. Несмотря на сведения о поражениях, военные походы Сурьявармана II, как никогда раньше, расширили пределы кхмерского королевства.

Его действия были направлены прежде всего против страны Дай Вьет, современного Вьетнама. В течение многих лет на территории Вьетнама укрывались вооруженные отряды, которые время от времени совершали набеги на кхмерскую территорию. Первая кампания 1128 г., однако, закончилась поражением Сурьявармана, и двадцать тысяч его воинов были изгнаны из Нгеан, современной провинции Винь. Однако в следующем году кхмерский король возобновил военные действия, па этот раз с моря; подойдя с флотом из семисот кораблей, он высадился на берег в районе Тханьхоа и основательно разграбил его.

Несмотря на традиционную вражду между Камбоджей и Тямпой, обе страны неоднократно заключали временный союз против общего врага — Дай Вьета. Это

⁴⁰ Мифический персонаж, предок Рамы.

позволило им опять захватить Нгеан, хотя их войска вновь были изгнаны оттуда. Тямпа, которая воспользовалась своей победой, чтобы перестать платить дань императору Ли Тхань-тону, вынуждена была вновь стать его вассалом.

Новая военная кампания против Дай Вьета была предпринята Сурьяварманом в 1138 г., но Тямпа еще не оправилась от последнего поражения и отказалась принять в ней участие. Когда эта кампания снова окончилась неудачей, кхмеры выступили против своих прежних союзников. В 1145 г. Сурьяварман вторгся в Тямпу, овладел Виджаей (современный Биньдинь), а вскоре и всем королевством. Король Тямпы Джая Индраварман III исчез во время сражения: был убит или взят в плен.

В течение двух лет кхмеры владели северными районами Тямпы, однако ввиду того, что на юге Тямпы появился новый король Джая Хариварман I, Сурьяварман послал против него свои войска, усиленные за счет войск, набранных в подчиненных ему районах Тямпы. Эта новая война была менее удачна. Шанкара, командовавший кхмерскими войсками, был разбит в сражении на Раджапурской равнине в 1148 г. Вскоре «армия в тысячу раз сильнее» также потерпела поражение в Вирапуре.

Чтобы оправиться от этих поражений, Сурьяварман предпринял дипломатический маневр. В Виджае, в северной части Тямпы, которая долгое время находилась под его властью, он поставил «кшатрия, принца Хари-деву, своего шурина, младшего брата своей первой жены», и объявил его королем Тямпы. Однако законный король Джая Хариварман I воспротивился этому; он направил войска в Виджаю, «разбил и убил Хари-деву, уничтожил этого короля вместе со всеми его тямскими и камбоджийскими придворными и войсками тямскими и кхмерскими; они погибли все». Джая Хариварман, в свою очередь, обосновался в Виджае и объявил себя здесь королем; так было покончено с кхмерскими завоеваниями в Тямпе; однако попытка Сурьявармана посадить одного из своих родственников на трон в Виджае была позднее повторена его преемниками: несколько лет спустя это удалось Джаяварману VII.

Потерпев поражение от Тямпы, Сурьяварман напал на Дай Вьет, однако новая кампания 1150 г. была еще более неудачной, чем предыдущая. Кхмерские войска, страдавшие от малярии, особенно свирепствующей в сезон дождей, измученные тяжелым переходом через Вьетнамский хребет, достигли равнины Нгеан в таком состоянии, что не могли сражаться и отступили, так и не начав боя.

Последняя кампания Сурьявармана была направлена против монов, в район Верхнего Менама, к северо-востоку от его королевства, как сообщают тайские хроники. Военные действия начал некий Адитьяраджа, монский правитель Лампуна с 1150 г. Он послал свои войска против кхмеров из Лаво, но потерпел поражение. Преследуя его, кхмерская армия дошла до мон-ской столицы, но после нескольких неудачных попыток овладеть ею была вынуждена отойти к Лопбури (Лаво).

Несмотря на многочисленные поражения, о которых сообщают противники Сурьявармана II, его захватническая политика имела положительный результат, о чем говорят значительные территориальные приобретения, сделанные за время его правления. В «Истории Сунской династии» указывается, что на севере Камбоджи ее граница совпадала с границами Тонкина, на востоке страна граничила с Южно-Китайским морем, на западе граница совпадала с линией современной границы с Бирмой, и на юге — с линией, пересекающей Малаккский полуостров, немного южнее перешейка Кра.

Таким образом, территория Камбоджи значительно превосходила ее современные границы, ибо она включала современный Вьетнам, Лаос, большую часть Таиланда и половину Малайи. Никогда за всю свою историю кхмерское королевство не достигало таких размеров и такого могущества.

Помимо того, что он был великим полководцем, Сурьяварман II известен как замечательный строитель. О его походах, завоеванных странах, могуществе его королевства и его правлении сейчас знают только специалисты, тогда как его религиозные

сооружения прославили его на весь мир. Особенно это относится к строительству Ангкор Вата, вершине кхмерского искусства.

К тому же он не был единственным. Сооружения, построенные при Сурьявармане II, весьма многочисленны, принадлежность их к периоду его правления подтверждается данными эпиграфики. Прежде всего, это ряд строений, расположенных на северо-западе страны, за пределами столицы. В некоторых местах — в Пном Чизоре, Пном Сандаке, Ват Пху, Преах Вихеаре — уже были сооружения, построенные предшественниками Сурьявармана II; он закончил те, которые были недостроены, и выстроил новые. В Ангкоре, вновь обретенной столице, Сурьяварман построил замечательный ансамбль Прах Питху в северной части королевской площади, ансамбли Тяу Сай Тевода и Тхомманом — в пятистах метрах от ворот Победы, на линии восточной гопуры королевского дворца Ангкор Тхома, ансамбль Бантеай Самре — на восточном конце Восточного Барая, центральную часть ансамбля Прах Кхана — в Кампонгсвае и др.

* * *

Великим творением Сурьявармана является храм Ангкор Ват. Навечно имя правителя останется связанным с этим памятником, совершенным образцом кхмерского искусства в период его расцвета, одним из шедевров всех времен и народов, собратом Парфенона, изумительных ансамблей Карнака, Луксора, Персеполя, Тадж Махала в Агре, пещер Аджанта, храма Неба в Пекине и святилищ в Наре.

Что можно добавить к уже сказанному об Ангкор Вате? Со времени Чжоу Дагуаня, который видел храм в конце XIII в., незадолго до того, как он был покинут, со времени Муо, который вновь открыл его в 1860 г., вплоть до современных ученых Французской школы Дальнего Востока, не говоря о Франсисе Гарнье, Делапорте, «ангкорском паломнике» Пьере Лоти, Ролане Доржелесе, Пьере Бенуа, Поле Моране, Франсисе Круассе, каждый путешественник пропел свой гимн этому храму, не избежав при этом поэтических преувеличений и достойных всяческого сожаления ошибок.

Восхищение, вызываемое Ангкор Ватом, было так велико, что и древние кхмеры не считали подобное чудо творением рук человеческих; только боги и, более того, самый главный из них — Индра — мог его задумать и выстроить. В очень распространенной легенде рассказывается, что в древние времена король страны Индрапраштли, существовавшей еще до Камбоджи, имел единственного сына — принца ослепительной красоты по имени Прах Кет Меалеа, что значит «божественное сияние». Добродетели и совершенства принца были таковы, что слава о нем достигла ушей бога Индры. Покинув волшебную обитель на горе Меру, он сошел на землю и, придя в восторг от обаяния принца, взял его с собой в обитель богов. Но деваты, которым был неприятен человеческий запах, несмотря на красоту принца, умолили Индру отослать его обратно.

Кет Меалеа был повергнут этим в скорбь. Он привык жить среди богов и с особой тоской вспоминал о дворце Индры. Этот дворец отличался редкой красотой и состоял из пяти башен очень тонкой работы, украшенных бриллиантами и драгоценными камнями. Остроконечные верхушки башен сверкали на солнце. Внутри дворец был обит тканями, расшитыми шелком, золотом и драгоценными камнями. В залах дворца постоянно раздавалось пение небесных нимф, а оркестр небесных музыкантов сопровождал танцовщиц, тела которых были украшены драгоценностями.

В отчаянье юный принц просил бога Индру взять его обратно к себе. Но, не имея возможности согласиться на эту просьбу, Индра сказал ему: «Раз уж тебе так нравится мой дворец, я построю тебе точно такой же на земле». И тут же Индра послал в столицу Индрапраштли великого Прах Пушнука, зодчего богов. Священный бык Нандин сам выбрал наиболее удачное место; все небожители явились сюда, чтобы принять участие в работах; одновременно тысячи искуснейших ремесленников из разных стран приступили под их руководством к работе. Благодаря этому совершенному творению слава о Прах Кет Меалеа, ставшем уже королем, достигла пределов вселенной. Сто королей пришли сюда

из разных стран, чтобы полюбоваться чудом и воздать почести владыке, который превзошел великолепием и могуществом всех земных правителей.

Легенда прекрасна, но и действительность, которая лежит в ее основе, не менее достойна восхищения. Своим величественным ансамблем, четкостью плана, гармоничностью, соразмерными пропорциями всех архитектурных деталей, наконец, общей гармонией и величием Ангкор Ват может выдержать сравнение с самыми прекрасными сооружениями классического искусства на Западе. Вот как пишет об этом А. Маршалль: «Век Людовика XIV охотно принял бы эти лужайки, бассейны, широкие аллеи перед главным храмом, силуэт которого все яснее вырисовывается по мере приближения к нему». Наилучшая степень его сохранности из всего ансамбля Ангкора увеличивает его ценность.

Ориентация храма Ангкор Вата довольно необычна, хотя и определена его назначением. Много было споров о том, является ли Ангкор Ват храмом или погребальным памятником, но, как это часто случается, истина лежит посередине. Во всяком случае, мнение многих путешественников, вдохновленных Лоти, видевшим в Ангкор Вате «один из дворцов, где жили короли в необычайной роскоши», является в своей основе ошибочным. В действительности Ангкор Ват никогда не был дворцом. Его можно скорее определить как «погребальный храм» в соответствии с концепциями, изложенными выше, относительно обожествления кхмерских королей и церемонии королевского апофеоза.

Известно, что Сурьяварман II был горячим приверженцем вишнуизма; культ Вишну был в почете при дворе, и большинство храмов того времени были воздвигнуты в честь этого бога. Кстати, самое известное из воплощений (аватар) Вишну в образе человека — Кришна — служило темой при украшении этих храмов, в частности Ангкор Вата. Памятник, таким образом, по его плану и внутреннему расположению является храмом, предназначенным для погребения, т. е. построенным для того, чтобы хранить пепел правителя, а также статую, которая изображает его в виде бога Вишну. Погребальный храм, мы это подчеркиваем, а не простой погребальный памятник, ибо посмертные останки короля — это уже останки не человека, а божества, которому воздают почести как воплощению бога Вишну. Именно благодаря этому расположение Ангкор Вата так необычно, ибо он ориентирован на запад, который является востоком для умерших; об этом же говорят и некоторые символические сюжеты скульптурных украшений храма.

Для величественного и сложного плана храма характерна симметрия. Весь ансамбль опоясан четырехугольным рвом 1300 на 1500 м и занимает площадь около 200 га. Большой пруд, неподвижные воды которого покрыты цветами лотоса, находится на переднем плане и подчеркивает своей спокойной красотой башни, которые вырисовываются вдалеке и кажутся недостижимыми. Западный ров пересекает вымощенная плитами дорога. К ней ведет площадка, окруженная стилизованными изображениями львов. Длина дороги 220 м, по краям ее выстроены балюстрады в виде наг; дорога ведет к первой внешней ограде храма, сделанной в виде стены из латерита длиной по внутренней окружности 800 и по внешней 1025 м. Внутрь можно пройти через монументальный портик шириной 235 м, образованный тремя центральными башнями, которые соединены галереями с боковыми башнями. Эти великолепные пропилеи раскрывают мотив, который будет повторяться внутри храма, и в то же время они являются как бы ширмой, скрывающей центральный памятник с целью разжечь интерес посетителей.

Вторая дорога длиной 350 м тоже с балюстрадами по краям в виде наг, которые являются главной декоративной темой Ангкор Вата, ведет ко второй ограде храма. Изящные сооружения, обычно именуемые «библиотеками», квадратные бассейны, небольшие угловые павильоны нарушают однообразие длинной прямой дороги; эта дорога неизменно вызывает представление о шествиях и процессиях, которые разворачивались здесь в «золотой век» Ангкора. Затем посетитель достигает второй ограды,

поднимается на несколько ступеней и выходит к большой крестообразной террасе, называемой «террасой почета», с которой, наконец, открывается вид на величественное здание храма. Так посетитель постепенно приближается к святилищу, в то время как детали дверей и стен, а также различные архитектурные украшения служат для того, чтобы как можно дольше отвлекать его внимание.

Храм стоит на высоко поднятой площадке из плит песчаника и представляет собой как бы три последовательных этажа, каждый из которых опоясан галереями. Некоторые галереи украшены барельефами. Храм этот — настоящий водопад башен, неотступно ведущих взгляд посетителя к господствующей над ними центральной гопуре. Небольшая площадь основания — 215 на 187 м, узость двориков, разделяющих различные этажи, делают еще более впечатляющим стремление ввысь, выраженное в ступенчатой архитектуре башен. Этим объясняется крутизна лестниц, наклоненных под углом 70° и состоящих из узких ступеней, подъем по которым вызывает сильное головокружение; по ним можно подняться до башен второго этажа, расположенных в шахматном порядке, откуда новые лестницы, еще более крутые, ведут на третий этаж. И над всем господствует прямая, как каменная стрела, большая центральная башня-алтарь, поднимающаяся над землей на 65 м, почти на ту же высоту, что и башни собора Парижской богородицы.

Никакое описание не в состоянии дать представлений о совершенстве этого уникального ансамбля, молитвенного порыва, который он символизирует. Все было рассчитано так, чтобы подчеркнуть полет камня в небо. Высота оснований каждого этажа постепенно увеличивается, украшения смягчают выступающие контуры башен, придавая их профилю легкость и изящество. В алтаре завершающей башни находится статуя богакороля, персонифицированного в образе Вишну. Буддийские монахи, после того как храм перешел в их владение, выбросили брахманского идола и заполнили ложные двери скульптурными изображениями стоящих будд.

Мы говорили о барельефах, которые украшают круговые галереи этажей храма. Первая из галерей, необычайно богатая иконографическими изображениями, представляет собой один из главных элементов очарования и притягательной силы Ангкор Вата. Внешняя ее стена состоит из ажурных аркад, разделенных колоннами, внутренняя же стена — гладкая, образует изумительную поверхность полированного песчаника, на которую падают лучи света, проникающие через проемы. Восемь панно-барельефов украшают гладкую стену: четыре из них длиной по 50 м, остальные примерно по 100 м, высота панно всюду равна 2 м. Таким образом, общая поверхность барельефов достигает 1200 кв. м.

Выполнены эти изображения различно, однако в южной части храма мастерство и техника приближаются к совершенству. Техника довольно своеобразна, так что все это выглядит скорее как настенная живопись, чем как скульптура. Рельеф еле заметен, камень лишь тронут резцом, и плоские фигуры только слегка намечены на фоне, украшенном орнаментом из переплетенных листьев. Свег ласкает эти изображения, оживляет их игрой полутонов, не нарушая слишком резкими тенями общей гармонии ансамбля, как бы плавающего в прозрачном свете. Черно-серый тон камня на некоторых выпуклых поверхностях как бы «приподнят» легким слоем лака или бронзовой краски, теплые тона которых богаты оттенками. Этот легкий слой патины, прекрасно подчеркивающий рельефные изображения, дело рук бесчисленных посетителей, особенно камбоджийцев, которые в течение веков благочестиво и торжественно проходили перед этими образами своего легендарного прошлого и с удовольствием проводили пальцами или ладонью по рельефам, как бы участвуя вместе с их персонажами в изображаемых сценах.

Композиция этих скульптурных панно никоим образом не была случайной, художники тщательно подбирали обрамление, внутри которого двигались персонажи. Несмотря на то, что действие легенд, изображенных в камне, развертывается на плоской стене длиной 50—100 м, сами сцены незаметно переходят одна в другую благодаря тонким приемам, позволяющим сохранить непрерывной основную линию повествования.

Это может быть крупноплановое изображение какого-либо персонажа, схватка между двумя воинами, эпизод, служащий связующим звеном для двух сцен. И каждая из сцен выполнена так, что глаз может охватить ее целиком, с учетом того, что зритель, ограниченный шириной галереи, не может далеко отойти назад.

Сюжеты этих гигантских каменных фресок взяты из вишнуитской мифологии, в частности из двух больших эпосов — «Махабхараты» и «Рамаяны», а также из жизни Сурьявармана II, олицетворенного в облике бога Вишну. Перечисление всех скульптурных сцен галереи Ангкор Вата было бы утомительно, тем более что в путеводителях по Ангкору все они подробно описаны. В них можно найти несколько сцен, о которых мы уже говорили в главе, посвященной религиозной жизни. Здесь они изображены особенно хорошо.

«Сбивание молочного моря» — одна эта сцена составляет панно длиной 49 м, здесь можно насчитать 88 богов и 92 демона. Мы уже достаточно говорили, чтобы больше не возвращаться к этому, о классическом эпизоде из «Бхагаваты пурана», который также изображен здесь. Другое большое панно занято изображением одного эпизода из «Махабхараты», а именно — знаменитой битвы при Курукшетре между пандавами и кауравами; здесь изображен царь Арджуна вместе со своим возничим, которым был Кришна; беседа царя с богом послужила, несомненно, источником самого известного религиозного текста индуизма — «Бхагавадгиты». Композиция батальных сцен выполнена с поразительным реализмом: персонажи живут и умирают на наших глазах с потрясающей правдой жестов и поз.

Другая сцена сражения, изображенная на западной части северной стены, представляет собой ценный иконографический документ, ибо в ней проходят перед нами все боги брахманского пантеона с их классическими атрибутами верхом на традиционных животных. Кубера, бог богатства, изображен на плечах асура, многоголовый и многорукий бог войны Скандха — верхом на павлине, Индра стоит на слоне Аравате, у которого четыре бивня, четверорукий Вишну — верхом на Гаруде, Яма, бог смерти, — на колеснице, запряженной быками, Шива стреляет из лука, Брахма — верхом на священном гусе Хамзе, бог солнца Сурья выделяется на фоне диска этого светила, Варуна, бог вод, стоит на пятиголовой наге, запряженной, как боевой конь.

В восточном крыле южной галереи находится также замечательное большое панно длиной 66 м, на котором изображена сцена страшного суда. Геенна огненная, к которой ведут осужденных грешников, странным образом напоминает гравюры наших средневековых художников; пытки здесь переданы с еще большей изощренностью. В то же время в изображении радостей рая, предназначенных для счастливчиков, чувствуется большая сдержанность, а «видов» этих небесных радостей гораздо меньше, нежели способов пыток.

Западная часть этой же галереи посвящена целиком жизни Сурьявармана II. Он изображен во главе торжественного парада войск. Короткие надписи поясняют назначение каждого воинского отряда, а число зонтиков позволяет различить чин каждого из изображенных здесь военачальников. Верхом на слонах с поднятыми хоботами они окружают короля, который гораздо выше всех ростом; голова короля увенчана конической *мукутой* и диадемой, над ним пятнадцать зонтиков. Изображения кхмерских воинов в полной форме и амуниции отличаются любопытными деталями от изображений сиамских солдат, считавшихся «варварами» и одетых в живописные лохмотья.

Можно бесконечно изучать этот апофеоз кхмерского эпоса, который благодаря точности изобразительного искусства является ожившим документом XII в. Даже в наши дни образы галерей Ангкор Вата служат источником вдохновения для камбоджийцев, для танцев и поз маленьких танцовщиц с изящными жестами. Они — живые сестры всех этих деват и апсар, чьи силуэты несравненной грации сплетаются по всей длине стен храма. Трогательны маленькие богини с миндалевидными глазами, с чувственными полными губами, с маленькой головой, несущей на себе тяжелую, перегруженную драгоценностями

тиару. Их обнаженные тела, с круглой, красивой формы грудью, с необычайно топкой талией, также увешаны тяжелыми драгоценностями, бусами и браслетами. Их роскошные юбки отделаны длинными развевающимися полосами материи. Позы танцовщиц выражают изысканную нежность, жесты гармоничны, их образы — воплощение мечты, они останутся запечатленными в сердце путешественника подобно великолепному храму, хранительницами которого они считаются. Этот храм меняет свои очертания каждый час, днем и ночью; ранним утром он подернут легкой дымкой, залит ярким солнцем в полдень и подожжен его лучами на закате, он еле различим на фоне темно-фиолетовых облаков во время грозы, бледен, молочно-бел, таинствен и печален в колеблющемся свете луны.

В деталях орнамента Ангкор Вата заметны незначительные изменения по сравнению со стилем Бапхуона. Перемычки, имеющие большое значение при изучении стилей, очень мало, разве только большим количеством миниатюрных персонажей, отличаются от ветвеобразных перемычек предшествующей эпохи. Однако в некоторых храмах, как, например, в Тхомма-ноне и Ангкор Вате, появляется новый тип перекладин, на которых ветви с листвой заменяются изображением параллельных линий. Колонны, по сравнению с предыдущими стилями, отличаются наибольшим количеством украшений, которые расположены по всей длине колонны и представляют собой кольца, перевитые мелкой листвой.

Скульптурные рельефы утрачивают натурализм, свойственный эпохе Бантеай Срея; человеческие фигуры снова приобретают религиозный характер, с некоторой тенденцией к фронтальности. Скульптурные изображения животных достигают максимального распространения. Наги играют первостепенную роль, только они и украшают бесконечные балюстрады по бокам мощеных аллей Ангкор Вата. Их тела покоятся на каменных ложах, а головы, стилизованные под капюшоны, образуют большой ореол в виде языков пламени, причем на каждом языке высечено небольшое изображение гаруды. Львы, стоящие на четырех лапах, все более напоминают завитых пуделей с гордо поднятой головой и приплюснутой мордой.

Сурьяварман II оставил в камне вечный памятник своего величия, могущества и гения создателя, но в истории и в надписях упоминания о нем незначительны; последние годы его правления малоизвестны, и мы даже не знаем точной даты его смерти. Последняя надпись, где он упомянут, относится к 1145 г.; несомненно, он был вдохновителем похода на Тонкий в 1150 г., но китайское посольство 1155 г. ничего не сообщает о переменах в правлении. Напротив, оно указывает, что в это время возобновились политические связи между двумя странами, причем китайскому императору были подарены десять прирученных слонов. Может быть, речь идет о возобновлении дипломатических отношений, прерванных на семнадцать лет, что было делом наследника Сурьявармана II; в таком случае смерть его можно отнести к периоду между 1150 и 1155 гг. Нам неизвестны причины этой смерти, а известно лишь посмертное имя правителя — Парамавишнулока, свидетельствующее о его крайней приверженности к вишнуизму.

Судьба империй изменчива. После великолепия царствования Сурьявармана II, когда Камбоджа достигла апогея своего могущества и прославилась как страна великих творений, при преемниках великого царя настал трудный период в истории страны. После ряда военных поражений она оказалась на грани катастрофы. Может быть, страна и исчезла бы с лица земли, если бы не провидение в лице Джаявармана VII, который восстановил ее благоденствие. Слава этого великого правителя, принявшего через тридцать лет эстафету Сурьявармана II, затмила и обрекла на забвение имена нескольких слабых и бесцветных королей, которые на троне Камбоджи представляли жалкое зрелище и были неспособны спасти страну в период трудных испытаний.

Двоюродный брат Сурьявармана II, Дхараниндра-варман II был буддистом, порвавшим фактически с традицией всех королей-индуистов, доторых он сменил на троне, за исключением Сурьявармана I, также буддиста. Единственный известный факт из жизни Дхараниндравармана II — женитьба на принцессе Шуда-мани, дочери

Харшавармана II, факт действительно важный, ибо следствием этого было рождение около 1125 г. будущего Джаявармана VII, Надписи, оставленные последним, когда он уже был королем Камбоджи, являются единственным источником, из которого мы знаем о существовании Дхараниндравармана II. Несомненно, он сделал из своего сына буддиста, как и он сам. Если бы только в этом была его заслуга, он все равно достоин внимания, так как благодаря этому был создан великий религиозный памятник, сооруженный при Джаявармане VII,— Байон в Ангкор Тхоме, новая вершина кхмерского искусства.

Военные походы Тямпы против кхмерского королевства начались при Дхараниндравармане II. Будучи больным и, возможно, понимая достоинства своего сына, он поручил ему командовать войсками и умер, не узнав об окончании кампании и временном упадке своего королевства. Кажется, что юный Джаяварман совсем не торопился взять в свои руки отцовскую власть; вероятно, он думал, что его час еще не настал, что он будет полезнее во главе войска; а может быть, он предпочитал держаться в тени в тяжелое время, переживаемое королевством. Он дал возможность юному принцу Яшоварману II сесть на трон, так как Джаяварман и его семья всегда проявляли к нему полную лояльность.

Один из сыновей Джаявармана смог даже оказать большую услугу правителю во время инцидента, в такой же степени неясного, как и драматического, упоминаемого в надписи из Бантеай Чмара и изображенного на барельефе этого же памятника. Однажды на короля напало некое таинственное существо, изображаемое в надписи и на барельефе как демон Раху, который в индийской мифологии является пожирателем солнца и луны во время затмений. Несчастный король был бы убит при этом необычном покушении, если бы не вмешательство юного принца, о котором легенда говорит, как о сыне будущего Джаявармана VII. Надпись в Бантеай Чмаре сообщает все подробности этой эпической борьбы: «Когда Бхарата Раху обнаружил свое предательское намерение в отношении короля Яшовармана, чтобы завладеть королевским дворцом, все войска столицы бежали. Принц вступил в бой; два его товарища сражались рядом, чтобы прикрыть его. Принц нанес удар Бхарате Раху в нос и поверг его».

Едва избежав этой опасности, бедный Яшоварман II снова подвергся нападению какого-то «мандарина», о котором вообще ничего не известно. На этот раз Джаяварман появился слишком поздно, чтобы спасти короля; король погиб в схватке, а «мандарин» вступил на трон под именем Трибхуванадитьявармана в 1165 г. Он, впрочем, недолго наслаждался захваченной им властью и в свою очередь потерял королевство под ударами Тямпы.

Война, которая началась при Дхараниндравармане, никак не могла закончиться; с новой силой она разгорелась в 1166 г., когда на трон Тямпы вступил еще один узурпатор — Джая Индраварман IV. Талантливый воин и ловкий дипломат, он начал с того, что заключил мир с Дай Вьетом, чтобы высвободить свои войска на севере. В 1170 г. «тщеславный, как Равана, он посадил свою армию на колесницы и направил ее на завоевание страны Камбу, подобной небу».

Это первое нападение не дало желаемых результатов, тогда в 1177 г. он напал с моря. План был хорош! При помощи китайского лоцмана Джая Индраварман направил свой флот вдоль берегов Вьетнама, достиг устья Меконга, поднялся вверх по реке и ее притоку Тонлесапу до озера Тонлесап. Застигнутые врасплох этой неожиданной высадкой кхмерские войска, находившиеся в других местах, не смогли организовать оборону Ангкора, который вскоре перешел в руки захватчиков. Король Трибхуванадитьяварман был убит в сражении, город разграблен, храмы осквернены; поражение было полным.

Глава II ВЕЛИКИЙ КОРОЛЬ-БУДДИСТ ДЖАЯВАРМАН VII

Кхмерское королевство умирало, раздавленное завоевателями, столица была разграблена, жители обращены в рабство, словом, королевство было стерто с лица земли. Принцу Джаяварману предстояло вывести свою страну «из пучины бед, куда она погрузилась» в результате тямского завоевания 1177 г. Задача тяжелая, почти свыше человеческих сил, но в то же время по силам тому, кто, будучи современником Людовика VII и Филиппа II Августа, проявил себя как самый великий король, которого когда-либо знала Камбоджа.

Трон Камбоджи часто занимали узурпаторы, жаждавшие незаконно завладеть властью, иногда ценой отвратительных преступлений. Но не к таким людям принадлежал Джаяварман. Долгое время он уклонялся от бремени власти, хотя имел на нее полное право, часто даже он оказывал поддержку претендентам менее достойным, чем он сам. Только в критический для страны час необходимость заставила его взять в свои руки бразды правления умирающим королевством, чтобы через несколько лет возродить его из пепла и сделать вновь могучей империей, более великой и сильной, чем когда-либо.

Будучи сыном Дхараниндравармана II, он состоял в родстве с Сурьяварманом II, основателем Ангкор Вата, а по материнской линии, через дочь Харшивармана III Шудамани, он был связан родством с Сурьяварманом I, королем чужеземного происхождения, но объединившим в своем лице солнечную династию Ченлы и лунную династию Фунани.

Любопытно, что его роль в истории Камбоджи была долгое время неизвестна. Вплоть до 1900 г. историки считали его второстепенным правителем. Заслуги восстановления его действительного значения принадлежат ученым Французской школы Дальнего Востока — Сёдесу, Фино, Масперо. Они, открывая на территории Камбоджи и переводя надписи на стелах, рассказывающие о победах королей, об их свершениях, восстановили историю Джаявармана VII, который теперь считается одним из самых великих камбоджийских королей. При нем территория Камбоджи достигла наибольших размеров, он присоединил, правда временно, королевство Тямпу и выстроил множество храмов.

Еще очень молодым Джаяварман женился на принцессе Джаяраджадеви, от которой у него родился ребенок. Сохранилось воспоминание о том, что отец послал Джаявармана воевать против Тямпы, так как в это время она вновь стала угрожать Камбодже. Расставание было очень мучительным для молодой женщины, и одна надпись королевского дворца описывает в трогательных выражениях горе принцессы. Она была «вся в слезах, оплакивая, как Сита, своего мужа, с которым расставалась. Она просила богов о его возвращении, стремясь найти утешение своей скорби в аскетических обрядах брахманизма, и наконец обрела утешение в буддизме. Ее познакомила с этим учением старшая сестра Индрадеви. Считая Будду возжеланным объектом своих стремлений, Джаяраджадеви пошла по спокойному пути мудрости, который проходит между огнем мучений и морем скорби».

Во время похода против Тямпы, когда его войска находились в районе Виджаи (современном Биньдине), Джаяварман узнал о смерти отца и восшествии на престол Яшовармана II, которого он поддержал вместе со своими родственниками, не пытаясь предъявить свои права на корону. Известно, что один из сыновей Джаявармана оказал помощь и содействие новому правителю при нападении на него демона Раху.

Джаяварман по-прежнему находился в Тямпе, когда узнал еще одну плохую новость — о восстании Трибхуванадितьявармана, «солнца трех миров». Согласно надписи в королевском дворце, «Джаяварман возвратился со всей поспешностью, чтобы помочь королю Яшоварману». Однако Яшоварман уже был лишен узурпатором не только королевства, но и жизни, и Джаяварман, оставшись в Камбодже, стал ждать удобного момента, чтобы спасти несчастную страну. Обретя вновь своего супруга, принцесса сняла с себя обеты: отныне она хотела, «чтобы он вытащил страну из пучины несчастий, куда она погрузилась». Однако чтобы осуществить это, Джаяварман должен был ждать еще пятнадцать лет, будучи бессильным свидетелем разорения своей родины.

Тямское завоевание, хотя и разорило Камбоджу, имело своим положительным результатом то, что освободило страну от мрачного «солнца трех миров». Победители даже не сочли нужным посадить на трон Камбоджи своего ставленника, так как считали, что эта далекая страна не представляет для них интереса, и ограничились тем, что разграбили Камбоджу до основания, увезя огромную добычу. Трон был свободен, но прежде чем его занять, Джаяварман хотел изгнать из королевства захватчиков и возродить столицу.

Страна находилась в состоянии анархии. Джаяварман прежде всего приступил к восстановлению армии, затем дал Тямпе несколько сражений, закончившихся его победой, в том числе и на море, прославленных благодаря изображениям на барельефах Байона и Баитеай Чмара.

Установив мир в стране, Джаяварман в возрасте около пятидесяти лет начал восстанавливать столицу и построил новый королевский город — Ангкор Тхом, центром которого стал Байон. Именно о нем говорит надпись на одной из стел, найденных в четырех углах городской стены. Несмотря на ее название — Яшодхарапура, ее не надо путать со старой Яшодхарапурой, столицей Яшовармана I, примитивным Ангкором с выстроенным в центре Бакхенгом, долгое время отождествлявшемся с новой столицей.

В поэтических выражениях надпись повествует о коронации Джаявармана VII, происходившей в 1181 г., спустя четыре года после недолговременного занятия Тямпы: «Город Яшодхарапура, подобный девушке из хорошей семьи, составляющей со своим женихом прекрасную пару и сгорающей от желания, украшенный дворцом из драгоценных камней и как бы одетый в свои укрепления, был взят королем в качестве жены, чтобы дать его жителям счастье. Это сопровождалось великолепным празднеством, проходившим в ореоле славы и величия».

Если верить китайскому историку Ма Чжуан-лину, Джаяварман «покаялся обратиться на своих врагов безжалостную месть, и он смог осуществить ее после семнадцати лет терпеливого ожидания». Действительно, вступив на престол в 1181 г., Джаяварман освободил страну от тямских захватчиков, но еще не обратил на них свою месть, как намеревался. Именно об этом он думал, но вынужден был отложить свое намерение из-за мятежа, поднявшегося в его собственной стране в Мальянге, к югу от Баттамбанга, вскоре после коронации.

Подавление мятежа было поручено молодому тям-скому принцу, скрывавшемуся в Камбодже. Об этом говорит надпись, найденная в Мисоне: «В ранней юности, в 1182 г., принц Видьянандана приехал в Камбоджу. Король Камбоджи, который вступил на трон годом раньше, обратил внимание на то, что принц имеет все тридцать три совершенства⁴¹, почувствовал к нему расположение и обучил его как принца всем наукам и владению всеми видами оружия. Когда он жил в Камбодже, в этой стране был город Мальянг, населенный множеством плохих людей, которые и подняли мятеж против короля Камбоджи. Тогда король Камбоджи, зная, что принц ловок в обращении с любым оружием, поручил ему повести камбоджийские войска на этот город и взять его. В соответствии с желанием короля принцу это удалось вполне, Тогда король, видя его достоинства, дал ему титул Юва-раджи и наградил всеми почестями и богатствами, которые имелись в стране».

После этого столкновения Джаяварман VII обратился к Тямпе, главному объекту мести, о которой он помышлял в течение стольких лет. Вначале он заручился нейтралитетом Вьетнама, подписав в 1190 г. договор о союзе с императором Ли Каотонем, и стал терпеливо ждать удобного момента. Некоторое время спустя новый правитель Тямпы, Джая Индраварман, сам напал на Камбоджу, это и стало для короля желанным предлогом.

Армия Джаявармана VII во главе с принцем Видья-нанданой была наготове; Тямпа не знала об этом и была застигнута врасплох контратакой противника. Кхмерская армия

⁴¹ Намек на мифические совершенства Будды, которые сделали его махапуруша, сверхчеловеком.

легко дошла до Виджаи, столицы Джая Индравармана, взяла его в плен и привезла в Камбоджу. Джаяварман посадил на трон Тямпы своего деверя, принца Ина, в то время как Видьянандана на юге, в районе Пандуранги, современного Пханранга, основал свое собственное королевство. Тямпа, таким образом, была окончательно подчинена, разделена на два королевства, причем одно управлялось родственником, а другое — другом Джаявармана VII; однако положение вскоре изменилось.

Видьянандана, опьяненный своим новым званием короля Пандуранги, колеблясь предал Джаявармана VII, которому он был обязан всем и полным доверием которого пользовался. Скоро ему представился подходящий случай. В 1192 г. в Виджае был поднят мятеж по наущению местной знати. Принца Ина изгнали, а власть передали одному из тямских принцев — Рашупати, принявшему имя Джая Индраварман V. Во главе войска на Виджаю двинулся Видьянандана. Он овладел городом, убил несчастного короля, едва вступившего на престол, и объявил себя единственным королем Тямпы под именем Сурьявармадева. Спустя некоторое время он убил бывшего короля Тямпы Джая Индравармана IV, который был освобожден из плена Джаяварманом VII и послан против Видьянандана. Этим поступком Видьянандана как бы подтвердил свое владычество над всей Тямпой и разрыв со своим прежним покровителем.

Измена не пошла ему на пользу. После безуспешных попыток воззвать к его лучшим чувствам Джаяварман VII послал в 1203 г. против нового короля Тямпы его собственного дядю Ювараджу онг Дханапатиграма; потерпев поражение, Видьянандана укрылся во Вьетнаме и исчез бесследно. Тямпа стала кхмерской провинцией. Управлять ею Джаяварман VII поручил Юварадже онг Дханапатиграму, которому дал титул наместника. Его помощником был назначен юный принц Ангшараджа из Турай-Виджаи, внук Джая Харивармана I, воспитанный при дворе кхмерского короля и весьма преданный Джаяварману; именно он в 1207 г., награжденный титулом Ювараджи, возглавил войска во время войны, которую вели Камбоджа, Бирма и Сиам против Вьетнама; именно он в 1226 г. занял трон Тямпы, ставшей вновь свободной от кхмерской опеки.

Свою клятву Джаяварман VII выполнил; он смыл оскорбление, нанесенное его стране нашествием Тямпы, подчинив ее полностью. Этим он не ограничился; при его правлении владения Камбоджи необычайно расширились.

На севере границы Камбоджи заходили далеко на территорию современного Лаоса. Об этом говорит кхмерская надпись, найденная в Сайфонге, недалеко от Вьентьяна. На юге Камбоджа владела частью Малаккского полуострова, на западе — частью Бирмы, а на востоке ей была полностью подчинена Тямпа (современный Центральный Вьетнам). Надпись в Прах Кхане является свидетельством значительного влияния, которое имел Джаяварман VII у соседних правителей.

Древний обычай, который частично сохранился еще в наше время в церемониях королевского двора Камбоджи, требовал, чтобы при важных официальных торжествах воду, необходимую королю для ритуального омовения, приносили люди высокого ранга: принцы, даже правители, находящиеся в большей или меньшей зависимости от кхмерской короны. Это было знаком вассальной зависимости, смирения, возможно, просто уважения. Так, надпись в Прах Кхане говорит, что вода для обряда королевского омовения ко двору Джаявармана VII доставлялась «Сурьябхаттой и другими брахманами, королем Явы, королем джаванов и двумя королями Тямпы». Сурьябхатта — это, вероятно, глава брахманов; король джаванов — это император Вьетнама Ли Као-тон, правивший в 1175—1210 гг.; о двух же королях Тямпы говорилось выше.

Безусловно, из этого нельзя делать такой вывод, что Вьетнам и Ява находились в вассальной зависимости от Камбоджи; в данном случае речь шла, вероятно, о знаках уважения между союзными или дружественными правителями; в то же время это указывает на влияние, которым пользовался Джаяварман VII во всей Юго-Восточной Азии. Другим показателем его влияния являются матримониальные союзы, которые он заключил и которых, по-видимому, очень добивался, если судить все по той же надписи в

Прах Кханс: «Тем, кого он уже осыпал богатствами, он давал в жены своих дочерей замечательной красоты».

Смерть жены, королевы Джаяраджадеви, нанесла тяжелый удар Джаяварману VII, ибо он, по-видимому, был сильно привязан к ней, бывшей ему верной подругой в тяжелые годы. После смерти Джаяраджадеви он женился на ее старшей сестре, женщине со многими достоинствами, большой культуры; надписи говорят, что ее знания превосходили знания философов. Она занимала высокую должность преподавателя в наиболее почитаемых в стране буддийских монастырях. Ее замужество положило конец преподавательской деятельности, но она по-прежнему сохранила интерес к умственным занятиям. И надпись продолжает: «Женщинам, которые избрали своим наслаждением науку, она раздавала королевские милости как чудесный нектар в виде познаний». Именно ей приписывают редакцию составленной цветистым слогом надписи на знаменитой стеле королевского дворца, из которой мы приводили многочисленные выдержки.

Джаяварман VII дожил до преклонных лет. Еще в 1201 г. его имя упоминается в связи с отправкой посольства в Китай. Дата его смерти точно не определена, вероятно, ее следует отнести к 1219 г. Что касается обстоятельств его смерти, то они остаются загадкой для ученых, истративших по этому поводу много чернил.

Легенда, до сих пор распространенная в Камбодже, приписывает смерть Джаявармана VII болезни, весьма распространенной не только в ту эпоху, но и в наши дни: проказе. Джаяварман VII, очевидно, был «королем, больным проказой», подобно его современнику Бодуэну IV, королю иерусалимскому. Нужно признать, что эта легенда основана на ряде волнующих иконографических документов, которые стали предметом глубоких исследований специалистов. Речь идет прежде всего о двух барельефах из Такео, расположенных на фронтоне небольшого строения, называемого «больницей». Здесь изображен человек, несомненно, с одним из важных симптомов проказы: «орлиной лапой», образованной из-за контрактуры последних двух пальцев руки.

Другой барельеф из Ангкор Тхома, где изображено некое высокое лицо, вероятно король, изучался доктором Менаром, директором Пастеровского института в Сайгоне. В письме к Виктору Голубеву он следующим образом раскрывает содержание исследуемого изображения: «Предплечья и кисти больного внимательно рассматриваются женщинами, которые его окружают. Движение одной из них представляется мне характерным, она оттягивает правый мизинец как бы для того, чтобы разжать «орлиную лапу». По ее движению кажется, будто она просит своих соседок обратить внимание на этот важный признак. Нижние конечности поддерживаются предметом, помещенным у пациента под коленями. Одна из женщин поддерживает левой рукой ногу пациента, а правой рукой, по-видимому, массирует его левую ногу. Жесты этих женщин, по всей вероятности, указывают, что у пациента появились признаки поражения конечностей; это трофические расстройства вследствие поражения периферической нервной системы. Другая важная деталь: по сторонам больного стоят два человека с вазами, наполненными плодами круглой формы. Может быть, это семена дерева шолмаграа (крабао), очень распространенного в лесах Ангкора и часто употребляемого даже и в наши дни при лечении проказы. Возможный диагноз: проказа в стадии поражения нервных окончаний».

Осторожность диагноза не мешает Менару сделать следующий вывод: если изображенное лицо действительно король, а это можно предположить по данным иконографии, тогда это послужит подтверждением легенды, о которой мы говорили. Другой связанный с этим факт: один из средневековых текстов Индии говорит о паломничестве к священным для буддистов местам, предпринятом пораженным проказой королем Камбоджи. Ввиду того, что Джаяварман VII был ревностным буддистом, такое паломничество вполне правдоподобно. Не объясняется ли также этой болезнью строительство королем многочисленных больниц для прокаженных? Но как бы то ни было, нельзя связывать эти выводы со знаменитой статуей Ангкор Тхома, так называемым прокаженным королем. Она не имеет никакого отношения к личности Джаявармана VII и,

по всей вероятности, изображает дхармараджу, верховного судью ада. Статуя эта весьма посредственна по исполнению и более обязана своей известностью литературе о ней, нежели своим действительным художественным достоинствам. Что касается проказы, которой болен изображенный персонаж, то ее симптомы выражены только, как отметил г-н Гэз, несколькими участками кожи, пораженной лишаем.

Мирные дела Джаявармана VII имеют гораздо большее значение, чем его политическая и военная деятельность. Если он и был великим завоевателем, то только по необходимости,— чтобы восстановить территориальную целостность страны, освободить ее от чужеземных вооруженных банд, разорвавших страну, и дать ей возможность жить в мире. После того как им была выполнена миссия освободителя кхмерской земли, он смог приступить к мирным делам, которые были ему более по сердцу и, как он считал, более подобали как королю; об этом он никогда не забывал, даже в самое трудное для страны время. После установления мира в стране он все свои усилия посвятил его сохранению.

Мы можем примерно представить себе облик Джаявармана VII, ибо впервые в истории кхмерского искусства барельефы и статуи изображают его как живое существо, а не как условную фигуру с чертами божества.

Время сохранило нам две статуи, которые специалисты считают возможным рассматривать как «портреты» Джаявармана VII. Это два бюста: один — из Ангкор Тхома — украшает музей в Пномпене, другой — из Пхи-май, около Кората, находится в Бангкоке. Первый, может быть, самое впечатляющее произведение кхмерской скульптуры благодаря глубокому реализму, который, однако, не лишает изображения духовности, и отсутствию стилизации. На обоих бюстах мы видим одно и то же лицо, чьи изображения находятся на барельефах Байона; это лицо соответствует нашим представлениям о Джаявармане, которое можно составить по надписям: человек в зрелом возрасте (ему было более пятидесяти лет, когда он взошел на трон), крепкий, закаленный в походах, с суровыми чертами, плотного сложения, с лысой и выбритой головой, на макушке которой он оставлял небольшой пучок волос.

Энергичный и предусмотрительный, терпеливый и тонкий политик, способный годами выжидать удобного момента для осуществления своих планов, Джаяварман был вместе с тем благочестивый и добрый человек, искренне верующий буддист, который предпочитал мир войне и прибегал к ней только при крайней необходимости. Он принадлежал как буддист к Большой колеснице и всю жизнь подчеркивал свое исключительное преклонение перед Локешварой, бодисатвой, особенно почитаемым в Камбодже.

Жизнь Джаявармана некоторыми чертами напоминает жизнь великого индийского царя-буддиста Ашоки; чтобы облегчить путешествия, Джаяварман построил многочисленные дороги, пересекавшие его страну во всех направлениях с севера на юг — от Таиланда до Тямпы, и на этих дорогах ставил убежища для путников. Стела в Прах Кхане перечисляет сто двадцать один такой дом, расположенный радиально на равных отрезках дороги вокруг столицы: пятьдесят семь по пути из Виджайи, столицы Тямпы, семнадцать на пути в Пхимаи на плато Корат, один в Пном Чизоре, расположение двух других не указано, сорок четыре указаны на дороге, оставшейся для нас неизвестной. Вероятно, в этом случае речь шла о каком-то круговом маршруте паломников, ибо многочисленные храмы располагали такими убежищами, стоявшими обычно внутри ограды, около восточного входа. Некоторые из них были обнаружены. Они располагались на расстоянии 12—15 км друг от друга, что соответствовало нормальному переходу продолжительностью четыре-пять часов. Эти «дома с огнем», как их называет надпись, имели комнату для отдыха и другую комнату, которая служила кухней, где помещался очаг. Эти помещения были очень удобны, ибо спустя сто лет великий китайский путешественник Чжоу Да-гуань пишет о них с восхищением: «На больших дорогах имелись места для отдыха, схожие с нашими почтовыми станциями».

«Социальная» деятельность Джаявармана VII проявилась также, как говорят надписи, в строительстве ста двух больниц, расположенных по всей территории страны и связанных между собой сетью дорог, о которых мы говорили выше. Все жилые дома, в том числе и правителей, строились тогда из дерева или легких материалов. Это относится и к больницам, поэтому никаких следов подобных строений не сохранилось. Однако небольшой храм при больнице строился из камня, строительного материала, предназначенного для религиозных сооружений. Развалины некоторых из этих больничных часовен сохранили стелы с надписями, которые дают представление о том, как распределялись эти больницы по всему королевству.

По надписям, больницы находились под покровительством Бхайшаджьягуру Ваидурьяпрабха — Будды-врача, целителя, «Властителя лекарств, сверкающего, как берилл», буддийского божества Большой колесницы, глубоко почитаемого и сейчас в Тибете и Китае. В надписях имелись и правила внутреннего распорядка больниц, о котором перевод Сёдеса дает ценные сведения: «Лишь представители четырех каст могли пользоваться больницей. В больнице было два врача, и у каждого помощники — мужчина и две женщины; два человека, в обязанности которых входило распределение лекарств; два повара, имеющих право на получение топлива и воды и обязанные в то же время поддерживать чистоту в храме; два служителя, ведающие подготовкой подношений Будде; четырнадцать фельдшеров; шесть женщин, в обязанности которых входило кипячение воды и растирание медикаментов; две женщины, занятые приготовлением рисовой муки. Штат больницы состоял из тридцати двух человек, живущих непосредственно на ее территории; кроме того, при больнице было еще шестьдесят шесть человек обслуживающего персонала, живущих на собственные доходы вне ее территории. Всего персонала — девяносто восемь человек. Количество риса для жертвоприношений богам было установлено в одно буасо⁴² в день. Остатки риса отдавались больным. В список продуктов, получаемых три раза в год с королевских складов, входили: мед, сахар, камфара, кунжут, пряности, черная горчица, тмин, мускатный орех, кориандр, укроп, кардамон, имбирь, кубеба, мироболан, корица, перец, индийский нард, сок грудной ягоды, которые отпускались в точно отмеренных количествах».

Удивительны размеры этих больниц, количество персонала, разнообразие медикаментов, из которых такие, как перец и камфара, еще не так давно широко применялись на Западе. И ведь говорилось только о провинциальных больницах, тогда как существовали еще и другие, гораздо больших размеров, в крупных городах. В Ангкоре нашли остатки четырех таких больниц в четырех углах городской стены. Стела Та Прохм указывает общее количество продуктов питания и лекарств, потребляемых всеми больницами страны в деревнях и в городах; оно внушительно: «11 192 *т* риса, произведенного 838 деревнями с населением в 81 640 человек, 2124 *кг* кунжута, 105 *кг* кардамона, 3042 штуки мускатного ореха, 48000 жаропонижающих средств, 1960 коробочек мази от геморроя и т. д.». Неизвестно, чем больше надо восхищаться — громадными ли усилиями по уходу за больными или же порядком, царившим в королевской администрации.

Огромное внимание, уделявшееся больницам, говорит о серьезной заботе Джаявармана VII о благополучии и здоровье своих подданных. Текст надписей, кроме того, говорит о том, что у этого короля, искренне и глубоко верующего буддиста, религиозные заботы как бы воплощались в заботах о материальном благополучии и здоровье своего народа. Для буддиста сострадание ко всему живущему является не только первой заповедью, но также и средством приобрести заслуги, исправить плохую карму, созданную в результате прошлых поступков; вероятно, Джаяварман VII стремился искупить большой для каждого буддиста грех, который он совершил, ведя войну, даже и ради «справедливого дела».

⁴² Буасо=12,5 л. (Прим. перев.)

Несомненно, Джаяварман VII разделял буддийскую религиозную концепцию — между прочим, благородную и прекрасную — о роли правителя, отождествленного с абсолютом, ответственного за судьбу своего народа, за счастье или несчастье своих подданных, что зависит от того, насколько добродетелен сам король. Кроме того, он выполнял функции чакравартина, или «повелителя вселенной, вращающего Колесо Закона»; такой правитель имеет возможность и обязан управлять своей жизнью и жизнью своего королевства в соответствии с мировым порядком.

Итак, образ Джаявармана VII полностью отвечает тому представлению, которое мы получаем из указа о больницах: «Он страдает от болезней своих подданных больше, чем от своих собственных: ибо страдание народа есть страдание королей». Далее в том же указе говорится: «Полный сострадания к миру, король выражает такое желание: Я бы хотел поднять с помощью добродетели все существа, погруженные в океан существования. Пусть все короли Камбоджи, стремящиеся делать добро, сохраняют мои начинания, тогда со своими потомками, женами, чиновниками, друзьями они достигнут состояния освобождения, где не будет больше болезней».

Таковы эти благородные слова, глубоко проникнутые учением Будды; они вызывают в памяти язык некоторых надписей Ашоки и, что любопытно, один из известных текстов «Махаяны» — «Шикшасамуккаю». Это произведение индийского философа Шантидевы может быть датировано примерно 800 г.; оно основано на предшествующих ему текстах «Махаяны»; вполне возможно, что Джаяварман был знаком с этими произведениями; вот характерный отрывок: «Необходимо, чтобы я нес на себе бремя грехов живых существ. Не думая о собственном освобождении, я хочу привести все создания к высшему познанию Будды. Пусть лучше страдаю я один, чем множество этих созданий, я хотел бы телом, которое принадлежит мне, претерпеть все страдания мира, чтобы облегчить участь всех живущих на земле. Чтобы освободить мир, я пришел к мысли стать Буддой».

Эта мысль о том, чтобы стать Буддой, другими словами стать бодисатвой, «будущим Буддой», несомненно, была у Джаявармана VII. Она была, впрочем, только первым применением в буддизме культа бога-короля, шиваитской королевской лингии, исповедуемого первыми кхмерскими правителями-брахманистами. Далее мы будем свидетелями поразительного отождествления Джаявармана VII с Локешварой, милосердным бодисатвой.

Другая большая добродетель буддиста — терпимость. Джаяварман обладал ею в большой степени, но нужно признать, что ею обладали и другие его предшественники-буддисты. Во время его правления брахманы играли при дворе чрезвычайно важную роль. Их репутация «знатоков вед» была так велика, что привлекла в Ангкор Хришикешу, который принадлежал к брахманскому роду Бхарадваджа, происходившему из Нарпатидеша, — эти подробности сообщает надпись в Ангкор Тхоме. Город Нарпатидеша — это, по-видимому, Бирма, где правил в то время король по имени Нарпатиситха. Хришикеша был принят при дворе с большими почестями, и Джаяварман VII сделал его своим придворным священником с титулом джаямахапредхана. В этом нет ничего удивительного, ибо в современной Камбодже, цитадели буддизма Малой колесницы, всегда при дворе существует орден брахманов-баку, которые, как мы уже говорили, играют главную роль в некоторых официальных церемониях: посвящения короля, праздника первой борозды, праздника вод.

Еще более, чем в светских сооружениях, больницах и домах для путников, призвание строителя у Джаявармана VII проявилось в сооружении религиозных зданий, камни которых свидетельствуют о его гении.

Они настолько многочисленны и так велики, что кажется даже невозможным, чтобы такая масса камней могла быть приведена в движение всего лишь за каких-нибудь двадцать лет царствования Джаявармана VII. Тем не менее в этом трудно усомниться, ибо период военных походов, который предшествовал его вступлению на престол, и

брахманская реакция, наступившая после его смерти, очень мало сочетается со строительством огромных буддийских ансамблей, сооруженных в его правление. Следовательно, объяснение этому факту нужно искать в настоящей строительной лихорадке, сверхчеловеческом усилии всего народа, что, в свою очередь, объясняет крушение кхмерского королевства, наступившее в период правления преемников Джаявармана VII.

Одним из наиболее поразительных примеров строительной лихорадки при Джаявармане VII и гигантских усилий, которых она потребовала, является храм Бантеай Чмар. Расположенный очень далеко от столицы, в местности, затерянной на северо-западе страны, труднодоступный, почти забытый даже самими камбоджийцами, он был выстроен в память одного из сыновей короля, принца Шриндракумары. Сейчас храм сильно разрушен, но в свое время с пятьюдесятью башнями и чудесными скульптурами он был одним из самых величественных и прекрасных храмов страны кхмеров. По оценке Жоржа Гролье, только одно строительство храма потребовало труда сорока четырех тысяч человек в течение восьми лет при десятичасовом рабочем дне!

Что касается украшений храма, то для них потребовались усилия тысячи скульпторов в течение двадцати лет.

Другие храмы были также построены в удаленных от столицы районах: Ват Нокор в Кампонгчаме, Та Прохм в Бати, не считая небольших алтарей, предназначенных для двадцати трех статуй Джаябуддхамаханатхи, о которых говорится в надписи на стеле Прах Кхана и которые находятся в городах Лопбури, Супхане, Ратбури, Печабури, Мьонг Сине, на территории современного Таиланда.

В группе собственно Ангкора укажем па Бантеай Кдей, к востоку от столицы, на берегу красивого пруда Срах Сранга. Детали строения говорят о том, что оно представляет собой перестройку старого храма, сооруженного в стиле Ангкор Вата. Пруд Срах Сранг, над которым расположена терраса-причал, ориентированная к Бантеай Кдею,— одно из самых очаровательных мест Ангкора, спокойный, располагающий к отдыху, всегда с прозрачной водой, окруженный деревьями. Отсюда открывается великолепный вид на парк Ангкора, и не случайно путешественники часто сравнивают его со швейцарскими озерами и прекрасной перспективой Версальского парка.

Поблизости от Бантеай Кдея находится Та Прохм, расположенный также вблизи от юго-западной оконечности Восточного Барая. Построенный в 1186 г., он был предназначен для статуй королевы-матери Джаярад-жаиудамани и наставника правителя гуру Джаяманга-лартхи, не считая двухсот шестидесяти других статуй. Королева-мать была представлена в виде великого буддийского божества Праджнапарамиты, «совершенства мудрости», «матери божественного знания». Название этого буддийского храма — индуистское, ибо он посвящен Та Прохму, «предку Брахме». Действительно, камбоджийский буддизм включил в свой пантеон значительное число брахманских божеств.

Для посетителя Ангкора Та Прохм представляет особое очарование, ибо он оставлен в том состоянии, в каком его в начале XIX в. обнаружили первооткрыватели Ангкора. Восхищенный посетитель испытывает глубокое волнение от этого гармоничного сочетания камня и природы. Археологи Французской школы Дальнего Востока ограничились тем, что восстановили развалины храма, укрепили расшатавшиеся камни, очистили подступы к нему от лиан и помешали могучей природе Камбоджи продолжить уже начатую разрушительную работу.

Речь здесь идет скорее о монастыре, чем о храме; нам стали известны все детали его организации благодаря сохранившейся на его территории большой стеле. «Храм владел 3140 деревнями, и его обслуживало 79365 человек, из которых 18 были верховными жрецами, 2740 служителями культа, 2202 помощниками, 615 танцовщицами. Храму принадлежала золотая посуда общим весом более 5000 кг, почти столько же серебряной посуды, 35 бриллиантов, 40620 жемчужин, 4540 драгоценных камней, большая

золотая чаша, 967 китайских покрывал, 512 шелковых постелей, 523 зонтика». Далее надпись перечисляет: «Продукты питания всякого рода: рис, масло, молоко, патока, растительное масло, зерно, употребляемые для ежедневных жертвоприношений; продукты, оставленные для праздников; список продуктов, поступающих каждый год из королевской казны, — зерно, масло, молоко, мед, растительное масло, воск, сандал, камфара, 2387 одежд для статуй». Надпись заканчивается обращением к королеве-матери, в честь которой и был основан этот монастырь: «Творя добрые дела, король, благоговевший перед своей матерью, пожелал, чтобы во имя свершения им добрых дел его мать, вырвавшись из власти океана перевоплощений, наслаждалась бы состоянием Будды». Дорого стоили народу Камбоджи эти добрые дела, которые шли на пользу главным образом правителям, чья роскошь очень плохо вязалась с духом простоты и бедности изначального буддизма.

Красивый и величественный, Та Прохм имеет ряд недостатков, которые мы находим во всех памятниках, относящихся к последнему периоду кхмерского искусства, и которые характерны для стиля, называемого Ангор Тхом. План уже не отличается строгостью и уравновешенной гармонией, свойственной Ангор Вату. Исчезают этажи у террас храма-горы. Впечатление подъема создается только за счет разной высоты башен и центральной башни-алтаря, возникающей из внешне беспорядочного переплетения зданий и галерей. Более того, восприятие ансамбля затрудняется из-за присоединения случайных павильонов, поддерживающих существовавшие ранее постройки, что уничтожает единство архитектурного комплекса.

Детали сооружения отличаются гораздо менее тщательной отделкой: видны следы торопливости, переделок с многолетними перерывами, весь ансамбль создает впечатление стиля, клонящегося к упадку.

Второй крупный ансамбль, построенный Джаяварманом VII,— Прах Кхан, «священный меч», мавзоль его отца короля Дхараниндравармана II, изображенного с чертами великого бодисатвы Локешвары. В связи с этим интересная проблема была поставлена Жоржем Сёде-сом. Два первых больших храма, построенных Джаяварманом VII, Та Прохм и Прах Кхан, представляют собой алтари двух самых важных божеств кхмерского пантеона «Махаяны»: Праджнапарамиты, «матери метафизической мудрости», и Локешвары, «бога милосердия», изображенных в облике матери и отца правителя. Эти божества составляют два элемента великой триады буддизма, третьим в которой является Будда. Эта триада многократно изображена на памятниках Ангор Тхома. Все начальные обращения надписей Джаявармана VII относятся именно к ним. Он, таким образом, стремился в королевском городе воссоздать триаду, бывшую предметом его поклонения. Однако отсутствовал один самый главный элемент — Будда. Его нашли только в 1933 г. в основании Байона, центрального храма Ангор Тхома. Это была гигантская статуя Будды, символизирующая Будду-короля. Триада была восстановлена.

Прах Кхан образует большой четырехугольник размерами 700 на 800 м, окруженный рвами. Его площадь равна 56 га. Для ансамбля характерны недостатки, отмеченные в Та Прохме,— отсутствие гармонии в планировке, изобилие различных строений, галерей, дополнительных павильонов, создающих настоящий архитектурный хаос. Особенно этот недостаток сказывается, так же как и в Та Прохме, в скученности строений, в ограниченном внутренней стеной центре ансамбля, хотя весь ансамбль занимает обширное пространство. Пустое теперь, это пространство раньше было, вероятно, заполнено различными строениями из легкоразрушающихся материалов, от которых не осталось в настоящее время никаких следов.

В Прах Кхане впечатление нагромождения построек усиливается еще и тем, что на его территории беспорядочно размещены строения, воздвигнутые в разное время. Надписи на стенах говорят о том, что это были религиозные сооружения, построенные высокопоставленными лицами и посвященные различным персонифицированным божествам. Ансамбль представляет собой нечто вроде некрополя.

Одной из особенностей Прах Кхана является то, что вдоль его широких аллей выстроены балюстрады в форме наг, так же как в Ангкор Вате, Ангкор Тхоме и Бантеай Чмаре; в большинстве других храмов, возведенных в городе Джаявармана VII, этого нет. Наги являются символом верховной власти. Из этого можно заключить, что Прах Кхан какое-то время был центром настоящего королевского города: отсутствие некоторых архитектурных деталей, например башен с изображением ликов, указывает только на то, что он относится к более раннему периоду, чем Ангкор Тхом. Не исключено, что этот город служил для правителя временной столицей, пока велись работы по строительству Ангкор Тхома.

Надписи на стелах говорят, что в Прах Кхане находились 515 статуй, больница и дом для путников. «Поставщиков и обслуживающего персонала было 97 840 человек — мужчин и женщин, среди которых имелась тысяча танцовщиц. Восемнадцать больших праздников в году отмечались здесь с большим великолепием, кроме того, десять дней в месяц здесь тоже считались праздничными».

Джаяварману VII приписывается сооружение и других, менее важных построек: Бантеай Прея, Та Неи, Кроль Ко, башен Суор Прата, Та Прохм Кель, Неак Пеан, относящихся к буддийскому культу. Суор Прат представляет для археологов загадку своими двенадцатью башнями из латерита с квадратной планировкой, с двумя этажами, из которых один несколько выступает вперед, с окнами по трем сторонам этих башен, причем башни окаймляют восточную сторону Королевской площади Ангкор Тхома. Это не храмы, но в то же время их вряд ли нужно рассматривать, как следует из названия, как «башни канатоходцев», между которыми протягивались канаты для упражнений жонглеров и акробатов. Китайский путешественник Чжоу Да-гуань тоже не слишком правдоподобно объясняет их назначение, но сообщает при этом о некоторых обычаях кхмеров: «Если две семьи спорят между собой и неизвестно, кто из них прав, то для решения вопроса используются двенадцать невысоких башен из камня, стоящих перед дворцом. Каждый из тяжущихся садится на одну из башен. У подножия башен стоят члены конфликтующих семей, которые наблюдают друг за другом. После одного, двух, трех, четырех дней тот, кто неправ, обнаруживает это каким-либо образом: либо он покрывается язвами, либо чирьями, или же у него начинается катар или злокачественная лихорадка. Тот же, кто прав, остается здоровым. Так они определяют правого и неправого и называют это „судом неба“». Таким образом, здесь идет речь о форме судопроизводства, уже упоминавшейся в главе о Ченле. Можно добавить только, что, оставаясь неподвижным в течение многих дней на вершине каменной башни под лучами жгучего камбоджийского солнца, любой, даже самый невинный человек, мог стать виновным!

Другим интересным памятником этой эпохи является Та Прохм Кель, разрушенная простая каменная башня, стоящая в трехстах метрах от западного входа в Ангкор Ват. Это часовня одной из ста двух больниц, основанных Джаяварманом VII, украшенная изображениями милосердного бодисатвы Локешвары. Надпись в Та Прохм Келе переносит сюда действие легенды о Пона Креке, нищем-паралитике. Он был исцелен лошадью Индры, а затем оседлал ее, чтобы подняться в обитель богов.

Неак Пеан — «змеи, свернувшиеся кольцами», является одним из самых гармоничных ансамблей Ангкора. Надпись в Прах Кхане дает его поэтическое описание: «Король Джаяварман VII разместил водоем Джая-така как зеркало счастья, украшенное драгоценными камнями, золотом и гирляндами. Воды этого озера озарены светом Прасата и кажутся золотыми, окрашенными красным цветом лотосов. Своим отблеском они вызывают образ лужи крови, пролитой Бхагаватой. В середине возвышается островок, прелестный среди окружающих его вод, очищающий от грязи греха всех, кто касается его берегов, и служащий как бы судном, на котором пересекают океан существований». Островок был местом паломничества, особенно посещаемым больными, которые купались в этих водах и возвращались исцеленными.

Чжоу Да-гуань тоже упоминает об этом маленьком храме, называя его «Озером Севера». Это символический памятник, который олицетворяет озеро Анаватапта, центр мира, находящееся в сердце Гималаев и почитаемое в Индии за якобы целебную силу его вод. В середине озера, окруженный нагами, от которых и произошло название храма, возвышается алтарь Будды бессмертного, находящегося в состоянии нирваны. Изображенный здесь Будда покоится на цветке лотоса, который растет в грязи прудов, не теряя своей чистоты. Алтарь украшен скульптурами, изображающими различные сцены из жизни Блаженного. Из озера вытекают четыре великие реки мира, представленные в виде четырех фонтанов, бьющих в направлении четырех стран света и оформленных с использованием мотивов из жизни животных. Весь этот ансамбль образует небольшой остров в центре большого искусственного бассейна, 70 м шириной, с прозрачной водой, с цветущими водяными лилиями, среди пышной тропической природы.

Неак Пеан представляет собой один из бесчисленных примеров любви кхмеров к воде, бассейнам, фонтанам. Как часто бывает, он стоит на месте древнего священного фонтана, где существовал примитивный аустро-азиатский культ наг, королей-змей, божеств вод и источников, культ, воспринятый индуистами и буддистами.

Все сооружения, все кхмерские храмы имели священные бассейны. Каждый город, каждое святилище было окружено рвами: рвы Ангкор Вата, например, достигали по протяженности 5 км, рвы Ангкор Тхома—более 13 км. Поблизости от Бантей Кдея находился бассейн Срах Сранг длиной 800 и шириной 400 м; Ангкор Ват величественно возвышался между двумя большими прудами — Восточным и Западным Бараем; Восточный Мебон был построен в центре Восточного Барая, Западный Мебон — в центре Западного. Эта любовь к воде выражалась также в многочисленных сценах кхмерских барельефов: сбивание молочного моря, сцены рыбной ловли, где рыбы изображены с поразительным реализмом, сцены сражений на воде, морских походов. Среди мифических животных изображаются макары, крокодилы, морские коровы, дельфины... И в наши дни самым важным из камбоджийских праздников является праздник вод, и сама жизнь камбоджийских крестьян проходит наполовину в воде в их жилищах на сваях, с их пищей, состоящей главным образом из рыбы. Не есть ли это пережитки того, что оставило глубокий след в душе камбоджийца и что можно было бы назвать «культурой рыбы»? Этот культ рыбы и воды является общим для всех аустро-азиатских народов и связан, вероятно, с существовавшим раньше тотемом рыбы.

Глава III АНГКОР ТХОМ, КОРОЛЕВСКИЙ ГОРОД

Вершиной архитектурной и творческой деятельности Джаявармана VII в гораздо большей степени, чем все гражданские постройки, чем все храмы, о которых мы рассказали, является строительство столицы — Ангкор Тхома. Речь идет не о первом брахманском Ангкор Тхоме с центром в Пном Бакхенге, а о новом буддийском городе, центром которого является подлинный шедевр — Байон.

Это был громадный город, площадью 900 га. Каждая из сторон его ограды тянулась на 3 км. Высота городских стен, сложенных из глыб латерита и увенчанных парапетом без зубцов, составляла 8 м. Снаружи стены окружал ров, а изнутри по всей длине шла дорога.

По углам стены стояли четыре небольших храма Прасат Чрунги, посвященные бодисатве Локешваре. Это были небольшие крестообразные башни-алтари с ложным вторым этажом. В них находились стелы с загадочной надписью, в которой говорится о постройке Джаяварманом VII «Джаягири, касающегося своей верхушкой ясного неба, и Джаясиндху, достигающего своей глубиной царства змей». В действительности все эти высокопарные определения относятся всего-навсего к стенам и рвам Ангкор Тхома,

который сравнивается с мифической горой, возвышающейся над землей и окружающим ее океаном.

Четверо монументальных ворот в городской стене выходили на четыре страны света. Пятые ворота, ориентированные на восток, открывались на мощеную дорогу, что вела к королевскому дворцу X в., где находилась резиденция Джаявармана VII. Эти ворота примечательны своими башнями со скульптурными изображениями ликов, встречающих посетителей загадочной улыбкой, они — уменьшенная копия большого центрального алтаря в Байоне и излучают «а четыре стороны таинственное могущество милосердного бодисатвы, каменного изваяния Локешвары».

Но сразу, без соответствующей подготовки, попасть в это возвышенное место нельзя. К каждому воротам ведет величественная аллея, окаймленная двумя рядами огромных каменных бюстов богов с одной стороны и демонов — с другой. Чжоу Да-гуань описывает их следующим образом: «С обеих сторон находятся скульптуры пятидесяти четырех духов, напоминающих каменных воителей, огромных и грозных. Каменные парапеты имеют форму девятиголовых змей. Эти пятьдесят четыре духа стремятся удержать рукой змею, как бы не давая ей ускользнуть».

В действительности ансамбль изображает одну из сцен сбивания молочного моря, но, выполненные в соответствии с гигантскими размерами города, персонажи обращены к нему спиной и тянутся от одних ворот до противоположных. Например, изображение богов южных ворот переходит в изображение змея Васуки с одной стороны и демонов северных ворот — с другой. Тело змея опоясывает центральный холм, являющийся как бы осью горы Меру, представленной здесь Байоном. Что же касается напитка бессмертия, полученного в результате сбивания и символизирующего наивысшее блаженство, то он путем магического превращения предназначен обеспечить счастье, благоденствие и победы стране кхмеров и ее населению. Двойные перила, образуемые телом змея, являются символическим изображением радуги, которая, по индийской традиции, представляет связующее звено между землей и небом, между миром людей и богов. Таким образом, пройдя по этому магическому пути, верующие попадают в центральный храм Байон, обитель богов.

Судя по надписям, Ангкор Тхом был крупным городом. Во времена расцвета Ангкор Тхома за его стенами находило приют около миллиона жителей — солдат и рабов, торговцев, священников, сановников, художников и астрономов, магов и прорицателей, ремесленников, знати, нищих и калек. Мы еще вернемся к образу жизни кхмерского населения, к его труду и развлечениям, опираясь на надписи и свидетельства путешественников.

Значение и слава этой столицы привлекли внимание ряда знаменитых людей. Марко Поло, возвращаясь от великого хана Хубилая, основателя китайской династии Юаней, останавливался здесь в 1291 г.; пять лет спустя монгольский император Тимурхан, преемник Хубилая, послал туда посольство, которое после долгого путешествия на лодках прибыло в столицу кхмеров; Чжоу Да-гуань побывал там в 1297 г., и его рассказ — один из лучших источников информации. Все они восхищались замечательным расположением храмов и других строений, особенно системой водяных рвов и внутренних каналов, которые связывали столицу со всей оросительной сетью района, увеличивавшей богатства страны и содействовавшей развитию сельского хозяйства.

Сердцем города была Королевская площадь. Она находилась рядом с храмом Байон, духовным центром столицы. Эта величественная эспланада (550 X 200 м), над которой высились башни Байона, равно была хороша и для проведения официальных церемоний, и для народных гуляний, и для военных парадов. Широкая прямая аллея вела от Врат победы к трехсотметровой Террасе слонов, окаймленной балюстрадой из наг, которая тянулась от Бапхуона до Террасы прокаженного короля. Вознесенная над землей примерно на 5 м, Терраса слонов имеет пять выступов, отделенных друг от друга каменными лестницами.

Центральный массив состоит из ряда террас, расположенных уступами и украшенных барельефами, изображающими больших львов и наг; на стенах — скульптуры гаруд-атлантов, сжимающих в поднятых руках хвосты змей наг, а ногами с когтями подпирающих тела наг. На этой центральной площадке правитель принимал почетных гостей, которые, поднимаясь вверх по ступеням, тем самым выражали свое к нему уважение. А вдоль всей террасы, на протяжении 300 м, изображена необычная вереница слонов в натуральную величину высотой 3 м, с погонщиками, в батальных сценах или в сценах королевской охоты.

На севере Террасу слонов продолжала Терраса прокаженного короля, образующая надежный бастион, каждая сторона которого равнялась 25 м. Горельефы Террасы прокаженного короля изображают мифических персонажей — девов и асур, окруженных женщинами. Эти прекрасно выполненные статуи — одно из последних значительных явлений кхмерского искусства в области скульптуры.

Что же касается «прокаженного короля», статуя которого дала название террасе, то это, как выяснилось, вовсе не король и не прокаженный, а судья ада. Известно, что во времена Ангкора терраса служила местом кремации. И вообще эта статуя, которую часто представляли как шедевр кхмерского искусства, — работы очень посредственной. Формы ее вялые, лишены характерности и выразительности. Изображаемый персонаж сидит «по-явански», в позе «царского отдыха» с поднятым правым коленом, опершись на плиту из песчаника. Интересна скульптура только тем, что это единственная в Ангкоре статуя, изображающая нагого человека, правда без половых признаков.

На территории королевского дворца находится несколько храмов, о которых мы уже упоминали: Бапхуон, Прах Палилай и Пхименеакас. Первый храм — шиваитский — времен царствования Удаядитьявармана был сооружен до Ангкор Тхома, Пхименеакас — еще более древний, его строительство продолжалось в царствование Раджендравармана, Джаявармана V и Сурьявармана I. Стиль этих храмов отличается от стиля Ангкор Тхома, и они расположены в отдалении от центра, так как не входят в ансамбль королевского города Джаявармана VII.

Душа Ангкор Тхома, Байон, помещен в геометрическом центре города, на стыке двух больших осевых аллей, пересекающих его с севера на юг и с востока на запад. И если Ангкор Ват бесспорно является шедевром среди памятников группы Ангкора в силу его архитектурного совершенства, гармонии форм и планировки, воздушной стройности башен, безупречной классической красоты, то Байон излучает какое-то колдовское очарование, странное и волнующее, вопреки или, быть может, именно благодаря его несовершенству. Все поддаются этому странному обаянию, оно всюду: в развалинах башен, в лабиринтах дворов, террас, аллей с их таинственным полумраком, в его скульптурах, бесчисленных ликах из камня, в силе вызываемых ими образов, в человеческом тепле, к которому зачастую посетитель более чувствителен, чем к несколько холодному совершенству Ангкор Вата.

Огромное очарование и сейчас исходит от Байона, насколько же оно было сильнее в те времена, когда лес держал его в своих объятиях! Чтобы понять это, достаточно прочитать записи тех, кто видел его тогда. Вот свидетельство Пьера Лоти: «В хаосе колючего кустарника и свисающих лиан продираешься к храму, расчищая себе путь палкой. Лес тесно подступает к нему со всех сторон, душит, разрушает; громадные смоковницы выросли на развалинах и, завершив их разрушение, пустили корни всюду, вплоть до вершин башен, которые служат им основанием. Вот двери: они еле видны за бахромой свисающих сверху корней, подобных выцветшим прядям волос». Дойдя до самого сердца святилища, поэт раздражается новым взрывом чувств: «Я поднимаю голову к башням, которые возвышаются надо мной, утопая в зелени, и невольно вздрагиваю: некто глядит на меня сверху, губы раздвинуты в улыбке... Вот еще одна такая улыбка на другой стене, вот третья, пятая, десятая... Эти улыбающиеся лики отовсюду следят за мной».

Возможно, кто-нибудь и пожалует об этой романтике руин, но слишком велика разрушительная сила тропического леса, его лиан, протискивающихся между камнями как уродливые змеи, разрывая их, сбрасывая статуи с пьедесталов, опрокидывая башни. Только гигантский труд представителей Французской школы Дальнего Востока содействовал освобождению и сохранности храмов, которыми мы восхищаемся сегодня. В противном случае все они превратились бы в бесформенную груду камней, погребенных под переплетениями всеразрушающей растительности. Прекрасную характеристику этой природы дал Олдос Хаксли: «Кормите ее обильно, дайте ей сильные дозы тонизирующего тропического света, напоите ее тропическим дождем, и она выйдет из подчинения».

Освобождение Байона из-под власти тропического леса не уничтожило ореола тайны, которая окутывала его развалины. Это только позволило подробнее ознакомиться с памятником, но все больше загадок задают исследователю некоторые его детали.

Байон. Он изумляет и потрясает даже археологов — людей, которых самый характер занятий заставляет мыслить рационально и не отдаваться лирическому полету воображения. Вот что писал А. Маршалль, старейший из археологов, занимавшихся Ангкором, после того как двадцать лет прожил в непосредственной близости от этого памятника: «Неопределенная масса, подобная скале, обработанной людьми; впечатление странное и тем не менее величественное. Таков Байон, хаотичный, ни на что не похожий, удивительный памятник. Он потрясает настолько, что человек, пораженный невиданным зрелищем, забывает о недостатках архитектуры. Когда бы ни любоваться им — днем или ночью, в сиянии полной луны, невозможно отделаться от мысли, что перед тобою творение, принадлежащее другому миру, созданное существами, абсолютно нам чуждыми, с отличным от нашего мировоззрением. Так и кажется, что ты перенесся в те легендарные времена, когда бог Индра приказал возвести для своего сына, женившегося на дочери короля наг, дворец, подобный тому, в котором тот жил в небесной обители».

По правде говоря, когда впервые смотришь на Байон, с трудом различаешь детали; он производит впечатление каменной горы, доломитовой глыбы серых скал, разрушенных временем. По мере приближения на вершине горы вырисовываются силуэты байонских башен с каменными ликами.

И тем не менее тебя не покидает ощущение мелкомасштабности увиденного, особенно если перед этим ты посетил Ангкор Ват. Действительно, Байон гораздо меньше, чем его соперник. Внутри внешней ограды-галереи, длиною 160 на 140 м, заключена другая, внутренняя галерея, непосредственно опоясывающая сам храм. Ее размеры — 80 на 57 м. Внутри этого прямоугольника, который в сопоставлении с Ангкор Ватом имеет небольшие размеры — 215 на 187 м, все пространство занято круглой площадкой, служащей основанием для круглого же центрального массива диаметром 25 м. Этот массив состоит из центральной башни, окруженной двенадцатью другими с высеченными в них ликами, остальные башни сооружены на осевых павильонах и углах второй галереи, тоже с каменными ликами. Всего их пятьдесят четыре.

Посетителя, особенно если он имеет некоторое представление об архитектуре, поражает также, что планировка храма, как тонко отметил А. Пармантье, «производит странное впечатление тесноты и скученности; башни нагромождены одна рядом с другой, здания теснятся, почти не оставляя свободного пространства, дворы представляют собой настоящие колодцы без воздуха и света».

Причина всех этих конструктивных недостатков в том, что Байон неоднократно перестраивался. Не вдаваясь в подробности, отметим только, что раскопки на глубине около 3 м под плитами позволили обнаружить следы еще более древнего, первоначального Байона, представление о планировке которого можно получить, только разрушив новый Байон, что, конечно, нереально. Впрочем, все, что осталось от древнего Байона, говорит о том, что он ненамного старше дошедшего до нас храма и что, по-видимому, различные этапы строительства храма довольно быстро следовали один за другим.

Как и в Ангкор Вате, стены галерей Байона покрыты фресками на камне. И хотя их исполнение говорит о недостатке профессионального мастерства художников и о лихорадочной поспешности, с которой они работали, и потому часто оставляет желать лучшего, все же в целом они удивительно красивы благодаря присутствию в них человека и множества оживляющих деталей. Темы этих громадных композиций относятся к двум совершенно разным мирам. Сюжеты барельефов на стенах внешней галереи представляют собой важные события из истории Камбоджи и различные сцены народной жизни, тогда как внутренняя галерея отведена для изображения мира богов, эпизодов из легенд и эпических поэм.

Невозможно подробно описать все лепные украшения; ограничимся лишь беглым обзором наиболее характерных сцен, начиная с тех, которые находятся во внешней галерее. На трех регистрах восточной галереи изображен смотр войск. Вооруженных копьями воинов сопровождают музыканты, по бокам которых всадники потрясают копьями. Шутливые сцены сменяются военными сценами: перевозка продовольствия для войск на повозках, подобных тем, которые можно встретить на дорогах Камбоджи и в наши дни; принцессы в паланкинах, разглядывающие проходящих солдат; сцены из домашней жизни, дающие ценные сведения о жилищах того времени, которые схожи с современными жилищами камбоджийцев. Угловой юго-восточный павильон дает яркое представление о морском сражении между кхмерами и тьямами; на военных джонках видны головы гребцов, а над ними — воины высокого роста, вооруженные копьями, луками и щитами. Изображение воды прелестно и наивно: это затопленный камбоджийский лес, наполненный рыбой, которая изображена настолько искусно, что можно распознать виды рыб. Но после небольшой сцены ловли рыбы накидной сетью совершенно нелогично следуют сцены из дворцовой жизни: танцы, беседы, партии в шахматы, состязания борцов и гладиаторов. Затем снова идет морское сражение, заканчивающееся победой короля, изображенного во дворце среди своих подданных. Все эти сцены наивно реалистичны и напоминают лучшие образцы примитивного индийского искусства, например на рельефах Бархута или Санчи.

Совершенно другой характер имеют барельефы внутренних галерей, посвященные различным сценам из легенд о Шиве, Вишну и их аватарах, Раме и Кришне. Эти сцены переплетаются с эпизодами, где фигурируют аскеты, принцы, принцессы. Здесь мы снова встречаемся со знаменитым сбиванием молочного моря; историей сына Кришны и Рукмини, брошенного демоном в море, проглоченного огромной рыбой и освобожденного подобно Ионе; десятируким Шивой, исполняющим космический танец между Вишну и четырехликим Брахмой в сопровождении Ганеши, бога-слона; легендой о Раване, провалившемся под гору, которую он сдвинул с места, чтобы сбросить с нее Шиву и Уму; сценами из «Махабхараты»; наконец, с легендой о прокаженном короле, отравленном змеиным ядом...

Однако сколь ни интересны эти, впрочем незаконченные, фрески Байона, главная его особенность и, более того, духовное содержание заключено в «башнях с ликами», которые и сделали Байон уникальным памятником искусства всех времен и народов. На эти гигантские сверхъестественные лики с загадочными улыбками ушло целое море чернил. Кое-кто совершенно не оценил их красоты, например миссионер Буйево в 1850г., увидевший их гораздо раньше Муо и нашедший эти изображения «благодарными и глупыми», или Лоти, который увидел на улыбающихся ликах с полуприкрытыми веками и плоскими большими носами выражение какой-то увядшей женственности. «О них можно было бы сказать, что это сдержанно насмешливые старые дамы».

Подобные уничижительные оценки в наше время не находят приверженцев. Сейчас наш искушенный взор в состоянии должным образом оценить эстетические представления Востока, столь отличные от наших. Башни Байона, по мнению всех, кто их видел,— самое волнующее и высшее достижение художественного гения кхмеров. Поражает сходство этих каменных ликов с лицами современных камбоджийцев: то же

квадратное лицо, немного плоское, тот же нос, расширяющийся у широко вырезанных ноздрей, те же миндалевидные глаза, полные, четко очерченные губы, та же спокойная и доброжелательная улыбка — эта улыбка Ангкора, характерная для искусства Байона, таинственная, загадочная, которую иногда сравнивают с улыбкой Монны Лизы.

Специалисты-археологи зашли в тупик, пытаясь объяснить назначение этих башен, отбросив все эстетические соображения. Как мы видели, в течение длительного периода времени Байон рассматривали как Главную гору первого Ангкора, столицы Яшовармана I, как святилище бога-короля, королевской линги этого шиваитского правителя. Согласно этой гипотезе, лики, украшающие башни Байона, могут быть изображением Шивы или, что более вероятно, Брахмы, четырехликого бога-созидателя.

Когда Луи Фино установил, что скульптуры на фронтонах Байона несомненно буддийские и изображают Локешвару, пришлось допустить, что четырехликие образы на башнях — это изображения бодисатвы. И есть в них еще один элемент — буддийская символика, одной природы с шиваитской символикой королевской линги, воплощающей личность короля и сущность королевства. Поэтическое чутье Пьера Лоти позволило ему понять это, и он написал: «Со своей высоты эти четыре лика проникают взглядом всюду, взирая на мир сквозь опущенные веки с одним и тем же выражением насмешливого сожаления и той же снисходительной улыбкой: они утверждают, они неустанно внушают мысль о всеведении бога Ангкора».

И Лоти был прав, ибо бог Ангкора, о котором он писал,— это Локешвара милосердный, тот, чьи взоры устремлены на все четыре стороны вселенной, чтобы охранить все живущее, но в то же время это и король Джаяварман VII, отождествленный с Локешварой и простирающий, подобно бодисатве, свое высокое покровительство над всем королевством.

Байон — это гора Меру, космическая гора, центр мира, буддийский эквивалент Золотой горы, горы-храма, который возвышался в центре столицы короля шиваитов. Что же касается священной линги, предмета культа шиваитского короля, то ее буддийским эквивалентом был большой Будда, обнаруженный в 1933 г. в центральном алтаре Байона. Культ бога-короля благодаря Джаяварману VII переходит, таким образом, от брахманизма к буддизму, а это — главное нововведение великого правителя в религиозную традицию кхмерских королей и в культ королевского апофеоза.

* * *

Многочисленные надписи, отрывки из которых мы цитировали, стелы, иконография храмов и фронтонов, барельефы Ангкор Вата и Байона, рассказы китайских путешественников — все это позволяет составить довольно полное представление о жизни Ангкора, который в XII и начале XIII в. находился в апогее своего могущества в правление двух наиболее выдающихся кхмерских королей: Сурьявармана II и Джаявармана VII. Эти свидетельства дают возможность также понять, почему блестящая цивилизация, эта не имевшая себе равных материальная и военная сила, создавшая апофеоз правителей, была лебединой песней Анг-корского королевства: после нескольких десятилетий относительной стабильности наступил упадок, и уже никогда кхмерская империя не возрождалась в былом блеске.

Живая душа страны кхмеров — это король. Но король не только абсолютный монарх, сосредоточивший в своих руках политическую, военную и административную власть. Он, кроме того, живое воплощение бога: пиетет, которым его окружают подданные,— это религиозный культ бога-короля. Его можно сравнить, да и то лишь в известной мере, с культом далай-ламы в Тибете. В Камбодже, однако, власть короля была гораздо деспотичней.

Естественно, что при этом сердце страны — столица, в которой живет король, а сердце столицы — храм-гора, воздвигнутый в центре ее. Его назначение — хранить королевскую лингу или статую короля-Будды, отождествляемую с государем, в зависимости от того, буддист или брахманист король. Камбоджийский храм—это

настоящий город в городе. У него свои высокие стены, своя жизнь, свое население из священников, их помощников, служителей, совершающих жертвоприношения, музыкантов, священных танцовщиц, слуг и рабов; своя сокровищница, где высятся горы золотой и серебряной посуды, драгоценностей, бриллиантов, жемчуга, драгоценных камней, роскошных одежд, ритуальных украшений, различных предметов культа; наконец, собственные склады, где хранятся запасы продовольствия для питания и жертвоприношений; свой скот, своя кухня и подсобные помещения. Надписи в Та Прохме и Прах Кхане рассказывают о многочисленном персонале этих храмов, об их сказочном богатстве, чрезмерных расходах на пышные церемонии и содержание алтаря. Они говорят, каким ужасным грузом являлось содержание всего этого великолепия для тысяч деревень и сотен тысяч крестьян, которые должны были не только обеспечивать жизнь храма, его священников и служителей, но также отправление культа и связанную с ним невероятную расточительность. Понятно, почему каста привилегированных, светские или духовные лица ангорской Камбоджи, пользовавшиеся всеми благами, могли жить безмятежно, с улыбкой, «подобной цветам на деревьях и свету звезд в ночи». Надпись, которая говорит об этом, воздерживается от передачи на этот счет точки зрения сотен тысяч крестьян из тысяч деревень...

Культовые церемонии проходили в торжественной обстановке и с необычайной пышностью. Барельефы и надписи описывают бесконечно длинные процессии, сопровождавшиеся разнообразной музыкой — раковин, букцин, барабанов и гонгов; они повествуют о шествии божеств на золотых носилках, под украшенными драгоценностями зонтами, которые и в наши дни символизируют религиозную и королевскую власть. Все происходило так, как говорится в надписи: «Множество развевающихся в воздухе знамен, гармоничные звуки музыки, восходящие к небу, мелодичное пение под аккомпанемент струнных инструментов, танцовщицы, оживляющие процессию, превращали храм в место, подобное раю Индры».

Содержание храмов ложилось непосильным грузом на плечи народа, но это было лишь малой толикой по сравнению с нечеловеческим трудом, который был затрачен на их сооружение. Можно представить, каковы были усилия народа, создавшего в течение одного только царствования целый каменный мир: города, храмы, различные здания, бассейны, дороги, каналы, лечебницы, постоянные дворы, можно себе это представить, если вспомнить, сколько труда требовалось, по подсчетам Жоржа Гролье, для сооружения только одного храма Бантеай Чмар.

Ничего удивительного, что сила народа истощилась в этих продолжительных сверхчеловеческих усилиях, он оказался не в состоянии отразить нападения врагов, которые вскоре обрушились на страну. Увеличение налогов и повинностей в результате расходов на храмы и духовенство стало одной из причин популярности в народе буддизма Хинаяны, который принесли с собой завоеватели из Сиама.

Грандиозные строительные работы, которые были проведены в таком масштабе и за такое короткое время, смогли осуществиться лишь благодаря прекрасной организации; и мы знаем, что это было до некоторой степени связано с одной из форм рабства. Несомненно, рабство было значительно смягчено по сравнению с тем временем, о котором говорит китайский летописец, когда правители Фунани «захватывали силой и уводили в рабство жителей городов, которые не подчинялись добровольно», оно было менее жестоким и кровавым, чем у ассирийцев и египтян, но тем не менее рабство существовало. Из надписей мы узнаем, что существовали наследственные рабы, приписанные к храмам, и другие, приписанные к домам своих господ; у богатых вельмож часто было более сотни рабов из местных племен моев или лолов, или из побежденных. С рабами сравнительно хорошо обращались, и вся система скорее напоминала систему древнего Рима, чем Египта в эпоху строительства пирамид. Несмотря на это, многие рабы с трудом переносили свое положение, и в последние годы кхмерской империи происходили восстания рабов, которые безусловно содействовали ее падению.

Камни для строительства Ангкора доставлялись с гор Кулена, расположенных в 50 км к северу от города; отсюда их перевозили водой или по суше до места стройки и складывали примитивным способом под присмотром мастеров-каменщиков. Если среди рабочих, занятых на строительстве храмов, были рабы, не следует делать вывод, что эти храмы строились только по принуждению, чтобы прославить правителей, одержимых манией величия. Безусловно, Джаяварманом VII владела страсть к строительству, но он заботился также и о благе своих подданных. Кроме того, для кхмеров, глубоко религиозных, участие в строительстве храма было делом весьма богоугодным, дающим большие заслуги.

Впрочем, произведения искусства не могут создаваться по принуждению. Архитекторы и скульпторы-профессионалы руководили работами и создавали статуи и фронтоны, но тем не менее Ангкор — это образец коллективного творчества, и творчества радостного; он — воплощение глубокой народной веры, подобно нашим романским соборам, его современникам. Правда, радость сменилась усталостью, из-за длительных и напряженных усилий, но нельзя забывать и об энтузиазме и творческом жаре, благодаря которым Ангкор стал как бы выражением души всего народа.

Поскольку король получал свою власть от бога, воплощением которого он являлся, его власть была абсолютной; вся земля в королевстве принадлежала ему; ни одна торговая сделка, ни одно дарение, ни один обмен не проходили без его согласия. Он назначал чиновников, которые стояли во главе армии и руководили внешней политикой королевства. Однако власть, полученную от бога и не принадлежащую лично ему, король должен был употреблять для блага народа. Поскольку король был частью космического порядка, ему надлежало поддерживать в своем государстве общественный порядок, который был одним из проявлений космического. И несомненно, что для Джаявармана VII буддийское благочестие было движущей силой его социальной и политической деятельности.

Не сохранилось никаких следов от жилищ короля и его двора, которые строились, как известно, из легко разрушавшихся материалов. Однако в записках Чжоу Да-гуаня, который посетил Ангкор в XIII в., вскоре после смерти Джаявармана VII, имеется описание Ангкор Тхома. Он был такой, каким мы его знаем сейчас, с его стенами, рвами, пятью монументальными воротами, Байоном — «Золотой башней» — в центре города, Б'апхуоном — «Медной башней» — в одном ли⁴³ к северу от него, Королевской площадью, Пном Бакхенгом, двумя прудами Барая и т. д.

Здания королевского дворца образовали ансамбль сооружений с крышами из черепицы зеленого и золотого цвета с приподнятыми углами. Они были обнесены высокими стенами из темно-красного латерита с башней, на верхушке которой имелся гонг, отмечающий время. Здания были одноэтажные и сооружались прямо на земле или ставились на сваи. Застройка производилась по кварталам, из которых каждый имел свое назначение: помещения для короля, его семьи, министров, высших религиозных сановников, для приемов, гаремы, службы, кухни... В каждом из этих кварталов под прямым углом строились прямоугольные павильоны, с тем чтобы выделить центральный двор; примерно таково же расположение помещений в современном королевском дворце в Пномпене.

Единственной частью дворца, открытой для народа, были залы для приемов. Они отличались неслыханной роскошью. Их крыши из позолоченной черепицы сверкали на солнце. Внутренние перегородки из драгоценного дерева были украшены изящной скульптурой, бронзой, золотом, зеркалами, парчой. Деревянные колонны стояли на консолях и поддерживали богато орнаментированные балки; колонны были покрыты резьбой, позолочены и украшены зеркалами. В конце громадного зала перед одним из окон

⁴³ Ли — китайская мера длины, около 0,5 км.

стоял на возвышении трон короля, сделанный из золота и ценных пород дерева. На нем сидел король во время приемов. В особые дни здесь король показывался народу.

Чжоу Да-гуань описал и одежду короля: «Только один король может носить платье из тканей со сплошным узором. Он носит золотую диадему, напоминающую те, которые находятся на голове у Ваджрадхаров. Когда он без диадемы, он переплетает свои волосы душистыми цветами, похожими на жасмин. На шее у него около трех фунтов крупных жемчужин, на запястьях, лодыжках и на пальцах он носит браслеты и золотые кольца с камнем «кошачий глаз». Он ходит босиком и подошвы его ног и ладони выкрашены красной краской. Когда он выходит, то держит в руке золотой меч». Краска, о которой говорит Чжоу Да-гуань,— экстракт сандалового дерева. Этот обычай еще и сейчас распространен в Камбодже, но не у знати, а среди народа.

По рассказу Чжоу Да-гуаня, правитель спал на вершине «Золотой башни», расположенной в центре дворца. Мы знаем, что речь идет о храме Пхименеакас. Китайский путешественник добавляет пикантные детали: «Все местные жители считают, что в башне живет душа девятиглавой змеи, властительницы земли и всего королевства. Каждую ночь она принимает образ женщины. Сначала правитель делит с ней ложе, затем покидает башню и может идти спать к своим женам и наложницам. Если в одну из ночей душа змеи не появится, значит, королю пришло время умереть. Если король хотя бы одну ночь не поднимется в башню, случится несчастье». Эта легенда интересна тем, что мы узнаем о существовании древнего примитивного культа наг во времена Джаявармана VII.

Сразу за залом для приемов располагалась стража, вооруженная мечами, копьями и щитами с изображениями чудовищ. На стражниках были шлемы, украшенные фигурами фантастических животных, стража охраняла доступ в первый двор, куда разрешалось проходить офицерам и чиновникам королевского дворца, министрам, членам суда, инспекторам административных служб, инспекторам ворот и войск, начальникам над королевскими слонами, начальникам королевских складов и многим другим лицам. Внутри этих помещений тоже стояли стражи, но во избежание несчастных случаев, которые могли произойти в тесной толпе должностных лиц, на копья были надеты предохранительные шары! Разнообразное оружие заполняло государственный арсенал: латы, сабли, мечи, метательные ножи, копья, соединенные цепью по два, которые в бою держали два солдата, катапульты, арбалеты, баллисты на колесах или предназначенные для перевозки на слонах. На озере Тонлесап находился военный флот, состоявший из лодок с «броней» от стрел, сплетенной из ивовых прутьев; лодки приводились в движение гребцами и перевозили «десантные отряды»; в распоряжении флота имелись быстроходные парусные лодки для разведки и внезапных нападений.

Второй двор с высокими деревьями представлял собой прекрасный тенистый парк,— в него выходили парадные комнаты, где король принимал сановников: принцев, министров, священников, глав религиозных сект, королевского жреца — наставника короля, который переживал вместе с ним волнения в день коронации и руководил самыми важными религиозными церемониями.

«Среди этого собрания избранных, в окружении пажей, носителей опахал, слуг, на троне, украшенном золотом, бронзовые ножки которого сделаны в форме наг, сидит король. Золотая диадема с вкрапленными в нее камнями стягивает ему лоб, двойная перевязь чеканного золота перекрещивается на обнаженной груди. Складки парчовой одежды с крупным узором переливаются и красиво лежат на бедрах. Его ладони выкрашены в красный цвет освежающим сандалом. Все насыщено благовониями, которые медленно растекаются в воздухе от легкого покачивания опахал в виде хвоста павлина. Одну ногу положив на престол, другую свесив вниз, Хранимый Богами слушает сановников, которые его окружают».

В личных покоях его охраняют амазонки, которые пропускают только женщин, принадлежащих к королевскому дому, отличая их по специальной прическе. Кроме первой королевы король имеет многочисленных наложниц высокого ранга, часто дочерей

властителей других государств. Эти союзы позволяют устанавливать полезные связи. «Тысяча молодых принцесс, подобных богине красоты, были предоставлены в его распоряжение, они различаются одеждой, прическами, сделанными по моде их родины, но всех их объединяет страстная любовь к нему». Помимо высокопоставленных жен в королевском дворце живут еще многочисленные наложницы менее высокого ранга, танцовщицы, сотни женщин, занимающихся хозяйством, скромные горничные и очаровательные цветочницы.

В глубине королевского дворца кухни, служебные помещения, склады составляют целый маленький город, кишачий торговцами, слугами, ремесленниками, с многочисленными конюшнями, ткацкими, ювелирными и оружейными мастерскими. Куча поваров старается приготовить лакомые блюда, любимые правителем, все пряности Востока, самые редкие продукты используются здесь. Наконец, в одном из уголков королевского дворца имеется и тюрьма для смутьянов и легкомысленных женщин.

Административное управление при Джаявармане VII было одним из самых сложных и одновременно самых совершенных, какие только известны в странах Дальнего Востока; об этом можно получить представление на основании отдельных упоминаний в надписях. Титулы и связанные с ними функции были бесконечно разнообразны. Страна делилась на округа, начиная с самого малого — деревенской общины и кончая вице-королевством. Многочисленная армия чиновников обеспечивала четкую работу административной машины, построенной на строго иерархических принципах.

Одни чиновники обязаны были собирать налоги, другие — изымать у крестьян часть урожая для государственных складов, запасы которых использовались в случае голода или неурожая.

Теоретически земля принадлежала королю, однако пользовались ее плодами крестьяне, которые ее обрабатывали; распределение «высоких» и «низких» земель производилось очень тщательно, с соблюдением закона и справедливости. Кстати, декреты об этом распределении — одна из наиболее часто встречающихся тем в надписях. Торговля регламентировалась королем; инспекторы и торговцы обязаны были следить за тем, чтобы цены не превышали назначенных. Любопытно, что в стране, так строго управляемой, как Камбоджа, не существовало денег и вся торговля велась путем обмена или при помощи товара-эталона, кусочков серебра или золота. Торговля процветала. В стране было множество торговцев из Китая, Явы, Индии, которые приезжали за товарами в Камбоджу, поднимались на своих джонках к столице и везли туда золото, ртуть, китайскую бумагу, изделия из стекла, серу, посуду из фарфора, киноварь, а вывозили из Камбоджи рис, пряности, алоэ, кардамон, рога носорогов, перья диких павлинов и зимородков, медь и олово из рудников Ку-лена. В квартале, расположенном вокруг дворца, жили принцы, высшие чиновники, важные сановники, иностранные послы, крупные торговцы, а также ремесленники, обслуживавшие богатых клиентов: ювелиры, ткачи, художники, скульпторы, архитекторы, литейщики, вышивальщики, мастера по лаку и золоту, чеканщики.

В Камбодже Чжоу Да-гуань отмечает три категории священников. Он различает «Пан-ки, одевающихся, как остальные люди, за исключением белой тесьмы вокруг шеи, которая служит знаком принадлежности к образованным; затем идут чу-ку, которые бреют голову, носят желтые одежды, оставляя открытым правое плечо, и ходят босыми, стремясь во всем подражать Будде Шакья-муни, которого они называют По-лай; едят они только раз в день и читают многочисленные тексты, записанные на пальмовых листьях, наконец, идут па-ссе-вей, почитатели линги, большого камня, похожего на камень алтаря бога земли в Китае». В этом описании легко узнать брахманов, находящихся при дворе, буддийских монахов и шиваитских аскетов. Описанные здесь буддийские монахи похожи на тех, которые существуют и в наши дни, не отличаясь от них даже в мелочах.

За королевским дворцом и окружающим его кварталом простирается бесконечный город простолюдинов, строения которого скрыты листвой деревьев. Он напоминает не

город, а скорее скопление деревень, отделенных друг от друга полями или рисовыми плантациями. Притаившись под тенью арека или сахарных пальм, скрывшись за живой изгородью из бамбука или сахарного тростника, дома жителей города, вероятно, походили на те, которые мы видим теперь. Это были дома на сваях, куда поднимаются по деревянной лестнице, простым ступенькам или по стволу дерева со сделанными на нем зарубками, живописные строения со стенами и потолком из сплетенного бамбука, с крышей из соломы, дающей прохладу и такой удобной в жаркое время. Под домом — тележки, ткацкий станок, гончарный круг или же собаки, свиньи, скот... Каналы пересекают город и соединяют построенные королями громадные баран. Они облегчают орошение рисовых полей; здесь же играют и купаются дети, стирают белье и совершают частые омовения женщины, одетые в саронги⁴⁴, которые являются для них одновременно одеждой и своеобразным купальным костюмом; здесь мужчины занимаются рыбной ловлей для пропитания семьи, а женщины прядут, ткут, толкут рис с помощью громадного песта, который опускают равномерно в огромную каменную ступу, или же возятся с детьми. Здесь же в грязи лежит и дремлет в тени буйвол, богатство камбоджийца.

Официально общественная организация кхмерского королевства была скопирована с индийской, вместе с ее четырьмя главными кастами. Брахманы — священники и ученые, которым надлежало совершать ведические жертвоприношения, кшатрии — благородные и воины, вайшьи — торговцы и дельцы, шудра — рабочие, ремесленники и рабы. Первые две касты являли собой подлинную аристократию королевства, в которую не входили две последующие, а четвертая была даже лишена всяких политических прав.

В действительности различия между кастами были гораздо менее резкими, чем в Индии, и правило эндогамии, запрещавшее всякие брачные союзы между разными кастами, было тоже гораздо менее строгим. Положение крестьян было не таким тяжелым, как могло показаться, если исходить из того, что по традиции земля находилась в полной собственности короля. Фактически крестьянин был владельцем своего рисового поля, дающего урожай благодаря ирригационным работам, которые проводились при разных королях. В повседневной жизни не было различий между представителями каст; даже рабы считались как бы членами семьи.

Еще более, чем писаным законам, жизнь камбоджийцев подчинялась обычаям предков, сохранившимся от древней аустро-азиатской культуры первых жителей Фунани и Ченлы. Таким образом, сохранился старый обычай «предпочтительной женитьбы», обязывающий определенного члена семьи жениться на определенной двоюродной сестре с целью жесткого регулирования состава семейного клана и ограничения браков. Все стадии жизни камбоджийца — рождение, половая зрелость, женитьба, смерть — отмечались религиозными обрядами очень древнего происхождения и совершенно отличными от брахманских или буддийских церемоний. Большинство современных камбоджийских праздников также ничего общего не имеют с существующими в стране религиями и являются пережитками анимистических верований кхмеров, предков современных камбоджийцев; таков, например, праздник Нового года; праздник урожая риса, который отмечается состязанием между юношами и девушками, олицетворяющим соединение двух начал природы; праздник первой борозды; праздник сбора урожая; праздник вод, связанный с изменением режима вод озера Тонлесап. Трупы умерших либо сжигали, либо оставляли на произвол судьбы, и они пожирались птицами. Этим объясняется тот любопытный факт, что кхмерские города не имели никаких некрополей типа наших кладбищ⁴⁵ и что там никогда не находили костей. В то же время нам известны места кремации, например Терраса прокаженного короля в Ангор Тхоме.

⁴⁴ Саронг — кусок хлопчатобумажной или шелковой ткани яркого цвета, который обертывается вокруг талии в виде юбки; главная деталь мужской и женской одежды камбоджийцев.

⁴⁵ Я не говорю, конечно, о кхмерских храмах, многие из которых могут считаться погребальными сооружениями, поскольку они служат мавзолеями для обожествленных правителей.

Нравы были довольно свободными, и проституция, более или менее официально признанная, даже священная, была очень распространена. Станный обычай предоставлял право священнику лишать девственности девушку в возрасте от семи до девяти лет, если она принадлежала к семье, занимающей высокое положение, и в возрасте около одиннадцати лет, если она была из менее влиятельной семьи; только священники считались в достаточной степени обладающими силой, чтобы справиться с опасностью нарушения «табу крови». В обмен за эту важную услугу они получали от семьи подарки, соответствующие ее положению и доходам: вино, рис, шелковую или льняную ткань, серебро или какую-либо драгоценность; в бедных семьях они делали это бесплатно, считая своей единственной наградой удовольствие от сознания выполненного акта милосердия... Несомненно, они охотно жертвовали собой для выполнения подобного действия!

По правде говоря, операция носила скорее хирургический характер, ибо дефлорация совершалась рукой священника, которую он затем омывал вином, после чего все присутствующие смачивали себе лоб этим вином; все это проходило среди песен, танцев и всяких развлечений. Правда, злые языки того времени говорили, что часто операция производилась более естественным образом.

В этом обществе с примитивной организацией женщины были окружены большим уважением, идущим от матриархата. Они пользовались неограниченной свободой, могли заниматься торговлей, принимали активное участие в государственных делах и часто занимали высокие административные посты, в том числе судебные. Некоторые женщины пользовались славой за их познания в астрологии и науках, другие — за их заслуги в области религии. И примеры этому мы видели. Наследование престола шло часто по материнской линии, и некоторые из претендентов, имея равные права по отцовской линии, благодаря материнской получали преимущество. Не исключено, что камбоджийский трон на короткое время занимали женщины, как было, например, с вдовой Джаявармана I, Джаядеви, которая, по мнению некоторых историков, занимала какое-то время трон после умершего короля, своего супруга. Несомненно, что вдовы правителей, даже индуистов, выходили вторично замуж за тех, кто сменял их мужа на троне, в то время как вторичное замужество по законам ортодоксального брахманизма считается мерзким грехом. В Ангкоре существовали многочисленные празднества, и часто весь народ, вплоть до самых ничтожных шудра, принимал в них участие. Чжоу Да-гуань дает подробное описание одного из таких празднеств. Оно проходило на королевской площади перед глазами правителя, сидевшего на богато украшенной трибуне в центре Террасы слонов. Весь народ приглашался на этот праздник. «Перед дворцом стоял большой помост, который вмещал более тысячи зрителей. Его украсили фонарями и цветами. Напротив возвели леса и на вершине расположили петарды и ракеты. Как только спустилась ночь, правителя пригласили на праздник...

В каждом месяце по празднику: в девятом месяце года праздник заключается в том, что в городе собирают жителей королевства и проводят их перед дворцом; в пятом месяце года собирают изображения будд со всего королевства, приносят воду и в присутствии короля омывают их...

Когда начинается выход короля, то впереди движется кавалерия, затем несут знамена, штандарты и следует оркестр. Затем выступают придворные дамы, числом от 300 до 500, в узорчатой одежде, с цветами в волосах, держа в руках большие свечи. Далее идут придворные дамы, несущие золотые и серебряные предметы королевского обихода, а также различные украшения... За ними женщины, держащие в руках копьё и щит; это личная охрана короля... Затем следуют повозки, украшенные золотом, запряженные лошадьми и козами. Министры и принцы едут верхом на слонах; у них бесчисленное множество красных зонтов. Далее появляются жены и наложницы короля в паланкинах и на спинах слонов. Их несомненно более ста, под зонтами, украшенными золотом. Позади всех едет король, стоя на слоне и держа в руках драгоценный меч. Бивни слона

позолочены. Рядом с ним несут более двадцати белых зонтов с золотыми ручками. Вокруг короля шествует множество других слонов и охраняющая его стража верхом на лошадях».

Читая это описание, думаешь, будто ожили не только те шествия, которые изображаются на барельефах Ангкор Тхома, но и современные камбоджийские праздники, ибо почти все сохранилось в точности, как было. И сейчас народ с чувством уважения и почитания теснится вокруг королевского павильона во время праздника вод или первой борозды, падая ниц, когда появляется король. Толпы Ангкора не должны были слишком отличаться от тех, которых мы видим сейчас в Пномпене. Камбоджийский народ с тех пор не изменился ни морально, ни физически. Уже тогда он страстно любил праздники, шум, песни, музыку, танцы — все, что может развлечь в жизни простой и монотонной, которую он ведет; уже тогда он отличался миролюбивой душой, врожденным благородством, наивной и добродушной веселостью, которые составляют очарование этого милого и мягкого народа.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

УПАДОК

Глава I

ПРЕЕМНИКИ ДЖАЯВАРМАНА VII

Странно, что правитель такого масштаба, как Джая-варман VII, не оставил после себя в эпиграфике никаких следов; сохранилось лишь его посмертное имя: Махарамашангатапада, которое еще раз подтверждает его буддийское вероисповедание; дата его смерти неизвестна, неизвестно также, в каком родстве с ним состоял его преемник Индраварман II, вступивший на трон в 1218 г. Вероятно, преемником был один из его сыновей: либо Сурьякумара, автор надписи в Та Прохме, либо Виразумара, автор надписи в Прах Кхане, его сын от первой жены, королевы Раджендрадевы; или Индраварман, сын от второй королевы Джаяраджадеви; или, наконец, Шриндракумара, герой-победитель чудовища Раху. Однако нет данных, которые позволили бы точно определить, о котором из них могла идти речь и, более того, был ли вообще его преемником один из сыновей.

О новом короле Камбоджи известна только дата его смерти, 1243 г. В его правление начался упадок кхмерского королевства, что ознаменовалось прежде всего изменением положения в Тямпе. Китайские хроники отмечают, что в 1216 г. в поход против вьетнамцев, в район Нгеан, отправилась армия из кхмеров и тямпов, но поход закончился их поражением. В 1220 г. кхмеры вывели свои войска из Тямпы, причем причина этого точно неизвестна; вряд ли это было результатом военного поражения кхмеров, но вполне вероятно, что это было «стратегическое отступление», ибо правитель Камбоджи понял, что невозможно сохранить под своей властью такую обширную территорию, и хотел ограничить поле деятельности. Как бы то ни было, надписи отмечают, что в 1226 г. на трон Тямпы вступил некий Парамешвараварман, который был не кем иным, как принцем Ангшараджей на Тураивиджаи, внуком Джая Харивармана I, который играл большую роль в установлении зависимости Тямпы от Камбоджи при Джаявармане VII.

Вполне возможно, что уход из Тямпы находился в прямой связи с серьезными осложнениями, которые возникли у Камбоджи на западе из-за сиамцев⁴⁶. Камбоджа более не стремилась восстановить свое господство над Тямпой, кроме отдельных авантюристов, которые вторгались на ее территорию, действуя на свой страх и риск, во время гражданских войн или конфликтов между соперничающими претендентами на ее трон. «Столетняя война», как ее назвал Масперо, между Тямпой и Камбоджей была закончена. Однако Камбоджа все еще оставалась могучей державой; под ее властью находились

⁴⁶ Из-за появления на границах Камбоджи молодых и динамичных тайских государств. (Прим. перев.)

часть Малаккского полуострова и почти весь бассейн Менама; но напор тайских государств не замедлил и в этом районе подорвать позиции Камбоджи.

Активизация тайских государств была не чем иным, как реакцией на походы монголов, которые в течение XIII в. покинули территорию Китая и двинулись к странам Внешней Индии и далее, по направлению к Европе. Действительно, перемещение тайцев к югу, по крайней мере в самом начале, проходило скорее в виде постепенного проникновения, чем походов завоевателей. В VIII в. они основали в Юньнани королевство Наньчжао, откуда начали последовательное продвижение по долинам крупных рек; это еще один пример часто отмечавшегося процесса заселения Индокитая народами, спускавшимися из бедных горных районов в богатые орошаемые равнины. В 1215 г. тайцы обосновались в Могаунге, к северу от Бамо, затем в 1223 г. создали новое княжество на одном из правых притоков Салуина, а в 1229 г. завоевали Ассам.

К этому времени, укрепившись в результате союза двух правителей — Чиангунга и Чиангсена⁴⁷, тайское государство простиралось вдоль долины реки Нам У до Луанпранга, современной столицы Лаоса. Подчиняя кхмерское население, тайская экспансия развивалась по долинам рек. Тайцы заимствовали тактику монголов, ассимилируя кхмерские правящие классы с тайской аристократией.

Вооруженные конфликты между танцами и народами юга Индокитая начались в это время, ибо с IX в. тямские надписи отмечают, что кроме китайских, вьетнамских, камбоджийских и бирманских рабов имелись пленные и рабы из тайцев. В XII в. на некоторых барельефах Ангкор Вата, в южной галерее, изображены группы воинов, одетых отличным от кхмеров образом; краткая надпись обозначает их как «сиамцев».

У кхмеров название «сиамцы» соответствует слову «мои» — «дикие», которое употребляется вьетнамцами для обозначения горных племен, населяющих Вьетнамские горы. На самом же деле тайцы обладали культурой, следы которой еще и сейчас можно обнаружить в пережитках племенной организации у лаотянцев и феодальной организации мыонгов на Северовьетнамском плато. От китайцев, с которыми они вступали в контакты, тайцы, жившие в верховьях Менама, восприняли материальную культуру, а через Ассам и Юньнань к ним проник буддизм и искусство пала-сена из Бенгалии.

В начале XIII в. экспансия тайцев бурно развивалась; обстановка им благоприятствовала и давала возможность расширить владения, используя слабость соседей-кхмеров, истощенных гигантским строительством, которое развернулось при Сурьявармане II и Джаявармане VII, и утративших былую военную силу и значение; при Индравармане II Средний Менам стал ареной новых столкновений.

В правление двух великих королей кхмеры, как мы говорили, держали в своем подчинении районы Сукотай и Саванкалок; многочисленные следы их господства говорят об этом. Чтобы удержать свои позиции в этом районе и замирился с танцами, Индраварман II выбрал тайского принца Пха Мыонга, женил его на кхмерской принцессе и дал ему титул Камратенг Ань Ши Индрапатиндрадитья. Это не помешало Пха Мыонгу объединиться с другим тайским принцем, Банг Кланг Тао; союзники напали на кхмерского губернатора Сукотая и, изгнав его, завладели городом; Банг Кланг Тао стал правителем нового независимого королевства, а его союзник передал ему свой титул. Кхмерское королевство стало разваливаться под ударами соседей.

Отныне правление каждого нового монарха знаменовало новый шаг к окончательному распаду Камбоджи. После смерти в 1243 г. Индравармана II новый правитель Джаяварман VIII вступил на престол Ангкора; опять невозможно установить степень его родства с предшествующим королем, и даже неизвестно, был ли он его прямым наследником. При этом короле на Камбоджу обрушилась новая волна завоевателей. Началось нашествие монголов.

⁴⁷ Два тайских княжества в верховьях Менама. (Прим. перев.)

В 1260 г. Хубилай, внук Чингисхана, взял власть в свои руки и стал великим ханом монголов. Безжалостно устранив соперников, принадлежавших к его собственному роду, он предпринял завоевание Китая, где правила Сунская династия, и после ряда победоносных походов в 1280 г. утвердился в Пекине, где основал новую, Юаньскую, династию, сменив «Сына неба» и предшествующие двадцать две династии китайских императоров, создавших колоссальную империю.

Не теряя времени, Хубилай стремился укрепить свой сюзеренитет по отношению к соседним королевствам, особенно по отношению к кхмерской империи, слава о которой дошла и до него. Первой возможностью для него вмешаться в дела Камбоджи стала жалоба императора Вьетнама, просившего помощи и поддержки против нападений со стороны кхмеров и тямов. Хубилай ограничился отправкой к нему отряда бирманских войск, и спокойствие восстановилось.

Стремясь скорее получить от Камбоджи дань, Хубилай спешно направил первое «посольство» ко двору Джаявармана VIII. В ответ на его требования Джаяварман приказал перебить посольство. В 1283 г. из-за беспорядков в Тямпе Хубилай временно отложил осуществление своих замыслов в отношении Камбоджи; он послал в Тямпу своего генерала Сагату во главе армии монголов. Захватив северные и центральные районы Тямпы, армия монголов выступила против Камбоджи. Во главе ее стояли «начальник сотни и начальник тысячи» по имени Сулейман. Однако это нападение было отбито кхмерами, которые временно обрели свой боевой дух; оба монгольских начальника «были захвачены (кхмерами) и больше не возвратились». Несмотря на эту победу, Джаяварман VIII, из боязни мести со стороны монголов, согласился в 1285 г. платить дань китайскому императору. С этой стороны опасность была временно устранена, но Камбоджа утратила свою независимость по отношению к Китаю.

Конец правления Джаявармана VIII был отмечен усилением агрессии со стороны тайских государств, которая, однако, достигла своего апогея в годы правления его преемников и закончилась тем, что тайцы полностью освободили весь бассейн Менама; все это привело к ряду тяжелых военных поражений для кхмеров, которые завершились падением Ангкора и гибелью кхмерского королевства.

Внутри страны правление Джаявармана VIII отмечено социальными и особенно религиозными потрясениями. Приверженность к буддизму Джаявармана VII и его страсть к религиозному строительству привели после его смерти к жестокой брахманской реакции, которой благоприятствовало то, что новый король был шиваитом, на что указывает его посмертное имя — Парамешварапада⁴⁸. У брахманов и сановников-индуистов было достаточно оснований, чтобы поднять народ и побудить его к разрушениям, подобных которым не встречается более в кхмерской истории. Сверхчеловеческий труд, затраченный на строительство громадных буддийских храмов, большей частью принудительный, был прекрасным предлогом, чтобы толкнуть народ на отрицание религии, во имя которой было растрчено столько сил и веры. Это привело к разрушению буддийских храмов, которые были ее символами, и к сожжению того, чему ранее поклонялись. Следы этого варварства хорошо видны в Байоне и многочисленных буддийских храмах Камбоджи. Большинство изображений Блаженного и его святых систематически разрушались, уродовались и переделывались в лингу или же в статуи аскетов. Единственный образ буддийского божества, который более или менее пощадил гнев разрушителей, был образ Локешвары, вероятно, из-за возможного отождествления его с четырехликим Брахмой или пятиликим Шивой.

В действительности, как это часто бывает, религиозные мотивы служили предлогом для гораздо менее благородных побуждений. Несмотря на терпимость и широту воззрений Джаявармана VII, несмотря на то, что при дворе было много брахманов, их роль, такая значительная при королях-шиваитах, теперь в большой мере

⁴⁸ От Ишвара, санскритского названия Шивы.

была утрачена. Высшие гражданские и религиозные должности, королевские милости, всякого рода пожертвования не были отныне только их привилегией; поэтому, сочтя момент подходящим, они решили вновь добиться главенствующего положения, восстановить традицию, по которой наиболее влиятельные брахманские семьи имели наследственные должности при разных королях и большие привилегии (три буддийских королях эта традиция была нарушена).

Личную роль Джаявармана VIII в этой реставрации брахманских привилегий легко проследить по редким надписям, оставшимся после его правления. Мы помним о брахмане из Бирмы, который прибыл ко двору Джаявармана VII, привлеченный славой его брахманов, «знатоков вед»; правитель, несмотря на буддийское вероисповедание, взял брахмана к себе жрецом и дал ему титул Джаямахаирадханы. Новый индуистский король, Джаяварман VIII, женился на его дочери и воспылил такой любовью к молодому брахману, двоюродному брату королевы, что учредил для него титул Джаямангаларта и выстроил в его честь храм. Джаямангаларта долго сохранял королевское расположение и при преемниках Джаявармана VIII.

Другим примером расположения короля к брахманам является история ученого Сарджнамунни, родом с юга Индии, «прибывшего в великую страну Камбу из сострадания». Став великим жрецом Джаявармана VIII, этот брахман совершил обряд коронования его преемника Шриндравармана. Подобное покровительство брахманизму, из которого извлекали выгоду одни лишь высшие духовные лица, было в сущности очень непрочным из-за его личного характера, а также потому, что оно не имело поддержки в народе.

Тем временем молодое тайское королевство формировалось и начинало сознавать свою силу. Его правители постепенно вытеснили монских князей, которые в начале XIII в. владели еще районом Лампун (Харипунджая), крайней точкой кхмерского проникновения на северо-запад; вблизи этого города тайские правители основали новую столицу — Чиенгмай, резиденцию юного Манграя, принца Чиенгграй.

В 1250—1260 гг. от кхмерской короны отошел район Сукотая и Саванкалока, образовав независимое государство во главе с тайским правителем Индрапатиндрадितтей. Несколько лет спустя от Камбоджи отделился и был присоединен к тайским землям район Лоибури (Лаво), который ранее был получен Сурьяварманом I в наследство от отца. В 1289 и 1299 гг. отсюда направлялись посольства в Китай.

Напор тайцев на границы Камбоджи продолжался в направлении столицы королевства, постепенно охватывая северо-западные районы страны, но, по-видимому, без значительных военных столкновений. В последние годы XIII в. положение изменилось. Эти годы отмечены ожесточенными войнами, о которых нам известно только из рассказа Чжоу Да-гуаня. Как мы уже отмечали, он лосетил столицу Камбоджи в 1296 г. в составе посольства ко двору кхмерского правителя.

В это время на троне в Чиенгмае был Рама Камхенг, сын Шри Индрадितьи и принцессы Нанг Сьонг; о нем можно говорить как о подлинном основателе тайского королевства. Нам неизвестно, когда он начал править. Надпись на стеле, составленная им в 1292 г., содержит только три даты. Самая важная из них — дата изобретения королем в 1283 г. тайской письменности, заимствованной из кхмерской скорописи XIII в., которой пользовались с тех пор для всех тайских надписей. При правлении Рамы Камхенга и благодаря его влиянию развивается национальная тайская культура, на которую оказали воздействие кхмерская цивилизация и сингальский буддизм. Социальная структура тайского государства была заимствована у монголов.

Подобно великому хану монголов, главе «золотой семьи», который считался отцом всех правителей, Рама Камхенг считался отцом кунов, князей и высших сановников королевства. Так же, как у монголов, социальная структура на завоеванных тайцами землях складывалась из слоя военной аристократии, «свободных» и местных жителей, которые находились на положении рабов.

По всей вероятности, в 1295 г. разразилась кровавая война, о которой Чжоу Да-гуань говорит так: «В недавней войне с сиамянами весь кхмерский народ был вынужден взяться за оружие, и страна совершенно обезлюдела». Джаяварман VIII правил уже последние годы, и, как говорит надпись, «страна, которой правил старый король, испытывала затруднения из-за слишком большого числа врагов». Вероятно, военное поражение заставило старого правителя отказаться от престола в пользу молодого принца, взявшего в жены его дочь Шриндрабхупешварачуду и ставшего правителем под именем Шриндравармана.

Если верить Чжоу Да-гуаню, все это произошло совсем не так просто: «Новый правитель является зятем прежнего; он избрал военную карьеру. Его тесть любил свою дочь, она же похитила у отца золотой меч и отдала мужу. Тогда сын, лишившись наследства, составил заговор с целью возмутить войска. Новый правитель узнал об этом, отрезал ему пальцы на ногах и посадил в темницу». Смысл этой истории довольно темен, но, по-видимому, она говорит о том, что появление Шриндравармана на троне явилось результатом жестокого соперничества, что и подтверждается надписью, хотя и довольно загадочной, того же Шриндравармана: «Страна, которую раньше укрывали одновременно и со всех сторон множество белых зонтов, страдала от жгучих лучей солнца; теперь, будучи в тени одного лишь белого зонта, она от них не страдает». «Множество белых зонтов» — это принцы, спорившие за власть, а «один белый зонт» — новый правитель, победивший соперников.

Когда китайское посольство, в составе которого был Чжоу Да-гуань, прибыло в 1296 г. в Анкор, Шриндра-варман правил всего только год. Если верить запискам китайского дипломата, жизнь при дворе молодого короля была полна блеска. На самом же деле чрезмерная роскошь двора, великолепие празднеств, утонченность цивилизации были скорее знаменем упадка, чем выражением действительной силы и творческого духа.

Разрушительная война опустошила кхмерское королевство; но едва лишь она закончилась, как новая большая опасность нависла над столицей. Народ страдал от войн, а также от плохих урожаев, поскольку прекратились общественные работы, которые проводились при Джаявармане VII. Буддийские воззрения этого короля в известной мере приближали его к подданным, и если он требовал от них тяжелой работы для строительства храмов, то в свою очередь для их пользы он строил дороги, лечебницы, водохранилища, каналы, обеспечивая это своим королевским могуществом и всеми богатствами королевства.

Эта благородная политика не была продолжена наследниками Джаявармана VII. Ослабленная войнами и внутренними неурядицами, камбоджийская монархия потеряла созидательную мощь, поддерживавшую великих правителей XII в. Власть монархов ослабла, и в той же мере увеличилась власть влиятельных брахманских семей. Даже искусство пришло в упадок и не блистало, как в прошлом. Кхмерское королевство уподобилось другим мировым империям в период упадка. Правители страны, стремясь забыть о бедне, разверзающейся под ногами, окружали себя роскошью, устраивали блестящие празднества, проводили время в утонченных удовольствиях и бесплодном великолепии. Чжоу Да-гуань, по-видимому, был глубоко поражен блеском двора Ангора; мы уже цитировали несколько отрывков из его рассказа о камбоджийской жизни, причем он ни слова не говорит о признаках упадка и ослабления королевства.

Шриндраварман оставался у власти до 1307 г., затем «отрекся в пользу наследного принца и удалился в леса». Из надписей мы знаем, что этот принц был родственником короля, но ничего не знаем о степени этого родства; вступив на престол, он принял имя Шриндраджаявармана.

Сведения о его правлении очень скудны. В столице Ангоре он постарался украсить храм, который был построен Джаяварманом VIII в честь брахмана Джаямангалартхи; кстати, именно в его правление, в возрасте ста четырех лет, умер этот

уважаемый брахман. Несмотря на свое брахманское воспитание, Шриндраджаяварман, по-видимому, отличался терпимостью в вопросах веры, что долгое время было характерным для кхмерских правителей, ибо при нем был построен в 1309 г. *вихара* — буддийский монастырь, украшенный большой статуей Будды. Отметим, что надпись, говорящая об этом, составлена на языке пали, каноническом языке буддизма Малой колесницы. Это первая кхмерская надпись на пали. До того языком кхмерских надписей был санскрит или старокхмерский язык, что позволяет судить о влиянии Сиама, который являлся в Камбодже проводником буддизма Хинаяны, встретившего поддержку и любовь в народе. Нам неизвестно о каком-либо другом событии этого длившегося двадцать лет правления, кроме прибытия в 1320 г. официальной китайской миссии, снаряженной для закупки прирученных слонов. Можно полагать поэтому, что отношения между двумя странами значительно улучшились.

Неизвестно, в какой степени родства был с правителем наследник, сменивший его на троне в 1327 г. под именем Джаявармадипарамешвары, а также при каких обстоятельствах произошла эта смена. Факт существования этого правителя нам известен из надписи на кхмерском языке, найденной в Байоне, а также из последней надписи на санскрите, обнаруженной при раскопках в Капилапуре, на северо-востоке от Ангкор Вата. Последняя составлена брахманом Видьешадхиманом, который провозглашает себя «слугой королей Шриндравармана, Шриндраджаявармана и Джаявармадипарамешвары». Текст надписи, проникнутый мистикой шиваизма, говорит о том, что эта религия была еще очень распространена при дворе Ангкора, несмотря на успехи буддизма Хинаяны.

Надпись также говорит о военных действиях, развернувшихся в 1312 г. в правление Шриндраджаявармана между кхмерами, с одной стороны, и тайцами и тьямами — с другой; согласно тексту надписи, война закончилась тяжелым поражением тайцев, «город» которых был «вырван подобно кусту». Это, конечно, пустая похвальба придворного льстеца, но здесь заключен намек на военный поход, предпринятый правителем Рамой Камхенгом против Тямпы, поход, о котором упоминают китайские хроники. Во время движения на восток тайские войска проходили через земли, принадлежавшие ранее или еще находившиеся под властью камбоджийской короны, не вызывая противодействия со стороны жителей. Это показывает, до какого состояния инертности дошла в то время страна.

О Джаявармадипарамешваре известно только, что в 1330 г. он направил посольство в Китай, а в 1335 г. — посланцев для приветствия императора Вьетнама у перевала Кыя Рао. Мы не знаем причин этого. Известно только, что здесь посланцы кхмерского короля встретились с тайскими представителями, направленными властителем Сукотая.

Джаявармадипарамешвара — последний кхмерский правитель, о котором говорят камбоджийские надписи, наиболее надежный источник кхмерской истории дрей-нейших времен. Отныне для изучения кхмерской истории следует обратиться к другому источнику: камбоджийским анналам. Хронология этого периода совершенно неизвестна, ибо мы не знаем годов правления последнего «правителя из надписей», а также событий, что могли произойти до 1340 г., с которого начинается изложение в анналах.

Однако именно в этот период произошло событие, о котором мы уже говорили, имевшее громадное значение для культурной и религиозной жизни Камбоджи: проникновение в страну вместе с тайскими завоевателями буддизма Малой колесницы, или Хинаяны, пришедшего с Цейлона.

Известно, что древняя страна монов, предшественница Бирмы и Сиама, откуда в Камбоджу проникали тайские завоеватели, была первой областью, откуда буддизм распространился по Юго-Восточной Азии, начало чему положил легендарный собор в Паталипутре, созванный великим царем Индии Ашокой около 242 г. до н. э. На этом соборе было принято решение послать миссионеров во Внешнюю и Восточную Азию. Двое из них — Сона и Уттара — отправились проповедовать учение Будды в страну

Суварнабхуми, «страну золота», что соответствовало Пегу (дельте Иравади в Нижней Бирме), населенной монскими народами, близкими по происхождению и языку к кхмерам.

Отметим, таким образом, этапы истории религии в Камбодже. Первое учение буддизма в стране кхмеров, вполне вероятно, было Хинаяной. Район Амаравати и Юго-Восточное побережье Индии, откуда это учение пришло, были районами буддизма Малой колесницы. Легенды о Соне и Уттаре, хотя и не имеют исторической основы, говорят также о проникновении Хинаяны в Камбоджу, поскольку буддизма Большой колесницы в эпоху Ашоки не существовало. Древнейшие буддийские изображения, найденные в Сиаме, Бирме, Фунани,— это изображения Будды, а не бодисатв Махаяны; поклонение реликвиям в том виде, как оно существует в Хинаяне, было обнаружено в стране монов, здесь же найдены отрывки канонов Малой колесницы на языке пали.

Таким образом, форма первого проникновения буддизма в страны Внешней Индии не оставляет сомнений, так же как, впрочем, и параллельное проникновение брахманизма.

Существование буддизма в III в. доказывается надписью на санскрите в Во Кахне, а также китайскими хрониками. Однако в конце VI и начале VII в. это учение претерпело жестокие гонения от шиваитских правителей Фунани, как об этом говорит рассказ китайского паломника И Цзина. Позднее, в VIII в., отмечалась новая волна буддизма, на этот раз Махаяны, пришедшего в Ченлу-на-воде. Махаянистская надпись из Сиамреапа, датированная 791 г., отмечает установление статуи бодисатвы Локешвары и тем самым подтверждает это.

К концу IX в. буддизм Махаяны достигает расцвета при правлении Яшовармана I, основателя Ангкора; после ряда королей-индуистов, впрочем, как правило, терпимо относившихся к буддизму, в стране кхмеров в начале XI в. появляется буддийский правитель Сурьяварман I, происходивший, между прочим, из страны монов. Он дал новый толчок развитию буддизма Махаяны, не преследуя в то же время и брахманизм; на престоле его сменили великие кхмерские короли XI— XII вв., бывшие вначале шиваитами, затем вишнуитами, как Сурьяварман II, строитель Ангкор Вата, а затем буддистами Махаяны, подобно Джаяварману VII, строителю Байона.

Из этого обзора кхмерских религий можно сделать важное заключение о постоянном сосуществовании, начиная с отдаленной эпохи Фунани, четырех главных религиозных учений, пришедших из Индии: буддизма Малой колесницы (Хинаяны), буддизма Большой колесницы (Махаяны), шиваитского индуизма и вишнуитского индуизма. Однако их сосуществование не всегда было одинаковым, и в истории религии страны кхмеров различаются периоды последовательного абсолютного господства той или иной религиозной формы, что было тесно связано с тем, какую религию исповедовал правитель страны. Впрочем, вероятно, что это господство, которое сильно чувствуется при изучении истории строительства официальных храмов, совсем не затрагивало народные массы, привязанные к своим верованиям, часто отличным от официальной религии.

Наконец эти приливы и отливы прекратились. После короткого периода брахманской реакции, вызванной смертью Джаявармана VII, в страну широким потоком хлынул буддизм Малой колесницы, принесенный тайскими завоевателями. Он полностью овладел Камбоджей и Лаосом, постепенно вытесняя все другие религии, и стал в современных Камбодже и Лаосе господствующей религией.

Успех Малой колесницы в Камбодже будет понятен, если мы обратимся к условиям и эпохе ее появления. В отличие от кхмеров, знавших множество религий, тайцы были почти исключительно буддистами. Страна монов была, как мы видели, первой, куда началось проникновение буддизма Хинаяны. На этот древний фон наложилось влияние тайцев, пришедших от границ Юньнани, страны целиком буддийской. Буддизм проник туда из Индии через Ассам и Китай. Сиамская надпись 1292 г. дает ценные сведения о культурной, социальной, а также и религиозной обстановке в Сиаме: «Король, так же как принцы и знать, горячо исповедует религию Будды и

выполняет обряды после окончания сезона дождей». Текст содержит описание буддийского праздника катхин. Все это безошибочно указывает на то, что здесь речь идет о чистой форме буддизма Хинаяны.

Если новая форма буддизма была принесена в Камбоджу, в результате сиаемских вторжений, это не значит, что ее можно считать религией, навязанной кхмерскому народу завоевателями. Проникновение этой формы буддизма шло без нажима, естественно, часто даже опережая приход завоевателей. Тот факт, что Хинаяна отвечала устремлениям камбоджийцев, порожденным в результате сложившихся в стране социальных и экономических условий, мы уже отмечали. Обессиленный и разоренный гигантскими тратами при строительстве громадных храмов ангорского периода, независимо от того, были ли они брахманскими или буддийскими, кхмерский народ склонялся «тому, чтобы отказаться от нечеловеческих трудов, к которым его принуждали правители и брахманы, отказаться от громадных расходов, связанных с содержанием роскошных храмов и живущих там требовательных монахов.

Глубоко религиозный, испытывающий необходимость в вере, но в вере по своим возможностям, кхмерский народ охотно принял религию победителей, религию мягкую, с демократической организацией, служители которой, приняв обет бедности, удовлетворялись соломенной подстилкой и чашкой риса. С другой стороны, то обстоятельство, что образование народа было целиком сосредоточено в руках буддийских монахов, тоже в большой мере способствовало распространению новой религии. Таким образом, своим успехам Хинаяна была обязана примерно тому же, что и буддизм в Индии в начальной стадии его распространения: он был как бы реакцией против всемогущества брахманов, их кастовости, дорогостоящих обрядов жертвоприношения.

По всем этим причинам буддизм Хинаяны стал не только официальной религией новых кхмерских правителей, но и религией, принятой народом, который долгое время был под гнетом пышных обрядовых культов и стремился теперь только к покою, обещанному Буддой. Но этот покой пришел не скоро.

Глава II ОСТАВЛЕНИЕ АНГОРА

Новая династия кхмерских королей, упоминаемая в анналах, начинается так же, как и в надписях, с легенды. Но сначала несколько слов об анналах, которые отныне становятся нашим путеводителем.

Изложение анналов ведется с 1340 г., т. е. с начала правления Нипеанбата. И уже с этого момента они приобретают у ученых дурную славу. Некоторые историки их просто не признают за источник. Другие, как, например, Эмонье, считают, что «сухая, краткая и трудная для прочтения камбоджийская хроника, с множеством пробелов, неясных мест, непоследовательностью, в то же время с весьма тщательно воспроизведенными фактами, лишенными всякого исторического интереса, часто переделывалась людьми, которые меньше всего заботились об исторической правде». Мура приводит типичный пример фальсификации: когда высокий камбоджийский сановник «переменил свое имя, он изменил также имена и титулы своих предшественников под тем простым предлогом, что они были недостаточно красивы!»

Анналы, состоящие из хроник семей королей или принцев, архивов монастырей или официальных постановлений, были составлены только в XIX в., причем использовались устные предания и некоторые тексты, сохранившиеся в Удонге; понятно, что в таких условиях историческая ценность анналов весьма относительна. Но и этими источниками нельзя пренебрегать. Методом сопоставления можно проверить некоторые сведения, которые они содержат, впрочем, зачастую анналы являются нашим единственным источником по кхмерской истории с середины XIV и до конца XV в. Существует множество вариантов их перевода, из которых одни были предложены

Дударом де Лагре и Фрэнсисом Гарнье, другие — Мура и Адемаром Леклером; тем не менее было бы желательно издать современную критическую публикацию этих анналов,

Камбоджийские анналы можно дополнить сиамскими и лаотянскими анналами, но историческая ценность последних как источника не выше, ибо и те и другие написаны на основе одних и тех же данных. Анналы позволили нам восстановить печальную картину внутренних смут, войн, убийств, резни, всякого рода опустошений, которыми сопровождался упадок кхмерского королевства, в то время как поднималась другая мощная держава Юго-Восточной Азии — Сиам.

Камбоджийские хроники изобилуют драматическими историями; они насыщены легендами, одна из которых, по-видимому, предсказывает несчастья королевству: однажды Будда гулял по берегу моря, у подножия гор Дангрек. Вдруг из ствола дерева появилась большая ящерица и принялась лизать ему ноги. Затем Блаженный встретил старца, который обрабатывал грядку с огурцами. Увидев Будду, он предложил ему огурец, но, будучи скупым, старец выбрал такой, который поклевали вороны. Повернувшись к своему ученику Ананде, Будда сказал: «Когда я достигну нирваны, здесь будет построен город королей. В конце своей жизни этот старец возродится в виде сына короля отдаленного королевства. Поссорившись со своими братьями, изгнанный отцом, он покинет страну, и уведет с собой десять миллионов людей. На этом месте он создаст королевство Нокор Кук Тхлок. В нем будут следовать Закону, но это будет страна болтунов, и она будет подчинена соседями, которые отнимут у нее богатства и людей. Это потому, что старец положил в мою чашу огурец, который поклевали вороны».

Огурцы играют большую роль в камбоджийском фольклоре. Это легко понять, путешествуя в легковой машине или грузовике летом, во время изнурительной жары. В каждой деревне голые загорелые детишки окружают машину, предлагая истомленным жаждой и белым от лыли путешественникам яйца, пиво, кокосовые орехи и особенно сладкие огурцы, свежие и сочные.

Другая легенда того же порядка объясняет причины смены династии кхмерских королей и появления первого правителя, упоминаемого в анналах,— Нипеан Бата. В ней даны различные варианты имен лиц и названий мест, где происходили события, различны и детали рассказа. В основе какого-то варианта лежит история храма Бантеай Самрэ, одного из самых прекрасных вишнуитских сооружений XII в.

Народ самрэ, в честь которого назван храм, принадлежит к коренному населению страны и часто обозначается словом *мои*; он расселился на холмистой равнине у подножия Пном Кулена.

Один бедный крестьянин из народа самрэ, имя которого в текстах дается по-разному — Пу, Та Чей или Неай Трасак Паем, посадил сладкие огурцы, семена которых он получил от колдуна. Эти огурцы были такими вкусными и сочными, что король, которому он подарил несколько штук, взял себе весь урожай и дал крестьянину копье, строго наказав убивать всякого, кто попытается украсть огурцы.

Однажды ночью, решив проверить бдительность старика, а также, быть может, желая съесть огурец, король проник на участок. Обманутый темнотой, приняв короля за вора, Та Чей схватил оружие и пронзил, своего короля. Копье, которое, согласно легенде, принадлежало огороднику, еще и сейчас можно видеть в королевском дворце в Пномпене.

Далее следуют различные версии. Согласно одной, сановники королевства сочли поступок огородника правильным, поскольку он стремился точно выполнить приказ короля, огородник был назначен наследником короля и вступил на трон Камбоджи. Согласно другой версии, «слон победы», который должен был выбрать нового короля, остановился перед огородником, «приветствовал его, опустив хобот между ног, затем встал на колени и, обхватив его своим гибким хоботом, осторожно посадил себе на спину».

Однако новый король познал много бед из-за своего происхождения; окруженный презрением сановников, он оставил королевский дворец и ушел жить в Бантеай Самрэ,

расположенный на некотором расстоянии от города, «где он укрылся за стенами, как черепаха за панцирем, когда, испугавшись, она прячет туда свою голову». Будучи в отчаянном положении, он обезглавил всех принцев, которые были ему враждебны, и закончил свое царствование в спокойствии и мире, женившись на дочери своего предшественника.

Затем анналы ведут нас от легенды к «истории». Король-огородник Неай Трасак Паем имел двух сыновей. На трон после смерти отца взошел старший сын — Нипеан Бат. Может быть, во всей этой странной легенде нужно видеть лишь попытку оправдать приход к власти первого правителя, упоминаемого в анналах, происхождение которого настолько темно, что никаких исторических родственных связей нельзя установить между «им и последним королем периода надписей, и который, возможно, был не кем иным, как узурпатором-чужеземцем.

Одно обстоятельство чисто языкового порядка заслуживает быть отмеченным, обстоятельство, которое может смутить читателя, мало знакомого с языками Востока. Все имена правителей, которые нам известны до сих пор, были: Джаяварман, Индраварман, Сурьяварман и т. д., они встречаются в надписях на стелах. Это санскритские имена, составленные с помощью суффикса «варман», означающего «принадлежность», «покровительство», и префикса, обозначающего религиозные убеждения короля или особенно характерные для него качества: Джая — победа, завоевание, Индра — великий ведический бог, Сурья — бог солнца, Яша — слава, известность, Махендра — великий Индра и т. д. Они свидетельствуют о покорении индуизмом древней страны кхмеров.

Эти санскритские формы полностью исчезают в именах правителей анналов. Все имена — камбоджийские, но в действительности они только перевод древних санскритских имен: Нипеан Бат соответствует санскритскому Нирванапада — «который принадлежит к нирване», Лампонг Реачеа — Лампонг раджа, «король Лампонга».

Нам известно о Нипеан Бате только одно — его неожиданное появление в 1340 г. на исторической арене. Мы не знаем ничего о его предшественниках. Известно только, что он в это время правил в Ангкоре. Его правление было относительно спокойным, и тексты не сообщают о войне с внешними врагами вплоть до его смерти в 1346 г. Ему наследовал вначале его младший брат Си Тхеан Реачеа, затем его старший сын Лампонг Реачеа.

Это был несчастный правитель с трагической судьбой. Ему выпала печальная участь быть свидетелем того, как возобновились опустошительные набеги сиамцев, которые и унесли, подобно волнам моря, последние остатки кхмерской империи, ставшей очень шаткой после смерти Джаявармана VII. Впрочем, Камбоджа не была несчастнее других индуизированных королевств. Тямпу и Малаю постигла такая же участь, они тоже пришли в упадок и, сверх того, потеряли свои столицы. Между тем Камбоджа еще удерживала свою, но, увы, не долго.

Главным фактором начала XIV в. было изменение соотношения сил между странами Юго-Восточной Азии. Это изменение проявилось в исчезновении некогда процветавших королевств и в быстром возвышении крупных молодых государств: тайского государства Аютии на континенте и островного яванского королевства Маджапахита. С этого времени вокруг них стали группироваться менее мощные государства, распределяясь по зонам влияния в географическом, военном и экономическом отношении.

Известно, что тайцы, проникая постепенно в бассейн Менама, образовали два различных, быть может, соперничающих княжества: княжество Сукотай на Среднем Менаме и княжество Лопбури (Лаво) ближе к устью этой реки, на месте древнего монского королевства Дваравати. Когда тайцы решили начать большое наступление на страну кхмеров, которая, вследствие царившего в ней упадка, стала легкой добычей, тайский князь из Чиенграя, сознавая, что только объединение страны может обеспечить победу, покинул свою северную страну и занял Лопбури, где после этого исчезли

последние остатки кхмерского влияния. Позднее, в 1350 г., он основал несколько южнее, при слиянии рек Менама и Нам Сака, новый город Аютию.

В это время в Сукотае, местонахождении северных тайцев, под именем Таммарача I правил внук знамени-Того Рамы Камхенга, князь Лы Тай. Он был искушен в науках, и написанный им в 1325 г. трактат по космогонии сохранил известность на долгие времена. Будучи горячим приверженцем буддизма, он в 1363 г. оставил трон, чтобы надеть желтые одежды монаха. По доброй воле, чтобы содействовать объединению страны, необходимость которого он понимал, Лы Тай уступил главенство южной тайской группе, людям из Лопбури. Это позволило князю Чиенграю в 1350 или 1351 г. под именем Раматибоди вступить на трон объединенного Сиам с новой столицей в Аютии. Ликвидировав внутреннюю разобщенность, сиамское королевство стало готовиться к новым завоеваниям.

В этот же период образовались и другие государства: в 1347 г. королевство Адитьявармана на Суматре и бирманское королевство Таунгу, будущее Пегу; в 1353 г. яванское королевство под управлением Раджа-санагары; в 1353 г. лаотянское королевство Лан Чанга. Монгольская династия стала клониться к упадку. Восточная Азия меняла свой облик.

В 1352 г. во время первого похода сиамцев, во главе с Раматибоди, был осажден Анкор, где правил Лампоиг Реачеа. Во время осады, продолжавшейся шестнадцать месяцев, Лампонг Реачеа был убит; два его сына, Барон Реачеа и Тхоммо Соккарач, и брат Срей Сориджотей бежали, оставив столицу войскам Раматибоди. Последний посадил на древний кхмерский трон одного из своих сыновей, но несчастный тайский принц скончался через несколько месяцев. Его сменил один из его братьев, которого вскоре постигла та же участь. Третий сын Раматибоди, вступивший на кхмерский престол, в 1357 г. был свергнут в результате заговора кхмерских принцев; Срей Сориджотей, скрывавшийся в Лаосе, воспользовался этим и вновь захватил кхмерскую столицу; он был коронован под именем Сурьявамши Раджадхирадхи.

В результате бесконечных войн с Сиамом новому кхмерскому королю удалось сохранить свою столицу Анкор и удержать северо-западную границу королевства, проходившую через города Корат и Прачин; это уже был успех. Ему удалось также добиться некоторого роста политического престижа, вновь завязав отношения с Китаем, которые были прекращены с 1330 г.

Монгольская династия Юаней, которая неоднократно совершала нападения на Камбоджу, пала; ее сменила в 1368 г. новая династия Минов. В 1370 г. первый император Минов Чжу Юань-чжан (Тонг-юй), стремясь установить в южных странах традиционное китайское влияние, направил к Сурьявамше своего посланца, чтобы тот взимал дань. По примеру предшествующих правителей Сурьявамши подчинился добровольно, согласившись на этот символический жест, который давал ему возможность утвердить в глазах Китая законность его правления в Камбодже и установить между обеими странами выгодные дипломатические и торговые отношения. В «Истории Минов» отмечаются эти отношения между императором Чжу Юань-чжаном и королем Камбоджи, которого хроника называет Ху-ель-на. Камбоджа поставляла в Китай слонов, слоновую кость, ценные породы дерева, благовония, перья павлинов; взамен она получала вытканые золотом шелка, фарфор, не говоря уже о почетных титулах для короля и высших сановников.

Правление Сурьявамши длилось двадцать лет, в течение которых Камбоджа временно обрела покой. После этого короля правил Парамарама, его племянник, сын Лампонг Реачеа; это о нем, вероятно, говорит «История Минов», когда отмечает, что в 1379 г. в Камбодже появился новый правитель: Чан-та Кань-чо-че-татче, фонетическая китайская транскрипция слов Сам-дач Камбуджадхирадха. Больше ничего не известно об этом короле.

Несмотря ни на что, отношения между Камбоджей и Китаем продолжались, ибо «История Минов» упоминает о смерти в 1404 г. кхмерского правителя, которого называет Чан-ли Понпи-йя и которым мог быть Самдеч Чау Понхеа; кроме того, в ней говорится о китайском посольстве, прибывшем в Ангкор в 1405 г., чтобы присутствовать при погребении этого короля и коронации его преемника Чан-ли Чао-пинг-йя — несомненно Самдеч Чау Пхай, правителя, который в камбоджийских хрониках, по-видимому, именовался Понхеа Ят.

Стремясь обеспечить могущественное покровительство, в котором страна и он сам испытывали большую потребность, новый король взял имя своего славного предшественника Сурьявармана. По-видимому, это покровительство потусторонних сил было ему оказано, ибо его правление продолжалось около пятидесяти лет, во всяком случае, у нас есть доказательства того, что в 1419 и 1421 гг. он еще правил в Ангкоре, ибо «История Минов» указывает в эти годы на прием в Пекине камбоджийских посольств, направленных королем Чан-ли Чао-Пинг-йя, т. е. Понхеа Ятом.

Это долгое правление не было, однако, свободно от тяжелых испытаний, связанных с нападениями сиамцев. История этих нападений очень запутанна и неясна в том, что касается дат и фактов. Победоносное наступление кхмеры предприняли в провинции Чантабури, которая была освобождена кхмерским правителем, по-видимому, Понхеа Ятом. В 1420 г. новое нападение сиамцев на Ангкор закончилось взятием кхмерской столицы. Что можно сказать об этом нападении, описанном в анналах? Здесь возможны любые предположения.

В то же время совершенно точно установлено, что последнее нападение на Ангкор было совершено в 1430 г. новым сиамским правителем Боромарачей II. Осада длилась семь месяцев и закончилась в 1431 г. Может быть, город держался бы и дольше, если бы два монаха не перешли на сторону врагов и не сообщили бы им об обороне столицы сведения, которые позволили сломить сопротивление кхмеров. Город был совершенно разграблен, храмы разорены, статуи разбиты, жители уведены в рабство. Знаменитая изумрудная статуя Будды, составлявшая славу Ангкор Вата, была увезена победителями, и сейчас еще ее можно видеть в пагоде Бангкока.

Кхмеры не смогли восстановить разоренную столицу. Это был конец их славного прошлого. Сиамцы одержали блестящую победу, имевшую значение скорее сточки зрения престижа, чем с точки зрения стратегической. Две пагоды, построенные в тайской столице Аютии, долгое время прославляли этот «подвиг».

После одержанной победы сиамский правитель Боромарача II посадил на трон Ангкора сына Индрапат-ху, но тот через некоторое время был убит своими подданными. Быть может, это убийство заставило сиамцев покинуть город? Во всяком случае, в 1432 г., спустя год после падения Ангкора, мы находим там правящего по-прежнему Понхеа Ята. Но он не оставался там долго. Город невозможно было защищать; слишком открытый для сиамских набегов, слишком привлекательный вследствие его славы, он в то же время не находился более в центре того, что осталось от кхмерской территории. Поэтому Понхеа Ят решил его оставить совсем. Сначала он обосновался в Срей Сантхоре (Басан), на Среднем Меконге, но вынужден был покинуть это место из-за наводнений. Тогда он решил построить новую столицу немного ниже по течению, на берегу большого водоема, образованного слиянием Меконга, Тонлесапа и Бассака, в местности, называемой Чатурмукха, «четыре лика», которую на Западе называют «четыре рукава», на месте современного Пномпеня.

Столица на этот раз была покинута окончательно, но с оговорками, о которых будет сказано ниже. Никогда более старая столица кхмеров не возродится к жизни. В мировой истории мы найдем очень мало случаев (если не считать городов майя), когда великолепный город, замечательное средоточие искусства, был бы так решительно вычеркнут из жизни. Королевская площадь, видевшая столько блестящих празднеств, монументальные храмы, где совершала богослужения целая армия священников, каменные

боги, почитаемые народом, нежные апсары—все исчезло, погребенное всепожирающим лесом. Лианы проникли в расщелины каменных глыб; их упорная сила разорвала камни, опрокинула статуи и фронтоны. В течение нескольких веков Ангкор спал, скрытый от взоров людей зеленым пологом леса. Лишь недавно пытливість людей Запада открыла храмы и статуи, возродила мертвый город, прежние хозяева которого забыли о его существовании.

Данные истории подтверждаются археологией. Раскопки, проведенные в 1952—1953 гг. на месте королевского дворца в Ангкор Тхоме, показали, что последние жители дворца покинули его не позднее 1430 г., что и определяет дату, когда город был оставлен.

Впрочем, мы должны сделать ряд оговорок относительно оставления Ангкора. Город действительно был оставлен, если рассматривать его лишь как королевскую столицу. Но если говорить о городе в целом, с его городским и сельским населением, и о районе, центром которого была бывшая столица, то об оставлении Ангкора можно говорить лишь относительно; это оставление происходило, по-видимому, очень неравномерно. Последние исследования Бернара Гролье (1951—1954 гг.), фотографии, сделанные с самолета в районе Ангкора, в сочетании с сообщениями испанских и португальских путешественников и историков XVI в.⁴⁹ пролили новый свет на эти сложные проблемы.

Б. Гролье отмечает, что в районах, где вырос густой лес, хотя бы и несколько лет назад, древние каналы, затянутые гумусом, совершенно не видны на снимках, сделанных аэрофотосъемкой, даже если лес уже сведен. Напротив, в зонах редколесья, даже старых, следы древних каналов видны очень хорошо. Это позволило сделать вывод, что густой лес разросся в Ангкоре только в ясно очерченном квадрате, который ограничен на севере линией по Та Ней, на востоке — рекой Сиём-реап, на западе — восточной плотиной Западного Барая, на юге — северным рвом Ангкор Вата, т. е. в зоне, соответствующей местонахождению города Ангкор Тхома и его ближайших окрестностей. Остальные участки в течение еще долгого времени обрабатывались, позднее же заросли редким лесом⁵⁰.

Объясняется это любопытное явление тем, что во времена последних кхмерских королей столичная жизнь сосредоточивалась в самом городе Ангкор Тхоме и его ближайших окрестностях, в районе, где находятся памятники, относящиеся к периоду после XIII в. Именно этот район во время войн XV—XVI вв. был сильнее всего разграблен и сожжен; оросительные каналы и бассейны постоянно разрушались сиамскими завоевателями и были повреждены настолько, что жизнь в этом районе стала невозможной; город и окрестности были полностью и навсегда покинуты населением и вскоре заросли густым лесом, наступлению которого никто больше не препятствовал.

Совсем иной, по-видимому, была судьба обширного района, расположенного на востоке, западе и особенно на юге Ангкор Тхома, соответствующего в общем району Сиёмреапа. Население этого района (кроме жителей Ангкор Вата) в основном занималось сельским хозяйством и, следовательно, было менее связано с судьбой столицы. Здесь повреждения, нанесенные каналам, бассейнам и плотинам завоевателями, не были столь значительны. Поэтому, несмотря на оставление Ангкор Тхома и отъезд двора в Пномпень, крестьянское население, может быть и та часть его, что жила в городе, смогло удержаться. Крестьянам удалось сохранить наиболее плодородные участки, такие же, вероятно, как те, что мы видим и в наши дни в районе Сиёмреапа, тогда как другие, менее плодородные

⁴⁹ В. P. Groslier, *Angkor et le Cambodge au XVIe siècle d'après les sources portugaises et espagnoles*, Paris, 1958 (Annales du Musée Guimet. Bibliothèque d'études, t. LXIII).

⁵⁰ В сообщении (ноябрь 1959 г.), сделанном в Институте надписей и изящной словесности, Бернар Гролье доложил о результатах своих последних изысканий, дополняющих те, о которых мы говорили. Пользуясь аэрофотосъемкой, дополненной наземными работами, он сумел уточнить условия жизни древнего сельского населения в районе Ангкора и результаты его воздействия на природу в связи с переносом кхмерских городов.

земли, зарастали лесом. Но даже и на этих последних участках каналы и плотины XIII в. можно обнаружить при помощи аэрофотосъемки.

То обстоятельство, что кхмерское население осталось в районе Сиенреапа и Апгкор Вата и после разграбления столицы, объясняет, почему кхмерские короли несколько раз возвращались в Ангкор на протяжении XV—XVI вв., но к этому мы еще вернемся.

Кроме того, надписи, найденные в Ангкор Вате и изученные Эмонье, можно с уверенностью датировать серединой XVI в., в то же время тексты 1563 и 1566 гг. говорят о сооружениях буддийского религиозного, культа в этом же районе. Это объясняет, наконец, «открытие» во второй половине XVI в. одним правителем, жившим, вероятно, в Ангкор Вате, во время охоты неизвестного города, который мог быть только Ангкор Тхомом.

Все эти факты говорят в пользу предположения, что нужно различать, с одной стороны, древний город Ангкор Тхом, обезлюдевший, разоренный войной, окончательно оставленный жителями в 1430 г., а затем поглощенный густым лесом и вновь открытый недавно; а с другой — Ангкор Ват и район, примыкавший к нему с юга, которые были сравнительно мало затронуты войной и до нашего времени остались заселенными, их поля обрабатывались, и время от времени здесь устраивали свою резиденцию правители.

Сельская и городская жизнь продолжала теплиться в Ангкоре после печальных событий 1430 г., но кхмерская цивилизация, ярко заблеставшая с IX в., достигнув расцвета в XII и первой четверти XIII в. в правление Сурьявармана II и Джаявармана VII, сохранив свой мишурный блеск, за которым проглядывалось наступление упадка в XIV в., полностью угасла в XV в., чтобы более не возродиться.

Это полное исчезновение великолепного очага искусства и культуры, блестящей цивилизации ставит трудноразрешимые проблемы. Мы уже указали на чаще всего называемую причину быстрого упадка кхмерского королевства: слишком большое напряжение сил всего народа, уставшего от сверхчеловеческих усилий, связанных со строительством и содержанием храмов, которых требовали от него правители, чересчур много думавшие о своем престиже и о празднествах; народ был слишком ослаблен, чтобы успешно бороться с сильными и энергичными завоевателями, которые жаждали завладеть его богатствами, а слабые правители, утратившие созидательную силу своих предшественников, стремились забыть в блеске роскоши об опасности, приближение которой они чувствовали.

Может быть, существовала другая, более глубокая причина? Некоторые блестящие цивилизации прожили короткую жизнь; пример тому страна кхмеров. Другие цивилизации — в Индии, Китае, Европе — прошли через все испытания истории. Может быть, они оказались более жизнеспособными потому, что обладали неким присущим только им духом, культурой, религией, философией, искусством, языком, которые помогли им сохранить свою индивидуальность в бурных событиях истории. Можно ли сказать то же и о кхмерской цивилизации?

В стране кхмеров на местную аустро-азиатскую основу наложилась культура, целиком заимствованная из Индии. На этой основе кхмеры сумели создать подлинно оригинальное искусство, но на этом закончились их усилия по синтезу двух культурных потоков. Свойственный им эклектизм не позволил создать оригинальное и яркое мировоззрение. За исключением культа бога-короля, который, впрочем, существовал не только у них, кхмеры удовлетворились тем, что восприняли без каких-либо изменений религию Индии. Что касается кхмерской философской мысли, то мы знаем о ней так мало, что не можем быть уверены в ее оригинальности, ни даже в том, что она вообще существовала⁵¹. Социальная организация общества, поскольку в центре ее стояла лич-

⁵¹ В предисловии отмечалось, что автор преувеличивает индийское влияние на Камбоджу. Факты, приводимые самим же автором, говорят о том, что кхмерам удалось внести свой самобытный вклад во все области культуры. (*Прим. перев.*)

ность правителя, могла, пока существовали великие короли, явиться залогом могущества страны, но именно в ней таился и зародыш ее упадка.

Кхмерская культура осталась культурой локальной. Иногда, в какие-то благоприятные периоды, она оказывала влияние на соседние страны, близкие ей по происхождению, — Сиам и Тямпу; но никогда не имела она международного значения⁵². С этой точки зрения ее можно поставить в один ряд с не менее блестящими цивилизациями, но тоже не имевшими мирового значения — цивилизациями Японии или латиноамериканских городов в доколумбову эпоху. Другие же страны, такие, как Индия, Иран, Китай, Палестина, Греция, Рим, сыгравшие в мире роль просветителей, были, по выражению Груссе, «странами более великими, чем они сами». Страна кхмеров никогда не принадлежала к подобным странам.

Можно удивляться размерам тех разрушений, которые претерпел Ангкор, и тех физических разрушений, если можно так выразиться, которые претерпела кхмерская земля, прежде такая богатая. Это обстоятельство также выставляется в качестве причины падения кхмерской цивилизации. Обычно говорят при этом о громадных разрушениях во время сиамских военных походов, в частности во время осад Ангкора, захвата его и оккупации столицы в 1352, 1420 и 1430 гг. Все это так, но этого недостаточно. То же самое можно сказать о разрушениях, которые причинили стране кхмеров предшественники тайцев. Первая столица, построенная вокруг Пном Бакхенга, была разрушена и сожжена Тямпой в 1177 г., а на кирпичях северного алтаря Ангкор Вата до сих пор видны следы пожаров, зажженных сиамскими завоевателями вскоре после завершения строительства храма.

К разрушениям, вызванным войнами, нужно добавить и ущерб, нанесенный религиозной борьбой. Несмотря на традиционную терпимость кхмерских королей, смены правителей — буддистов, шиваитов и виш-нуитов — неизбежно вызывали в стране идеологические столкновения, причем часто разрушались храмы, уродовались и переделывались статуи. Множество алтарей и священных гротов было разорено буддистами; индуй-сты, со своей стороны, когда приходили к власти, не колеблясь уничтожали буддийские алтари, доказательством чему служит надпись в Сдок Как Тхоме. Здесь говорится, что в одном из подобных случаев король Сурьяварман I был вынужден вызвать войска, чтобы разогнать беснующуюся толпу, которая ворвалась в буддийский храм, сбрасывая статуи и срывая барельефы. В XIII в. гигантская статуя Будды, изображенного на наге, была разбита и части ее выброшены в болото. Это сделали окрестные жители, поддавшись агитации шиваитских жрецов. Статуи Локеш-вары постигла та же участь, а некоторым из них была придана форма линти.

К религиозным мотивам подобных варварских поступков следует добавить мотивы просто слепой мести. Мы уже отмечали, что многочисленная крестьянская масса видела в приходе тайских завоевателей освобождение от своих кхмерских господ, а появление буддийских монахов Хинаяны крестьяне рассматривали как освобождение от брахманского и буддийского духовенства Махаяны. Из ненависти к своим прежним господам они разрушали религиозные сооружения, которые для них являлись символом зависимости. Это было подобно тому, как революционеры 1789 г. разрушили безобидную Бастилию, ненавистный символ умирающего режима.

Кроме того, не следует забывать и роли организованного, даже официального грабежа в этих разрушениях. Вспомним о вывозе тайцами изумрудной статуи Будды после взятия Ангкор Вата. Многочисленные «изъятия» подобного рода производились и в эпоху, близкую к нам. В рассказе Муо о первом пребывании в Камбодже в 1860 г., во время которого он как бы вновь открыл, пораженный и восхищенный, храмы Ангкора, исследователь упоминает, что находился в Сиам-реапе одновременно с официальной археологической экспедицией из Сиамы, которая прибыла затем, чтобы отобрать в храмах

⁵² Теперь достижения кхмерской культуры получили широкое международное признание. (Прим. перев.).

определенное число статуй и отправить их в Бангкок. Странно, что подобные действия никого не удивили. Нам, кстати, не подобает возмущаться этим, если вспомнить о бесчисленном множестве кхмерских статуй, украшающих крупнейшие музеи Европы⁵³. Другие «переселения», но уже менее открытые, касающиеся иногда весьма ценных скульптурных деталей, также производились до сравнительно недавнего времени. Я уже упоминал о наиболее сенсационном похищении подобного рода; однако было и множество других, более мелких, не повлекших за собой судебного разбирательства, но совершавшихся бесчисленное число раз туристами или солдатами (во время войны в Индокитае), пожелавшими унести с собой «сувенир», память об их далеком путешествии...

Грабители не всегда были «любителями искусства», многие хотели использовать украденные вещи лишь в качестве материала для каких-либо поделок, не отдавая себе отчета в их художественной ценности. Подобное применение материалов не ново, это постоянно проделывали кхмерские строители даже в периоды расцвета страны. В более позднее время куски лестницы из лимонита и песчаника в Пном Бакхенге использовались для строительства крепости в Сиемреапе.

И как же тогда не извинить тайских или кхмерских солдат, которые во время сражений использовали детали храмов, чтобы построить себе временные укрепления, а также камбоджийских крестьян, бравших камни, колонны и фронтоны для хозяйственных построек и домов, снимавших черепицу и срывавших гребни с крыш старых храмов, чтобы обеспечить себя металлом. И еще рассказывались легенды о баснословных сокровищах, скрытых в основаниях кхмерских храмов. Как после этого удивляться, что искатели кладов сбрасывали или разбивали камни, опрокидывали статуи, рылись в подвалах в надежде найти там сундуки, полные золота и драгоценных камней, которые были туда спрятаны кхмерскими правителями.

Отношение к древним памятникам как к произведениям искусства имеет сравнительно недавнюю историю. Пока еще это понимает только культурная элита. Камни Персеполя использовались для строительства Шираза, камни Форума — для постройки домов в Риме, камни пирамид — для реконструкции Каира, а камни Парфенона — для строительства домов турецких сановников. Невероятные примеры подобного варварства можно назвать и в современной Индии и даже во Франции! В Камбодже только благодаря созданию Французской школы Дальнего Востока можно было приостановить расхищение произведений кхмерского искусства, которые совсем недавно вывозились из страны целыми ящиками, когда доступ в храмы и выход с их территории совершенно не контролировался.

Особенно остро, однако, встала другая проблема — проблема запустения, но уже не храмов, а самой земли кхмеров после оставления Ангкора. Запустение, правда, началось гораздо раньше этого события — с падением великих династий. В правление Джаявармана VII, как мы помним, проводились гигантские ирригационные работы, завершая те, которые были начаты при предшествующих правителях; пруды, бараны, плотины, каналы составляли совершенную систему ирригации и водоснабжения, позволяя осуществлять рациональное орошение камбоджийской равнины, обеспечивая выращивание риса, овощей, кукурузы. В то же время сеть дорог давала возможность крестьянам легко добираться до своих земель и перевозить собранный урожай. Камбоджа была настоящим садом.

Преемники Джаявармана VII были озабочены другими проблемами. Они интересовались великолепием дворцовых празднеств и совершенно не заботились о содержании в порядке дорог и ирригационных сооружений. В этой стране, попеременно иссушаемой солнцем и затопляемой дождями, такая беззаботность грозила

⁵³ Это не относится к экспонатам Музея Гимэ. Большинство из них приобретены в результате соглашений с камбоджийским правительством в знак признания того, что сделала Франция для реставрации кхмерских памятников.

катастрофой. Затопляемые рисовые поля пришлось оставить и заменить «сухими» рисовыми полями на высоких землях путем выжигания участков — способ, который еще в наши дни применяют мои. Но такой способ, возможный в горных влажных районах, где живут эти племена, неприемлем на равнине, перегреваемой солнцем, — он вызывает латеризацию почвы, превращая ее в камень, непригодный для земледелия. Более того, земля, не получая плодородного ила, все более истощается. Недавние изыскания показали, что, быть может, мы преувеличили ответственность последних правителей кхмеров за упадок земледелия и уход крестьян в более плодородные районы. Прекращение ирригационных работ, проводившихся великими правителями, несомненно, было вызвано не только беззаботностью их преемников. Это было в XIII—XIV вв. результатом естественного явления — изменения русла реки Сиемреап и падения уровня ее вод на два-три метра.

Вспомним, что в начале X в. Яшоварман, строя громадный водоем — Восточный Барай, одновременно сделал ответвление от русла реки Сиемреап. Эта река питала всю систему водоснабжения района Ангкора, бассейны, восемьсот фонтанов в городе; а когда уровень ее вод понижался, вся система переставала функционировать. Кроме того, громадный резервуар — Восточный Барай, глубиной в 3 м, шириной в 2 км и длиной в 7 км, содержащий 40 млн. куб. м воды, не мог быть занесен песком только в результате намывания грунта; для этого должна была произойти катастрофа, прорыв плотины, а может быть, другое бедствие, которое и повлекло за собой обмеление этого водохранилища.

К стихийным бедствиям и беззаботности правителей нужно добавить и постоянные разрушения системы водоснабжения сиаемскими завоевателями во время осад Ангкора. Как бы то ни было, но цветущий сад, которым был район Ангкора в XII в., постепенно превратился в сухую бесплодную равнину — такую, какой мы ее видим теперь.

Глава III ОТ ОСНОВАНИЯ СТОЛИЦЫ В ПНОМПЕНЕ ДО ВЗЯТИЯ ЛОВЕКА

Как и всем крупным событиям в истории Камбоджи, перенесению столицы в Пномпень сопутствует поэтическая легенда. Вот как она передается в камбоджийских хрониках.

Богатая женщина по имени Пень в конце XIV в. построила себе дом недалеко от берега реки, на небольшой возвышенности, переходящей на востоке в холм. Однажды, когда река вздулась от дождей и вышла из берегов, госпожа Пень пошла на берег и увидела большое дерево коки, которое было принесено течением и, захваченное водоворотом, кружилось недалеко от берега. Она позвала соседей, которые сели в пироги, чтобы выловить дерево. Обвязав ствол веревками, люди отбуксировали его к берегу.

Очищая дерево от покрывавшей его грязи, госпожа Пень нашла в его дупле четыре бронзовые статуи Будды и одну каменную статую. Каменная статуя изображала стоящее божество с собранными в пучок волосами, как у вьетнамцев. В одной руке божество держало палку, в другой — раковину. Госпожа Пень и ее соседи обрадовались находке; они торжественно понесли статуи к дому госпожи Пень, которая устроила для них временное помещение. После этого она попросила соседей помочь превратить холмик перед ее домом в настоящий холм-гору *пном*. Затем госпожа Пень распилила ствол дерева коки, чтобы сделать из него основание для алтаря. В 1372 г. госпожа Пень с соседями поставила алтарь на вершине пнома, покрыв крышу травой *сув пхлан*, и поместила в алтарь четыре статуи Будды. Каменную же статую она поставила у подножия пнома, с восточной стороны. Поскольку эту статую принесло рекой из Лаоса, ее назвали Неак Та Прах Кау, что значит «Дух Прах Кау». После этого пригласили бонз и попросили их поселиться у подножия пнома с западной стороны. Отсюда название Ват Пном Дон Пень, которое дали этому монастырю. Четыре изображения Будды и пятое — духа

символизировали могущество и исполнение всех желаний. Таким образом, название города значило: «Холм (пном) госпожи Пень».

Когда Понхеа Ят прибыл в Пномпень, чтобы здесь основать столицу, он построил дворец вблизи пнома, где теперь находятся здания почты и Индокитайского банка. Имя, принятое Понхеа Ятом при коронации, в том виде, как оно упоминается в камбоджийской хронике, очаровательно своей простотой, и я надеюсь, что камбоджийские школьники ве будут заучивать его наизусть. Оно звучит так: Прах Баромморакатхирак Рамматхипдей Прах Срей Соризопар... Эта же хроника сообщает подробно, как происходил переезд короля в Пномпень, что позволяет представить некоторые обычаи камбоджийского двора XV в. Вот наиболее характерные места из этой хроники, которую перевел на французский язык Жорж Сёдес:

«Король... решил покинуть Басан, подвергшийся наводнению, и обосноваться в Пном Дон Пене на западном берегу Тонле Крап Тяма. Он послал Кау Пона Кера и Окну... в сопровождении сановников, опытных в изыскании удобных для поселения мест, чтобы изучить земли по соседству с пномом. Эти сановники отправились в Пном Дон Пень и нашли, что вся его юго-восточная часть пригодна для поселения. Они доложили королю о результатах своей поездки. Его Величество предписал всем губернаторам провинций провести массовый набор населения для строительства городских стен и дворца, а также королевских апартаментов в наикратчайший срок». Методы со времени правления Джаявармана VII не изменились! Короче говоря, работы были закончены в намеченный срок, и в 1434 г., во вторник 9-го дня середины убывающего месяца Писакх года Тигра, 6-го из декады, король покинул Басан, где он провел всего год, и отправился на судне в Пном Дон Пень, сопровождаемый сановниками и всем двором.

Затем вновь мобилизованные на работы мужчины должны были доставлять землю с равнины, находящейся к югу от пнома, на место строительства дворца. Была сделана насыпь и выровнен участок до самого берега реки, на нем устроена набережная, называемая с тех пор набережной Кампонграп.

Король после этого предписал губернатору провинции Бати вырыть канал, чтобы отвести воду из реки в бассейн, сооруженный посреди королевской резиденции и предназначенный для снабжения жителей водой; итак, добрые традиции времен великих кхмерских правителей сохранились. После того как канал был вырыт, его выложили камнем и покрыли землей. Канал был назван по имени губернатора провинции Прек Окна Плон.

Затем город был окружен высокой стеной и рвом, вода из которого использовалась ремесленниками различных цехов: одним ручейком пользовались кожевники, другим — изготовители ваты, третьим — кузнецы-китайцы и т. д. Насыпь предохраняла город от наводнения в период половодья.

После того как были закончены эти работы, сановники и другие жители города приступили к постройке собственных жилищ по своему вкусу. Их дома располагались внутри городской стены. Вся западная часть города была отведена под рисовые поля. Наконец, король дал новой столице имя, еще более сложное, чем его собственное, которое можно перевести так: «Столица четырех рукавов, счастливая госпожа всей Камбоджи, наделенный богатством, благородный город Индрапрастха, граница королевства».

Алтарь, воздвигнутый госпожой Пень, грозил рассыпаться, и король решил его перестроить; он воспользовался этим, чтобы одновременно изменить облик пнома. Он приказал его расширить и приподнять, после этого построил на вершине террасу, мощенную камнем, на которой скоро появился большой *четдей*⁵⁴. В нем было два помещения, расположенных одно над другим. В каждом из них находился алтарь. Нижнее помещение имело двери, открывающиеся на четыре страны света.

⁵⁴ *Четдей*, или *Четия*, — камбоджийская форма индийских слов *шаитья*, или *ступа*, — громадное сооружение из камня, где хранятся останки буддийского святого.

В то же время король основал несколько монастырей в различных частях города: два к востоку от пнома, один к югу от Прек Окна Плона, один в Четдей Унналومه и один в Кхпоп Та Яне. Затем он послал за статуями из бронзы, которые остались в Нокор Вате⁵⁵, а также за статуями львов и торжественно установил их на пноме. Праздник по этому случаю продолжался три дня; четыре бронзовых будды, найденные когда-то госпожой Пень, были поставлены на верхний этаж большого четдея, а статуи из Ангкора помещены на нижнем этаже. После требуемых обычаем обрядов были оглашены названия выстроенных монастырей. Ват⁵⁶ Унналом получил название от «четыря», где преподобный Ассаджи поместил останки, названные Унналума. Перед этим монастырем, около реки, король под смоковницей поместил изображение Тепперака, или духа по имени Неак Та Прап, который отныне стал символизировать Кхлан Мыон⁵⁷. Заметим, что большинство буддийских монастырей, упомянутых здесь, еще и сейчас существуют в Пномпене, особенно почитается камбоджийцами Ват Унналом.

Основание Пномпеня открыло для Камбоджи новую эру процветания и спокойствия. Множество китайских и малайских купцов приехали сюда торговать и остались на жительство; их потомки и теперь еще держат в своих руках всю оптовую торговлю в Камбодже. Ученые и образованные люди со всей Юго-Восточной Азии съезжались сюда, привлеченные славой крупных буддийских монастырей и образованностью монахов. Сюда прибывали посольства из соседних стран, и Камбоджа на время восстановила свой престиж, в значительной степени утраченный после падения Ангкора.

Затем события путаются. Камбоджийские хроники по-разному повествуют об отречении Понхеа Ята и о борьбе за его наследство. Хроника, из которой мы заимствовали рассказ о том, как Понхеа Ят строил Пномпень, отмечает, что король обосновался в своей столице в 1434 г., однако по другим данным это событие нужно датировать 1446г., а его отречение — 1467 г. По другой версии дата отречения называется 1431 или 1433 г. Но в то же время все три источника единогласно утверждают, что у Понхеа Ята было три сына, рожденных от трех различных королев.

Отрывок хроники, которая датируется 1796 г. и является самой древней, что позволяет считать ее более достоверной, называет в качестве преемника Понхеа Ята его старшего сына Гамкхата, по-видимому, то же, что и Прах Нореай, по другим источникам. Вступив на трон в 1467 г. под именем Нараяны Рамадхипати, он правил в Ангкоре двадцать пять лет, женился на королеве Кессе и имел от нее сына Чау Ба, который в тексте Мура значит как Сорьотей. По другим данным, Нараяна Прах Нореай умер в 1437 или 1472 г.

Его преемником был его брат Тьераджа, Тхоммо Реачеа — по данным Мура́ и Гарнье. Чтобы захватить власть, он убил своего старшего брата Шри Раджу, иногда называемого Прах Срей. В тексте Мура, наоборот, трон оказался в руках Прах Срея, который отправил своего брата Тхоммо Реачеа губернатором в Ангкор Ват, несомненно, чтобы подготовить бывшую столицу к отражению нового нападения сиамцев. В 1473 г. король Прах Срей должен был выступить для подавления восстания своего племянника Чау Ба Сорьотей, сына прежнего правителя. При поддержке сиамцев он сумел отвоевать провинции Чантабури, Корат и Ангкор. Сиамцы после этого захватили в плен и правителя и восставшего принца и отправили их пленниками в Сиам.

Тогда на сцену выступил третий сын Понхеа Ята, Тхоммо Реачеа, или Тьераджа из хроники 1796 г. Собрав уцелевшие остатки камбоджийского войска, он сумел одержать победу над сиамцами в течение кампании, длившейся три года — с 1473 по 1476 г. Он был

⁵⁵ Нокор Ват не что иное, как Ангкор Ват. Следовательно, существовали связи между старой и новой столицей.

⁵⁶ Ват (кхмерск.) — пагода. (Прим. перев.)

⁵⁷ Кхдам Мыон — дух-хранитель города. Назван по имени древнего камбоджийского военачальника, пожертвовавшего собой ради спасения родины. (Прим. перев.)

провозглашен королем вместо своего находившегося в плену брата и вступил на престол в 1477 г. под именем Прах Бат Самдеч Прах Моха Тхоммо Реачеа Тхиреач Тхупдей.

В хронике 1796 г. Тхоммо Реачеа упоминается под именем Тьераджа, а став королем, он принял имя Шри Содая, женился и имел сына по имени Джаммараджа или, по другим данным, Дамката. Шри Содая боялся измены со стороны Дхаммараджи и попытался организовать на него покушение. Однако юный принц, предупрежденный своей бабкой Кесой о намерениях отца, бежал в район Кората, привлек на свою сторону армию и принудил отца оставить столицу, которая временно была в Ангкоре, и бежать в Ловек, а затем в Аютию. В это время вдова Гамкхата провозгласила королем своего сына, принца Чау Ба, который в конце концов разделил трон с Дхаммараджей, принцем-изгнанником.

Как видите, довольно трудно свести воедино все эти версии. Мы приводили эти достойные Рокамболя истории совсем не из желания предложить читателю китайскую или, скорее, камбоджийскую головоломку, которая, впрочем, не представляет большого интереса, если отбросить в сторону вопрос эрудиции. Мы просто хотели, чтобы читатель представил себе, с какими трудностями приходится сталкиваться историку, когда он пытается распутать этот клубок противоречий. Надо еще учесть, что при изложении этих малопоучительных семейных историй мы постарались по мере возможности внести в них немного порядка и ясности, тогда как в текстах камбоджийских хроник они выглядят гораздо запутаннее. Этот сравнительно недавний период истории Камбоджи еще менее ясен, чем период IX—XIII вв., относительно которого мы располагаем надписями на камнях, составленных, несмотря на изложение в форме легенд, правителями или чиновниками, которые заботились о точности записи; об этом периоде мы узнаем также из китайских хроник, ценность которых как исторического источника хорошо известна.

Однако вернемся к Тхоммо Реачеа. Если невозможно рассеять тьму, в которую погружены события его правления, то история его преемников яснее; здесь можно хотя бы свести воедино версии различных хроник и сверить их с другими источниками.

Все сходятся на том, что преемником Тхоммо Реачеа стал его старший сын, принц Дамкхат. Он родился в 1473 г. и был коронован в 1494 г. под именем Прах Срей Суконтхор Бат Реачеа Тхиреач Реамеа Тхупдей или, по другим источникам, в 1504 г. под именем Прах Реач Ангка Прах Срей Суконтхор Бат Реачеа. Правление его оказалось гораздо короче его имени! Боясь своего брата Чана, будущего короля Понхеа Чана, король через некоторое время после коронации удалился со своим вором в Басан в провинции Срей Сантхор, туда, где когда-то его дед Понхеа Ят основал временную столицу,

Едока не переехал в Пномпень. Это место понравилось Прах Срей Суконтхору тем, что его легко было защищать, так как оно расположено между Меконгом, озером онлесап и лесом. Впрочем, это не помогло королю сохранить за собой трон, он был вскоре свергнут, но не тем, кого опасался, не братом, а интриганом низкого происхождения, которого он имел слабость ввести в свою семью, неким Неай Каном.

Происхождение этого любопытного персонажа и обстоятельства, которые привели его к власти, достойны того, чтобы о них рассказать, ибо они проливают свет на нравы камбоджийского двора XVI в. Некий Пичей Неак, человек низкого происхождения, который, несмотря на свой пышный титул «раб трех возвышенных и Счастливых блаженных», на самом деле был всего лишь «храмовым рабом», имел дочь замечательной красоты. Он предложил ее королю, согласно обычаю того времени. Пленившись красотой девушки, король взял ее в наложницы, но высокого ранга, которые по своему положению следуют сразу за королевой. Затем он сделал ее отца крупным сановником, брата ее, Неай Кана, возвел в ранг «королевского представителя, наблюдающего за теми, кто начальствует». Этим он возвысил его над четырьмя сановниками, и тот стал главным блюстителем нравственности.

Эти почести сделали Кана слишком требовательным, а сановники старались всячески очернить его в глазах короля. Последний увидел однажды сон, будто

чужестранец хочет отнять у него власть; прорицатели убедили его, что речь шла именно о Кане, и тогда король приказал утопить его в реке. Однако Кан был предупрежден, и ему удалось избежать сетей, которые уже были расставлены.

Он укрылся у одного монаха, затем убил губернатора провинции Ба Пном и поднял восстание против короля. Восстание было успешным настолько, что король по совету своего министра попросил отца Кана написать сыну и уговорить его сложить оружие. С той же просьбой он обратился к своей наложнице. Заверив короля в чистоте своих намерений, Кан все же поднял против него новые провинции. В это время брат короля, принц Чан, бежал в Сиам.

Когда под его знаменем собралось пятьдесят тысяч человек, Кан напал на королевскую армию, которая была вынуждена отступить в провинцию Ловек. Король и его двор укрылись в провинции Сантук, где в настоящее время находится город Кампонгтхом.

Победитель королевской армии и хозяин Пномпеня, Кан назначил губернаторов провинций, сановников и послал верных людей в провинции на юге и западе страны, чтобы убедить их присоединиться к нему; большинство согласилось, ибо люди считали его «человеком, наделенным сверхъестественными свойствами». Но из-за поражений Кап рисковал потерять доверие народа и армии, только благодаря чудесам дипломатии ему удалось сплотить свои войска, которые теперь уже насчитывали сто тысяч человек. Победив в решающем сражении, Кап овладел столицей и приказал убить короля, которому было тогда сорок лет и который только восемь лет назад был коронован. Одному из брахманов удалось бежать и унести с собой Прах Кхан, священный меч, символ королевской власти; он спрятал его в стволе миндального дерева в провинции Бати.

Кап одержал победу над королем, занял его место на троне, все провинции королевства подчинились ему, но ему недоставало символа власти, священного Прах Кхана! Он обещал пятьсот золотых таэлей⁵⁸ тому, кто его принесет, а тем временем приказал изготовить другой, с которым и появлялся на церемониях в блеске ложной славы. В 1498 г. он был коронован под именем Самдеч Прах Срей Четтхатхиреач Раматхипдей.

Он осыпал своих родственников милостями по случаю своего счастливого воцарения, освободил народ от налогов на год, что принесло ему громадную популярность. Затем, решив основать в королевстве новую столицу, он выбрал место Сралап, на границе провинций Тхбонг Кхмум и Ба Пном. Он построил за два года роскошный дворец — настоящую крепость с большим числом сторожевых башен. Чтобы обеспечить снабжение города водой, он приказал вырыть громадный бассейн, существующий и поныне. Через три года население этой столицы уже превышало число жителей прежней. Мир снова воцарился в королевстве. В страну прибывало множество чужеземцев. После стольких лет войн и разрушений парод, наконец, вздохнул свободно.

Однако принц Чан, который в течение восьми лет скрывался в Сиаме и достиг теперь тридцатилетнего возраста, стал мечтать о том, как бы вернуть себе власть. Не добившись поддержки у короля Сиам, Чан решил действовать на свой страх и риск,— он послал своих эмиссаров в Камбоджу, чтобы поднять против короля Кана население западных провинций. Затем он собрал три тысячи войска и овладел городом Сиемреап, после чего проник в провинцию Баттамбанг, губернатор которой поддержал его и предоставил в его распоряжение десятитысячное войско. Однако губернатор другой провинции — Потхисатх, современной Пурсат, известил обо всем Кана, собрал войско в сорок тысяч, чтобы противостоять нападению принца Чана и подготовил к обороне крепость. Но повстанец по имени Та Мьонг убил губернатора и поднял мятеж, объявив населению, что Чан является законным королем и прибыл, чтобы изгнать узурпатора

⁵⁸ Около 18 кг.

Кана. Жители открыли Чану ворота города и встретили его единодушными криками восторга. Между тем Кан получил послание губернатора Пурсата. Не теряя ни минуты, он приказал своим военачальникам поднять войска и выступил навстречу Чану. Скоро армии встретились, и между ними началась битва. Армией Чана командовал Та Мыонг. Кан имел сто тысяч войска, Чан только двадцать тысяч, но он разделил их на части по пять тысяч человек в каждой, а оставшиеся пять тысяч оставил для обороны осажденного города. Победы Чана в отдельных сражениях внушили населению доверие к нему, и народ массами шел под его знамена.

Кан, однако, решил не уступать. Он также попытался собрать сторонников, чтобы взять обратно Ловек, которым только что завладел Чан. Было решено временно прекратить боевые действия, после того как Кан послал Чану письмо следующего содержания: «Я счастлив, что во главе войск, которые сражаются против меня, стоите вы, однако, ввиду наступления сезона дождей и учитывая, что жителям нужно обрабатывать рисовые поля, я предлагаю вам на время прекратить военные действия при условии, что ян один из нас не воспользуется этим, чтобы завладеть провинциями, находящимися под властью другого, как это сделал бы предводитель шайки воров, и что военные действия возобновятся только после нового объявления войны. Это разумно и достойно королей».

Перемирие соблюдалось обеими сторонами; принца Чана военачальники и члены королевской семьи попросили принять титул короля Камбоджи; он согласился, но при условии, что религиозная церемония состоится только после окончательного разгрома узурпатора. Это первое возведение на трон произошло в 1516 г. Брахманы дули в раковины, играла музыка, народ собрался из всех подвластных Чану провинций, чтобы приветствовать нового короля.

К концу 1516 г. Кан набрал войска из всех верных ему провинций и привел их в Срей Сантхор. Скоро возобновились военные действия, начавшись с боев в провинции Ловек. Весь 1517 год был отмечен сражениями, не давшими никакого положительного результата; военные действия прекратились на период дождей, затем сразу же возобновились. К третьему месяцу 1518 г. войскам Чана удалось завладеть провинциями Треанг, Кампот и Кампонгсом, но в провинциях Бассак и Травинь их постигла неудача.

Кан попытался тогда убить соперника, но это ему не удалось. Военные действия продолжались, но положение сторон не менялось. Страной управляли два правителя: Чан, король Запада, и Кан, король Востока. Чан писал в одном из своих указов: «Если я буду побежден и убит, народ даст Кану титул короля. Но до этого времени пусть его называют титулом, который дал ему король Срей Соконтхор Бат: Кан, королевский представитель великого короля. Если же он будет побежден и убит, единственное название, которого он будет достоин, — это кхат, мятежник».

Мы не можем входить в детали этой настоящей «тридцатилетней войны». В конце концов Кан и последние оставшиеся ему верными сторонники были окружены в маленькой крепости Самролг Прей Нокор. Осада продолжалась три месяца и закончилась полным разгромом узурпатора. Дядя Кана был убит у входа во дворец. Кана же нашли во внутренних покоях, сидящим в окружении своих жен; он был ранен ударом дротика, взят в плен и заключен под стражу. На следующий день его убили по приказу короля. Солдаты и сторонники Кана были обращены в рабство. Эти события, по-видимому, происходили между 1522 и 1525 гг.

Однако Чан не смог долго наслаждаться обретенным спокойствием; нападения Сиама заставили его опять взяться за оружие. В течение всего периода военных действий между Чаном и Каном сиамский король почему-то не вмешивался в войну и даже не ответил на просьбу о помощи, с которой обратился к нему принц Чан накануне отъезда из страны, где он столько лет провел в изгнании. Но такая «незаинтересованность» в делах Камбоджи продолжалась недолго. Как только Чан добился успеха, сиамский король, считая его по-прежнему своим вассалом, отправил к нему посланца с требованием прислать великолепного белого слона, который был у Чана. Чан, отнюдь не собираясь

выполнять этот акт вассальной зависимости, отказался. Посчитав отказ за оскорбление, король Сиам перешел границу Камбоджи со своей армией, думая, что ему удастся быстро покончить со страной, ослабленной после почти тридцатилетней гражданской войны. Он захватил провинцию Апгкор, но Чан, воодушевленный своими успехами в борьбе против Кана, быстро собрал армию и, нанеся поражение сиамским войскам, взял десять тысяч пленных. Он их привел в Пурсат, древний Потисатх, который в память о поддержке, оказанной городом Чану еще во время первых войн с Каном, был назван им Бантеай Меан Чей — «крепость победы». И несомненно, в честь своей новой победы над сиамцами он назвал небольшой город около Ангкора, у которого произошло победоносное сражение, Сиемреап, что значит «сиамцы, лежащие ниц». Это название город сохранил до наших дней.

В 1531 г. Чан продолжал продвигаться вперед и одержал победу, напав на провинцию Прачин. Однако сиамцы перешли в наступление и совершили набеги на камбоджийскую землю в 1533 и 1540 гг. Во главе сиамских войск стоял в то время камбоджийский принц Понхеа Онг. Он родился в Сиаме, когда его отец, бывший король Камбоджи Прах Срей, находился там в изгнании, и был усыновлен королем Сиам. Источники расходятся в оценке результатов этих походов. По одним данным успех сиамцев был полным, но сиамские хроники признают, что войска Сиам, которые пришли из Аютии, выступили в неблагоприятное время года и были разбиты камбоджийцами; Понхеа Онг погиб во время отступления: он был убит на спине своего слона.

Несомненно, победа камбоджийцев была облегчена тем, что тогда же Сиам подвергся нападению Бирмы. Пользуясь временным ослаблением своих традиционных врагов, Анг Чан неоднократно вторгнулся на территорию Сиам, дойдя в 1564 г. даже до окрестностей Аютии. Все эти факты подтверждаются рассказами португальцев, которые в это время начали проникать в Камбоджу в качестве торговцев и миссионеров.

Эти победы Чана были временными, однако они вернули Камбодже престиж, утраченный при предыдущих правителях. Король понимал всю шаткость положения страны и столицы, слишком уязвимой для карательных экспедиций врага. Покинув Пномпень, он переменил несколько столиц и, наконец, остановился на Ловеке, хотя до этого реконструировал Удонг.

Если взглянуть на карту Камбоджи, трудно понять, почему именно Ловек был выбран в качестве столицы: этот город, расположенный к северу от Пномпеня, между Удонгом и Пурсатом, кажется, во всяком случае, не менее уязвимым для врага, чем прежняя столица. Анналы восхваляют расположение города, окруженного мощными укреплениями, находящегося под покровительством гигантской статуи Будды и бога-быка. «Образ Будды распространял ни с чем не сравнимое сияние, и птицы, пролетая над ним, падали, как будто пораженные молнией»; пророчество гласило, что обладатель этой статуи будет непобедим.

Другая легенда, безусловно, относится не к этой статуе. Гуляя однажды по лесу, король нашел камень, вросший в одну из ветвей дерева коки, и приказал из этого камня и ветви сделать статую четырех Будд. Это было исполнено, и камень стал основанием для группы из четырех статуй, лики которых были обращены в разные стороны. Эта четырехликая статуя, помещенная в Ловеке, в специально выстроенном храме Прах Вихеар Меан Дап, предстала перед восхищенными взорами верующих в 1530 г. «Четырехликий храм» стоит и теперь, но статуя исчезла; от нее остались лишь восемь ног из песчаника. Что касается статуи бога-быка, то в данном случае речь идет, безусловно, о Нандине, верхом на котором обычно изображался Шива; это указывает на ту роль, которую еще играл шиваизм в этой вполне буддийской стране; в Ловеке было много и других шиваитских статуй. Пророчество, которое приписывало статуе Будды безмерную силу хранителя и заступника, гласило, что «королевская власть над миром обещана тому городу, где этот бык упадет с неба». Эти обстоятельства, безусловно, и определили выбор столицы в пользу Ловека. Здесь Чан был, наконец, коронован.

Мы помним, что принц Чан, выполняя с 1516 г., по просьбе военачальников, сановников и королевской семьи, функции правителя, тем не менее не хотел официально короноваться, желая сделать это только после разгрома своего старого врага, узурпатора Капа; теперь этот разгром после смерти соперника был окончательным. Кстати, юный принц Понхеа Джое, сын прежнего короля и законный наследник королевства, умер в 1507г., несомненно, убитый Каном. Официально трон был свободен. Чан короновался под именем Анг Чана. Его правление было одним из самых примечательных в династии послеангкорских королей.

Анг Чан был первым камбоджийским правителем, имя которого упоминается в европейских хрониках; миссионеры и путешественники с Запада все чаще появлялись в Камбодже; это стало большим подспорьем для историков, так как внесло в историю Камбоджи точность, которой до тех пор не было в хронике. В 1555—1556 гг. португальский доминиканец Гаспар да Крус, первый европейский миссионер, писал: «Король Анг Чан получил права на трон потому, что народ взбунтовался против одного из его братьев, который в то время был королем. Он победил брата, в результате чего брат передал ему королевство».

Анг Чан в изображении Гаспара да Круса — абсолютный монарх, человек легковверный, поддающийся влиянию придворных брахманиов. В действительности же это был глубоко верующий буддист, добрый и благочестивый правитель. Он был одним из крупных королей в смутный период истории Камбоджи, а его правление — одним из наиболее счастливых или, точнее, одним из наименее мрачных в истории страны. По крайней мере, такое мнение более распространено, чем точка зрения португальского миссионера...

Анг Чан возводил религиозные сооружения. Мы уже говорили о тех, которыми он украсил свою столицу Ловек. В городе Удонге он поставил монастырь и громадную статую Будды. На холме, который господствует над городом, «горе, откуда исходит королевское величие», он построил другой, меньший храм, в котором находилась статуя лежащего Будды, и три бассейна.

По-видимому, он заботился и о благе жителей: стремясь развить экономику Камбоджи, содействовал разработке железных рудников, расчистил большие площади от леса, чтобы увеличить размеры пахотных земель. В Удонге, как сказано выше, он выстроил три бассейна: «бассейн воспоминаний», «бассейн дерева бодхи» и «пруд Самроетхи». Пруд, воды которого оставались без употребления, он приказал использовать для орошения. Кроме того, по его приказу был вырублен лес, окружавший Удонг, а на этом месте появились рисовые поля, которые смогли обеспечить рисом монастырь, находившийся вдали от деревень. Эти рисовые поля обрабатывались государственными рабами под надзором специального чиновника.

Мы уже говорили, что правление Анг Чана было одним из наиболее счастливых в то смутное время. В действительности же, если внимательно вчитаться в камбоджийские хроники, окажется, что правление узурпатора Кана было лучше для камбоджийского народа — именно в его правление королевство достигло наибольшего расцвета, что бы ни делал сам Кан.

Вскоре после коронации Анг Чан обрел священный меч, который брахман Езей Пхат спрятал в стволе миндального дерева около Бати; он вернул себе также пять божеств, от которых зависело процветание королевства, священный лук и стрелы, «Ломпенг Чей» — копье, которым Та Чей, сторож сладких огурцов, убил короля; это копье можно видеть и сейчас еще в *ко Прах* королевского дворца в Пномпене.

После смерти Анг Чана в 1566 г. трон перешел к его единственному сыну Барон Реачеа, родившемуся в 1520г. и принявшему на царстве имя Прах Реачеа Анга Прах Барон Реачеа Тхиреач Реаема Тхупдей Прах Анг. Его правление было отмечено усилением столкновений с Сиамом, причем военные действия обычно кончались в пользу камбоджийцев.

Сиам в то время находился в очень тяжелом положении. Он вел войну с Бирмой, которая в 1555 г. даже овладела сиамской столицей Аютией; Сиаму необходимы были все силы, чтобы обороняться от бирманцев, и он не мог позволить себе их дробить, действуя против Камбоджи. Он даже обращался к Камбодже за помощью в 1566 и 1567 гг.

Барон Реачеа сумел ловко использовать сложившуюся ситуацию. Он и не думал отвергать предложение о заключении союза, сделанное королем Сиама, и принял его, надеясь извлечь из этого впоследствии большие выгоды. Камбоджийский правитель направил в Аютию отряд своих войск под командой сына, принца Сорьопора. Но камбоджийцы были довольно плохо приняты сиамцами, свысока смотревшими на сегодняшних союзников, которых еще вчера они побеждали; обидевшись на такое недружелюбное отношение, камбоджийский отряд вернулся домой.

Решив воспользоваться затруднениями Сиама и отвоевать у него утраченные ранее камбоджийские земли, Барон Реачеа посылает двадцатитысячную армию с двумя военачальниками во главе, которая и захватывает провинции Петриу и Нарнонг.

В то же время войска с флотилии судов, высадившись в порту Хатиен, занимают две приморские провинции, Чантабун и Райанг, лежащие к югу от недавно захваченных Камбоджей провинций. Сражение было чрезвычайно жестоким, и оба войска понесли большие потери, но игра стоила свеч. В руки камбоджийцев попали помимо четырех - провинций семьдесят тысяч пленных: мужчин, женщин и детей, которые были отправлены для увеличения населения в центральные провинции Камбоджи,— из них жители были ранее угнаны сиамцами и обращены в рабство.

Стремясь все подготовить к осуществлению своих воинственных замыслов, Барон Реачеа перенес столицу в Кампонг Крассанг, поблизости от Ангкора. После неудачной попытки овладеть Аютией, он напал во главе двадцатитысячной армии на Корат, на северо-востоке от сиамской столицы. Ему удалось овладеть городом, и он назначил туда своего губернатора. Это отмечается в сиамских анналах, признающих новое поражение Сиама.

Вскоре Камбоджа вступила в борьбу с новым врагом — Лаосом. Происхождение этого конфликта чрезвычайно оригинально, хотя в нем нет ничего невероятного для того, кто знает психологию жителей Востока и понимает, что значит для них «потерять лицо». Однажды король Лаоса отправил Баро« Реачеа двух своих сановников и тысячу солдат, которые сопровождали слона высотой в восемь локтей⁵⁹, и предложил устроить битву между этим слоном и самым сильным слоном в Камбодже. Исход этого необычного поединка имел большое значение, ибо страна побежденного слона должна была стать вассалом страны слона-победителя. Несомненно, король Лаоса верил в силу своего слона и был убежден в его победе, надеясь легко и без особого риска прибрать к рукам кхмерское королевство. Король Камбоджи не мог уклониться от поединка, ибо это значило «потерять лицо», что на Востоке хуже, чем потерять жизнь.

Барон Реачеа согласился на поединок. Он приказал своим погонщикам выбрать такого слона, который мог бы противостоять грозному противнику. Поединок был назначен в Ловеке, куда специально прибыл король Камбоджи, временно оставив свою столицу в Кампонг Крассанге.

Слон, который защищал честь Камбоджи, был ростом всего в шесть локтей, на два локтя ниже, чем его противник, но отличался боевым духом и храбростью. Он быстро обратил в бегство гигантского слона из Лаоса. В знак победы Барон Реачеа оставил у себя слона лаотянского короля и в качестве пленников тысячу человек, которые его сопровождали. Вестниками его победы были посланы в Лаос только два сановника.

Король Лаоса разгневался, узнав об этом поражении, и пожелал отомстить. На следующий год он выставил против Камбоджи войско в пятьдесят тысяч, которое на судах спустилось вниз по Меконгу, и другое войско в семьдесят тысяч, которое отправилось в

⁵⁹ Мера длины, около 50 см. (Прим. перев.)

поход пешим порядком под командованием самого короля. Первое войско в Прек Прасапе, в провинции Срей Сантхор, встретила камбоджийская армия численностью в двадцать тысяч под командованием Прах Сатхи, сына короля Камбоджи. Несмотря на численное превосходство, лаотянцы были разбиты. Второе, семидесятитысячное войско лаотянского короля также потерпело сокрушительное поражение у Ппом Сонтхока, где их встретила камбоджийская армия, возглавляемая лично Барон Реачеа. Поражение лаотянцев было полным; камбоджийцы захватили множество пленных, а бежавших добивали крестьяне; лаотянскому королю лишь случайно удалось избежать гибели. Камбоджийские хроники в полном согласии с лаотянскими относят эти события к 1570 г.

Мир был недолгим. Скоро Камбоджа вынуждена была снова обороняться от нападения своих постоянных врагов — сиамцев. Подписав перемирие с Бирмой, Сиам хотел теперь вернуть четыре провинции, которые Барон Реачеа захватил в самом начале своего правления. Перейдя в наступление, сиамские войска заняли эти провинции, прогнав оттуда камбоджийских губернаторов и войска захватчиков.

Узнав об этом, Барон Реачеа немедленно собрал армию в семьдесят тысяч человек и сам стал во главе войска. Ему удалось, не вступая с сиамцами в большое сражение, отвоевать обратно провинцию Чантабун и, продолжая победоносное движение вперед, захватить две новые сиамские провинции. Чтобы исключить всякую возможность восстания, которого он опасался, Барон прибег к перемещению населения, способу, который известен и современным государствам, и состоявшему в данном случае в том, что он переселил жителей провинции Чантабуи во вновь захваченную провинцию Петчабури, и наоборот. Эта предосторожность быстро потеряла свое значение, ибо на следующий год кхмерские войска вновь были изгнаны сиамцами.

Эти «качели» продолжались еще несколько лет — до заключения в 1573 г. мирного договора между Камбоджей и Сиамом. Но едва только он был подписан, как лаотянская армия в двадцать тысяч человек снова вторглась в Камбоджу, спустившись по Меконгу на военных пирогах. Сражение на воде произошло в 30 км севернее Пномпеня, перед небольшой деревней Рока Конг; лаотянские войска понесли большие потери и не сумели перегруппироваться. Те, кому удалось избежать гибели в битве или в воде, безжалостно преследовались населением и уничтожались. Это была последняя битва Барон Реачеа. Его смерть в 1576 г. положила конец трудному и насыщенному событиями правлению.

Во время этих войн осуществлялось новое, вторжение, хотя еще и медленное,— проникновение португальских и испанских миссионеров. И действительно, Индокитай не остался в стороне от этого великого движения, религиозного и экономического одновременно, которое, начиная с Марко Поло и великих географических открытий, разбросало представителей различных религиозных орденов по мировым путям. Это движение усилилось после контрреформации, с политикой экспансии, которую стали проводить великие ордена миссионеров. Напомним, что начало этому мирному вторжению было положено еще в правление Анг Чала, когда в Камбоджу прибыл доминиканец из Португалии Гаспар да Крус. До него в различных городах Камбоджи, в частности в Ловеке, селились торговцы той же национальности. Можно даже полагать, что именно по их совету Крус начал проповедь евангелия в этой стране, несмотря на отрицательное отношение к этому католической миссии в Малакке; это видно из одного из писем отца Гаспара, где он заявляет, что «слышал, будто там прекрасное поле деятельности для проповедника».

Первая попытка, однако, потерпела неудачу. Отец Гаспар да Крус был встречен резко враждебно буддийскими монахами и брахманами. Он вынужден был покинуть страну и вернуться в свою миссию в Малакке. После этого ничего не известно до 1583 или 1584 г., когда можно с уверенностью говорить о появлении в Камбодже новых миссионеров. Но в некоторых текстах есть указание на то, что незадолго до своей смерти Барон Реачеа пригласил португальских миссионеров поселиться в стране; об этом имеется

сообщение отца Габриэля де Сан Антонио, по даты, которые он приводит, вызывают сомнение.

Барон Реачеа имел трех сыновей: Сатху, родившегося в 1553 г. и ставшего во главе одной из армий, посланных против Лаоса; Срея Сорьопора, возглавлявшего армию, направленную против Сиама; и Чау Пхонеа Она. Сатха, старший из сыновей, вступил на трон в 1576 г. под именем Прах Реачеа Барон Реачеа Реаема Тхупдей.

У нас достаточно сведений об этом правителе не только из камбоджийских хроник, но также из сочинений испанских авторов, которые его обычно называют Апрамлангара, что является искажением камбоджийского имени Прах Алангхар. К хроникам следует добавить такой источник, как надписи, значение которых слишком часто недооценивается современными историками и которые недавно получили новую жизнь благодаря исследованиям Б. Гролье⁶⁰.

Быть может, главным делом Сатхи явилось восстановление храма Ангкор Вата в качестве династического храма. Две надписи, которые считаются принадлежащими Сатхе и его матери, королеве Кессе, говорят об этом возрождении храма, называя Ангкор Ват «Брах Бишну-лока» (Обитель Вишну).

Первая надпись, датированная 1577 г., т. е. через год после коронации, выражает радость Кессы по поводу того, что ее сын отремонтировал храм Брах Бишнулока, «восстановил его полностью, сделав таким, каким он был в древности».

Другая надпись, датированная 1579 г., возможно, принадлежит самому королю Сатхе. В ней говорится, что, «когда о» вступил на трон с целью прославления буддизма, он отремонтировал большие башни Брах Бишнулока (Ангкор Вата), приказал поднять наверх камни и восстановить девятиглавые вершины прекрасных башен, покрыл их золотом, поместил туда святыню; башни он посвятил своим предкам и королю Брах Варатхираджи (Барон Реачеа), почившему королю, своему отцу... Сын по имени Брах Парам Раджадхираджа Пабитра... рожденный от него в эту среду августа 1579 г., был отправлен им в Брах Бишнулоку, это великое владение могучих духов и теней предков, и посвящен им Будде». Сын, о котором упоминает король Сатха,— его второй сын Чау Понхеа Тхон, будущий Барон Реачеа II.

Эти благочестивые и мирные занятия не спасли Сатху от нападений сиамцев. Начало этому, впрочем, положила допущенная правителем политическая ошибка. Вскоре после его вступления на трон бирманцы совершили новое нападение на Сиам и дошли до стен его столицы Аютии. Король Сиама Пра Нарет, опираясь на договор, который он подписал в 1573 г. с Барон Реачей, потребовал помощи и поддержки от Сатхи. Несмотря на то что по договору на Камбоджу не возлагались такого рода обязательства, Сатха имел слабость согласиться на просьбу своего врага. Это привело к новым затруднениям.

Он послал двадцатитысячную армию на выручку Аютии. Потерпев поражение, бирманцы отступили. И в то время, когда армии двух победивших союзников отдыхали, Пра Нарет публично нанес такое оскорбление командующему кхмерской армией, что тот немедленно вместе с войском отправился в Ловек с жалобой Сатхе. Рассердившись, король немедленно расторг договор, подписанный с Сиамом его предшественником.

Вскоре он получил возможность отомстить за нанесенное оскорбление. Когда в 1583 г. бирманцы напали на Сиам, к ним присоединилась и камбоджийская армия и захватила две южные сиамские провинции, но из-за слишком быстрого продвижения она получила от сиамцев удар с тыла и лишь с трудом смогла избежать разгрома и добраться до Камбоджи.

Судя по некоторым текстам, можно подумать, будто Сатха отрекся от трона в пользу старшего сына Честхи, родившегося в 1574 г., Прах Чей Честхи I, как его называют в хрониках.

⁶⁰ В. Р. Groslier, *Angkor et le Cambodge au XVIe siècle d'après les sources portugaises et espagnoles*, p. 17.

Однако испанские и португальские тексты, значение которых как исторического источника становится в этот период первостепенным, не говорят ни о какой смене правителей в это время. Вероятнее всего Сатха, сознавая, что ему не хватает авторитета и решительности, к тому же опасаясь популярности своего брата Сорьопора, взял в соправители двух своих сыновей, Честху и Тхона (последний позднее стал королем под именем Барон Реачеа II), но сохранил за собой королевский титул и верховную власть. Таким образом он сохранил корону для своих потомков.

Это решение было лишь полумерой, неспособной остановить неотвратимый ход событий, приведших к дальнейшему упадку кхмерского королевства. Начавшись с падения королевства Апгкор, упадок, несмотря на несколько периодов временного подъема, продолжался, причем этому способствовали нападения Сиам и Лаоса. Скоро Камбоджа вновь оказалась в состоянии войны. В 1591 г. произошло новое нападение сиамских войск под предводительством Пра Нарета, и Камбодже с большим трудом удалось отбить его. Наступила короткая передышка.

Вскоре сиамцы возобновили наступление на Ловек, столицу Камбоджи. Камбоджийские и сиамские хроники сообщают множество подробностей об этих имевших решающее значение боях, которые завершили целый период в истории Камбоджи. Эти подробности, быть может, не имеют большой исторической ценности, но нельзя все же их отбрасывать полностью.

Сиамцы тщательно разработали план военных действий, особое значение в нем придавалось захвату камбоджийской столицы. Для Сиам этот захват означал бы полное поражение Камбоджи и установление сиамского господства над ней. В подготовке кампании против Ловека Пра Нарет не пренебрег «психологической подготовкой», которая столь дорога нашим военным. Опасаясь, что против сиамцев будут действовать божества-хранители Ловека, в особенности статуя Будды, почитаемая камбоджийцами, он решил вначале уничтожить их престиж и влияние.

Для этой цели он послал в Ловек двух сиамских монахов, которым удалось дать королю под видом лекарства одно средство, которое будто бы лишило его рассудка. «Почувствовав себя больным, король обратился к этим двум бонзам, которые объяснили его болезнь присутствием статуи Будды... Правитель тотчас вызвал рабочих и приказал им сбросить вниз статую Блаженного; бонзы поторопились в Сиам с вестью об этом знаке неуважения, вызвавшем негодование камбоджийцев; лишившись своего традиционного покровителя, они чувствовали себя беззащитными и готовы были безропотно покориться всякого рода несчастьям».

В это время сиамская армия овладела Коратом, затем, после длительного отдыха, начала продвижение к Сиамреапу. Там сиамские солдаты погрузились в двести пятьдесят джонок, пересекли озеро Тонлесап и овладели провинцией Кампонгсвай. Другая сиамская армия в двадцать тысяч человек, погрузившись на двести военных джонок, захватила провинцию Бассак, в современном Южном Вьетнаме. Одновременно третья армия из десяти тысяч тямов села в Чантабуне на сто пятьдесят морских джонок и направилась для захвата провинции Бантеай Меас. Окружение Ловека было закончено.

Однако камбоджийцы тоже не бездействовали. Во всех провинциях, еще подчинявшихся Сатхе, был объявлен набор в армию; одна флотилия судов перегородила Меконг, другая — озеро Тонлесап; тысячи реквизированных повозок подвозили довольствие войскам; но все это не могло задержать продвижение сиамцев, которые заняли один за другим города: Срей Сантхор на Меконге, к северу от Пномпеня, затем Бассак, Кампонг-крабей, Баттамбанг, Ангкор; Бадаур, где находилась ставка командующего камбоджийской армией, был окружен. Сорьопор, младший брат Сатхи, который оборонял город, узнав, что король и двор покинули Ловек, сделал вылазку, пробился через кольцо вражеских войск и занял Ловек, ибо прекрасно сознавал все его значение.

Это был последний оплот; необходимо было любой ценой отстоять город. Осада началась. Камбоджийские хроники рассказывают о двух забавных хитростях, к которым прибегли сиамцы, чтобы ослабить оборону города. Согласно одной версии, король Сиам «приказал стрелять из пушек, заряженных серебряными монетами, которые камбоджийцы бросились собирать. Пока они удовлетворяли таким образом свою алчность, он со своими войсками проник в город». По другой версии, город «в то время был окружен густыми зарослями бамбука, очень удобными для устройства засад. После первого приступа, не сумев вытеснить из этих зарослей противника, сиамцы начали стрелять в чащу из пушек серебряными монетами, а затем, сняв осаду, ушли. Камбоджийцы, чтобы собрать монеты, немедленно срезали весь бамбук. Подступы к городским укреплениям освободились, и Пра Нарет легко овладел городом».

Некоторые хроники отмечают, что король Сиам приказал отрубить Сатхе голову. Ему принесли кровь Сатхи в золотой чаше, и он омыл ею ноги, в то время как в покоях дворца гремели военные трубы. Эта варварская версия противоречит не только версиям других хроник, но и рассказу португальских и испанских авторов, свидетелей событий.

На самом деле Сатха бежал из Ловека. Кристоаль де Хакс рассказывает в связи с этим историю, которая несколько схожа с той, что мы приводили, говоря об осаде Ловека. Во время своего бегства в Лаос Сатха, чтобы уйти от сиамцев, которые «преследовали его по пятам, разбросал деньги по берегу реки, чтобы выиграть время, пока сиамцы их собирали».

Правдивы эти истории или ложны, несомненно одно — окончательное падение города произошло в январе 1594 г. Эта точная дата — первое такого рода явление в истории Камбоджи; она подтверждается анналами Аюттии и свидетельствами европейцев. Город был разграблен до основания, а затем сожжен. Королевская сокровищница, священные книги, хроники, книги Законов были уничтожены или вывезены в Аютшо. Сорьопор, защитник города, второй сын Барон Реачеа I и младший брат короля, был увезен с семьей пленником в Сиам. Девяносто тысяч жителей города и окрестностей постигла та же участь; многие из них умерли в пути. Камбоджа попала в отчаянное положение. Она перестала быть великой державой. Целая эпоха ее истории закончилась, эпоха ненадежного, полного случайностей существования, которая последовала за периодом Ангкора, периодом камбоджийской экспансии. Новый период будет отмечен ее дальнейшим упадком. Камбоджа попадет почти под полное господство иностранцев.

Глава IV ПОРТУГАЛЬЦЫ И ИСПАНЦЫ В КАМБОДЖЕ

На предыдущих страницах мы неоднократно цитировали португальских и испанских авторов или называли имена миссионеров, путешественников и торговцев той же национальности, которые были свидетелями событий в Камбодже. Этот наплыв людей с Запада, в частности с Иберийского полуострова,— очень важное явление в истории Камбоджи XVI в. Для историка это означает, что появляются документы, позволяющие благодаря их точности и беспристрастности дополнять и проверять местные источники, которые мало заботились о точности и часто искажали факты в угоду легенде или апологии.

Однако поток португальских миссионеров, торговцев и даже военных представляет и более общий интерес: это местное проявление мощного проникновения во все страны Востока быстро развивающихся западных наций, начавших осознавать важное экономическое значение этих отдаленных земель. В течение нескольких веков представители западных государств утвердились во всех азиатских странах, насаждая там свою религию и цивилизацию, нарушая привычный ход жизни в этих странах и зачастую присваивая их богатства.

Как только закончилась эпоха великих войн, развязанных монголами и татарами Чингисхана, люди с Запада стали появляться в местах, далеких от своей родины: в Китае, в Индии. Вначале они делали это по частной инициативе, из любви к риску и приключениям, без поддержки какой-либо официальной организации, и не представляли в то время никакой опасности и никакого интереса для той страны, в которую они прибывали. Тем не менее некоторые из них играли видную политическую роль, например Марко Поло, ставший советником, доверенным лицом китайского императора Хубилая, или же другой его современник — францисканец Одорико де Пордепоне, живший при пекинском дворе. Большинство других — итальянец Николо ди Конти, русский Афанасий Никитин, генуэзец Иеронимо ди Сан-то Стефано — оставили нам свои очень интересные записки. Эти великие путешественники направлялись в Индию через Палестину, Персию или Красное море, и Китай через Персию, Русь, Татарию, Монголию — путями, в то время тяжелыми и опасными.

Два столетия спустя, через шесть лет после путешествия Христофора Колумба, который, отыскивая путь в Индию с запада, открыл Америку, Васко да Гама начал новую эру экспансии Запада. Он открыл в 1498 г. новый путь в Индию, огибая мыс Бурь, нынешний мыс Доброй Надежды, и его высадка в Каликуте на Малабарском побережье открывала для европейских наций широкие перспективы благодаря неисчерпаемым богатствам Азиатского материка и в то же время предвещала начало борьбы за овладение этими богатствами.

Вскоре на побережье Индии, на Малаккском полуострове, на Яве и Борнео, в Бирме, Сиаме, Китае и Японии началось массовое нашествие португальцев, голландцев, англичан, французов, датчан, в большинстве своем торговцев. Дележ рынков и сфер влияния часто создавал напряженные отношения между ними, впрочем, как правило, не переходившие границ мирной конкуренции; их торговые интересы иногда приводили также к столкновениям с местными властями. Еще более дерзкими, чем торговцы, были целые толпы авантюристов, дезертиров, пришедших сюда в поисках богатства и погнушавшихся никакими средствами для достижения своей цели. Они жили в большей или меньшей степени за счет торговых факторий, часто работая подручными; некоторые из корысти поступали на службу к местным правителям, обучая их пользоваться европейским оружием, тем самым провоцируя будущие столкновения. Было здесь и много священников, которых привезли с собой торговцы, а некоторые были специально посланы сюда в качестве миссионеров; апостольское усердие часто заводило их далеко в глубь внутренних районов страны, где они подготавливали, более или менее сознательно, почву для появления солдат и торговцев.

Все эти люди прибывали в большой порт Тенассерим на западном побережье Малакки, в Бенгальском заливе. Лишь через три года после высадки Васко да Гамы в Каликуте, на Малабарском побережье, португальцы открыли там свою факторию. Значение Тенассерима было отмечено еще в 1501 г. Америго Веспуччи, в 1503 г. — Людовиком Вартемой, в 1506 г. — португальцем Триштаном да Куньей. Три года спустя португалец Диего Лопес Сигера, продвигаясь на восток, прошел Малаккским проливом и появился в Сиамском заливе.

Может быть, он и не очень-то понимал торговое и стратегическое значение Малакки, но другой путешественник — великий португальский мореплаватель Албу-керки — в этом не ошибся. Через несколько месяцев после своего соотечественника он прошел по намеченному тем пути и попытался в 1509 г. завладеть Тенассеримом, но был отбит. Позднее он возобновил свои попытки, и 24 февраля 1511 г. португальское знамя было водружено над этой первой колонией стран Запада в Юго-Восточной Азии. Португальское правительство назначило его вице-королем Индии, и он направил в Сиам одного из своих помощников — Дуарте Фернандеса. Этот последний прибыл в Аютию, где был принят сиамским королем. Он возвратился в Тенассерим в сопровождении сиамского посольства, задачей которого было установить добрососедские отношения с вице-королем Индии.

Проникновение португальцев развивалось быстро. В 1517 г. другой помощник Албукерки, Фернао Перес де Андраде, высаживается на берегах Индокитая; Мендес Пинто в 1539 г. проходит вдоль берегов Явы, Суматры и Малаккского полуострова и высаживается в Лигорс.

В 1540 г. он продолжает свое плавание до берегов Тямпы, останавливается в Пуло Кондоре, затем поднимается по Меконгу и вступает в Камбоджу. После этого он направляется к восточному побережью Индокитая, высаживается в Хайнате, где попадает в плен к китайцам, которые привозят его в Пекин, а затем отпускают на свободу. Из Мартабана он доходит до берегов Японии.

Португальцы становятся хозяевами всех рынков Дальнего Востока. Их корабли курсируют вдоль открытых ими берегов. Повсюду они основывают фактории, добиваются расположения королей и князей, создают миссии, центр которых в Малакке управляется доминиканцами. Отсюда разъезжаются во все места миссионеры, не говоря уж о солдатах и авантюристах.

Первый миссионер, оставивший следы своего пребывания в Камбодже, был португалец, доминиканец Гаспар да Крус, о котором мы уже говорили. До него там побывали его соотечественники-торговцы, обосновавшиеся в Ловеке, и Гаспар да Крус прибыл в Камбоджу, несомненно, по их настоянию, в надежде насадить в стране христианство. Его пребывание там совпало с правлением Анг Чана. В течение года миссионер изучал страну, обычаи, язык жителей, но его проповедь не имела никакого успеха из-за безразличия камбоджийцев, вполне довольных своей религией — буддизмом Хинаяны — и не желавших менять ее, а также из-за враждебного отношения бонз. Отец Гаспар сам рассказывает, что за год он обратил в свою веру всего лишь одного камбоджийца, который к тому же вскоре после этого умер. Из-за такой неудачи Гаспар да Крус в 1556 г. уехал в Китай «в поисках людей широкого ума и благоразумных, способных последовать за ним». Затем он возвратился в свою миссию в Малакке во время поста 1557 г.

Вполне возможно, что в правление Барон Реачеа в Камбодже побывали и другие миссионеры, приглашенные, как пишет Габриэль де Сан Антонио, самим королем, желавшим получить поддержку от иностранцев. Тем не менее те люди, имена которых называет Сан Антонио, — святые отцы Лопе Кардозу и Жуан Мадейра, по всей вероятности, прибыли туда позднее, в 1583—1584 гг., т. е. в правление Сатхи.

Оба миссионера встретили у короля сердечный прием. Правитель видел в их прибытии возможность установить торговые отношения с Малаккой, которая считалась лучшим рынком сбыта для Камбоджи. Правитель был тем более заинтересован в этой торговле, что главные доходы от нее получал он сам; он даже послал Кардозу в Малакку за товарами. Но что касается обращения в христианство, миссионеры потерпели такой же полный провал, как и их предшественник. Утратив надежду, они уехали в 1584 г., пробыв в Камбодже менее года.

Их сменил отец Сильвестр д'Асеведо, затем отцы Рейнальдо де Сайта Мариа и Гаспар до Сальвадор. Двое последних вынуждены были поспешно оставить страну из-за плохого отношения к ним местных жителей, которые даже угрожали им смертью; один только Асеведо, человек энергичный, прекрасно знавший кхмерский язык, сумел удержаться там, правда, ограничившись проповедью христианства среди тямов, малайцев и китайцев, а также португальцев, проживавших в Пномпене.

Этому провалу не следует удивляться. Китайцы и вьетнамцы мало религиозны, у них нет настоящей веры; они относятся к этому с безразличием и, в зависимости от обстоятельств, исповедуют буддизм, даосизм или культ предков. Поэтому они легко соглашаются принять новую религию, считая ее как бы дополнительным обеспечением. Камбоджийцы, напротив, сильно привязаны к буддизму, который для них составляет стержень существования. Не презирая других религий, они, однако, не считают их чем-то высшим по сравнению с их собственной и не видят причины для перемены религии. Они

разделяют взгляды индусов, для которых различные религии представляют всего лишь разные формы одной истины, причем каждая из них лучше всего соответствует мышлению того народа, который ее исповедует. Для чего, собственно, оставлять им свои верования, полностью отвечающие их религиозному мироощущению и менять их на другую религию, которой они не понимают? Поэтому христианство так никогда и не было воспринято камбоджийцами, несмотря на весьма значительные усилия, предпринимавшиеся миссиями. И даже в наши дни очень мало камбоджийцев меняет свою религию на христианство; христиане в Камбодже — это главным образом вьетнамцы или китайцы, живущие в стране и большей частью исповедующие христианство уже в течение нескольких поколений.

Сейчас нам нужно вернуться к событиям, о которых мы уже говорили в предыдущей главе, и рассмотреть их в свете нового обстоятельства, а именно прибытия в Камбоджу испанских и португальских миссионеров и авантюристов. События последних лет правления Сат-хи, в частности усиление сиамской угрозы Ловеку, привели к росту престижа иностранцев, особенно миссионеров, изменили положение в их пользу и тем самым облегчили для них проповедь христианства.

Пытаясь отвести угрозу, которая, — он это прекрасно понимал, — нависла над его столицей, Сатха, слабый и нерешительный правитель, попытался, как мы помним, укрепить свой колеблющийся трон, пригласив к участию в правлении двух старших сыновей. Но этой меры ему показалось недостаточно. Он попытался также обеспечить себе поддержку португальцев, слава о военной мощи которых и об их завоеваниях докатилась даже до столицы Камбоджи. Король знал, что много военных и авантюристов служило в Сиаме и Бирме; в его страну только что прибыли двое — португалец Диего Велозу и испанец Блас Руне; по мнению Сатхи, настал удобный момент, чтобы попытаться получить от них помощь.

Диего Велозу родился в Амаранте около 1560 г. Несмотря на противоречия в текстах источников и в его собственных письмах, в Камбоджу он прибыл, по всей вероятности, в 1582 или в 1583 г. Он изучил кхмерский язык, был допущен ко двору и женился на двоюродной сестре короля. Авторитет Велозу при дворе скоро сильно возрос, и камбоджийские хроники уже именуют его «приемным сыном» правителя. За Велозу в Камбоджу последовало несколько его соотечественников с оружием и имуществом, которые образовали при короле нечто вроде преторианской гвардии.

Интересна личность другого авантюриста — испанца Бласа Руиса де Эрнана Гонзалеса. Побывав в Перу и женившись в Лиме, он отправился на Филиппины, затем в 1592 г. покинул их вместе со своим соотечественником Грегорио Варгасом Мачукой и направился в Камбоджу; на их корабль было совершено нападение у берегов Индокитая тямскими пиратами; они были взяты в плен, обращены в рабство и отправлены в глубь страны, откуда оба бежали и после многих приключений достигли Камбоджи в начале 1593 г. Будучи другом Велозу, Блас Руис не замедлил в свою очередь добиться расположения короля. Этим двух людей камбоджийские хроники называют «двумя братьями, приемными сыновьями короля».

В представлении короля Диего Велозу и отец Сильвестр д'Асеведо были его козырями в игре с португальцами. Поэтому, осыпав милостями первого, король сделал и миссионера своим фаворитом. В хрониках того времени указывается: «В прошлом раб, он достиг самой высокой степени уважения, какая только существовала в королевстве. Король называл его „Пае" („отец" по-португальски) и следовал его советам во всем..., он посылал в качестве милостыни доминиканскому монастырю в Малакке джонки, груженные рисом». Этот «отец» имел право на «большую шапку» — чисто королевский атрибут.

Другой священник, отец Мендоса, в 1580 г. писал: «Король этой страны глубоко чтит отца Сильвестра (д'Асеведо) и испытывал к нему такое же уважение, каким пользовался патриарх Иосиф в Египте; в королевстве он занимал второе место, и каждый

раз, как король хотел с ним говорить, предлагал ему сесть; он предоставил ему большие привилегии и разрешил беспрепятственно проповедовать Святое Евангелие по всему королевству, а также строить церкви и другие здания, которые он сочтет необходимыми. Король ему в этом помогал и оказывал широкое покровительство».

Казалось бы, такое необычайно благоприятное положение миссионера должно было облегчить ему проповедь христианства, на самом же деле покровительство короля, по-видимому, не способствовало обращению в христианство камбоджийцев, они остались, несмотря ни на что, верны своему буддизму. К тому же усилия короля заполучить к себе иностранцев не дали тех результатов, которых он ожидал. Доминиканцы из миссии в Малакке были довольны отношением правителя к католическим священникам вообще, но гораздо в меньшей степени ценили те милости, которые отец д'Асеведо получал от Сатхи; они казались им мало соответствующими евангелической простоте и бедности и тем менее допустимыми, что за ними не следовало новых обращений. В связи с этим они отозвали д'Асеведо в Малакку, но король воспротивился его отъезду. Наконец, руководители в Малакке, решив, что все же нужно использовать на благо христианства расположение короля, оставили д'Асеведо в Камбодже, но направили ему в помощь еще двух миссионеров-доминиканцев: Антонио д'Орта и Антонио Кальдейра, вслед за которыми прибыли четыре или пять францисканцев.

Хотя отец д'Асеведо и пользовался расположением короля, его новые соратники были приняты совсем иначе. Отцы д'Орта и Кальдейра подверглись наказанию за то, что проповедовали без разрешения; первый был привязан к хоботу слона, но затем освобожден христианином; оба миссионера были вынуждены вскоре вернуться в Малакку.

Сатха не отказался от мысли обратиться к помощи иностранцев. При посредстве своих двух друзей, д'Асеведо и Велозу, он начал переговоры в Малакке, но положение колонии, где не хватало людей и денег, было далеко не блестящим. Малайские и сиамские пираты нападали на португальские корабли, появились английские и голландские корсары, угрожая португальскому преобладанию, до тех пор никем не нарушаемому.

В Европе произошли важные события, совершенно изменившие соотношение сил между Испанией и Португалией на Дальнем Востоке. После провала в 1578 г. крестового похода португальцев против мусульман в Марокко, который закончился разгромом при Эль-Ксар-эль-Кебуре, португальская империя стала клониться к упадку. Лишившись былой экономической мощи, разоренная громадным выкупом, который нужно было отправить в Марокко, чтобы освободить своих пленных, плохо управляемая неспособными королями, Португалия не могла более сопротивляться негибимой воле Филиппа II, короля Испании.

При сильной поддержке иезуитов Филипп II решил отстаивать свои права на португальскую корону, которую он унаследовал от матери. Несмотря на сопротивление народа и низшего духовенства, стремившихся сохранить национальную независимость, испанцам потребовалось всего четыре месяца, чтобы оккупировать Португалию. Это произошло в 1580 г., после смерти старого кардинала Энрики—последнего потомка Эммануэля Счастливого, в течение шестидесяти лет обе короны были объединены под властью одного короля, управлявшего громадной колониальной империей.

На Дальнем Востоке португальцев сменили испанцы. На Филиппинах испанские войска основали Манилу, будущую столицу. Деятельность колонизаторов проявлялась прежде всего в торговой и военной сферах. Необходимо было создать фактории, которые бы конкурировали с португальскими, а также вытеснить португальцев, состоявших при дворах правителей местных государств. Нужно было, следовательно, показать свою силу и богатство, оказать максимально возможную помощь правителям, попавшим в затруднительное положение.

Но для такого благочестивого короля, каким был Филипп II, находившийся под сильным влиянием духовенства и монашеских орденов, миссионерские цели неизбежно

должны были выступить на первый план. Всеми силами он поддерживал стремление испанских орденов разместить монахов в различных странах Дальнего Востока. Вскоре множество доминиканцев, францисканцев, реколетов и иезуитов стали высаживаться в новых колониальных владениях. Миссия в Маниле скоро стала соперницей малаккской, и Сатха обратился к новой державе — Испании.

В 1593 г., когда сямская угроза Ловеку стала явной, Сатха направил в Манилу де Велозу и де Варгаса в сопровождении еще одного испанца — Карнейро; Бласа Руиса он оставил у себя в качестве телохранителя. Этому посольству было вручено письмо Сатхи, датированное 20 июля 1593 г., написанное па золотом листе и содержавшее просьбу к испанскому губернатору о военной помощи против Сиам. Взамен Сатха обязывался обеспечить полную свободу действий испанским миссионерам и способствовать развитию торговли между Камбоджей и Испанией.

Однако в Камбодже обстановка быстро ухудшалась. Еще до прибытия посольства на Филиппины началась осада Ловека сиамами, и король, как мы уже знаем, бежал из своей столицы. Когда Велозу высадили в Маниле, он еще ничего не знал об этих событиях. Занятый подготовкой экспедиции на Молуккские острова, испанский губернатор Гомес Перес Дасмариньяс ограничился отправкой Сатхе послания, в котором предлагал свое посредничество между Сиамом и Камбоджей — это ни к чему Испанию не обязывало, да к тому же предложение запоздало. Три дня спустя, 30 сентября 1593 г. Гомес Перес был убит на собственном корабле, который мятежники увели во Вьетнам.

Вместо него губернатором стал его сын Луис Перес; по просьбе Велозу он написал 8 февраля 1594 г. новое письмо Сатхе, но не пошел далее обязательств, принятых его отцом. Велозу должен был передать королю Камбоджи это обманное послание, его сопровождали два испанских представителя. Одним из них был Диего де Вильянуэва, которому было поручено вести переговоры с Сатхой об условиях соглашения.

Когда они прибыли в Ловек, война была уже в полном разгаре. Велозу, защитник столицы Сорьопор, Блас Руис и три миссионера были взяты в плен сиамами. После того как Ловек пал, Пра Нарет вернулся в Сиам, взяв с собой важных пленников — Велозу, Сорьопора и миссионеров. Блас Руис и его соратники были отправлены морем. Во время плавания им удалось захватить корабль и бежать в Манилу.

После прибытия в Аютию Велозу сумел установить хорошие отношения с королем, которому он посулил, как раньше Сатхе, важную военную помощь и выгодные торговые связи. Он обещал предоставить ему огнестрельное оружие и даже «философский камень», чтобы употреблять его в качестве рукоятки королевского меча, ибо этот камень делает его обладателя непобедимым. Пораженный такими речами, Пра Нарет решил отправить в Манилу судно, груженное росным ладаном и шелковыми тканями, в надежде завязать с Филиппинами взаимовыгодные отношения; эти подарки должен был вручить губернатору сямский посол. Велозу, разумеется, выступал в роли переводчика. Король также поручил ему передать испанским властям письмо пленных миссионеров, обрисовывавшее их печальное положение и содержавшее просьбу о помощи.

В устье Менама Велозу встретил сямских беглецов, от которых узнал, что король Камбоджи вновь находится у власти и правит в своей стране. Убежденный, что речь идет о его друге Сатхе, Велозу поспешил в Манилу, надеясь прийти ему на помощь.

На самом же деле речь шла не о Сатхе. Бежав в Стунгтрэнг, находившийся тогда в Лаосе, Сатха умер, по-видимому, в 1594 г., в возрасте пятидесяти одного года, после двадцати семи лет беспокойного правления. Его сын Честха, разделявший с ним управление страной последние годы, тоже умер некоторое время спустя в возрасте тридцати лет. Остался один сын, Понхеа Тхон, но он был слишком молод, чтобы взять власть в свои руки; таким образом, трон Камбоджи практически был свободен.

В это время появился узурпатор — принц Чунг Прей, пятидесяти лет. Он претендовал на принадлежность к королевской семье, но его родственные связи с прежним королем были очень слабыми; он был только племянником одной из жен Барон

Реачеа I, королевы Вонг, матери Сорьопора. Все же он взошел на трон и обосновался в Пномпене; испанские авторы обычно называют его Анакапаран, или Накапаран Прабантул. Согласно некоторым текстам, он взял власть, не дожидаясь смерти Сатхи, отправив его вместе с семьей в Лаос.

Новый король начал свое правление блестящей военной операцией. Сиамцы, не зная о его появлении на троне, чувствовали себя в Ловеке очень спокойно и не принимали никаких мер предосторожности; этим и воспользовался Реачеа Чунг Прей. Тайно собрав войска, он неожиданно напал на город, убил сиамского военачальника и уничтожил двадцать тысяч солдат-оккупантов, после чего укрылся в Срей Сантхоре, где чувствовал себя в большей безопасности от мести короля Сиама.

Вернемся в Манилу, где Диего Велозу и его товарищи вели интриги, чтобы помочь своему другу Сатхе, которого они считали все еще находящимся на троне. Их план, по правде говоря, имел много сторонников, особенно среди священников, которые видели в этой экспедиции возможность продолжать в благоприятных условиях проповедь христианства, так неудачно начатую. Самыми горячими сторонниками военных действий были доминиканцы из Манильской провинции. Наиболее известному из них — отцу Габриэлю Кироба де Сан Антонио — было поручено собрать для экспедиции необходимые средства.

Но у этого проекта были и противники, например генерал-лейтенант островов Антонио де Морга, который находил план слишком рискованным. Но он не мог бороться против исполняющего обязанности губернатора Луиса Переса Дасмариньяса, которого к тому же поддерживали доминиканцы и епископ Малакки. Командование экспедицией было поручено генералу

Хуану Хуаресу Гальинато, прославившемуся в походах. В его распоряжении были сто двадцать испанских солдат, все те же соратники Велозу, Руис, Варгас и... группа миссионеров-доминиканцев — отцы Хименес и Адурте, а также один мирянин, опытный в хирургии. Накануне отъезда между Дасмариньясом, представлявшим испанское правительство, с одной стороны, и Велозу и Варгасом, представителями Сатхи, короля Камбоджи,— с другой, было подписано соглашение. В нем содержалось не более и не менее как требования признания главенства Испании над Камбоджей, пребывания испанского гарнизона в столице и... обращения в католичество всего народа Камбоджи, включая короля и королеву. Вопросы тогда решались быстро!

Три корабля вышли из Манилы 16 января 1596 г. Начало путешествия было неудачным. Маленькую армаду в пути захватил сильный шторм. Руису все же удалось достичь Меконга и подняться по реке до Пномпеня. Судно Велозу было выброшено на берег, и ему пришлось добираться до Пномпеня по суше. Гальинато со своим фрегатом вынужден был спастись от бури в Малакке.

В Пномпене двое авантюристов и сопровождавшая их небольшая группа испанцев с удивлением узнали, что Сатха умер, а трон занимает узурпатор. Чунг Прей принял их неплохо, но оставил жить в квартале для иностранцев. Скоро между испанскими солдатами и китайскими торговцами начались столкновения, кончившиеся убийством нескольких торговцев, а также грабежами и пожарами в китайском квартале города. Испанцы намеревались принести извинения, но Чунг Прей потребовал возмещения убытков потерпевшей стороне, т. е. китайцам. Отношения обострились, испанцев предупредили, что король хочет их истребить. Тогда Велозу и его друзья решили действовать и глубокой ночью напали на дворец в Срей Сантхоре.

Отец Кироба де Сан Антонио так рассказывает об этом бое: «Испанцы перешли через две реки и обратили в бегство стражу, стоявшую на одном из мостов. Дойдя до дворца к двум часам ночи, они бросились в атаку, как львы. Испанцы разрушали стены и перегородки, брали приступом башни, ломали двери, убивали людей и продвигались вперед с быстротой молнии. Король с женами бежал, но его настигла пуля, и он был убит. Сражение было таким жестоким, что земля дрожала под ногами испанцев. Когда взошло

солнце, стали видны следы содеянного: разрушенный дворец, земля, покрытая трупами, улицы, красные от крови, — женщины испускали вопли скорби, одни по своим мужьям, другие по сыновьям и братьям. Город выглядел, как горящий Рим, разрушенная Троя или обращенный в развалины Карфаген. И это не преувеличение, а чистая правда; и это еще не самое страшное из того, что сделали в ту ночь сорок один испанец»⁶¹. Печально, что автор этого рассказа, этого восторженного повествования о подлой бойне не кто иной, как прославленный монах-доминиканец!

Миссионеры, которые были в составе экспедиции, по крайней мере некоторые из них, занимали по отношению к событиям не более христианскую позицию.

В то время как отец Хименес молился, отец Диего Адуарте с энтузиазмом принял непосредственное участие в этой резне. В одном из своих писем, написанном позднее, он хвастался тем, что «нес во время отступления на своих плечах человека, больших размеров, чем он сам, и неоднократно, когда ослабевали начальники, принимал на себя командование и ободрял солдат». Поистине неплохой способ обращать жителей Камбоджи в христианство!

В то время когда шел бой, Гальинато двигался к Пномпеню. Он пришел туда только на другой день после свершившегося. Возмущенный действиями своих соотечественников, он поспешил компенсировать камбоджийцев за убийство их короля и разрушение королевского дворца, а также возместил убытки ограбленным китайцам и заставил вернуть им все, что у них было взято. В июле 1596 г. он покинул Камбоджу, увезя с собой Велозу и Руиса.

Не желая отказаться от своих замыслов, оба авантюриста уговорили высадить их в Файфо, на Вьетнамском побережье. После многочисленных приключений и стычек с вьетнамцами им удалось перейти через Вьетнамский хребет и прибыть в октябре 1596 г. во Вьентьян, где они надеялись найти Сатху и его сына Честху. Велико же было их разочарование, когда они узнали, что оба соправителя умерли! Из всей королевской семьи во Вьентьяне остались только королева Вонг, мать Сорьопора, и Чау Понхеа Тхон в возрасте двадцати лет, ничем не примечательный как личность.

Понхеа Тхон был единственным отпрыском законной династии; Велозу и Руис решили возвести его на трон. Это было не просто: в Пномпене сановники короновали второго сына Чунг Прея под именем Чау Понхеа Нху. Ему оказывали поддержку малайцы, китайцы и частично японцы, но он имел и многочисленных врагов. Они поддерживали его соперника по имени Чау Понхеа Кео, «бежавшего из тюрьмы, где его держал Чунг Прей»; мы знаем о нем только то, что он вскоре был убит малайцами.

В Камбодже узнали, что Велозу и Руис во Вьентьяне действуют в пользу Чау Понхеа Тхона; по стране пошли слухи, будто в устье Меконга прибыли военные корабли испанцев. Камбоджийцы не забыли избиения в Срей Сантхоре и испытывали такой страх перед иностранцами, что предпочли сплотиться вокруг правителя, выдвинутого испанцами, тем более что в данном случае речь фактически шла о законном наследнике. Представители же именитых семей поднялись вверх по Меконгу на судах, чтобы пожелать счастливого прибытия Чау Понхеа Тхону. Тот, со своей стороны, спускался вниз по реке по направлению к Пномпеню со своей семьей, с Диего Велозу, Бласом Руисом, в сопровождении нескольких тысяч лаотянских солдат. Сановники, которые до этого горячо поддерживали сына Чунг Прея, не колеблясь стали выказывать себя горячими приверженцами Чау Понхеа Тхона; так молодой правитель вступил в столицу Срей Сантхор в мае 1597 г. при всеобщем ликовании. Он принял имя Барон Реачеа II, хотя испанские авторы и называют его постоянно Праункарром, или Апрам Лангаром. Коронован он был позднее.

Бедный малый был не из того теста, из которого делают королей. Прежде всего, у него не было никакого вкуса к власти. Он согласился взять на себя эту обузу только по

⁶¹ G. Quiroga de San Antonio, *Breve et veridique relation des evenements du Cambodge*, trad. A. Cabaton, Paris, 1914.

настоянию Велозу и Руиса. Застенчивый, боязливый и развращенный, он интересовался только охотой, вином и женщинами. Даже его семья, в частности королева-мать и вдовствующая королева, были недовольны возведением его на трон и интриговали против него.

Среди сановников и влиятельных малайцев начались волнения; они были жестоко подавлены Бласом Руисом, который собственноручно убил зачинщиков. Вскоре сыновья Чунг Прея начали осаду Срей Сантхора; осаждающие были отбиты тем же Бласом Руисом, которому помогали японцы, жившие в Пномпене. Король Лаоса послал на выручку королю Камбоджи свою армию, но она только внесла еще больше беспорядка и ограничилась грабежами имущества как врагов, так и друзей.

Для испанцев обстановка осложнялась тем, что среди них тоже не было согласия. Руис, который истратил много средств на поддержку короля, признавал только власть Манилы и не желал получать распоряжений от Велозу. Число солдат Велозу, и без того небольшое, таяло на глазах; одни уезжали в Малакку, другие отправлялись на поиски счастья в Сиам; подкрепления не прибывали, а если и прибывали, то это были недисциплинированные авантюристы, годные лишь па то, чтобы грабить камбоджийцев или вызывать различные инциденты. Позиция испанцев, как, впрочем, и короля, была очень шаткой.

Барон Реачеа II прекрасно отдавал себе в этом отчет. По совету Велозу и Руиса, которым он выделил по провинции, он отправил в 1597 г. посольство к отцу Альфонсо Хименесу, который, как ему казалось, по-прежнему был пленником в Куангчи, и просил его прибыть в Камбоджу, но все члены его посольства попали в плен к тьямам. Некоторое время спустя он снова написал ему уже в Манилу, умоляя приехать вместе с отцом Диего Адуарте, обещая им построить церкви и предложить камбоджийцам перейти в католическую религию. Он обещал, что не пройдет и года, как число обращенных достигнет миллиона! Оба священника не ответили на этот призыв, но некоторое время спустя, в конце 1597 г. или в начале 1598 г., два францисканца — отец Педро Ортис Кавесас и отец Педро де Лос Сантос — прибыли вместо них, но при особых обстоятельствах. Присланный в миссию на Филиппинах, отец Ортис Кавесас был в 1596 г. назначен прокурором францисканцев при мадридском дворе. Он сел на корабль вместе с отцом Педро и был вместе с ним похищен малайскими пиратами и продан в рабство Пра Нарету. Затем оба священника стали посланцами сиамского короля и потерпели кораблекрушение у берегов Камбоджи, где их подобрала два испанских солдата. Велозу и Руис переправили их в Срей Сантхор, где они основали миссию. В XVI в. ремесло миссионера действительно не давало возможности передохнуть!

Все это, однако, не укрепляло положение ни Барон Реачеа II, ни двух его покровителей. По их наущению король решил написать одновременно на имя дона Франсиско Тельо, губернатора Филиппин, и на имя Антонио де Морга и отца Адуарте, прося их о подкреплениях. В начале 1598 г. он написал также высшим чинам доминиканцев, францисканцев и иезуитов, недавно обосновавшихся в Маниле. В качестве любопытной детали приведем текст одного из писем, адресованного францисканцам. Оно было опубликовано Хасинтосом де Диосом и переведено Б. Гролье; читатель сам оценит его стиль и содержание!

«Накве Праункар Король Правитель Камбоджи Ордену и Дому Святого Франциска в Малакке.

В знак благодарности за многочисленные добрые услуги, которыми пользовались от португальцев короли — мои предшественники и которые я надеюсь получить сейчас; чтобы не могли сказать, что память об этом долге сотрется в моем сердце, я направил это посольство сразу же, как согласился принять Королевскую Корону, тогда, когда большие войны могли этому помешать и когда мне нужны были люди, из которых это посольство было составлено. Этим я хотел показать, насколько я уважаю дружбу этого города, а также признать то, что я должен, и установить с ним те же отношения, что и мои предки.

Я прошу сейчас у этого Ордена и Дома войти в сношения со мной и позаботиться о том, чтобы верить Богу дела моего Королевства, как он это сделал во времена короля — моего отца и повелителя. Прошу прислать ко мне священников этого Ордена, так как именно они первыми стали проповедовать христианство в моем королевстве. Еще ребенком я поддерживал с ними отношения и очень их уважаю. Следовательно, христианство здесь имеет полное право на существование; и поскольку мои предки пользовались его благами, я хочу их получить тоже; я говорю это с тем большим основанием, что я то, что эти священники из меня сделали. И для меня представляет большой интерес призвать всех их, чтобы они могли заниматься здесь своими делами. Я обещаю построить для них золоченые храмы и дать им охранные грамоты, чтобы они могли принести утешение здешним христианам, которые с большой настойчивостью просили меня призвать их, поскольку, к моему несчастью, те, кто прибыл сюда, были убиты джаосами⁶². Я был этим глубоко опечален, тем более что невозможно было получить от них удовлетворение; но я обещаю отомстить за обиду сразу же, как только в Королевстве будет установлен мир и войны будут окончены. Я глубоко скорблю об этом печальном событии. Я прошу у Ордена и Дома ходатайствовать, чтобы мое имущество в Малакке было бы переправлено мне. Преподобный отец Кустод, да хранит Вас Бог». Какое ловкое сочетание духовного и материального, интересов «камбоджийских христиан» и интересов короля!

Эта хитрая просьба не осталась без последствий, и вскоре францисканские миссионеры в Малакке отправили в Камбоджу двух своих представителей, очень возможно, что это были отец Педро Кустодио и брат Дамьяо де Торрес, которые прибыли в Пномпень в 1599 г. К ним вскоре присоединились еще два их собрата. Они были хорошо приняты королем, который оказал им поддержку в выполнении их апостольской миссии. Францисканцам, похоже, эта миссия удалась лучше, чем до них доминиканцам, несомненно благодаря их отказу от богатства и обычаю просить милостыню для пропитания. Это приближало их в глазах народа к буддийскому духовенству.

Одна история, случившаяся с отцом Антонио де Магдалена, францисканцем, прибывшим в Камбоджу, довольно примечательна, тем более, что, вероятно, она была выдумана в интересах самих францисканцев: «Однажды, когда он просил милостыню, идя со своей котомкой, как это принято и предписано в нашем ордене, по улице верхом на лошади проезжал сановник в сопровождении большой свиты. Он со всей поспешностью послал своего слугу, чтобы тот принес хлеба и фруктов, затем, взяв их и опустившись на колени, наполнил сумку отца Антонио. Разразившись слезами от благочестивых чувств, он настоятельно и с большим смирением попросил отца Антонио препоручить его Богу. Подобный поступок язычника привел христиан в смущение». Нужно добавить к этому, что такой поступок очень маловероятен со стороны высокопоставленного камбоджийского сановника, ибо речь, вероятно, шла о губернаторе города!

В это время с помощью Велозу и Руиса юному, правителю удалось более или менее умиротворить страну; он был коронован в конце 1598 г. Чтобы отблагодарить двух верных сподвижников его самого и его отца, Барон Реачеа II подарил им провинции Бапхном и Треанг со всеми доходами. Обе эти провинции находились к югу от Такео и были очень удобно расположены, ибо возвышались над устьем Меконга, прикрывая подступы к столице. Там должен был быть построен с помощью испанцев форт; по всей вероятности, сооружение этого форта так и осталось в стадии проекта.

В Маниле среди испанцев начались волнения, которые усиленно подогревались эмиссарами Велозу и Руиса, а также отцами Хименесом и Адуарте. Самыми горячими сторонниками завоевания Камбоджи были доминиканцы, которые выступали с проповедью настоящей священной войны; губернатор же дон Франсиско Тельо де Гусман выступал против, главным образом из-за недостатка средств. Тем не менее было принято решение послать туда экспедицию под командованием Луиса Переса Дасмариньяса, сына

⁶² Джаосы — яванцы.

Гомеса Переса Дасмарипьяса, бывшего губернатора, который был убит на собственном корабле. Луис Перес сменил своего отца, и мы помним, как в 1594 г. он писал Сатхе, обещая ему свою помощь. Теперь он больше не был губернатором, но продолжал проповедовать политику оказания помощи Камбодже; кроме того, он решил сам снарядить новую экспедицию.

В эту очень небольшую эскадру входили три корабля: два фрегата среднего размера и галиот — маленькая легкая галера; после многочисленных затруднений, возникших, как всегда, в последний момент, 17 сентября 1598 г. состоялось отплытие. Вскоре маленькая флотилия попала в страшную бурю. Один из фрегатов исчез бесследно. Тот же, на котором находился штаб экспедиции — Дасмариньяс и неустрашимые отцы Хименес и Адуарте, сел на мель у берегов Китая 3 октября. С невероятными приключениями оставшиеся в живых достигли Макао, но во время перехода, 25 декабря, в день рождества, бедный отец Хименес умер от изнурения, а отец Адуарте отправился на Филиппины за помощью. Некоторое время спустя он выехал в Малакку, жил в Кочине, затем в Гоа и, наконец, приехал в Испанию в январе 1603 г.

Одному только галиоту под командованием Луиса Ортиса дель Кастильо удалось противостоять буре и вернуться на Филиппины, чтобы исправить повреждения. Затем корабль поднял паруса и в октябре прибыл в Пномпень; на нем были Луис де Вильефанья и два испанских доминиканца: отец Хуан Батиста и брат Диего де Сайта Мариа; они ничего не знали о гибели двух других судов. Вскоре прибыл испанский корабль, шедший в Сиам с группой испанских доминиканцев и везший снаряжение для Дасмариньяса, которого все считали уже несколько месяцев находящимся в Камбодже. Среди миссионеров был некий отец Мальдонадо-до Сан Педро Мартир, который по настоянию Велозу решил прервать свое путешествие в Сиам и остаться в Камбодже; позднее он сыграет здесь важную роль.

Этот человек, как и большинство миссионеров того времени, был яркой личностью, храбрый, дерзкий, авантюрист в не меньшей степени, чем духовное лицо. Он был миссионером в Габоне, затем в Батаане, основал лечебницу в Бинондокке, сменил отца Хименеса в качестве местного главы доминиканцев и, наконец, стал главным инквизитором в Маниле. Его товарищ, отец Педро де Хесу, в прошлом миссионер в Батаане, решил остаться с ним в Камбодже.

Теперь, когда испанцы располагали людьми и снаряжением, их положение стало более прочным. Оно еще упрочилось после прибытия японского корабля, который привез с собой небольшую группу испанских авантюристов. Кораблем командовал португальский метис Гувеа вместе с неким Антонио Малавером; последний прибыл на Филиппины в 1595 г., на следующий год отправился в Новую Испанию, но его корабль потерпел крушение, ему удалось добраться до Нагасаки, на побережье Японии; здесь он встретил Гувеа, который предложил отвезти его в Сиам.

В ожидании Дасмариньяса маленькая испанская колония выбрала своими представителями Велозу, Руиса и Мальдонадо. Эти трое начали переговоры с Барон Реачеа II, стремясь заключить с ним соглашение о протекторате, которое сделало бы их хозяевами страны, но не могли добиться подписи короля под соглашением, ибо он постоянно избегал этого под самыми различными, типично азиатскими предложениями. В действительности этот слабый и развращенный правитель не представлял значительной фигуры в Камбодже. Его не признавали даже в собственной семье, считая законным правителем его сводного брата Сорьопо-ра, все еще пленника Сиам. Сановники были настроены враждебно по отношению к испанцам и опасались их влияния на короля. Наконец, внутри страны сыновья прежнего узурпатора Реамеа Чунг Прея продолжали интриговать с целью захвата власти. Король Сиам, со своей стороны, был обеспокоен тем, что в соседней стране успешно развивается испанская колонизация. Ситуация была, таким образом, очень напряженной и сложной, доказательством чего служит надпись в Ангкор Вате, датируемая 1599 г., в которой камбоджийские сановники по случаю

открытия буддийского храма просят богов, чтобы «враги короля Камбоджи были обращены вспять».

Сам факт присутствия в Пномпене группы испанцев, вооруженных, ничем не занятых, в значительной мере просто бессовестных авантюристов, представлял уже большую опасность, тем более что испанцы вместе с малайцами, китайцами и японцами жили в квартале для иностранцев, рядом с городом; можно было опасаться конфликтов между представителями различных национальностей.

Эти конфликты, впрочем, очень бы устроили камбоджийских сановников, радовавшихся возможности доказать, как опасно для спокойствия страны подобное нашествие иностранцев различного происхождения. Среди сановников, наиболее заинтересованных в отъезде испанцев, был малаец Окнха Дечо, которому Чунг Прея дал титул Лакшамана — адмирала камбоджийского флота. Его любовницей была мачеха Барон Реачеа II, и он являлся наиболее влиятельной фигурой в королевстве. Но его верность королю была более чем сомнительной. Сначала он принял активное участие в возведении па трою сына Чунг Прея, а затем присоединился к законному королю. Он даже командовал флотилией судов, которые встречали короля на Меконге. Несмотря на все эти внешние изъявления преданности, он вел интриги с целью смещения короля.

Столкновение, которого ждали все и которое было спровоцировано, произошло в июне 1599 г., когда Велозу, Руис и Мальдонадо уехали из Пномпеня для обсуждения с королем в Срей Сантхоре текста соглашения. Все началось со стычки между лейтенантом Луисом Ортисом и малайцами из свиты Лакшамана. Когда Луис Ортис был ранен, за него вступился комендант испанцев Луис Вильяфанья; при поддержке испанских солдат и японцев он ворвался в квартал малайцев и поджег его. Лакшамана только этого и ждал. Он немедленно вызвал войска, поднял камбоджийцев и энергично атаковал испанцев, после чего они были вынуждены оставить свои жилища и укрыться на кораблях.

Король знал о сложности обстановки, но был совершенно беспомощен перед «адмиралом», который держал в своих руках все войска. Боясь потерять единственных защитников, он просил Велозу, Руиса, а также Мальдонадо остаться с ним, но это значило требовать слишком многого от этих людей, несомненно малопочтенных, но безусловно храбрых. Не отдавая себе отчета в опасности, они направились в Пномпень, стремясь присоединиться к своим осажденным соотечественникам, но не добравшись до них, были убиты⁶³.

Испанцы не могли удержать свои позиции, ибо силы осаждавших непрерывно росли. Скоро осажденные были все перебиты. Большинство миссионеров погибло в бою: доминиканцы, которые сражались вокруг Луиса Ортиса, в частности отец Педро де ла Бастида, францисканцы Педро Ортис, Педро де Лос Сантос и Дамьен; францисканец Дамьяо де Торрес погиб в Срей Сантхоре. Единственным оставшимся в живых был испанский солдат Хуан Диас, которому вместе с несколькими филиппинцами удалось бежать.

Один из испанских кораблей, которым командовал Мендоса, сумел ускользнуть, некоторые из беглецов смогли на нем укрыться, в том числе отец Мальдонадо, Луис де Вильяфанья и Антонио Малавер. С большими трудностями они добрались до Сиам, но, видя, что миссионеры и здесь подвергаются преследованиям, отец Мальдонадо в Сиаме не остался, приказав поднять якорь, после того как принял на борт отца Жоржи да Мота, португальского доминиканца, взятого в плен в Ловеке и бывшего в очень плохих отношениях с королем Пра Наретом.

Едва корабль поднял якорь, как сиамцы заметили исчезновение да Мота. В ярости они бросились за кораблем и попытались взять его штурмом. Это им не удалось, но большинство людей на испанском судне были тяжело ранены, в том числе отец Мальдонадо, Вильяфанья и Хуан де Мендоса. Во время плавания все раненые умерли.

⁶³ Кроме Мальдонадо. (Прим. перев.)

Перед смертью Мальдонадо продиктовал Жоржи да Мота письмо, адресованное орденским властям в Маниле, предупреждая их против новой попытки миссионерской деятельности в Камбодже и Сиаме. В Малакку жиным и здоровым прибыл один только отец да Мота.

Длительный период испанского влияния в Камбодже закончился; это влияние продолжалось еще несколько лет до тех пор, пока испанцы и португальцы не были вытеснены из всех стран Дальнего Востока новой поднимающейся колониальной империей — Голландией.

Глава V

КОНЕЦ ИСПАНО-ПОРТУГАЛЬСКОГО ВЛИЯНИЯ

Лишившись своих покровителей-иностранцев, король Камбоджи оказался в безнадежном положении, ибо не рассчитывал на защиту соотечественников. В конце 1599 г. он был убит по приказу Лакшамана, и придворные сановники возвели на трон третьего сына Барон Реачеа I — Понхеа Она, младшего брата Сатхи и Сорьопора. Он был коронован в начале 1600 г. под именем Барон Реачеа III.

Ему было сорок шесть лет, и он мог оценить опасность, которую представляли для его королевства Лакшамана и недисциплинированные отряды малайцев и тямов, которыми он командовал. Ему удалось вывести их в Тямпу, где большинство погибло.

Избавившись таким образом от наиболее враждебно настроенных по отношению к иностранцам элементов, Барон Реачеа III попытался возобновить контакты с испанцами, без помощи которых, как ему казалось, он не мог обойтись. После долгих поисков ему удалось найти солдата Хуана Диаса, единственного, кто уцелел после бойни в Пномпене. Он мирно жил с камбоджийской женщиной в одной из хижин небольшой деревни в окрестностях города. Король поручил ему доставить послание главам миссий в Маниле и Малакке, в нем он просил прислать в Камбоджу священников, обещая им свое покровительство. Только миссия в Малакке ответила ему и направила в Пномпень отца Жакомо де Консейсао. Но до прибытия последнего в Пномпень I Барон Реачеа III был убит одним из своих подданных, у которого он соблазнил жену.

Поскольку Сорьопор все еще находился в плену, королем стал Понхеа Нхом, третий сын Сатхи. По просьбе сановников, которые хотели иметь королем только Сорьопора, он принял титул Кео Фа, что означало «третий король», иначе говоря, регент. Обосновавшись вначале в Срси Сантхоре, он вскоре покинул его и перенес свою резиденцию в Пномпень.

Как и его предшественник, Понхеа Нхом был легкомысленным и беспутным человеком, предававшимся охоте и наслаждениям и постоянно пополнявшим свой гарем, насильно или по доброй воле, девушками, которые ему нравились. Используя его небрежное отношение к делам, губернаторы провинций стали чинить всяческие беззакония, продавая в рабство население целых районов. Слабость Понхеа Нхома вынудила его, подобно своим предшественникам, следовать в отношении иностранцев прежней политике.

Тем временем отец Жакомо де Консейсао, посланный в Камбоджу миссией в Малакке по просьбе Барон Реачеа III, прибыл в Пномпень и к крайнему своему удивлению был встречен не тем, кто его звал, так как тот был уже мертв, а Кео Фа. Об этом говорит письмо, направленное последним в 1602 г. настоятелю в Малакке: «Наки Сумадей Пераорашинкар, король Камбоджи, с уважением отцу Кустоду из Ордена св. Франциска в Малакке.

Отец Кустод из Ордена св. Франциска в городе Малакке послал мне письмо с отцом Жакомо де Консейсао, в котором говорит, что этот отец останется в моем королевстве и чтобы я его принял так же, как мой брат Праункар принимал тех, кто находился при нем. Все это меня очень обрадовало. Я всегда относился к отцам-

францисканцам с той же любовью, что и мой брат. Я очень благодарен Вашему Преподобию за прибытие отца Жакомо де Консейсао, ибо он человек спокойный, любящий во всем согласие, и он уже разрешил многочисленные споры между португальцами и японцами. После приезда он крестил сорок человек, чем я очень доволен, и даю ему разрешение крестить всех в моем королевстве, кого он сможет. Дано при моем дворе 20 октября 1602 года.

Отцу Кустоду будет передан пикуль⁶⁴ воска и два слоновых бивня для нужд его монастыря».

Как видно, положение миссионеров улучшилось. Множество иностранцев вновь появилось в Пномпене, но к испанцам и португальцам, чье влияние уменьшилось, прибавились теперь голландцы, которые начали играть все более важную роль в колонизации страны, а также японцы, которые покидали свою родину из-за религиозных преследований.

После того как миссия в Малакке послала в Пномпень отца де Консейсао, в Маниле решили послать, со своей стороны, в апреле 1603 г. в Камбоджу группу миссионеров-доминиканцев, а именно: отцов Иньиго де Сайта Марна, Антонио Кольера и Херонимо де Бе-лема в сопровождении шести солдат, выделенных губернатором Филиппин и поставленных под командование Хуана Диаса, посланца Барон Реачеа III. Несмотря на внутренние неурядицы, раздиравшие королевство, Понхеа Нхом принял миссионеров очень сердечно, приказал построить для них церковь и дал разрешение на проповедь христианства. Он проявлял интерес к их проповедям, часто приглашал их в королевский дворец, для бесед и расспрашивал о предписаниях католической религии.

Учитывая явный успех и надежды, которые появились в результате такого отношения короля, миссионеры охотно согласились направить в Манилу отца Иньиго да Сайта Мариа с письмом к губернатору от Понхеа Нхома, который просил прислать еще миссионеров и солдат. Несомненно, этот поступок регента был продиктован прежде всего желанием поднять свой престиж и авторитет, для того чтобы окончательно утвердиться на троне и отстранить Сорьопора. Таким образом, его духовные запросы были продиктованы утилитарными соображениями. Миссионеры не были им одурачены, но поддерживали его политику, видя в ней средство ускорить обращение в христианство *ad majorem Dei gloriam*⁶⁵.

Тем не менее их расчет оказался ошибочным, и, если не считать удовлетворенного самолюбия, положение миссии в Камбодже опять стало опасным. Отец Иньиго умер во время путешествия, а до Манилы в августе 1603 г. добрался только его сотоварищ. На миссионеров в Пномпене напали китайские пираты. Отец Кольер умер от истощения; два других миссионера были убиты во время разразившихся волнений, последний оставшийся в живых отец Херонимо де Белем, видя бесполезность своих усилий и падение авторитета Понхеа Нхома, единственного его покровителя, и опасаясь за существование миссии в случае прихода к власти Сорьопора, попросил у своих начальников разрешения вернуться в Манилу; это разрешение ему было дано. Так же печально, как и предыдущие, закончилась эта четвертая попытка основать христианскую миссию в Камбодже.

Регент не смог долго удерживать власть. Он испытал враждебное отношение сановников и королевской семьи, сторонников Сорьопора, уже в начале своего правления и был допущен к власти, поскольку Сорьопор давно находился в плену, а нужно было устранить сыновей узурпатора Чунг Прея. Отношение регента к испанцам и миссионерам, помощь, которую он все время просил у них, только усилили враждебные чувства к нему. Уступая неоднократным просьбам вдовствующей королевы, сиамский король Пра Нарет согласился, наконец, освободить Сорьопора и его младшего сына Прах Утея, будущего Барон Реачеа V, но оставил у себя в качестве заложника другого сына Сорьопора, Честху.

⁶⁴ Пикуль — мера веса, около 60 кг.

⁶⁵ К вящей славе господней (лат.) (Прим. перев.)

Получив свободу, принц временно поселился на юге Камбоджи, где к нему присоединились члены королевской семьи и пышные сановники королевства; все они принесли ему клятву верности, но нужно было еще отвоевать трон. Регент, делая вид, что склоняется перед его авторитетом, стремился, однако, любым способом удержать власть. Кончилось тем, что король Сиам, поддерживавший своего бывшего пленника, послал ему на помощь войска. Убив регента, Сорьопор вступил на трон в конце 1603 г. под именем Барон Реачеа IV. Ему было тогда сорок шесть лет.

Годы, проведенные в плену в Аютии, появившиеся там связи, военная поддержка со стороны Пра Нарета, которая помогла ему вернуть трон предков,— все это в какой-то степени поставило его в зависимость от Сиам. Находясь под впечатлением от организации управления, от обычаев Сиам и придворных церемоний, он взял это за образец и даже установил в качестве формы для себя и высших сановников Камбоджи длинную желтую одежду, которую обычно носили сиамские аристократы. В истории Камбоджи начался новый период, для которого характерны ликвидация испано-португальского влияния, весьма сильного в течение столь долгого времени, и влияние Сиам. Этот период длился недолго, ибо с XVII в. Камбоджа попадает в сферу вьетнамского влияния.

Странно, что годы испано-португальского господства, которые едва не превратили Камбоджу в настоящую колонию и оставили заметные следы в камбоджийских хрониках, на жизнь страны и народа оказали лишь поверхностное влияние; только несколько португальских слов, перешедших в кхмерский язык, и несколько фамилий сохранили до наших дней память о конкистадорах XVI в. Небольшая португальская колония еще в течение долгого времени существовала в Пномпене; она постепенно исчезла, смешавшись путем браков с камбоджийским населением. Статуя Диего Велозу, воздвигнутая двадцать лет назад в провинции Бапхном, которой он управлял, одна лишь является памятником наиболее значительному человеку из плеяды отчаянных авантюристов, приключения которых можно сравнить только с теми, что происходили с миссионерами — героями и фанатиками, монахами-воинами, легендарными персонажами подлинно гомеровской эпопеи.

Действительно, нелегко было испанцам лишиться того первостепенной важности положения, которое они занимали в Камбодже в течение всего XVI в. Они не хотели отказываться от роли советников и покровителей, призываемых сменявшими друг друга королями, от значительных торговых выгод, которые они получали благодаря главенствующему положению, трудно было им отказаться и от духовного влияния, правда скорее поверхностного, чем глубокого, которое оказывали на население миссионеры.

Эпопея, пережитая миссионерами и такими выдающимися авантюристами, как Велозу, Руис, Дасмариньяс, Гальинато, только с большим опозданием, из-за медленного сообщения между странами, стала известна в Испании: все эти люди вызывали восхищение у народа, видевшего в них героев удивительных приключений, пережитых в далекой Камбодже, сказочной стране из «Тысячи и одной ночи». Целая литература плаща и шпаги и народный театр занимались их жизнеописанием, рассказами об их путешествиях, приукрашивая их, сделав, например, из Гальинато мужа камбоджийской королевы и даже посадив его на трон в Пномпене.

Некоторые из возвратившихся в Испанию героев камбоджийской эпопеи, например Мигель Хаке де лос Риос, Педро Севиль де Гуарга, которые принимали участие в избиении в Срей Сантхоре, и другие, спасшиеся после экспедиции Гальинато, добивались у властей и влиятельных лиц организации другой экспедиции, чтобы снова увидеть те страны, по которым они тосковали.

Со своей стороны миссионеры, подогреваемые апостольским рвением и любовью к приключениям, стремились убедить своих начальников в необходимости возобновить в Камбодже миссионерскую деятельность, которая, если им верить, могла бы дать большое число обращенных. Один из старых товарищей знаменитого Хименеса, доминиканец

Диего де Сориа, ставший епископом Новой Сеговии, резиденция которого находилась в монастыре в Вальядолиде, обратился к королю с двумя докладными записками, где представлял основания для отправки группы миссионеров в Камбоджу. Сторонники «интервенции» нашли своего глашатая в лице графа де Байлена, богатейшего человека, готового финансировать экспедицию.

Вскоре к жаждущим стать крестоносцами присоединились еще два сторонника: камбоджийские «ветераны» и к тому же значительные личности — отцы Адуарте и Габриэль Кирога де Сан Антонио, посланные своими начальниками из Манилы, чтобы получить поддержку Совета по делам Индии. Они прибыли в Испанию в ноябре 1603 г. Вместе с Мигелем Хаке они написали прошение на имя Филиппа III. Одновременно Педро Севиль подготовил с теологами своего ордена памятную записку, в которой обосновывал необходимость завоевания Индокитая с точки зрения морали. Из самой Манилы, где он все еще жил, письмо за письмом слал королю Дасмариньяс, мечтавший стать вице-королем Камбоджи. Его послания содействовали тому, что отцу де Сан Антонио удалось получить от Филиппа III официальное обещание поддержки. Не медля далее, Педро Севиль и Пабло Гарручо сели на корабль, идущий на Филиппины, чтобы на месте начать вербовать необходимых людей. Вечные неудачи не охладили пыла этих поборников веры.

К несчастью для них, ответственные за это дело лица оценивали обстановку гораздо более трезво и не имели никакого желания снова втягивать свою страну в предприятие, заранее обреченное на провал. Ни король, несмотря на свои обещания, ни Совет по делам Индии не склонны были официально разрешать экспедицию из-за сведений, поступивших из самой Камбоджи; подчинившись сиамскому влиянию, ее правитель был настроен против новых миссионеров; король Сиам не допускал их высадки на своей территории; сами камбоджийцы, как и раньше, не испытывали потребности в перемене религии. Благодаря терпимости, которая является характерной чертой буддизма, они благожелательно согласились на присутствие миссионеров, но если даже камбоджийцы и были способны заинтересоваться учением новой религии, она сама оставалась для них совершенно чуждой; святое писание и его средиземноморский фольклор были для них мертвой буквой.

Укрепляя позиции противников экспедиции, генеральный прокурор ордена августинцев Португалии, сам в прошлом миссионер в странах Дальнего Востока, написал королю весьма горячее послание, направленное против плана Байлена. В качестве аргументов он выдвигал не только недобросовестность камбоджийских правителей, безразличие населения, но и враждебное отношение к этому плану со стороны Китая, торговым интересам которого был бы нанесен ущерб в случае нового испанского вторжения в Камбоджу. Если бы экспедиция состоялась, это вызвало бы ответные действия против Макао. Эти аргументы Байлен не смог опровергнуть и изъясил свои капиталы. Отцы Адуарте и Сан Антонио остались на Филиппинах, где оба и умерли. Две докладные записки в пользу предприятия, опубликованные Мигелем Хаке и Эрнандо де Лос Риос, не нашли отклика; с обращением Камбоджи в христианство испанцами было покончено навсегда.

* * *

Если португальские и испанские документы, которые мы использовали в предыдущем изложении, имеют большое значение для истории Камбоджи XVI в., то не менее важны они для изучения памятников группы Апгкора. Во время скитаний по всей стране миссионеры, солдаты и авантюристы обнаружили заброшенные памятники или здания, вновь занятые камбоджийскими правителями. Именно иностранцам мы обязаны первым точным описанием кхмерских архитектурных ансамблей, не говоря уж о неизданных ими сведениях о судьбе города Ангкор Тхома после его оставления в 1430 г. и превращении его иногда во временную резиденцию камбоджийских правителей.

Самое древнее и наиболее полное из известных нам описаний Ангкора принадлежит Диогу до Коуту, официальному летописцу Португальской Индии, и относится к периоду между 1543 и 1616 гг. Его рассказ был издан К. Р. Боксером, затем переведен Бернаром Гролье. Сам Диогу никогда не был в Камбодже; его сведения основаны на рукописи монаха ордена капуцинов Антонио де Магдалена, посетившего Ангкор около 1585—1586 гг. Помимо очень детального описания Ангкора, рассказ этот интересен тем, что дает сведения о местных традициях, распространенных в то время, а также о новом заселении города, после того как он был оставлен.

Относительно того, как обнаружили заброшенный Ангкор, Диогу До Коуту дает нам одну из версий, несколько деталей которой нам уже известны: «В 1550 или 1551 г. ввиду того, что король Камбоджи собрался на охоту со слонами в самые непроходимые леса, какие только существовали в королевстве, его люди занялись расчисткой леса и неожиданно наткнулись на величественные сооружения, заросшие настолько, что они не смогли их расчистить, чтобы проникнуть внутрь. Когда обо всем было доложено королю, он прибыл на место; увидев протяженность и высоту наружных стен, он пожелал проникнуть внутрь сооружения и приказал немедленно расчистить и выжечь непроходимую чащу. Он остался тут же на берегу прекрасной реки, наблюдая, как пять или шесть тысяч человек выполняли эту работу и, наконец, высвободили целый город как внутри, так и снаружи от густого кустарника и высоких деревьев, которые выросли здесь за долгие годы. А когда все было тщательно расчищено, король проник внутрь и, пройдя повсюду, был восхищен размерами сооружений. Поэтому он решил немедленно перевести сюда свой двор, ибо помимо того, что в городе были великолепные здания, его расположение было прекрасно, а места живописны — здесь были рощи, речки и источники хорошей воды».

Речь идет несомненно об Ангкор Тхое, ибо описание До Коуту очень точно соответствует тому, что мы знаем о столице Джаявармана VII. Испанский текст содержит подробное описание четырехугольника, обнесенного стенами, рвов, которые их окружают и через которые переброшены мосты, ведущие к пяти монументальным воротам, аллей с каменными балюстрадами; на них «с поразительным мастерством изображены сидящие каменные гиганты, руки которых лежат на балюстраде; у них всех уши проколоты и очень длинные, как у жителей Канары⁶⁶, откуда, по-видимому, и происходят эти скульптуры». Он отмечает, что ворота, украшенные богатой скульптурой, сделаны из камня, который «есть только в двадцати милях от этого места; отсюда можно судить о стоимости, труде, организации и повинностях, которые были для этого применены». Он отмечает также существование надписи «на языке бадага — языке, родственном канара, которая гласит, что этот город, храмы и многое другое... были выстроены по приказу двадцати сменивших друг друга королей и что па это ушло семьсот лет»⁶⁷.

В тексте отмечается также, что «в одной стороне города есть неоконченные сооружения, которые похожи на дворцы королей, ибо по характеру постройки, ее пышности и величию с первого взгляда можно понять, что она предназначена для королей. Это чувствуется в многочисленных карнизах, в разнообразии орнамента, который поражает глаз и свидетельствует о мастерстве скульпторов». О Байоне в тексте говорится лишь несколько слов: «один из самых замечательных храмов, еще неоконченный».

В то же время рассказчик — и это, быть может, самая интересная часть текста — с большими подробностями описывает систему каналов и бассейнов, обслуживающих город, которые в это время, по-видимому, были еще в превосходном состоянии: «От каждого ворот города к этому последнему (Байону) ведет дорога той же ширины, что и внешние мосты с их парапетами... И вдоль каждой стороны этой дороги тянутся пре-

⁶⁶ Жители Южной Индии.

⁶⁷ Речь идет несомненно о стеле, посвященной основанию Ангкор Тхома; она до нас не дошла и, безусловно, утрачена.

красные каналы, полные до краев водой, которая вытекает из большого рва, окружающего город, и проходит в каналы через восточные и северные ворота города, затем вновь вливается в тот же ров через южные и западные ворота таким образом, что уровень воды в вышеупомянутом рве никогда не уменьшается, поскольку какое бы количество воды ни поступало через двое ворот в каналы, такое же всегда возвращается в ров через двое других ворот. Большой же ров всегда полон, ибо туда текут полноводные реки, и в случае избытка воды бывает даже необходимо отводить ее в определенных местах, чтобы воды рва не выходили из берегов.

И таким образом, вдоль каждой улицы, идущей от ворот города, проходят два канала, по которым в город приплывают по рекам многочисленные суда из внутренних районов страны; они везут продовольствие, дрова и другие необходимые вещи, которые выгружают тут же, перед домами жителей, имеющими один выход к каналу и другой — к реке. Так же город очищается и от всякого рода отходов; они выводятся наружу до самого рва. Так что, когда король обнаружил этот город и перенес туда свой двор, город оказался самым красивым, прекрасно оборудованным для жизни и самым чистым из всех городов мира».

Этот текст интересен в том смысле, что время, когда Ангкор Тхом был найден королем Камбоджи, относят к 1550 или 1551 г., т. е. к периоду правления Анг Чана. Он нам говорит также о том, что в период, когда брат Антонио де Магдалена посетил Ангкор Тхом в 1585 или 1586 г. в правление Сатхи, город еще процветал, и система водоснабжения, разрушенная после взятия Анг-гора, вновь функционировала нормально. Его оставление приписывается последним камбоджийским правителям XVII и XVIII вв.

В рассказе Коуту упоминается также Ангкор Ват. «В полумиле от города находится храм, называемый Ангар, построенный на прекрасном ровном и открытом участке. Этот храм длиной в шестьдесят шагов отличается такой необычной архитектурой, что его невозможно описать, а также нельзя сравнить с каким-либо другим сооружением в мире». Затем следует подробное описание храма, его башен-алтарей, его лестниц, окружающих его рвов, главного моста, пересекающего ров и ведущего к храму, «у входа в который стоят каменные тигры, такие большие и такие страшные, что пугают тех, кто сюда попадает». В то же время он ничего не говорит о барельефах большой галереи.

Брат Антонио хорошо подметил любопытное явление, о котором мы говорили в первой части книги: а именно изменение течения в Тонлесапе в конце сезона дождей и в конце сухого времени года; он описывает его и объясняет вполне разумно. Остальная часть повествования посвящена жизни Камбоджи; мы к этой части вернемся несколько позже.

Другие описания испанских авторов начала XVII в. дополняют рассказ До Коуту и брата Антонио: одно из них, принадлежащее Рибаденейре, было опубликовано в 1601 г., другие же — Габриэля де Сан Антонио — в 1604 г., Кристобая де Хаке — в 1606 г., Х. Дос Сантоса и д'Архенсолы — в 1609 г. Все они основаны на рассказах миссионеров и путешественников, относящихся к концу XVI в. Они не дают ничего особенно нового, кроме любопытного замечания о том, что Ангкор был построен Александром Великим или римлянами, как у Рибаденейры, или иудеями, как у Сап Антонио; последний пишет также о существовании моста на семидесяти опорах через Меконг. Все рассказчики, впрочем, сходятся на том, что приписывают открытие города кхмерскому королю и отмечают, что восстановленная столица стала местом пребывания двора; Сан Антонио указывает даже, что «в этом месте брат Антонио Дорта и брат Луис де Фонсека из ордена Св. Франциска провели много дней».

Различные свидетельства миссионеров, путешественников, торговцев и авантюристов как испанских, так и португальских, посетивших Камбоджу в конце XVI и начале XVII в., дают, кроме того, представление о том, как жило население, а также о политической, социальной и экономической структуре страны.

Самый древний текст, где упоминается Камбоджа,— это «Summa orientali» Томе Пиреша, изданный между 1512 и 1515 гг.: «От Сиамы по дороге в Китай на морском побережье находится королевство Камбоджа, которое, если следовать далее в том же направлении, граничит с Тямпой. Король Камбоджи — язычник и воин. Его страна тянется далеко в глубь земель. Он ведет войну с жителями Бремы (Бирмы) и с Сиамом, а иногда и с Тямпой и не подчиняется никому. Народ Камбоджи воинствен.

По земле Камбоджи течет много рек. На них встречаются многочисленные *ламчарас*, которые часто плавают к побережью Сиамы, в районе Лугора. Они собираются в эскадры для того, чтобы преследовать каждого, кто появляется в этих водах; страна Камбоджа производит в изобилии разнообразные продукты питания; в этой стране много лошадей и слонов.

В стране Камбодже производят много риса очень хорошего качества, а также мяса, рыбы и местного вина. Кроме того, в этой стране есть золото, она производит лак, бивни слонов, сушеную рыбу.

Камбоджа покупает следующие товары: белое тонкое хлопчатобумажное полотно, перец, гвоздику, киноварь, ртуть, росный ладан, красный бисер.

В этой стране сановники сжигают себя после смерти короля, то же делают его жены и другие женщины, когда умирают их мужья. Они бреют себе голову вокруг ушей, стремясь быть элегантными».

Это очень общее описание содержит явные ошибки, как, например, самосожжение вдов, практиковавшееся в Индии и Тямпе, но совершенно неизвестное в Камбодже. Нужно было подождать до последней четверти XVI в., чтобы получить более точные сообщения об этой стране благодаря путешествиям миссионеров и искателей приключений, а также благодаря «Трактату» Гаспара да Руиса, опубликованному в 1569 г. В нем дается прекрасное описание Меконга, по которому Гаспар да Руис плавал, а также подробно рассказывается о таком явлении, как изменение течения р. Тонлесап, и говорится о «четырех рукавах», которые образуют большой резервуар воды для Пномпеня.

В этих текстах упоминается о некоторых городах — Срей Сантхоре, Ловеке, Ангкоре, Пномпене; в них, по словам рассказчика, двадцать тысяч дворов, из которых три тысячи принадлежат китайцам. Гаспар да Руис много места уделил перечислению того, что производится в Камбодже: шелк, хлопок, конопля, опиум, сандал, камфара, благовония, лак, воск, слоновая кость, золото, серебро, свинец, медь, олово, квасцы, драгоценные камни, рис, скот, рыба. Все авторы говорят об изобилии риса и его превосходном качестве. В районе озера Тонлесап крестьяне собирали дикорастущий рис, и До Коуту сообщает интересные подробности об этой культуре. В то время, так же как и сейчас, рис, скот и рыба были главным богатством Камбоджи, и эта страна была одной из главных житниц Юго-Восточной Азии. Обилие слонов, особенно белых, также отмечается всеми авторами, и До Коуту дает нам живое описание ловли диких слонов, причем способ тот же, что и сейчас,— при помощи прирученных слонов.

Хотя Камбоджа и утратила положение великой азиатской державы и былое влияние, хотя ее и раздирали внутренние смуты, престиж ряда выдающихся королей XVI в. по-прежнему был значительным. Г. да Крус дает красочное описание жизни двора при Анг Чане, которое говорит о том, что кхмерская концепция королевской власти, выдвинутая ангорскими правителями XI и XII вв., оставалась в силе и сохранилась в известной мере до нашего времени.

Абсолютная власть делает короля единственным главой и собственником королевства, земли и ее обитателей, которые фактически являются рабами. Г. да Крус приводит даже довольно странный пример: когда камбоджиец умирает, его недвижимая собственность возвращается королю, а семья вынуждена идти на положение слуг к другому собственнику. Да Крус видит в этом обычае одну из причин отказа крестьян от земельной собственности, поскольку они считали бесполезным свой труд, ибо семья не

могла воспользоваться его плодами. Этот обычай, впрочем, в какой-то форме сохранился, ибо, согласно Эмонье и Мура, «в современном обычном праве король предоставляет земли только во временное пользование и перераспределяет их в случае смерти, равно как и получает половину наследства своего умершего подданного, если у того нет наследника мужского пола». Доходы страны были собственностью короля, и он имел право их использовать по своему усмотрению. Впрочем, весь персонал королевского дома, все его многочисленные рабы зависели только от его воли.

Судьи, выбранные из сановников, были распределены по провинциям, где они заседали ежедневно. Они присуждали к тяжелым наказаниям, в зависимости от характера преступления, сажали на кол, сдирали кожу, отрубали члены, отдавали на съедение москитам и даже погружали в кипящее масло. Практика «божьего суда» существовала по-прежнему, как когда-то в Тямпе и Фунани. Преступника, которому посчастливилось бежать и укрыться в монастыре, прощали, если ему удавалось вскарабкаться на верхушку большого столба, где были укреплены религиозные эмблемы.

То немногое, что нам известно о церемониале двора, показывает, что он упростился со времени посещения Чжоу Да-гуаня: правитель принимал посетителей, сидя на небольшом возвышении из позолоченного дерева, и сановники падали перед ним ниц, положив руки ладонями на землю. Отец Адуарте описал вручение королю в Пномпене в 1603 г. послания от губернатора Филиппин. Послание лежало на золотом блюде под позолоченным балдахинном, который нес слон. Впереди шли оркестр и стража, сзади ехали испанцы верхом на лошадях. Благородное животное было приведено в королевский дворец, и послание подано королю на блюде.

Тексты называют только титулы сановников королевства: *мамбарай*, несомненно соответствовавший премьер-министру, высшей должности в королевстве; *окунья*, *дечу*, *чофа*, *чапина*, без уточнения их назначения. Они называют также и другие титулы, существующие в настоящее время в камбоджийской иерархии: *окнеа*, *дечо*, *чау фа*, *чау понхеа* и др. Сановники в официальных случаях передвигались только на спинах слонов или в позолоченных паланкинах с четырьмя носильщиками.

В административном отношении страна была разделена на провинции; названия некоторых из них сохранились вплоть до наших дней: Барара, современная Бария, Басано, современный Бапхном и т. д. Эти провинции делились на «города», находившиеся под управлением сановников.

Сведения, которые сообщают нам миссионеры о религии камбоджийцев, никакого интереса не представляют, кажется, что миссионеры этим почти не интересовались, чаще всего они рисуют ее в искаженном, тенденциозном и малопривлекательном свете. Единственное, что заслуживает внимания,— сообщение о существовании при дворе *баку* — брахманов, в обязанности которых входило выполнение официальных церемоний. Мы уже отмечали существование этого пережитка в буддийской Камбодже, а именно — наличие представителей религии, которая долгое время была государственной. Баку существовали еще во времена короля-буддиста Джаявармана VII и сохранились до наших дней. Число буддийских монахов в Камбодже XVI в. было велико, и все они принадлежали к Малой колеснице. Г. да Крус, посетивший страну в правление Анг Чана, определяет численность *бхиккху*⁶⁸ в треть мужского населения страны; в 1596 г. Адуарте насчитывал в Пномпене тысячу пятьсот монахов.

О жизни камбоджийского народа испанские летописцы не дают нам достоверных сведений, за исключением нескольких живописных подробностей, поразивших их воображение: широко распространены рабство, полигамия, ритуал «срезания первой пряди волос» как часть церемонии, которая совершается и в наши дни; настоящее табу, которое представляет голова у камбоджийцев: самое сильное оскорбление для них — положить им руку на голову, где пребывает могучий дух. Испанцы описывают также

⁶⁸ Название буддийских монахов на языке пали.

церемонию клятвы друзей, которая состоит в том, что каждый пьет чашу крови другого, смешанной с освященной водой, в которой было смочено лезвие ножа. В числе наиболее популярных развлечений авторы часто называют игру в поло, завезенную из Индии, запуск воздушных змеев, снабженных веревкой, служащей виброфоном. Обычай, описанный До Коуту, посвященный сбору риса, встречается еще и сейчас в деревнях на северном побережье озера Тонлесап. Сбор урожая производится сообща, и по этому поводу устраивается празднество с танцами, ритуальными играми, гонками на пирогах.

Растительные, животные и минеральные ресурсы Камбоджи те же, которые перечислил Пиреш сто лет назад. Страна ввозила главным образом шелковую пряжу, киноварь, серу, ртуть, медь, свинец, изделия из фарфора. Торговля, как и в наши дни, находилась полностью в руках китайцев и частично японцев и вся контролировалась королем. По данным Хаке, в Пномпене насчитывалось три тысячи китайцев. Меры веса и длины, использовавшиеся в торговле, были китайскими. В течение долгого времени в качестве монеты применялся определенный вид товара-эталоны. По-видимому, деньги появились впервые в правление узурпатора Кана в начале XVI в. В музее Пномпеня хранятся несколько монет, соответствующих описанию испанских летописцев. Они рассказывают о золотых, серебряных и бронзовых монетах с изображением «дракона» или «петуха, змеи, сердца с цветком посередине». Петух — это, конечно, *хамза*, священный гусь; змея — бутон цветка лотоса с длинным витым стеблем; сердце с цветком посередине — несомненно изображение кокосового ореха.

Самые интересные сведения, сообщаемые испанскими и португальскими текстами XVI в., относятся к ирригационным работам кхмерских королей и их влиянию на экономику королевства. В стране, где происходит чередование сухого времени года и сезона дождей, смысл этих работ заключается в том, чтобы умерить, с одной стороны, засуху, которая свирепствует в течение семи месяцев в году, с другой — предотвратить разрушительные наводнения в сезон дождей. Ирригационная сеть должна строиться с таким расчетом, чтобы создавать запасы воды во время дождей и иметь возможность использовать ее во время периода засухи.

Для этой цели страна была буквально застроена бассейнами и фонтанами, объединенными в чрезвычайно развитую сеть каналов и рвов. Эти бассейны, дно которых было водонепроницаемым, в период дождей наполнялись естественным образом. Весь район Ангко-ра состоял из прямоугольных рисовых полей, расположенных в шахматном порядке, примерно так же, как в наши дни рисовые поля располагаются в дельтах рек. В Камбодже культура рисоводства значительно упала по сравнению с XII в. Рисовые поля, правильно орошаемые, давали в то время три-четыре богатых урожая в год. В настоящее время рис высевается один раз в год, и забота о его поливе перекладывается на дожди в соответствующий сезон.

Другой целью при создании ирригационной системы было стремление сохранить структуру почвы, сделать так, чтобы плодородные земли не уносились вместе с водой во время сезона дождей, как происходит теперь. Плотины позволяли пешеходам передвигаться по городу во всякое время года, а по каналам плавали пироги.

Королевский дворец был сердцем города, но сам город занимал гораздо большее пространство, дома стояли на сваях вдоль каналов, как современные деревни по берегам рек. Город был в известной мере средоточием ирригационной системы. Его главная роль состояла в орошении полей соседних деревень. Система, составлявшая «группу Ангкора», центра кхмерского могущества, представляла собой обширный район площадью 35 X 22 км.

Эти весьма значительные работы были заслугой кхмерских королей. Прежде чем приступить к сооружению храмов, они считали своей первоочередной задачей общественные работы. Стела Прах Ко подтверждает это. В данном случае речь идет об Индравармане, строителе Барая в Лолее: «Как только он стал королем, он дал обещание: через пять дней я начну земляные работы...» И это действительно была мудрая политика:

до того как построить город, нужно обеспечить существование его будущих жителей. Надписей такого рода бесчисленное множество не только в столицах, но и в менее важных городах. Так, каждый новый король, каждая новая столица увеличивали и совершенствовали систему водоснабжения на благо населения. Эта полезная деятельность кхмерских королей была, к сожалению, подорвана, как мы уже говорили, гигантскими усилиями в области строительства, которые требовались от народа. Великолепное социальное равновесие, состоявшее в правильном чередовании работ общественного характера и строительства религиозных сооружений, нарушилось, что повлекло за собой крушение всей системы.

Глава VI КАМБОДЖУ РАЗРЫВАЮТ НА ЧАСТИ

Возвратимся к Сорьопору, сиамскому ставленнику, который был враждебно настроен к испанцам. Его царствование положило конец их влиянию в Камбодже. Вступив на трон, он попытался восстановить мир, который слишком долго нарушался соперничеством различных мятежных группировок в стране, вернуть под свою власть некоторые провинции королевства, ставшие почти самостоятельными. Он направил войска в провинции Кампонгсвай, Срей Сантхор, а также в Ангкор Ват и Ба Пном; они не встретили там серьезного сопротивления и без труда добились подчинения губернаторов этих провинций. Одного мятежника в провинции Треанг, который попытался было воспротивиться королю, быстро призвали к порядку, и на время Камбоджа восстановила свое единство.

Сорьопор оставил после себя несколько сооружений, в частности буддийский монастырь в Самбоке, которому он подарил земли значительной площади. В его правление небольшая горстка европейцев — торговцев и миссионеров — продолжала жить в Камбодже, но не отличалась, по-видимому, большой активностью. Сорьопор был достаточно терпимым по отношению к ним, не оказывая, однако, им поддержки и не давая привилегий, как делали его предшественники.

В 1618 г. Сорьопору исполнилось семьдесят лет. Утомленный долгим пребыванием в плену в Сиаме, больной, уставший от бремени власти, непрочность которой он сознавал, Сорьопор отрекся от престола в пользу своего старшего сына Честхи. В действительности это отречение имело смысл только как выражение его намерений, ибо Честха по-прежнему находился в Аютии, пленником у короля Сиам. Уступая настойчивым просьбам Сорьопора, сиамский король наконец разрешил Честхе вернуться на родину. Честха возвращался в сопровождении эскорта сиамских солдат и нескольких камбоджийцев, принадлежавших к королевскому дому, которые были с ним в плену в Аютии и теперь получили разрешение сопровождать его. Прибыв в Бариваур, уже на камбоджийской территории, Честха отослал назад сиамский эскорт и направился далее к Ловеа Ему.

В столице Сорьопор принял его с распростертыми объятиями и почестями, которые полагаются правителю. Он сам короновал Честху, который стал править под именем Прах бат самдач прах реачеа онгка прах Чей Четтха тхиреач Раматхипдей бараммо баупит... Первое, что сделал новый король, будучи в возрасте сорока шести лет,— дал своему юному брату Прах Утею титул *обареач* (вице-король). Сорьопор умер в следующем, 1619 году. Труп его был сожжен, а пепел помещен в «ступу» на горе Прах Реач Трапья, около старого города Удонга.

На следующий год, отправившись поклониться праху отца, король пленился этой местностью и решил перенести сюда свою столицу; вскоре он выстроил здесь дворец, который долгое время оставался резиденцией камбоджийских королей. В первые годы правления Чей Четтха II занимался внутренней организацией королевства и пересмотром его законов. В 1620 г. он взял в жены вьетнамскую принцессу, которая была прислана ему императором Вьетнама. Она была очень красива и быстро добилась большого влияния на

короля. Горячая патриотка, принцесса привезла ко двору камбоджийского короля своих родственников, друзей, советников, а также придворных, принцев и фаворитов. Самые важные посты в королевстве были отданы вьетнамцам, вьетнамская мануфактура была построена неподалеку от столицы, кроме того, вьетнамцы основали свои торговые дома. Эта женитьба имела большое значение для дальнейшей судьбы страны, ибо ознаменовала начало нового влияния, которое в дальнейшем усиливалось и привело к тому, что Камбоджа оказалась вассалом Вьетнама. При некоторых обстоятельствах сближение двух стран могло бы усилить позицию Камбоджи по отношению к Сиаму, но чаще оно приводило к тому, что Камбоджа, к несчастью, оказывалась плацдармом военных действий между ее соседями.

В 1623 г. две сиамские армии вторглись в Камбоджу. Одну из них возглавил сын сиамского короля. Чей Четтха стал во главе своих войск и разбил сиамцев при Барибауре. Нападение тайцев с моря было также отражено. В память о своих победах Чей Четтха приказал построить в Удонге «ступу» рядом с той, где хранился прах его отца.

В том же году к королю прибыло вьетнамское посольство с богатыми дарами и попросило его разрешения основать вьетнамские торговые фактории на юге страны, а также таможню в Прей Коре, современном Сайгоне, находившемся тогда на камбоджийской территории. Чей Четтхе трудно было ответить отрицательно на просьбу своего тестя! Он дал свое согласие, но тем самым в сущности отказался от камбоджийского суверенитета над этой территорией. В эту область началось систематическое проникновение вьетнамцев, и камбоджийцы оказались почти полностью вытесненными оттуда. Кохинхина больше не вернулась под власть Камбоджи, и сейчас еще одно из главных требований Камбоджи⁶⁹ заключается в том, чтобы вернуть в лоно матери-родины эту провинцию, в которой проживают теперь более 300 тыс. кхмеров.

После смерти Чей Четтхи II в 1628 г. его младший брат обареач Прах Утей взял на себя управление делами королевства с титулами *абджорган* (соответствующим приблизительно значению «регент») и «великого поборника справедливости, хранителя высшего Закона». По закону трон должен был перейти к Понхеа То, сыну Чей Четтхи II, образованному принцу, которого отец хорошо воспитал и обручил с принцессой Анг Водей. Однако юный принц, хотя и был влюблен в принцессу, отказался на ней жениться и стал буддийским монахом. На покинутой принцессе женился Прах Утей.

Религиозные устремления Понхеа То были не очень устойчивыми; некоторое время спустя он ушел из монастыря и с согласия своего дяди-регента вступил на трон под именем Тхоммо Реачеа II. Точности ради надо сказать, что он получил во время священной церемонии коронации имя, которое в самых скромных выражениях переводится так: «Высшая опора, господин король, высшая королевская личность и счастливый Дхамма, король королей, Рама, высший властитель». Он мог бы, согласно протоколу, который сам и учредил, требовать, чтобы его называли «великий король самых высоких совершенств», но он не обнаружил любви к власти, предпочитая ей занягия литературой и созерцательную жизнь. Он решил уединиться на маленьком островке на Меконге, неподалеку от Пномпеня, оставив регентом Прах Утея, имевшего официальный титул «Великий покровитель Земли», и поручив ему управлять королевством от своего имени.

Такое положение, устраивавшее всех, могло бы просуществовать очень долго, если бы не вмешалась любовь... Ибо мы находим в хрониках, написанных языком, не лишенным поэтичности, трогательную историю, первую запись, свидетельствующую о чувствах, среди мрачных повествований о смене царств и королей, о трудах, войнах, соперничестве и преступлениях, которыми полна история Камбоджи XVI и XVII вв.

В 1630 г. обареач Прах Утей, как настоящий турист, в сопровождении придворных решил посетить древние развалины. Его племянник, король Тхоммо Реачеа II,

⁶⁹ Позднее это требование было снято правительством Народом Сиаиука и более не выдвигалось. (Прим. перев.)

сопровождал его в этой семейной прогулке. Принцесса Анг Водей, жена Прах Утея, тоже принимала участие в поездке. И вот под влиянием романтики руин король почувствовал, как в нем загорелось прежнее пламя любви. В тексте об этом очень целомудренно говорится: он имел «тайное свидание с принцессой на лестнице внешней террасы Ангкор Вата, где они дали друг другу нежные клятвы». Хроника не сообщает подробностей, но может быть, это свидание происходило вечером при поэтическом лунном свете, который особенно благоприятен для изливания чувств, как хорошо известно всем посетителям Ангкора!

Сначала судьба благоприятствовала любовникам; регент заболел, и они могли легко встречаться друг с другом, однако Прах Утей оказался настолько нелюбезен, что выздоровел. Свидания для влюбленных стали затруднительны; они рисковали стать жертвой доноса, поскольку об их связи знали уже все. Анг Водей допустила неосторожность, а именно: тайно покинула дом своего мужа и ушла к королю во дворец. В придворных кругах разразился скандал. Одни стали на сторону короля, верного своей юношеской любви, другие были на стороне бедного обманутого мужа, третьи, наконец,— на стороне несчастной принцессы. Узнав о случившемся, регент отнюдь не почувствовал себя польщенным выбором короля, как сделал бы на его месте настоящий придворный; более того, он поступил, как самый обыкновенный обманутый муж, — захотел отомстить и поднял для этого армию! Король встал во главе другой армии, и началась гражданская война. В первом же сражении войска короля были разбиты, и многие из его военачальников китайского происхождения погибли. Король и Анг Водей бежали; но их настигли люди регента и предали смерти.

Ввиду того, что Тхоммо Реачеа уже не было в живых, трон в 1630 г. перешел к Понхеа Нху, который был коронован в Удонге в возрасте двадцати трех лет. Нам почти ничего не известно о его происхождении и о подробностях его десятилетнего царствования. Он боролся с мятежом, поднятым неким индусом в провинции Ролеан Трул, и быстро его подавил.

После его смерти в 1640 г. Прах Утей, полностью сохранивший свое влияние, посадил на трон своего сына Анг Нона двадцати четырех лет. Несмотря на хорошие черты нового короля — серьезность, доброту и мягкость, его правление было недолгим. Принц Чан, третий сын Чей Четтхи II, жаждал власти и считал себя, не без основания, единственным законным наследником. Кроме того, он поклялся отомстить за смерть своего брата — Тхоммо Реачеа II. На охоте его охрана из малайцев убила Прах Утея и арестовала юного короля Анг Нона, которого затем привезли в Удонг. Несколько позже, под предлогом мятежа, он приказал убить двух внуков Прах Утея. Голландский летописец рассказывает об ужасных подробностях казни двух юных принцев, которых сначала заставили съесть зажаренные куски мяса, вырезанные из их собственного тела... Этот эпизод, которому с трудом можно поверить,— яркое свидетельство жестоких нравов камбоджийских владетелей того времени!

Мы упомянули о голландских хрониках. В XVII в. в Юго-Восточной Азии начался новый приток иностранцев, главным образом голландского происхождения. Они некоторым образом заняли место португальцев и испанцев, лучшие времена для которых кончились вместе с XVI веком.

Голландцы были в основном торговцами. Ими была создана в 1602 г. Ост-Индская компания, установления которой послужили позднее образцом для подобных же компаний, основанных англичанами и французами. Это была могущественная организация, капитал которой равнялся 6600 тыс. флоринов, основанная сроком на двадцать лет, однако этот срок мог быть увеличен простым продлением полномочий. Ее суда обладали исключительным правом плавания в Ост-Индию, т. е. в водах к востоку от мыса Доброй Надежды и к западу от Магелланова пролива, и могли захватывать любое чужое судно, плавающее в этих водах, и конфисковать его груз.

Не имея никаких политических или колонизаторских планов, эти торговцы ставили перед собой только одну цель — учредить свои фактории и вести как можно более широкую торговлю с местными жителями; и эти последние, как правило, довольно хорошо относились к ним. Португальцы же и испанцы, которые продолжали вести торговлю в этих местах, совершенно не переносили голландцев и обвиняли их в том, что те строят на фундаменте, заложенном другими европейцами, и пользуются не только зданиями и сооружениями, но и плодами их усилий по приобщению местных жителей к торговле с Западом. Это было верно, но таковы уж законы торговой войны. Фанатичные католики — испанцы и португальцы — ненавидели голландцев еще и потому, что те были мерзкими еретиками и мятежниками. Голландцы, со своей стороны, выдвигали различные обвинения против испанцев и возбуждали в местных жителях ненависть к ним; короче говоря, война была объявлена.

Испанцы, несмотря на значительное ослабление своего влияния в Камбодже, со временем добились чего-то вроде права первенства; они пустили корни в стране, поэтому их было трудно вытеснить отсюда; таким образом, борьба здесь развернулась острая. Первая попытка голландцев высадиться в Камбодже натолкнулась на яростное сопротивление испанцев, которые перебили большинство экипажа на двух первых голландских кораблях.

В правление Четтхи II голландцам, однако, удалось основать в Камбодже торговую факторию, которая вскоре стала процветать.

Первая известная нам голландская хроника — это хроника Герарда Ван Вустхоффа, которая повествует о сделанной в 1621 г. Чей Четтхой II неудачной попытке добыть золото в районе Аттопе, перешедшем в руки короля Вьентьяна. Эта попытка из-за тяжелого климата и болезни закончилась катастрофой: почти все ее участники погибли.

В смутное время, наступившее после смерти Чей Четтхи II, при королях, оспаривавших власть друг у друга, влияние португальцев сильно возросло. В 1637 г. им удалось убедить Понхеа Нху, что окружающие его голландцы — шпионы сиамского короля, и добиться, чтобы он задержал их судно «Нордвик». Ост-Индская компания пригрозила королю репрессиями, но, по-видимому, эта угроза не возымела действия.

Отныне влияние испанцев и голландцев будет подвержено изменениям, любопытным образом связанным с политическими переменами. После периода испанского влияния при Понхеа Нху голландцы снова заняли прежнее положение с приходом к власти Анг Нона Герард Ван Вустхофф пишет: «Этот властитель выказал расположение к голландцам... Но в январе 1642 г. произошло ужасное событие. Старый и молодой короли были неожиданно убиты по приказу принца Чана, сына покойного короля Чей Четтхи II от одной лаотянки».

Интересно, что голландские хроники постепенно вытесняют португальские и испанские, оказавшие нам большую помощь в изучении XVI в.; но голландские хроники гораздо менее ценны, ибо голландцев больше занимала торговля, чем политика, и они показали себя очень посредственными историками по сравнению с испанцами. Тем не менее, нам придется с ними сталкиваться на протяжении XVII и XVIII вв., и их данными пренебрегать нельзя.

Вернемся снова к принцу Чану, который, как мы видели, достиг власти при помощи ужасных злодеяний. Ему было двадцать шесть лет, и он пользовался печальной репутацией человека, имеющего, как говорят голландские хроники, «сердце, полное ненависти и жестокости». Чтобы опровергнуть сложившееся о нем мнение, он возвысил до звания обареача третьего внука Прах Утея, чудесным образом избежавшего гибели во время чзбиения королевской семьи и укрытого королевой-матерью.

Новый король продолжал политику балансирования между португальцами и голландцами. Понхеа Нху был расположен к португальцам, которые его толкали на враждебные действия по отношению к голландцам; Анг Нон, наоборот, благоволил и голландцам. Чан, коронованный под именем Понхеа Чан Рама Дхипати (Рама Тхупдей),

также был связан узами дружбы с португальцами. По их наущению он приказал убить двух служащих фактории Ост-Индской компании в Пномпене и заключить в тюрьму матросов двух голландских кораблей, потерпевших крушение у берегов Камбоджи; однако взятие голландцами Малакки заставило его призадуматься. Он написал письмо генерал-губернатору Явы, в котором выражал желание завязать добрые отношения с Ост-Индской компанией. Голландский губернатор, учитывая, что его соотечественники находятся в тяжелом положении, тотчас же постарался использовать благоприятное настроение правителя; он направил к тому «главного купца» Корнелиуса Клекса, чтобы поздравить правителя с «победой, одержанной над врагами, которые лишили его законных прав, и с изгнанием королей-узурпаторов». Кроме того, он предостерег правителя против португальцев, которые на Яве и Суматре интригуют против местных князей.

Казалось бы, все шло хорошо, и ситуация начинала благоприятствовать голландцам, как вдруг Понхеа Чан спутал все карты, взяв в жены малайку магометанского вероисповедания; под ее влиянием он сделал себе обрезание, принял ислам и взял имя Ибрагим. Это был неслыханный переворот, подобного которому в Камбодже еще не было, ибо все кхмерские правители были по традиции либо брахманистами, либо буддистами.

Этот святотатственный поступок вызвал сильную неприязнь к правителю его подданных, которые наградили его не слишком лестным прозвищем: Прах Реам Чальса, т. е. «король Рама, который переменял религию». Все это привело к тяжелым для правителя последствиям.

У голландцев не было оснований, в отличие от камбоджийцев, возмущаться переменой им религии, но они опасались, что это неблагоприятно отразится на их положении в Камбодже. «Вскоре Рама Дхипати изменил религию,— рассказывает Герард Ван Вустхофф,— сделал обрезание и объявил себя последователем Магомета; он старается привлечь к себе малайцев и яванцев, которым он дает большие привилегии, выбирает среди них телохранителей и поддерживает добрые отношения с худшими врагами христианства». Это последнее обстоятельство внушало особенное беспокойство голландцам, и их опасения были не напрасны. Несколько месяцев спустя король приказал перебить всех голландцев, проживавших в Пномпене. Пьер де Рожморт, управляющий факторией, был убит среди бела дня вместе с несколькими служащими, а остальные были обращены в рабство.

Голландцы в ответ направили в Камбоджу три корабля, но они были слишком плохо вооружены, чтобы сражаться с войсками короля, состоящими из малайцев, и сочли более благоразумным отступить. Губернатор Батавии обратился в связи с этим к Сиаму и просил у него помощи против Камбоджи. Не желая видеть на территории Камбоджи ее исконных врагов, Рама Дхипати написал в Батавию письмо с извинениями и вернул пленных голландцев и захваченные товары. Был подписан договор, по которому голландцы получали возмещение убытков в размере 20 тыс. таэлей за убийство их соотечественников, но в том, чего они добивались больше всего, им было отказано: в монополии на торговлю с Камбоджей.

Эта «потеря лица» оказалась роковой не только для голландцев, но и вообще для всех иностранцев, влияние которых в течение более чем двух веков в Камбодже было сведено на нет. Когда в 1652 г. голландцы сделали новую попытку добиться заключения торгового соглашения, на более благоприятных условиях для голландских торговцев по сравнению с португальскими, они получили уклончивый ответ. Основанная в конце концов фактория просуществовала очень недолго; она была захвачена, разграблена и сожжена вьетнамцами, а ее служащие, случайно избежав гибели, укрылись в Батавии.

Внутреннее положение страны при Рама Понхеа Чане было неблестящим; короля поддерживали только тямы и малайцы, религию которых он принял, против же была вся масса кхмеров. В 1668 г. началось восстание под руководством принца Прах Батом

Реачеа, сына Прах Утея. Однако, несмотря на поддержку народа, принц был разбит в сражении и должен был искать убежища у старой королевы, вдовы Чей Четтхи II. Она тоже была настроена враждебно к принцу Чану за его переход в ислам. Благодаря своему вьетнамскому происхождению она добилась согласия двора в Хюэ на поддержку Батом Реачеа. Это был необдуманный поступок, стоивший Камбодже очень дорого.

Правители Дай Вьет, недавно освободившиеся от подчинения Тонкину, стремились прибрать к рукам Камбоджу, чтобы тем самым уравновесить влияние Сиама, союзника Тонкина. Кроме того, Камбоджа с ее плодородными рисовыми плантациями привлекала вьетнамцев и как богатая житница, завладеть которой было весьма соблазнительно; поэтому они решили направить в октябре 1658 г. двухтысячное войско для поддержки Батом Реачеа. Чан-Ибрагим был разбит, взят в плен, заключен в железную клетку и в таком виде доставлен в Куангбинь на границе Южного и Северного Вьетнама, где он и умер в 1659 г. в возрасте сорока трех лет.

Победив при помощи вьетнамцев, Прах Батом Реачеа вступил на трон в 1659 г. Но Камбоджа дорого заплатила за помощь своих бывших врагов. Как только закончилась война, правитель Хюэ потребовал, прежде чем возвратит пленных камбоджийцев, заключить с ним договор, который бы гарантировал регулярную выплату дани, а также большие привилегии для вьетнамцев, живущих в Камбодже.

В скором времени по всей стране начались мятежи, организованные тьямами и малайцами, недовольными утратой привилегий, которые были им дарованы Чаном-Ибрагимом. Потерпев поражение, мятежники укрылись на территории Сиама вместе с тремя дочерьми Понхеа Чана, его придворными, священнослужителями высокого ранга и 2280 сановниками... Но в 1672 г. король Батом Реачеа был убит своим зятем, который и стал править страной под именем Чей Четтхи III. Он заставил жену своей жертвы выйти за него замуж; она организовала его убийство через пять месяцев после начала его правления. Это совершили малайцы, желавшие отомстить за смерть Ибрагима. Трудно представить, что эта серия кровавых дворцовых переворотов, напоминающая самые мрачные дни упадка Римской империи, происходила во времена, когда Версаль славился своими празднествами и монархия при Людовике XIV переживала свой расцвет.

Эти внутренние неурядицы не повлияли на намерения голландских торговцев. В 1664 г., используя краткое затишье, установившееся после прихода к власти Прах Батом Реачеа, они направили к нему Яна де Мейера и Пьера Шатэна, двух управителей, уцелевших после грабежа и разгрома вьетнамцами их фактории. По договору, подписанному в 1665 г., они добились права монопольной торговли перцем, оленьими шкурами, рогом буйвола и слоновой костью. Это было последнее проявление торговой активности голландцев в Индокитае; после долгого периода смут, когда иностранцы здесь никак себя не проявляли, голландцы должны были столкнуться с новыми пришельцами.

В июле 1664 г., в правление Батом Реачеа, в истории Камбоджи впервые появляется имя француза, отца Луи Шевреля, миссионера из Конгрегации пропаганды веры⁷⁰. Он прибыл из Сиама и обосновался в Бассаке, неподалеку от современного Свайриенга (на границе Камбоджи и Южного Вьетнама), где он основал вьетнамскую христианскую общину. По-видимому, успехи его миссии были неблестящими, ибо три года спустя он жаловался в письме своему начальству на то, что ему не удалось еще обратить в христианство ни одного местного жителя.

В 1666 г. в результате столкновений, которые произошли между жителями Камбоджи и Кохинхины, здание миссии было разрушено; сам отец Шеврель укрылся в Камбодже в Понхеалу, где он основал небольшую общину, в которой были португальцы, китайцы и вьетнамцы. Вскоре ему удалось собрать вокруг себя четыреста обращенных, но

⁷⁰ Конгрегация пропаганды веры — миссионерская католическая организация, основанная в 1572 г. для пропаганды католической веры, в частности в странах Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии. Являлась важным орудием французской колониальной политики. (Прим. перев.)

его успех вызвал недовольство португальцев, стремившихся вернуть свое былое влияние; отец Шеврель был арестован и выдворен в Гоа под каким-то благовидным предлогом.

Растущая волна преступлений и убийств — таков удручающе монотонный ход истории Камбоджи в XVII в.; сменяют друг друга посредственные правители, коронованные убийцы, переходящие от жестокостей к предательству и от предательства к преступлению. Бесцветные личности этих жалких наследников великих королей прошлого не представляют никакого интереса, и мы не будем задерживаться на этих печальных страницах истории кхмеров, а укажем только на события, представляющие интерес с точки зрения их влияния на дальнейшую судьбу Камбоджи.

После того как Чей Четтха III был убит своей женой, на трон в 1673 г. вступил принц Анг Чи, старший сын Прах Батом Реачеа. В 1674 г. вьетнамская армия вторглась в страну по просьбе Анг Нона, двоюродного брата короля, укрывшегося у вьетнамцев после убийства Батом Реачеа. Анг Чи был убит, и Анг Нон захватил власть, но чтобы подчеркнуть, что им руководила только месть, а не стремление к власти, он принял титул *абджореач* — регент. В 1675 г., всего лишь через пять месяцев после того, как Анг Нон обосновался в Удонге, он был изгнан принцем Анг Сором, братом Анг Чи, и нашел убежище в Кохинхине, едва избежав смерти.

Под именем Чей Четтхи IV Анг Сор правил в течение тридцати лет. Он царствовал дольше всех в ту эпоху недолговечных правителей. Его правление отличалось весьма редко встречающейся практикой: король три раза уступал власть своим преемникам, но каждый раз их неспособность заставляла его снова брать власть в свои руки, чтобы поправить пошатнувшееся положение страны. Его опыт использовали преемники и усвоили его настолько хорошо, что вплоть до середины XVIII в. камбоджийские правители доставляли себе удовольствие отказываться от власти на короткое время, чтобы при первой же возможности вновь завладеть ею.

Чей Четтхе IV при вступлении на трон было всего девятнадцать лет. Он короновался в Удонге и сделал местом своего пребывания Транам Чрунг, в провинции Самронг Тонг, где по его приказанию был выстроен деревянный дворец. Первая часть правления Чей Четтхи IV прошла в отражении непрерывных нападений его предшественника Анг Нона, укрывшегося в Кохинхине. Для Анг Нона это был удобный плацдарм, ибо принадлежность Кохинхины к Камбодже была чисто номинальной. Там обосновалось множество вьетнамских торговцев, буквально наводнивших страну. Между прочим, около 1680 г. трехтысячная китайская армия прибыла во Вьетнам в поисках убежища. Правитель Хюз не нашел ничего лучшего, как направить этих нежелательных пришельцев в Кохинхину, в район Митхо и Бария, где уже существовали настоящие колонии вьетнамцев. Они вели себя там, как в завоеванной стране.

Анг Нон считал возможным набрать среди этих изгнанников целую армию, с которой он напал на Камбоджу, но был разбит войсками Чей Четтхи IV и вернулся обратно. Еще два раза Анг Нон возобновлял свои нападения с помощью не только вьетнамцев и китайцев, но и сиамцев; он доходил даже до Удонга, но был разбит. Его смерть в 1691 г. положила конец борьбе за власть; Чей Четтха IV стал единственным правителем Камбоджи, признанным всем населением страны.

В 1687 г. король заболел оспой и дал обет стать буддийским монахом; выздоровев, он отказался от власти в пользу своего племянника Прах Утея, но тот умер, процарствовав всего десять месяцев, и Чей Четтха IV был вынужден вновь вернуться к исполнению королевских обязанностей.

Во время своего нового правления король должен был еще раз вступить в борьбу с вьетнамцами и китайцами из Кохинхины. Нападение вьетнамцев с Минь Вьонгом во главе заставило Чей Четтху IV бежать в Пурсат для перегруппировки армии; затем, после победоносной контратаки у Кампонгчама, он отбросил вьетнамские войска, но ему не удалось выбить их окончательно из устья Меконга. Беглецы остались в районах Бария,

Бьенхоа и Сайгона, где Минь Выонг образовал провинцию, которая на самом деле уже двадцать лет только номинально считалась камбоджийской. Он создал там несколько районов под управлением вьетнамских мандаринов; дельта Меконга была потеряна для Камбоджи,

В течение еще нескольких лет Чей Четтха IV оставался на троне, издавал законы, реорганизовывал судопроизводство, затем он отрекся от престола во второй раз в пользу своего зятя Анг Ема. Однако последний обнаружил такую неспособность к правлению, что бедный Чей Четтха IV должен был в третий раз взять в свои руки власть, которую он совсем уже было собрался оставить, следуя своему религиозному обету. К концу года он вновь отказался от власти в пользу своего сына Тхоммо Реачеа. Этот последний во время новых нападений вьетнамцев так плохо защищал страну, что Чей Четтха в четвертый раз взял власть в свои руки. Он окончательно удалился от власти лишь в 1709 г., облачившись в желтые одежды монаха, когда Тхоммо Реачеа достиг совершеннолетия.

Дурной пример Чей Четтхи IV повлиял на всю династию неустойчивых кхмерских королей, которые правили после него в течение XVIII в. Последствием нестабильности королевской власти были все больший упадок Камбожи и постепенное ослабление ее под ударами вьетнамских и сиамских завоевателей. Недостаток индивидуальности у этих правителей Камбоджи, отсутствие у них выдающихся качеств позволяет нам легко подвести итог их посредственной деятельности и перейти к двум великим королям XIX в. — Анг Дуонгу и Нородому, вдохновителям установления французского протектората над Камбоджей.

Вскоре против Тхоммо Реачеа выступил зять Чей Четтхи IV — Анг Ем, который обнаружил полную неспособность управлять в тот короткий период, когда он находился у власти. В соответствии с уже установившейся традицией претендент опирался на вьетнамцев. Будучи уже властителем Кохинхины, Минь Выонг был очень рад этой новой возможности вмешаться в дела Камбоджи; он поставил Анг Ема во главе значительного войска из вьетнамцев и моев самрэ. Узурпатор низложил Тхоммо Реачеа, который бежал в Сиам вместе со своим двоюродным братом Анг Тонгом.

В надежде вернуть себе трон несчастный Тхоммо Реачеа допустил в свою очередь крупную политическую ошибку, попросив короля Сиама о военной помощи.

Только и мечтая о том, чтобы вмешаться в дела Камбоджи, сиамский правитель откликнулся на просьбу низложенного монарха. Первая попытка не увенчалась успехом; тогда Тхоммо Реачеа потребовал подкреплений, чтобы подавить сопротивление Анг Ема.

Но тот почувствовал приближение опасности. Идя на все, чтобы сохранить за собой трон, он не колеблясь обратился в свою очередь к королю Сиама за помощью, и вероломство достигло такой степени, что он пообещал взамен подписать договор, ставящий Камбоджу в зависимость от Сиама. Король Сиама, конечно, согласился на такое выгодное предложение: без малейшего зазрения совести он лишил Тхоммо Реачеа своей поддержки и признал Анг Ема единственным правителем Камбоджи.

Так несчастную Камбоджу рвали на части ее два злейших врага. Отдав сначала юго-восточную часть страны Вьетнаму, Анг Ем теперь превратил Камбоджу в вассала Сиама. Измена была полной. Свершив все эти недостойные поступки, Анг Ем передал трон своему сыну Прах Сотхе II.

Короткое правление последнего ознаменовалось новыми нападениями вьетнамцев. В 1731 г. произошло антивьетнамское выступление в камбоджийской провинции Бапхном, спровоцированное одним авантюристом из Лаоса. Это было выступление, не имевшее серьезных последствий, однако, используя обстановку, правитель Хюэ потребовал «в качестве платы за убитых вьетнамцев» уступки двух провинций — Митхо и Виньлонг, которые увеличили территорию вьетнамской Кохинхины. Некоторое время спустя в результате дворцового переворота Прах Сотха II был низложен.

Этим воспользовался Тхоммо Реачеа и вновь заявил о своих правах на престол, пытаясь вернуть власть, отнятую у него Анг Емом. Собрав армию своих сторонников, он обосновался в Кампоте и, не колеблясь, снова обратился за помощью к Сиаму. Считая на этот раз, что Тхоммо Реачеа имеет шансы на победу, Сиа́м согласился оказать ему военную помощь, что дало возможность его кузену Анг Тонгу занять западные районы Камбоджи и освободить Удонг, где в 1738 г. Тхоммо Реачеа был коронован в третий раз. Анг Тонг получил титул абджореача — регента.

После смерти Тхоммо Реачеа в стране начинаются беспорядки; преступления и убийства разрушают королевскую семью. Отстраненные от власти в пользу Анг Тонга, которому удалось короноваться, сыновья Тхоммо Реачеа, следуя уже установившейся традиции, укрываются в Кохинхине и стараются выпросить помощь у Во Выонга. С войсками, полученными у главы вьетнамцев, они идут на Удонг. Узнав об этом, Анг Тонг бежит в Сиа́м, тоже следуя столь же прочно установившейся традиции. Его сторонникам, оставшимся в Удон-ге, удается отразить натиск агрессоров, и Анг Тонг возвращается в столицу в 1755 г. Некоторое время спустя его собственный сын Прах Утей II, опираясь на вьетнамцев, свергает его с трона. Став королем, он прежде всего в благодарность уступает вьетнамцам провинции Травинь и Соктранг, хотя это и была чисто номинальная уступка; уже с 1683 г. эти провинции были оккупированы войсками Во Выонга. В этих кохинхинских провинциях еще и в настоящее время проживает значительное число кхмеров.

Камбоджийские хроники изображают Прах Утея мудрым и милосердным королем, который тратил деньги на милостыню бедным и приношения Будде, наставлял чиновников и давал им добрые советы, словом, выдавал себя за бодисатву. На самом же деле он был честолюбив, жесток и вероломен. Он не только лишил страну еще двух провинций, но и с двумя внуками Тхом-мо Реачеа обращался жестоко. Чтобы быть уверенным, что они никогда не будут претендентами на престол, он арестовал их и, заключив в железную клетку, приказал перевезти в Удонг. Однако в пути один из сановников, тронутый печальной участью братьев, помог бежать старшему из них — Анг Нон Реаеа, вместе с которым нашел убежище в Сиаме. Младший внук был убит в Удонге.

Это случилось, когда Сиа́м переживал тяжелые времена. Король Бирмы напал на страну и захватил Та-вой, Мергуи и Тенассерим; в 1767 г. он овладел столицей Аютией, которую разграбил и сжег, в то время как сиамский король бежал в Удонг. В стране царил полная анархия: в этот момент китайский метис по имени Пья Таксин, правитель одной из северных провинций, набрав банду наемников, заставил провозгласить себя королем. Одержав ряд побед над своими противниками, он утвердил свою власть на всей территории страны, а своим местопребыванием сделал Тонбури, ранее занятый Францией.

Считая Камбоджу своим вассалом, он направил в Удонг посланца с письмом для Прах Утея. В нем он требовал, чтобы «традиции прошлого оставались в силе, несмотря на перемены, которые по воле судьбы произошли в сиамском королевстве». Прах Утей ответил ему, что он «не может пойти на переговоры на равных условиях с человеком, который, каковы бы ни были его достоинства, все же происходит от союза китайского торговца с сиамской женщиной из народа».

Придя в ярость от такого оскорбления, Пья Таксин решил свергнуть Прах Утея. Прекрасная возможность представилась ему в лице жившего в его королевстве Анг Нон Реаеа, внука Тхоммо Реачеа. Одно сиамское войско сопровождало претендента в Удонг, чтобы там возвести его на престол, в то время как другая армия высадилась в Хатиене, чтобы обойти защитников Камбоджи; Прах Утей с двором бежал в Удонг. Однако здесь выступило на сцену соперничество между Сиамом и Вьетнамом. Вьетнам выставил войско с целью защитить короля Камбоджи, который доказал ему свою покорность. Сиамское войско потерпело поражение и вынуждено было отступить, унося богатую добычу и увозя множество пленных.

Разумеется, вьетнамская помощь не была безвозмездной; и на этот раз она была оплачена, правда, не уступкой новых территорий, а согласием на пребывание при дворе в Удонге вьетнамского чиновника в качестве советника. Отныне король Камбоджи находился под постоянной опекой. Вооруженные банды сиамцев продолжали бродить по стране, всюду царил беспорядок, губернаторы провинций не подчинялись более королю, в стране господствовала анархия, а в районе Камтюта к тому же начался мятеж; при таком отчаянном положении Прах Утей решил отречься от престола в пользу того, кого он когда-то хотел убить и против кого сражался. Он сам посадил Анг Нон Реамеа на трон.

Анг Нону было тридцать шесть лет, когда он в 1775 г. получил власть. Его правление продолжалось четыре года, прошло под знаком войны и закончилось, как и правление его предшественника, мятежом и анархией. Получив трон при помощи Сиам, он боялся мести вьетнамцев и поэтому приказал укрепить Пномпень и отлить пушки.

Однако у Вьетнама было достаточно других забот, чтобы заниматься Камбоджей. Губернатор Сайгона и император Хюэ в этот момент были заняты борьбой с мятежами, в частности с восстанием тэйшонов, семьями изгнанников, родом из Анг Кхе в стране моев. Император попросил помощи у Анг Нона, но получил отказ.

Естественно, что эта обида не была забыта. Как только мятеж был подавлен, губернатор Сайгона двинулся с войском на Пномпень, но ему пришлось столкнуться с камбоджийской армией перед стенами крепости, где она окопалась; понеся тяжелые потери, он вынужден был повернуть обратно.

Несмотря на эту победу, беспорядки в Камбодже усиливались. Первый мятеж, начатый офицером Среем, был потоплен в крови. На следующий год король Сиам предложил Анг Нону принять участие в походе на Лаос; Анг Нон выставил войско в десять тысяч человек, однако со стороны Камбоджи было большой ошибкой стать союзником страны, от которой она перенесла столько бед, чтобы воевать с той страной, которая никогда на нее не нападала. Солдаты восстали, а вслед за ними и жители провинции Кампонгсвай при поддержке губернатора этой провинции. Чтобы подавить это восстание, королю пришла в голову неудачная мысль опереться на крупного сановника Му, брата губернатора провинции Кампонгсвай.

Однако вместо того чтобы выступить против мятежников, этот последний стал на их сторону и был поддержан другим мандарином — Сюром. С помощью вьетнамцев они захватили короля в плен и предали его смерти в 1779 г.

У Му не было никакого желания вступать на такой шаткий трон, он удовлетворился тем, что короновал сына Прах Утея II, шестилетнего принца Анг Енга, сохранив для себя функции премьер-министра, а также фактическое управление всеми делами страны. На этот раз сиамцы отнеслись враждебно к новому королю, особенно к регенту, умертвившему их бывшего союзника Анг Нона. Пья Таксин выставил три войска по семь тысяч человек каждое и бросил их на Удонг, Ват Нокор и Кампонгсвай. Му поспешил собрать войско и сконцентрировать его вокруг Удонга, где находился король, а кроме того, попросил помощи у губернатора Кохинхины. Последний послал ему небольшой отряд, который расположился перед Пномпенем, в то время как король-дитя был надежно укрыт в городе.

Сиамцы двигались к Удонгу, когда узнали, что король Пья Таксин неожиданно сошел с ума и что дворец захвачен мятежниками. Военный министр, командовавший сиамскими войсками, немедленно направился в Топбури вместе со всем войском, чтобы объявить себя там королем, отведя, сам того не желая, страшную угрозу от Камбоджи.

Во Вьетнаме тоже дела шли не лучше, и Камбоджа снова оказалась втянутой в события, которые отнюдь не поправили ее положения. Восстание тэй-шонов превратилось в серьезную угрозу: в этой обстановке принц Нгуен Ань, наследник правителя Юга, будущий Зя Лонг, бежал из Хюэ и укрылся в Сайгоне. В это время мятежники пересекли границу Кохинхины, чтобы здесь, на территории Камбоджи, перегруппировать свои войска. Нгуен Ань попросил у Камбоджи помощи для борьбы с восставшими. Му и Сюр

послали ему отряд солдат, но его начальник был убит, а солдаты рассеяны. Вскоре тэй-шоны взяли Сайгон, а Нгуен Ань бежал в Сиам.

В 1792 г. крупные разногласия возникли между двумя регентами Камбоджи. Сюр призвал на помощь другого сановника — Бена. Вместе они подняли восстание в провинции и пошли на Удонг, взяли его и предали смерти несчастного Му. Однако как только власть оказалась в их руках, между ними начался конфликт. Опасаясь, что Бен убьет его, Сюр призвал на помощь армию, чтобы прогнать соперника; тем не менее Сюр был убит, а Бен вынужден бежать в Сиам, увозя с собой юного Анг Енга.

Достигнув совершеннолетия в 1794 г., Анг Енг был коронован в Бангкоке. В сопровождении сиамцев он прибыл в Удонг и при их поддержке обосновался там. Мандарин Бен был назначен губернатором провинций Баттамбанг и Ангкор, с условием всегда быть покорным только Сиаму и не выполнять приказов юного короля. Станный способ сохранить свое положение высшего камбоджийского сановника! Для Сиам, однако, это была единственная гарантия того, что Камбоджа будет находиться у него в подчинении, а молодой король не мог воспротивиться этому; кстати, его правление продолжалось лишь два года: он умер в августе 1796 г. в возрасте двадцати трех лет.

Анг Енг оставил сына — Анг Чана, но ему в момент смерти отца было всего четыре года. В течение десяти лет регентом оставался премьер-министр Пок. Бен же вел спокойную жизнь в своем владении, которое состояло из двух богатейших провинций Камбоджи; он зависел только от Сиам, хотя и сохранил на всякий случай войско, благодаря которому он тогда посадил на трон короля. Ангкор и Баттамбанг практически отделились от Камбоджи, оставалось только оформить это официально.

В 1806 г. Анг Чан, достигший пятнадцати лет, был коронован под именем Анг Чана II, однако коронация состоялась в Бангкоке, что сразу же ставило молодого короля в зависимость от Сиам. Чтобы усилить эту зависимость, Бен не нашел ничего лучше, как предложить одну из своих дочерей в жены королю, который, не посмеяв отказаться, женился на ней. Таким образом, Бен занял особое положение в Камбодже, которую он отдал Сиаму.

Вьетнамцы не могли согласиться с таким сильным преобладанием Сиам в Камбодже, ибо они рисковали утратить свои права (которые они делили с Сиамом). В это время на троне Вьетнама находился император Зя Лонг. Это был не кто иной, как бывший принц Нгуен Ань, который, как мы видели, был изгнан тэй-шонами, бежал из Хюэ, затем из Сайгона и, наконец, укрылся в Сиаме. Обладая храбростью и несокрушимой волей, Нгуен Ань сумел собрать вокруг себя сторонников, получить военную помощь от Сиам и отвоевать для начала Нижнюю Кохинхину. В течение шестнадцати лет героической борьбы, получая поддержку оружием и людьми, которых Франция предоставила в его распоряжение по просьбе французского миссионера Пиньо де Беэна, епископа Аدرانского, Зя Лонг отвоевывал свое королевство. В 1802 г. он был провозглашен императором.

С приходом к власти Акг Чана II Зя Лонг направил в Пномпень свои войска и согласился признать нового короля при условии, что он будет также считаться и вассалом Вьетнама, в знак чего будет регулярно присылать «двух слонов-самцов, высотой в пять локтей, два рога носорогов, три пары бивней, кардамон, воск, лак и т. п.». Король Камбоджи согласился, считая, что в конце концов два сюзерена лучше, чем один, поскольку один может полностью поглотить страну, тогда как два подерутся из-за нее и оставят ее в покое. Вьетнамская армия вернулась в Сайгон, а в Пномпене остались два военачальника для наблюдения за выполнением условий соглашения.

Сиамцы, которые рассчитывали быть единственными хозяевами Камбоджи, разумеется, остались недовольны таким оборотом дела и, не поставив в известность короля, назначили для исполнения обязанностей абджореача и обареача двух братьев короля — Анг Ема и Анг Дуонга; последний сыграл важную роль в истории Камбоджи.

Эта борьба шла в течение некоторого времени с переменным успехом. Вскоре положение осложнилось. Начались разногласия между королем и его братом Анг Дуонгом. Последний считал себя в опасности и укрылся с семьей в провинции Баттамбанг. Опасаясь, что против него будут двинуты сиамские войска, Анг Чан решил опередить их и попросил у Зя Лонга помощи и содействия; последний послал ему отряд в пятьсот человек, который был достаточен только для личной охраны короля. Тогда король Сиама, заподозрив неладное, направил в Камбоджу два войска по пять тысяч каждое. Перед лицом этой угрозы Анг Чан оставил столицу и укрылся с семьей и вьетнамской охраной на одном из островов на Меконге, к югу от Пномпеня. Затем, узнав, что его маленькое войско разбито сиамцами и оба его брата находятся в Удонге, король покинул свое убежище и бежал в Сайгон под покровительство Зя Лонга.

Анг Ем и Анг Дуонг назначили временное правительство, составленное поровну из сиамцев и камбоджийцев, а затем отбыли в Бангкок. Но такое положение не могло продолжаться долго, и в 1813 г., в результате соглашения между Бангкоком и Сайгоном, Анг Чан вернулся в Удонг и снова взял на себя выполнение королевских функций.

Тем не менее не все вопросы были решены, и оба соперника продолжали оспаривать друг у друга остатки Камбоджи. Правитель Кампонгсвая восстал против короля и с помощью Сиама постарался получить в свое распоряжение эту важную провинцию. В следующем году сиамская армия овладела двумя провинциями — Мелупрей и Тонлерепу. Вскоре после этого, в связи со строительством канала Тяудок, вьетнамцы захватывают территорию, расположенную к югу от этого канала, и устанавливают таможенные посты по правому берегу Меконга. В конце концов император Вьетнама дает губернатору Кохинхины право решать военные и гражданские вопросы, связанные с Камбоджей, превратив последнюю таким образом в настоящую колонию Вьетнама.

Несчастья продолжали преследовать страну, как будто небо и люди объединились, чтобы окончательно ее уничтожить. Годы сильной засухи следовали за годами страшных наводнений. Снесены дома, погибли люди и животные; те, кому удалось спастись, должны были переселиться на плоскогорья, где хищники истребляли стада. Крепость, построенная вьетнамцами, разрушилась, королевский дворец был затоплен; рис гнил под водой, и в стране свирепствовал голод; банды разбойников разоряли деревни, холера и оспа уносили десятки тысяч жертв...

В довершение всего сиамцы и вьетнамцы начали войну на территории Камбоджи, опустошая страну. Сиамская армия под командованием знаменитого военачальника Бодина, который только что отличился тем, что разграбил и сжег Вьентьян, столицу Лаоса, захватила Удонг и Пномпень, а затем спустилась к Хатиену и Тяудоку. Пользуясь отсутствием короля, два его брата обосновались в Пномпене. Однако контрнаступление вьетнамцев заставило сиамскую армию повернуть вспять; ее поражение было таким же быстрым, как и победа. Анг Ем и Анг Дуонг бежали в Баттамбанг, оставив почти всю страну вьетнамцам. Восстановив на троне Анг Чана, они вернулись в Кохинхину, уверенные в том, что сиамцы больше не станут оспаривать их сюзеренные права на Камбоджу.

Когда Анг Чан умер в 1834 г. от дизентерии, на троне во Вьетнаме был император Минь Манг, преемник Зя Лонга. Будучи уверен в своей власти над Камбоджей, Минь Манг собрал высших сановников, министров, священнослужителей и бакху, чтобы решить, кто же займет место умершего Анг Чана, не спрашивая мнения ни Сиама, ни Камбоджи. Анг Дуонг и Анг Ем были сразу же отвергнуты, как настроенные просиамски; поскольку единственный сын Анг Чана умер в младенческом возрасте, то его вторая дочь Анг Мей была посажена на трон Камбоджи, а ее младшая сестра Пу получила титул обарача. Королеве было всего двадцать лет, и она, по-видимому, весьма мало была подготовлена к выполнению своих обязанностей, но совершенно очевидно, что в глазах

вьетнамцев она была удобной ширмой, которая могла бы прикрыть их усиленное хозяйничанье в стране.

Действительно, вьетнамцы, считая себя единственными хозяевами страны, начали полную реорганизацию ее административной системы по своему образцу. Кхмерское королевство было поставлено под прямое управление трех вьетнамских сановников, которым подчинялись камбоджийские министры и губернаторы провинций. Даже название Пномпень было заменено на Намвьянг. Камбоджийские сановники и чиновники должны были одеваться, как принято при вьетнамском дворе. Деление на провинции было уничтожено, их заменили тридцатью тремя новыми административными единицами, получившими вьетнамские названия. Впоследствии это число было сокращено до восьми. Вьетнамская армия оккупировала страну, делясь на двадцать пять подразделений, каждое из которых занимало свою территорию и включало несколько камбоджийских частей. Наконец, стратегическая дорога соединила Пномпень с Кохинхиной. Эта дорога была построена за счет бесплатной трудовой повинности, что вызвало сильное недовольство населения, и без того задавленного налогами.

В дни этих тяжелых испытаний взоры камбоджийского народа были постоянно обращены к Баттамбангу и Монгкол Борею, где укрывались два камбоджийских принца. Они совершили чудовищное предательство по отношению к своему народу, но остались тем не менее в его глазах единственными наследниками богов-королей прошлого. Несмотря на то что народ слишком часто подвергался с их стороны эксплуатации, он все же сохранил к ним привязанность одновременно сыновнюю и религиозную. Вьетнамский правитель был этим очень озабочен и решил устранить обоих принцев из опасения, что в один прекрасный день они снова станут стремиться к власти, быть может, при поддержке сиамцев.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

ВОЗРОЖДЕНИЕ

Глава I

УСТАНОВЛЕНИЕ ФРАНЦУЗСКОГО ПРОТЕКТОРАТА

Справедливый и доброжелательный, очень прямой, безжалостный к взяточникам, сострадательный к неимущим, хороший администратор, поглощенный заботой об общественном благе, таков был Анг Дуонг, когда он вступил на престол и попытался установить порядок в стране. Он торжественно принял на себя управление делами страны, назначил губернаторов провинций, притом губернаторов честных, постарался улучшить положение простого народа, уменьшил налоги и государственные трудовые повинности, увеличил раздачу милостыни монахам. Он временно оставил королевскую резиденцию в Удонге и обосновался в Кдлеангслеке, около Понхеалу, в деревянном дворце, который был построен для него местными жителями за несколько недель.

Несмотря на первые успехи, и для Анг Дуонга настало время познать алчность соседей, ссорившихся между собой из-за остатков агонизирующего королевства. Вьетнамцы, собиравшие силы в районе Хатиена, чтобы напасть на войска Бодина, были атакованы сиамской армией, в которой были камбоджийцы, малайцы и даже европейцы; Бодин собирался присоединиться к этой армии, пришедшей на помощь, но узнал, что она оставила поле боя и в Хатиене погрузилась на суда, чтобы отплыть в Сиам. Его положение ухудшилось. На помощь Бодину пришел Анг Дуонг во главе национальной армии, но был разбит вьетнамцами и вернулся в Удонг, а Бодин, возводя полевые укрепления, пытался задержать продвижение вьетнамцев на юг.

Война на земле Камбоджи между сиамцами и вьетнамцами продолжалась. Главной ставкой в этой борьбе был Пномпень, сердце страны и узел водных путей. Но ни одному

из двух соперников еще не удавалось овладеть этим городом, и в надежде на захват Пномпеня они вступили в ожесточенную борьбу. Они понимали, что, когда падет этот город, война будет закончена, Камбоджа разделена на две части и фактически прекратит свое существование.

На руках у вьетнамцев был важный козырь: Анг Ем, брат короля. Они пытались, женив его на принцессе Пу, противопоставить Анг Дуонгу. Однако неожиданная смерть Анг Ема помешала осуществлению этой прекрасной комбинации. Стремясь ускорить события, вьетнамцы перешли в наступление, завладели Банамом, а затем Бантай Деком, где находился король. Анг Дуонг укрылся в Пномпене, но после того как противник захватил «четыре рукава», был вынужден бежать в Удонг.

Положение снова стало отчаянным, но, испытав столько страданий, камбоджийцы поднялись все как один под командованием стихийно появившихся вождей. Под ударами восставшего народа — настоящей жакерии — вьетнамские войска были разбиты у Ловека, их командир убит, а оставшиеся отряды рассеяны.

Эта победа воодушевила миролюбивых камбоджийцев, которые теперь по всей стране поднимались против оккупантов, истребляя их и захватывая оружие. Около пятидесяти укреплений, построенных вьетнамцами, были взяты одно за другим, не исключая и укреплений Хатиена. Анг Дуонг смог, наконец, вступить в свою столицу Пномпень.

Это неожиданное выступление камбоджийского народа могло послужить началом освобождения страны, но ни король, ни Бодин не имели достаточно мужества, чтобы встать во главе этого движения. Они удовлетворились тем, что предложили вьетнамцам подписать мирный договор. В декабре 1845 г. состоялась встреча Бодина с вьетнамскими военачальниками. По договору Анг Дуонг признавался королем Камбоджи под покровительством двух правительств — вьетнамского и сиамского. Также было обусловлено возвращение принцев, членов королевской семьи и камбоджийских сановников, находящихся в плену, и обмен пленными. Договор был ратифицирован несколько недель спустя, и священный меч, эмблема королевской власти, который лежал у вьетнамцев, был возвращен Камбодже и торжественно перевезен в Удонг.

Император Вьетнама подарил Анг Дуонгу золотую печать с гравированным на ней титулом «король као-менов», т. е. кхмеров. Со своей стороны, сиамский король вернул Анг Дуонгу символы кхмерской королевской власти, увезенные когда-то в Бангкок, но одновременно прислал ноту с требованием подтвердить ранее сделанные губернатором Кампонгсвая уступки Сиаму провинций Мелупрей и Тонлерепу. Отказать было невозможно ввиду явного неравенства сил; но в то же время и согласиться на это со стороны короля было бы вероломством; он ловко вышел из положения, написав королю Сиаму: «Я ничего не уступаю сиамцам, но поскольку они сильнее, пусть временно удерживают то, что они взяли». Губернатор Кампонгсвая, передавший это письмо в Бангкок, приложил к нему акт об уступке, составленный должным образом и скрепленный его собственной печатью.

По новому договору укрепления Пномпеня были разрушены. В Удонге был выстроен новый королевский дворец, а статуи Будды, сброшенные вьетнамцами, были поставлены на место и вновь позолочены. Но последние камбоджийцы покинули Кохинхину. Провинция стала отныне вьетнамской, и прежнее камбоджийское административное деление заменено вьетнамским.

Несмотря на вновь обретенный мир, положение Камбоджи было плачевным: казна пуста, торговля парализована, страна разорена. Личные средства короля, принцев и королевской семьи тоже оскудели. Их доходы были так малы, что, например, после смерти королевы-матери обнаружилось, что у нее было всего шесть слитков серебра (480 франков того времени), сэкономленных буквально по су, ценой больших лишений. Король прекрасно понимал, до какой степени шатко его положение. Опасаясь новой войны, он избегал всего, что могло бы вызвать недовольство сюзеренов; он знал, что их аппетиты не

удовлетворены и что при малейшей возможности они возобновят военные действия, пока страна не будет окончательно разделена между ними. Он глубоко страдал от этого и решил более не прибегать к помощи Сиама или Вьетнама, а просить поддержки у западной страны, где он надеялся встретить больше справедливости и понимания, а именно у Франции. Этот поступок Анг Дуонга был в значительной мере совершен под влиянием миссионеров. Следует посвятить несколько страниц роли Франции не только в Камбодже, но и во Вьетнаме, поскольку французское проникновение в эти две страны составляет как бы одно целое и его с трудом можно разграничить.

Мы помним, что в XVI в. на всем Дальнем Востоке установилось религиозное и политическое преобладание Португалии и Испании. В начале XVII в. это влияние стало сходить на нет, сменяясь голландским. Франция фактом появления отца де Рода робко заявила о своем присутствии в Индокитае. Высланный из Японии в результате преследований, он высадился в 1627 г. в Тонкине, в сопровождении нескольких миссионеров-иезуитов, но в 1630 г. был изгнан и оттуда. В 1664 г. другой французский миссионер, отец Шеврель, пробыл некоторое время в Камбодже, выше мы уже говорили о нем. Однако в XVII в. торговые расчеты начинают преобладать над религиозными благодаря таким смелым путешественникам, как Пьер Пуавр — пионер торговли пряностями. Но только во время прибытия в Хатиен в 1774 г. епископа Пиньо де Беэна, назначенного викарием, Франция установила первые официальные контакты с правителями Индокитая.

Мы уже говорили о помощи, которую оказала Франция в 1777 г. принцу Нгуен Аню в его борьбе за возвращение трона Вьетнама. Понимая, что сам он не может победить тэй-шонов и вернуть утраченное королевство, Нгуень Ань обратился к епископу Адранскому с просьбой о посредничестве в получении помощи со стороны Франции и послал с ним своего сына, юного принца Чана. Прелат прибыл во Францию с принцем, где принцу дали хорошее воспитание. Это был один из первых азиатских принцев, посетивших Францию; он вызывал благожелательное любопытство и интерес, как будто это был принц из сказок «Тысячи и одной ночи», обладающий очарованием экзотики.

Благодаря настойчивости Пиньо де Беэна, который сам явился на прием к Людовику XVI со своим ходатайством, Франция 28 ноября 1787 г. подписала с епископом как представителем Вьетнама договор, по которому она обязывалась послать в Кохинхину четыре фрегата и 1650 солдат; взамен Вьетнам уступал Франции Тураи и о-в Пуло Кондор, а также предоставлял ей монопольное право торговли. Но пока епископ и его воспитанник плыли к берегам Индокитая, французский командующий войсками Индии, которому министерство предоставило полную свободу действий в вопросе выбора времени для начала планировавшейся кампании, отказался вообще что-либо предпринять, считая весь проект «бредом, порожденным экзальтированным воображением». Но епископ с «экзальтированным воображением» не был этим обескуражен; он сумел привлечь на свою сторону офицеров и унтер-офицеров, перешедших к нему из национального флота, поручив им заняться реорганизацией вьетнамской армии. Благодаря этой помощи Нгуен Ань сумел отвоевать свое королевство и был в 1802 г. коронован императором под именем Зя Лонга. При известии о смерти епископа Адранского он произнес прочувствованные слова о человеке, которого считал своим самым верным другом; всю свою жизнь он выражал глубокую признательность французским солдатам, которые поступили к нему на службу и большая часть которых обосновалась в его стране.

В 1817 г. французское судно наконец прибыло в Туран для укрепления новых торговых отношений, завязанных группой судовладельцев из Бордо. К несчастью, смерть Зя Лонга положила конец хорошим отношениям Вьетнама с Францией. Его преемник Минь Манг занял враждебную позицию по отношению к Франции, выдворил французского консула из страны, отказался принять барона Бугенвиля, прибывшего с подарками от Людовика XVIII, и начал преследовать французских миссионеров.

Франция на некоторое время как бы перестала интересоваться Дальним Востоком, но в 1840 г. опиумная война Англии с Китаем привлекла в индокитайские воды французский флот под командованием адмирала Риго де Женуи. Преследования миссионеров и число дипломатических инцидентов увеличились. В 1857 г. казнь Диаса, испанского епископа в Тонкине, побудила Францию и Испанию к вмешательству. 31 августа 1858 г. Риго де Женуи высадился в Туране — ближайшем к Хюэ порту. Тяжелый климат, болезни, плохое снабжение вынудили адмирала отказаться от трудного перехода к Хюэ через неприступные горы и оккупировать Кохинхину — житницу Индокитая. Небольшая флотилия адмирала направилась к мысу Окап, поднялась вверх по реке и 18 февраля 1859 г. захватила Сайгон. Город стал заложником для французов, и адмирал Паж, сменивший Риго де Женуи, был согласен эвакуировать его в обмен на гарантии, касающиеся безопасности миссионеров и торговых привилегий. Но представитель императора Ты Дыка до бесконечности затягивал переговоры.

Мы не можем здесь вдаваться в подробности военных действий, благодаря которым Конхинхина была завоевана и 5 июня 1862 г. заключен договор: император Ты Дык, сменивший Минь Манга, уступал Франции три восточные провинции Кохинхины. Благодаря этому Франция отныне имела «общую границу» с Камбоджей. Кроме того, она стала в известной мере наследницей прав сюзеренитета над Камбоджей, которыми ранее обладал Вьетнам. И Франция не замедлила вмешаться в судьбы Камбоджи.

Вернемся теперь к событиям в Камбодже. Мы помним отца Шевреля, который основал там в 1664 г. первую французскую миссию. Его неудача нанесла тяжелый удар делу французского католицизма в Камбодже, но не обескуражила миссионеров. После новых попыток отца Молена в Удонге, затем отца Левассера в Кампонгсвае, окончившихся полной неудачей, французские миссионеры обосновались на небольшом островке Хондат против Хатиена, на перекрестке торговых путей между Камбоджей, Сиамом, Малайей и Китаем. Здесь в 1787 г. высадился Пиньо де Безн.

Эта миссия имела не больше успеха, чем предыдущие, и Камбоджа фактически была оставлена французами до 1848 г. В это время отцы Буйево и Кордые высадились в Кампоте, чтобы вновь начать проповедь христианства в Камбодже. Они были хорошо приняты Анг Дуонгом. Напомним об отчаянном положении, в котором оказался новый правитель, мечущийся между борющимися за влияние Сиамом и Вьетнамом, по отношению к которым его предшественники согласились быть вассалами. Это был слишком слабый правитель, чтобы решиться на малейшее сопротивление. Его казна была пуста, он жил в разоренной стране и старался не раздражать своих «покровителей» и избегать всего, что могло бы стать для них желанным предлогом, чтобы броситься на свою жертву.

Анг Дуонг неотступно думал о том, что в ближайшее время его страна вообще исчезнет с карты Индокитая. Не рассчитывая на помощь своих азиатских соседей, он решил обратиться к Франции, которая благодаря своим дружеским отношениям с Зя Лонгом приобрела в Индокитае репутацию благородной и великодушной страны.

Французские миссионеры, которые знали об этих настроениях короля, облегчили ему задачу. Епископ Камбоджи Миш составил по указаниям Анг Дуонга письмо императору Наполеону III, в котором тот «выражал ему свою дружбу и нижайшее почтение». Кроме письма были отправлены подарки: «четыре больших бивня, два рога носорога, семь мешков гуммигута весом 300 кг, семь мешков белого сахара и семь мешков перца того же веса». Письмо и подарки были в большой тайне отправлены в Сингапур двумя католиками португальскими метисами и переданы французскому консулу. Затем командир «Кюрьёз» взял на борт своего корвета письмо и подарки и передал их морскому префекту в Тулоне, который переслал их императору в 1854 г.

На следующий год Наполеон III направил к Анг Дуонгу полномочного представителя де Монтины, который уже доказал свою дипломатическую ловкость во время различных миссий в Бангкоке, Вьетнаме и Китае. К несчастью, он не сумел

сохранить в тайне эти переговоры. Несомненно плохо информированный о сложных отношениях между Анг Дуонгом и Сиамом, он допустил большую оплошность, поставив Бангкок в известность о задачах своей миссии.

Решив помешать переговорам, король Сиам тайно посадил на судно, с которым ехал Монтиньи, своего посланца. Прибыв в Кампот, этот последний сразу же поспешил в Удонг с письмом от короля Сиам, в котором тот грозил Анг Дуонгу самыми страшными карами, если он не откажется от своих планов. Перепуганный кхмерский правитель обещал все, что от него требовали, и оставил Монтиньи скучать в Кампоте, не подавая никаких признаков жизни и не послав ему даже малого числа сопровождающих. Не решившись при таких обстоятельствах предпринять долгое путешествие по суше из Кампота в Удонг, чувствуя себя глубоко оскорбленным, посол Наполеона III не пожелал более ждать и уехал в Хюэ. Тем не менее он поручил отцу Эстре, миссионеру из Кампота, отправиться к королю Камбоджи и представить ему проект договора. Но король ждал совсем не того. Он надеялся, что политическое соглашение гарантирует ему помощь Франции против Сиам и Вьетнама, а ему предлагали всего лишь простой торговый договор, не дававший никаких гарантий и ставивший его в неловкое положение перед Сиамом. Король отказался его подписать.

Новые беспорядки в Камбодже принесли королю дополнительные заботы: восстания во многих провинциях, волнения тямов в восточных районах, стычки на границе с Кохинхиной заставляли его опасаться новой интервенции со стороны Сиам. В это время французы высадились в Туране, взяли Сайгон и начали военные действия в Кохинхине. Эти события поразили и одновременно обеспокоили Анг Дуонга, ибо ему было неясно, как они станут развиваться и, главным образом, какое окажут влияние на судьбу его страны. Хотели ли французы просто отомстить за убийство их миссионеров или же приобрести базу на побережье? Собирались ли они полностью овладеть Кохинхиной и принять на себя «права» вьетнамцев в отношении Камбоджи? Таковы были вопросы, занимавшие правителя.

Вскоре после взятия Сайгона Анг Дуонг встретился в Кампоте с исследователем Муо, который успокоил его в отношении намерений Франции. Желая сразу же продемонстрировать свои добрые намерения по отношению к Франции, правитель поддержал ее, напад в районе Туядока на вьетнамцев, которые, таким образом, оказались между двух огней. Но вскоре, в конце ноября 1860 г., Анг Дуонг умер. Это случилось почти за год до подписания договора, который мог бы раскрыть ему намерения Франции.

После Анг Дуонга остались три сына от разных матерей: Анг Водей двадцати шести лет, Анг Сор, будущий Сисоват, двадцати лет и Си Ватха девятнадцати. Собранный после смерти короля совет министров, на котором по желанию усопшего, председательствовала королева-мать, принял решение назначить новым королем старшего сына Анг Дуонга. Он был возведен на трон под именем Нородома, тем самым именем, которое дал ему сиамский король, когда назначал его обаречем. Его правление оказало важнейшее влияние на историю современной Камбоджи, ознаменовав решительный поворот в политике, начало которой было положено Анг Дуонгом. В соответствии с действующими соглашениями, вопрос о назначении нового короля был представлен на утверждение короля Сиам; кандидатура Нородома была одобрена, но в то же время, чтобы иметь возможность в случае необходимости оказывать давление на нового короля, король Сиам отправил в Камбоджу Си Ватху, который до этого жил в Бангкоке и чья зависть к старшему брату была известна. И действительно, в первые годы правления Нородома семейные раздоры были весьма значительны.

Выбрав Удонг своей столицей, Нородом приказал построить здесь новый королевский дворец, дома для своих жен и наложниц, громадную залу для танцев и театральных представлений, библиотеку. Он составил большой план работ, которые должны были завершить начатое Анг Дуонгом и предусматривали развитие экономики страны, в частности строительство дороги, соединяющей Удонг с Пномпенем и Камлотом.

Однако все эти работы были скоро прекращены из-за волнений, причиной которых был младший брат Нородома — Си Ватха.

Нородом принял его очень радушно, выделил ему богатое содержание и дал в жены одну из своих своячениц. Однако молодой принц, желавший сам стать преемником Анг Дуонга, не мог простить своему брату предпочтения, которое ему оказали. Это был красивый и умный молодой человек, хороший оратор, умевший снискать популярность в народе. У него было много сторонников, группировавшихся вокруг сановников Санг Сора и Ютхеа, которые и толкали его на то, чтобы вмешаться в дела королевства и занять место Нородома. Си Ватха вначале ограничился тем, что при каждом удобном случае демонстрировал свое несогласие с политикой брата и вел тайную кампанию против него. Си Ватха пошел даже на открытый скандал, отказавшись появляться на официальных церемониях при дворе Нородома.

Скоро эти конфликты перешли в вооруженные столкновения, и Си Ватха вместе со своими сторонниками удалился в Кампонгсвай. В это время Санг Сор поднял против Нородома районы, расположенные к востоку от Меконга. Началась война, подобная тем, которые уже не раз в истории Камбоджи вспыхивали между братьями или членами королевской семьи и раздирали страну. Вначале королевские войска одержали несколько побед, но Нородом, страдая от того, что вновь начинаются раздоры, которые так омрачали жизнь его предков, и отдавая отчет в слабости своих войск, отказался продолжать войну и удалился в Баттамбанг, увезя с собой символы королевской власти.

Ютхеа в скором времени завладел Удонгом, но столкнулся с матерью Анг Дуонга, женщиной энергичной и решительной. Ей удалось поднять против узурпатора тямов и малайцев, которые некогда потерпели поражение от ее сына. Она сумела сделать их сторонниками Нородома, восстановив привилегии, блага и титулы, которых они были лишены после поражения. При их поддержке королева-мать приказала Ютхеа очистить столицу и, пользуясь своим влиянием на этого мятежного военачальника, добилась послушания.

В Пномпене, куда направился Ютхеа со своими войсками, к моменту его прибытия уже находилась французская канонерка с целью защиты католической миссии. Напуганный Ютхеа отказался от продолжения борьбы, заплатив громадную сумму в возмещение убытков, причиненных его войсками. Это очень ободрило солдат короля; получив оружие с французского поста в Тай Мине и поставив во главе армии пятерых французских унтер-офицеров, тут же демобилизованных из французской армии, войска Нородома вновь начали военные действия и отвоевали провинции, захваченные восставшими.

В это время епископ Камбоджи Миш, посоветовавшись с чиновниками из Удонга, написал французскому консулу в Бангкоке письмо с просьбой ходатайствовать за Нородома перед королем Сиама. Радуюсь возможности увеличить свое влияние в Камбодже, король Сиама послал в Баттамбанг в марте 1862 г. армию, которая должна была вернуть Нородому трон в Удонге. Вскоре Ютхеа был убит, Санг Сор ранен; Сисоват, последний противник Нородома, бежал сначала в Сиам, а затем в Сайгон; в стране восстановилось спокойствие.

Но оно продолжалось недолго. Скоро начались новые волнения, вызванные на этот раз мятежниками Суа⁷¹ и Пукумбо⁷², которые выдавали себя за братьев короля и претендовали на трон. Си Ватха тоже возобновил борьбу, но все эти мятежи были вскоре подавлены, и снова воцарилось спокойствие. Но положение в королевстве по-прежнему было шатким. Начал снова проявлять активность король Сиама, и следовало быть готовым к тому, что скоро и он потребует награду за помощь, оказанную Нородому.

⁷¹ Суа был атяром, «атяр» (кхмерск.) — термин, обозначающий организатора религиозных церемоний, посредника между буддийским духовенством — бонзами и массой верующих. (Прим. перев.)

⁷² Правильно По Камбау, что значит «Мудрый повстанец». Настоящее его имя Леак. (Прим. перев.)

Понимая опасность своего положения, Нородом, в свою очередь, решил обратиться за помощью к Франции.

Отношения между обеими странами в этот момент были прекрасными. С 1861 г. завязались дружеские отношения между Нородомом и адмиралом Шарне, сменившим Риго де Женуи на посту командующего оккупационными войсками в Сайгоне. В письме Нородому Шарне старался успокоить его в отношении намерений Франции: «До Вас, Ваше Величество, дошли известия о последних событиях в Кохинхине. Как Вам известно, франко-испанские войска изгнали вьетнамцев. Сайгон освобожден, и побежденная вражеская армия рассеяна. Окрестное население со всей почтительностью прибыло заявить о своей покорности и готовности принять покровительство, которое ему предложено. В намерения Франции входит сохранить за собой плоды победы, основать в Нижней Кохинхине колонию и принести туда все блага европейской цивилизации. Камбоджа всегда состояла с Францией в дружеских отношениях. Я надеюсь, что наши связи, став более тесными, станут одновременно еще более дружескими. Как командующий сухопутными и морскими силами в Кохинхине и представитель Франции, я заверяю Ваше Величество в наших самых лучших намерениях в отношении Камбоджи и соглашаюсь на предложения мира и дружбы, которые король, Ваш отец, часто делал представителю благородного императора французов в Сайгоне. Имею честь также поставить в известность Ваше Величество о том, что я рассчитываю в ближайшем будущем перебросить наши войска в Митхо и завладеть этим пунктом, последним оплотом вьетнамцев против Камбоджи». Получив это письмо, Нородом направил в Сайгон посланцев с целью поздравить адмирала с успехами и заверить в добрых чувствах камбоджийцев.

Камбоджийский правитель стремился заключить политический союз с Францией, но все же он был обязан Сиаму своим возвращением на трон. Будучи очень робким и боясь не угодить своему требовательному покровителю, он тем не менее не решался ответить на предложения адмирала Шарне, так как в столице в это время находился представитель Сиама, который следил за каждым его шагом, а символы королевства по-прежнему оставались в качестве залога в Бангкоке.

Со своей стороны, Франция, утвердившись в Кохинхине, вряд ли могла допустить, чтобы ее ближайший сосед — Камбоджа — осталась под контролем Сиама, которому оказывала поддержку Англия. В июне 1863 г. капитан-лейтенант Дудар де Лагре был направлен адмиралом де Ла Грандьером с целью «вступить в контакт с Нородомом, обследовать местность и водные пути, словом, проникнуть повсюду как можно далее, чтобы затем там утвердиться».

Дудар де Лагре был умен и образован, обладал способностями к языкам; изучив китайский язык во время своей экспедиции в район Верхнего Меконга, он очень быстро благодаря миссионерам из Пномпеня овладел кхмерским. В своих интересных записках он дает меткую характеристику правителя Камбоджи, с которым часто виделся и беседовал: «Маленького роста, полнеющий, с лицом выразительным и умным, король живо интересовался западной цивилизацией, но признавал только одну форму правления — абсолютную монархию. Жестокий и ревнивый, как тигр, он имел сорок пять женщин для себя одного, — подсчитал Дудар де Лагре.— Иногда у него случаются домашние неприятности; от этого никто не гарантирован. И что же! Вместо того чтобы спокойно утешиться с остальными сорока четырьмя, он приходит в бешенство. На прошлой неделе из-за одного лишь зернышка из яблока Евы он приказал убить семь человек».

Главная задача миссии Дудара де Лагре заключалась в том, чтобы завоевать доверие Нородома и убедить его, что не нужно бояться Сиама. Это Дудару де Лагре удалось вполне. Представитель Сиама Понхеа Реачеа получил точные указания от своего короля и следил за каждым шагом Дудара де Лагре: «Когда я прибыл во дворец, меня сразу же поразило следующее. Тот, кто должен был обо мне доложить, спросил меня, пойду ли я к сиамскому мандарину до или после посещения короля. Я ответил, что пойду

к королю. Во время аудиенции король, в свою очередь, спросил меня с некоторым беспокойством, собираюсь ли я посетить это лицо; я ответил, что хотел видеть только короля Камбоджи и что, поскольку я не нанес визита ни одному из его министров, то я воздержусь от посещения каких-либо других лиц», — писал Дудар де Лагре.

Борьба началась. Понхеа Реачеа ни на мгновение не оставлял правителя; каждый его жест, все, что он говорил или делал, письма, которые он получал или отправлял, — все проверялось сиамским представителем. В связи с этим адмирал де Ла Грандьер лично прибыл в Удонг с визитом к королю. Он объяснил ему, что такое протекторат, выгоды, которые из него извлечет правитель, в частности возвращение независимости и символов его власти, а также и то, что он отныне сможет не опасаться Сиама, — от него в случае конфликта будет защищать Франция. С помощью епископа Миша адмиралу удалось убедить Нородома. Он согласился подписать договор из девятнадцати статей, в котором торжественно провозглашался протекторат Франции и ей предоставлялись желаемые гарантии. Трудно сказать, подписал ли король Камбоджи этот договор добровольно или же это произошло не без воздействия на короля французской канонерки, находившейся на рейде Пномпеня. Как бы то ни было, ратификация договора во Франции затянулась, с одной стороны, из-за колебаний французского правительства, которое не придавало особого значения заключению договора, а с другой — из-за большого расстояния до Парижа (Суэцкий канал еще не был открыт и не существовало авиации); поэтому Понхеа Реачеа без труда сумел доказать Нородому, что Наполеон III не пожелал подписать договор и что Франция бросила Камбоджу на произвол судьбы. Не имея возможности более сопротивляться, Нородом взял назад свое слово. В 1863 г. он подписал договор, еще более усиливавший его вассальную зависимость от Бангкока, уступив Сиаму еще две провинции. Взамен король Сиама решил отослать королю в Удонг своего посла с символами кхмерского королевства. Коронация Нородома должна была состояться в Бангкоке и феврале 1863 г. под эгидой короля Сиама.

Узнав об этих приготовлениях, Дудар де Лагре бросился к Нородому, «еще более запуганному, чем обычно, не осмеливающемуся ни говорить, ни молчать, связанному с двух сторон соглашениями, обреченному на пассивную роль перед лицом его двух более сильных противников, с которыми он по очереди подписывал взаимно исключаящие соглашения».

Праздник коронации приближался, приготовления к нему были в полном разгаре, хотя корону еще не привезли в Удонг. Понхеа Реачеа, который видел, как волнуется король, удалось в тайне от французов убедить короля бежать в Бангкок. Когда сиамские суда прибыли в Кампот, чтобы увезти короля, решение его уже перестало быть тайной для французов. Дудар де Лагре поспешил к королю, но тот остался непоколебимым, готовым на все, даже на то, чтобы отдаться под покровительство Сиама, лишь бы получить назад корону; отъезд короля был назначен на 3 марта.

Столкнувшись с таким упорством, Дудар де Лагре заявил королю, что если он покинет столицу, то она будет занята французскими солдатами. Предупрежденный об этом адмирал послал в поддержку Дудару де Лагре две канонерки и сто пятьдесят солдат подкрепления. Во дворце началась паника; камбоджийские министры умоляли Дудара де Лагре помешать отъезду короля. Епископ Миш, со своей стороны, посетил Нородома и сообщил ему о последнем решении Дудара де Лагре: если он уедет, французы немедленно займут Удонг.

Несмотря на угрозы, король упорствовал в своем решении, но, едва отъехав на несколько лье от Удонга, он услышал выстрелы из орудий, салютовавших французскому флагу, поднятому над королевским дворцом. Это так напугало Нородома, что он поспешно вернулся, боясь, как бы французы не завладели всем его королевством. «Зачем мне корона, если я потеряю королевство», — заявил он своим министрам и, выпив чашу унижения до дна, вернулся смущенный в свою столицу.

Во время всех этих событий очень кстати был получен договор о протекторате, должным образом подписанный Наполеоном III. Окончательный обмен ратификационными грамотами состоялся между 12—17 апреля 1863 г. Преамбула договора гласила: «Их Величества император французов и король Камбоджи, стремясь дать возможность королевству пользоваться благами цивилизации и мира, считая, что общие интересы обоих государств, ставших соседями, требуют, чтобы они жили в согласии и действовали сообща, условились о нижеследующем...»

В соответствии со статьями договора Франция соглашалась на протекторат над Камбоджей, и ее представитель должен был находиться при короле, с тем чтобы наблюдать за выполнением условий договора. Королю Камбоджи запрещалось поддерживать какие-либо отношения с иностранными государствами без санкции на то Франции. Французы получали право свободного передвижения по всей стране, владения имуществом и постоянного жительства в Камбодже. По принципу взаимности камбоджийские граждане могли тоже свободно проживать на французской территории в Кохинхине. Товары, доставленные в Камбоджу на французских судах, не облагались никакими пошлинами; те же преимущества получали камбоджийские суда с товарами, прибывшие в Кохинхину. Оба правительства брали на себя взаимные обязательства разыскивать и преследовать грабителей и воров из числа их подданных. Судопроизводство в отношении камбоджийцев оставалось в компетенции судов королевства, в случае конфликтов между французами и камбоджийцами дело передавалось на рассмотрение резидента Франции в присутствии камбоджийского чиновника.

Понимая, что золотые дни его господства над Камбоджей уже позади, Сиам вынужден был вернуть камбоджийскому правителю корону, меч и другие королевские атрибуты. Торжественная коронация состоялась 3 июня 1864 г. Народом радовался, как ребенок, получивший игрушку. Дудар де Лагре описывает его поведение с большим юмором: «Когда он, наконец, почувствовал на своей голове эту корону, которая неоднократно ускользала от него в тот самый момент, когда ему казалось, она уже у него в руках, Народом в порыве радости захотел послать приветствие своему могучему покровителю, императору Наполеону III. Он сделал несколько шагов на запад и, поднеся руку к короне, чтобы походить на г-на Демулена, представителя адмирала, который перед ним снимал шляпу, сделал несколько глубоких поклонов, как это делал тот перед королем...». Через некоторое время Дудар де Лагре сопровождал короля в Сайгон, где Народом был оказан поистине «королевский» прием: орудийный салют, обеды, балы. Покоренный великолепием и чудесами западной цивилизации, тронутый вниманием, которое ему оказывали, Народом вернулся в Камбоджу счастливым и успокоенным, считая, что трон ему и его потомкам обеспечен на вечные времена.

Однако на пути, который, как он полагал, будет усыпан розами, вскоре возникли новые трудности. Остальные камбоджийцы не были, подобно королю, убеждены в необходимости договора, который он только что подписал. Некоторые из них, особенно представители образованных слоев общества, бонзы-буддисты и принцы считали, что короля просто одурачили, поманив детским удовольствием возложить на голову корону предков и приемом у французов с почестями, носившими к тому же несколько снисходительный и иронический характер: он получил туманные обещания помощи против Сиам и очень неопределенного сотрудничества, а взамен сделал французам вполне реальные уступки. Стремясь освободиться от сиамского сюзеренитета, который для камбоджийских правителей не раз оказывался выгодным, Народом отдал страну во власть новому господину, безусловно более цивилизованному, более великодушному и обходительному, но гораздо менее думающему об интересах Народом и, более того, обладающему таким превосходством в области морской и военной, что ему с этими интересами можно было даже и не считаться, чего совершенно нельзя было сказать о Сиаме.

Как только состоялось подписание договора, против французов в стране началось восстание во главе с атьяр Суа, принцем королевской крови. Получив поддержку в народе, восставшие предприняли активные действия в провинции Треанг, завладели Камлотом и в течение трех лет продолжали отчаянную борьбу против французских войск, расположенных в районе между Пномпенем и Сиамским заливом вдоль вьетнамской границы. Предприняв поход на Пномпень, атьяр Суа вступил в сражение с сильным отрядом французских войск и был разбит ими; после поражения он вынужден был бежать в Кохинхину, где подал в руки вьетнамцев, которые 19 августа 1866 г. выдали его Дудару де Лагре.

Едва удалось подавить одно восстание, как разразилось другое под руководством Пукомбао, камбоджийского принца, ставшего буддийским монахом. Получив поддержку бонз и крестьянства, он присоединился к вьетнамским повстанцам, которые во главе с Трыонг Куеном вели борьбу с французами. Восстание продолжалось два года, ожесточенные бои шли в непосредственной близости от Пномпеня и Удонга. Пукомбао был убит в бою, в котором французские войска понесли большие потери. Это восстание посеяло в стране семена будущего сопротивления колонизаторам.

На этом, однако, дело не кончилось. Против Нородома поднялся еще более опасный враг — его собственный брат Си Ватха, с которым ему пришлось бороться в начале своего правления. Под прикрытием восстания против французов и Нородома Си Ватха, бежавший в провинцию Сиемреап, возобновил борьбу в провинции Тхбонг. Породой прилагал все усилия, чтобы захватить его, но безуспешно. Си Ватхе удалось собрать много сторонников; во главе их он пошел в Тхбонг Кхмум, достиг Ват Пнома и собирался следовать на Удонг. Однако в конце концов он потерпел поражение и бежал в северные районы страны, но не отказался от мысли продолжить борьбу и возобновил ее в 1885 г.

Важное событие усилило позиции противников договора о протекторате: подписание Францией в 1867 г. соглашения с Сиамом. Делая вид, что ему ничего не известно о многочисленных предупреждениях, которые Дудар де Лагре направлял в Морское министерство, занимавшееся Индокитаем, Министерство иностранных дел, не спрашивая мнения компетентных лиц, приняло решение заключить франко-сиамский договор, по которому Сиам получал камбоджийские провинции Баттамбанг и Ангкор. Кроме того, договором подтверждались права Сиам на оккупацию провинций Мелупрей и Тонлерепу, которые уже в течение многих лет удерживались Сиамом. По отношению к Камбодже это было явным предательством: Франция, которая согласно договору о протекторате должна была охранять Камбоджу от сиамской агрессии, сама добровольно отдавала Сиаму две лучшие камбоджийские провинции, даже не спросив Нородома. И если отбросить моральные соображения, все равно этот договор нельзя было назвать удачным, ибо в обмен на уступку Францией провинций, которые ей не принадлежали, она получила ничтожные выгоды — расторжение Сиамом договора 1863 г., подписанного Нородомом, который и без того не имел силы, так как Камбоджа ранее подписала договор с Францией; а что касается отказа Сиам от прав сюзерена на Камбоджу, то Сиам от них и так отказался после коронации Нородома. Узнав о заключении договора 1867 г., Породой и адмирал де Ла Грандьер выразили решительный протест, но, поскольку договор был уже подписан, к этому вопросу больше не возвращались.

До сих пор протекторат не принес особых выгод Камбодже. В 1866 г. Нородом перенес свою столицу, из Удонга в Пномпень, торговый центр с постоянным населением в 10 тыс. жителей, главным образом китайцев. К этому следует добавить около 20 тыс. человек временных жителей. Понемногу страна меняла свой облик, модернизировалась; исследователь Пави создал целую сеть линий телефонной связи, регулярное судоходное сообщение было налажено от Баттамбанга к Пномпеню и далее к морю; были проложены дороги. Но несмотря на усилия короля, административное управление страной по-прежнему было очень отсталым, так как чиновники сопротивлялись нововведениям. Не-

обходимы были коренные реформы, но Нородом не обладал достаточной властью для их проведения, поэтому французы решили эти реформы осуществить сами.

В дополнение к договору от 11 августа 1863 г. Нородомом и Шарлем Томсоном, губернатором Кохинхины, было подписано 17 июля 1884 г. новое соглашение. Оно представляло собой грубое вмешательство Франции во внутренние дела Камбоджи, и Нородом его подписал, буквально уступая силе, под нажимом и угрозами. Приведем рассказ свидетеля: «17 июня 1884 г. в десять часов вечера во дворе королевского дворца выстроился отряд солдат со штыками наголо. Томсон, глава его секретариата и представитель протектората потребовали, чтобы Нородом их принял. Его Величество спал, а по обычаю разбудить короля без его приказа было равносильно оскорблению величества. Окружение короля было в волнении, Томсон выражал нетерпение, король по-прежнему спал. Кончилось тем, что король проснулся из-за поднявшегося шума. Ему зачитали текст нового соглашения. Досадный инцидент произошел из-за Пави, который упрекал переводчика в неточностях и даже грубо обошелся с беднягой.

Нородом попросил, чтобы его оставили в покое. Ему в ответ заметили, что в таком случае для французской стороны проще будет согласиться на предложение второго короля⁷³, готового занять его место. В свою очередь министры, ранее преданные Нородому, боясь теперь остаться не у дел, выражали горячее желание служить второму королю с той же преданностью, что и Нородому. Бедный Нородом, покинутый всеми, все же продолжал сопротивляться. Тогда губернатор открыл окно, выходящее на реку, и сказал, обращаясь к несчастному монарху: Нужно выбирать: согласие или отречение. Пусть Ваше Величество решает.— А если я не хочу ни подписывать, ни отречься? — Посмотрите, Ваше Величество, на дым, который идет из той трубы,— ответил губернатор, показывая на военное судно, стоявшее на якоре под окнами дворца. — В топках на «Алуэт» горит огонь, он готов к отплытию; отказаться от подписания, это значит быть увезенным на этот корабль.

Время от времени второй король просовывал голову в дверь, как бы говоря: Я здесь... Можете на меня рассчитывать.

— А что вы сделаете со мной на борту корабля? — спросил Нородом.— Это моя тайна.— Нородом опустил голову и в глубоком отчаянье поставил свою подпись».

И действительно, это соглашение совершенно подрывало королевскую власть в Камбодже, заменяя ее властью колонизаторов. Вот основные пункты этого соглашения.

Е. В. король Камбоджи заранее соглашается на все административные, судебные, финансовые и торговые реформы, которые Правительство Республики сочтет необходимым ввести при осуществлении своего протектората. Камбоджийские чиновники под контролем французских властей будут управлять всеми делами провинций, кроме вопросов установления и взимания налогов, таможенных сборов, косвенного обложения, общественных работ..., которые требуют участия европейцев...

Резиденты и их заместители, поставленные французским правительством, будут назначаться всюду, где их присутствие необходимо... Они будут подчинены генеральному резиденту, и в их обязанности будет входить осуществление протектората... Резидент будет иметь свободный доступ к королю Камбоджи. Административные расходы королевства и протектората будут отнесены за счет Камбоджи. Специальное соглашение определит размеры гражданского листа короля, принцев и королевской семьи... Земли королевства, до настоящего времени находившиеся в исключительной собственности короны, будут распределяться французскими и камбоджийскими властями... Христианские монастыри и пагоды сохраняют в своей собственности землю, которую они имеют в настоящее время...

В 1897 г. новое соглашение дополнило договор 1884 г. Оно тоже было навязано силой и угрозами и отнимало у короля последние остатки инициативы и власти, которые у

⁷³ Речь шла о принце Сисовате, брате короля, которого Нородом против своего желания, но повинувшись приказу Франции, назначил обареачем.

него еще сохранялись. Это соглашение устанавливало в Камбодже, под прикрытием протектората, режим самой настоящей колониальной диктатуры, полностью лишавший власти камбоджийских администраторов.

Неоднократно возникали споры о законности интервенции Франции в Камбоджу и о преимуществах и недостатках протектората в этой стране. Нельзя отрицать того факта, что *вначале* он был желателен и с просьбой о нем обращался Анг Дуонг, а затем Народом, глубоко верившие в благородство Франции и рассматривавшие протекторат как лучшее средство для укрепления их шаткой власти, которое освободит их страну от стеснявшего ее сюзеренитета Сиама и Вьетнама. Злополучный франко-сиамский договор 1867 г., отдавший Сиаму две лучшие провинции Камбоджи, открыл глаза королю и его окружению на то, каким странным образом Франция выполняет свои обязательства по отношению к Камбодже, и на очень специфическое «покровительство», объектом которого была для Франции Камбоджа. Соглашения 1884 г., а затем 1897 г. окончательно открыли глаза Народу. Он слишком поздно понял, что подпись, которую он поставил, была равносильна настоящему предательству, ибо страна, ее богатства, ее управление отдавались новому сюзерену, гораздо более сильному и жадному, чем предшествующие, а власть короля и камбоджийских чиновников была полностью уничтожена.

Поль Думер, подписавший договор 1897 г., генерал-губернатор в 1897—1902 гг., обычно считается великим организатором Индокитая, творцом его процветания и экономического прогресса. Это, несомненно, верно с точки зрения французских интересов, но совершенно неверно с точки зрения интересов Камбоджи. Стремясь только к материальному завоеванию страны, Думер совсем не думал о моральном завоевании ее жителей; его твердая власть, часто жестокая, оттолкнула от него всех.

После подписания договора Думер, чтобы доказать экономическую жизнеспособность страны и привлечь сюда коммерсантов и финансистов, должен был прибегнуть к тяжелому налогообложению. Принятые меры не были ни популярны, ни удачны, например соляная монополия, подушный налог на всех членов семьи, начиная со старух-бабушек и кончая новорожденными младенцами, налоги на землю, на дома, на всех животных от буйвола до собаки, на кокосовые и сахарные пальмы, бананы, лодки, рыболовные сети, на кувшины для вина, полные и пустые, на соль, арек и т. д.

Кроме того, договор навязывал населению систему принудительных работ. Это означало, что каждый взрослый мужчина должен был или отработать определенное число дней в году или обеспечить поставки. За это он не получал ни платы, ни питания. Число этих дней в году было чисто номинальным, так как на деле французы не отпускали крестьян до окончания работ по строительству дорог или военных укреплений.

Земля была перераспределена по усмотрению администрации. Это было явно шагом назад, ибо по прежним законам земли теоретически находились во владения короны, а фактически являлись общинными землями, пользование которыми было бесплатным; часть, сохранявшаяся для королевской семьи, была сравнительно невелика. Новая система совершенно все изменила. Французы отрезали себе большие участки для возделывания риса, для разведения скота, для плантаций кофе, перца и особенно каучука. Большие земельные массивы были также выделены чиновникам, лояльно настроенным по отношению к французской администрации и часто самым продажным. И эти новые собственники, неспособные сами обрабатывать большие участки земли, ввели в Камбодже систему аренды.

К счету камбоджийцев, предъявляемому Франции, может быть приобщен следующий важный документ: рассказ о путешествии в Париж принца Юкантхора, сына короля Народомы. Это произошло в начале XX в. по просьбе его отца, с целью представления петиции французскому премьер-министру и членам его кабинета. «Французскому правительству безусловно неизвестно, каким образом были добыты два документа, которые в 1884 и 1897 гг. ознаменовали главные этапы перехода

королевской власти в стране в руки чиновников протектората. В 1884 г. это было сделано под угрозой насилия, когда дворец был захвачен, к горлу короля приставлены штыки, и Томсон угрожал увезти его, сослать. В результате Томсон добился заключения договора, отдавшего в его руки всю политическую власть в Камбодже. В 1897 г. г-ну Думеру путем угроз и применения силы, может быть менее жестоким, но столь же безжалостным, удалось получить все, что осталось от королевской власти в области управления страной, а также все права в области экономики и землевладения.

Верховным резидентом в то время был г-н Верневиль, действия которого, совершаемые при пособничестве местной жительницы, его любовницы Ни Хьонг, приобрели печальную известность; этот верховный резидент, враг короля, протестовавшего против тягот, которые принесли страдания его народу, объявил короля сумасшедшим, взял его под стражу и, пригрозив вначале отрубить ему голову, решил лишить его всех владений и сослать на каторгу на Пуло Кондор. Г-н Думер прибыл и спас короля... ценой подписания договора 1897 г., который превратил его и камбоджийский народ в игрушку в руках верховного резидента. У короля и народа Камбоджи не осталось никакой защиты, и они отданы на произвол верховного резидента, от власти которого страдают и на которого сегодня приносят жалобу. В конечном итоге за все расплачивается народ.

Народ страдает также оттого, что собственность на землю перешла к верховному резиденту. Раньше все земли Камбоджи по праву принадлежали королю. Фактически они принадлежали тем, кто на них жил и кто их обрабатывал. Таковы были обязанности короля по буддийскому закону: земля, принадлежащая богу, отдана на хранение королю, который ее предоставляет тому, кто в ней нуждается. И это делалось без каких-либо ограничений. Вы установили собственность. Вы создали большие земельные владения. Вы породили бедных. Вы заставили камбоджийцев платить за пользование землей, которую по королевскому закону они имели бесплатно».

Кроме этого принц указал на некоторые примеры превышения власти, допущенные французскими чиновниками, вспомнил случай, когда камбоджийские судьи были приговорены к каторжным работам за то, что поставили в известность короля о различных превышениях власти со стороны французских чиновников. Самому принцу угрожал арест, когда резидент узнал о том, что отец его посылает во Францию, ибо «он боялся, что я расскажу об истинном положении вещей и, может быть, буду услышан». Принц подчеркнул, что его отцу шестьдесят семь лет и что удары, которые ему нанесли французы, могли стоить ему жизни. «Если завтра он умрет от горя, у меня будет право сказать, что он был убит,— заявил принц французскому правительству.— И для чего? Уж конечно не для блага камбоджийцев! Они, когда-то счастливые, теперь корчатся в муках».

Он закончил так: «Я прошу Вас о немедленных действиях, которые бы ободрили моего отца... Довольно обещаний... Вот уже, увы, тридцать лет, как он на опыте убедился, что это такое. Довольно обещаний. Нужны действия. Но эти действия должны быть реальными». Просьба принца была услышана: его арестовали и сослали на о-в Реюньон...

Новость глубоко потрясла Нородома. Несчастный правитель, подписавший под давлением, уступая силе, соглашения 1884 и 1897 гг., не мог забыть об этом и упрекал себя за преступное нарушение королевского долга; в знак траура он перестал выходить из дворца. Во дворце он приказал построить знаменитую серебряную пагоду и сам руководил ее строительством. Во время церемонии освящения перед собравшимися сановниками и строителями пагоды он призвал Будду в свидетели скорби, которую он испытывает в последние годы своего правления, находясь «в рабстве». Он просил, чтобы заслуги, приобретенные строительством этой пагоды, были зачтены его потомкам, которые «способны восстановить национальную независимость и былую славу Камбоджи». Некоторое время спустя, 24 апреля 1904 г., он умер.

Узнав о смерти Нородома, генеральный резидент созвал в тронном зале обареача совет министров, пригласив главу буддийского духовенства, главу брахманов, камергеров, и объявил им, что необходимо выбрать нового короля. Он предложил им кандидатуру Сисовата, младшего брата почившего короля, который под нажимом Франции ранее согласился выполнять функции обареача и всегда, например во время подписания договора 1884 г., выказывал полную покорность французским властям. Против его кандидатуры никто не возражал. Сисоват был избран, и о его избрании объявил генеральный резидент. Франция нашла совершенно преданного ей правителя.

Пока происходили эти события, в Камбодже снова начались народные выступления. Менее чем через год после подписания договора 1884 г. в стране вспыхнули серьезные волнения в знак протеста против этого соглашения. Мятежи, которые сотрясали в то время Камбоджу, часто изображались как дело рук только принцев или авантюристов, стремившихся захватить власть, и «мятежников» почти приравнивали к бандитам. В действительности это были выступления камбоджийских патриотов, имевших целью освобождение страны от гнета иноземцев. Это была партизанская война, которая велась организованно, с большим размахом и поддерживалась принцами и буддийским духовенством. Хотя вначале и не было прямого контакта между королевской семьей и сражающимся народом, совершенно очевидно, что Нородом делал все возможное, чтобы поддержать движение, и французы были всегда убеждены, что именно он был его вдохновителем. В Камбодже это был первый пример борьбы, носившей чисто национальный характер, в которой феодалы и народ выступали в единстве. Хотя восстание и было подавлено, все же оно помогло королю вырвать у французов некоторые уступки.

Борьба началась с восстания в провинциях Кампонгчам и Кратие. Во главе с принцем Си Ватхой, сводным братом короля, восставшие камбоджийцы образовали войско в 5 тыс., вооруженное стрелами и кремневыми ружьями. Оттесненные в направлении Пномпеня, восставшие сумели поднять на борьбу всю страну. Война продолжалась в течение двух лет, во время которых французским войскам пришлось выдерживать тяжелые бои. Терпя поражение, восставшие без конца перегруппировывались, их число возрастало за счет пополнения добровольцами, и они неожиданно нападали из засад на колонны французских войск. Сами сражения не были кровопролитными. Но французские войска были измотаны тяжелым камбоджийским климатом, переходами через леса, саванны, болота, а также малярией и дизентерией. Они таяли буквально на глазах. К тому же страна быстро нищала, ибо множество камбоджийцев, спасаясь от бедствий войны, бежали в Сиам, где их встречали благосклонно.

Положение было серьезным. Сисоват предложил свою помощь. В сопровождении кавалерии, слонов, повозок, запряженных буйволами, носилок и камбоджийских солдат он встретился с руководителями повстанцев и сумел прекратить войну.

Сиам, со своей стороны, пытался использовать беспорядки в Камбодже. Под давлением Англии он постепенно проникал на территорию Лаоса. В 1888 г. сиамские войска заняли Стунгтрэнг, Аттопе и, двигаясь по направлению к Вьетнаму, остановились в сорока милях от Ханоя. Бангкок совершал все больше действий, ущемлявших интересы Франции. В 1893 г. французский пост в Кхонге, на р. Меконг, был уничтожен, а французский инспектор над местным ополчением убит. Ле Мир де Вилер поспешно покинул Париж, чтобы просить подкреплений, но Англия, решившись на все, даже на войну с Францией, ввела три своих военных корабля в сиамские воды; кроме того, она поддерживала правительство Бангкока, посылая ему оружие и снаряжение.

Со своей стороны, Франция послала вначале «Лю-тэн», который стал на якорь в Менаме, а затем два других судна — «Энконстан» и «Комэт», которым удалось прорваться и прийти на помощь к «Лютэну». Франция предъявила ультиматум, и 22 июля

прибыл ответ сиамского правительства, удовлетворявший некоторые честолюбивые требования Франции. За этим временным соглашением последовал договор 1902 г., по которому Сиам переуступал Франции две провинции Камбоджи — Мелупрей и Тонлерепу, сохранив, однако, за собой Баттамбанг и Ангкор.

Первые годы правления Сисовата были относительно спокойными и счастливыми, особенно для самого правителя, который был в 1906 г. официально приглашен французским правительством в Париж, несомненно в награду за свою «лояльность» и для того также, чтобы подбодрить его на этом пути. Сисоват своей экзотичностью в течение нескольких месяцев давал богатую пищу журналистам и эстрадным певцам. Правитель носил шапокляк, визитку и смокинг, но если верхняя часть тела была одета на западный манер, то нижняя часть сохраняла азиатское обличье — камбоджийский саронг, а на ногах черные чулки и туфли-лодочки; это действительно был очень любопытный ансамбль, оживлявший собрание публики на скачках или в фойе Гранд Опера! Популярность короля, которая и так была велика из-за его необычной одежды, еще более увеличивала его свита и сопровождавший его кордебалет, давший несколько представлений камбоджийского танца, оцененных по достоинству парижской публикой.

Вернувшись в Камбоджу, Сисоват с радостью узнал о возвращении ей двух провинций — Баттамбанга и Ангкора. Франция и Англия, оставив надежду завладеть Юньнанью, решили перейти к интенсивной эксплуатации уже приобретенных колоний. Франция, со своей стороны, стала отдавать себе отчет в значении той громадной житницы риса, которой являлись провинции, уступленные Сиаму. Ввиду того что помощь последнего уже не была ей нужна для проникновения в Юньнань, Франция больше не считала нужным особенно церемониться с Сиамом, который в военном отношении был слаб. Она навязала Сиаму 23 марта 1907 г. договор, по которому, в обмен на Дансай, Крат и острова, расположенные к югу от мыса Лам Синг, Франция получала провинции Баттамбанг, Сиемреап и Сисофон.

В течение почти сорока лет — во время правления Сисовата (1904—1927) и Сисовата Монивонга (1927—1940) — в Камбодже царил мир, столь для нее непривычный. Теперь перейдем к рассмотрению того, что было сделано Францией за эти годы и при каких условиях Камбодже удалось, сбросив гнет протектората, завоевать независимость.

Глава II ОТ ПРОТЕКТОРАТА К НЕЗАВИСИМОСТИ

В предыдущей главе мы пытались показать, что условия, при которых возник французский протекторат в Камбодже, часто оказывались достойными сожаления. Он был навязан силой оружия, путем мощного давления на личность правителя и пренебрежения традициями и правами маленького миролюбивого и беззащитного народа, на протяжении веков страдавшего от усобиц и войн, который рвали на части соперничавшие между собой Вьетнам и Сиам. Несмотря на внешне пристойный статус протектората, это был самый настоящий колониальный захват.

Но мы не можем не отметить, что колонизация, начавшаяся при малопривлекательных обстоятельствах, принесла Камбодже в конечном итоге мир, которого она, быть может, никогда бы и не узнала. Слаборазвитая страна, управляемая бездарными королями⁷⁴; страна с жителями темными и невежественными, разоренными непрерывными войнами, почти нищими, страдающими от болезней, с которыми они не умеют бороться; страна, следы славного прошлого которой погребены под пылью развалин и поглощены лесом,— эта страна постепенно вернулась к нормальной жизни.

Если эта страна развивалась и становилась более цивилизованной, а ее жители обрели физическое и моральное здоровье, если были построены дороги, школы и

⁷⁴ Разумеется, мы говорим о последних веках истории Камбоджи, ибо при великих королях страна кхмеров процветала.

больницы, а руины славного прошлого были вырваны из объятий леса и реставрированы, то все это произошло благодаря Франции. И, как это ни парадоксально, но если Камбоджа в конечном итоге смогла сбросить колониальный гнет и стать независимым государством, вполне современной, культурной страной, призванной играть важную роль в сообществе азиатских наций, этим она также обязана Франции, даже если это и произошло против желания последней. Вот прекрасный пример двойственной роли колониализма!

Рассмотрим сначала административную организацию Камбоджи при протекторате. Она входила в Индокитайский Союз, созданный в 1887 г. и объединявший под единой властью генерал-губернатора Индокитая пять «стран» полуострова: Аннам, Тонкин, Кохинхину, Камбоджу и Лаос. Генерал-губернатор был единственным представителем президента Французской Республики, обладал в соответствии со статусом правом издавать законы (в Индокитае был установлен режим «декретирования»). В его подчинении находилась администрация, кроме того, он распоряжался в целях обороны Индокитая всеми его сухопутными и морскими силами. В его ведении также находился генеральный бюджет Союза. При генерал-губернаторе имелись различные совещательные органы: Правительственный совет по подготовке административных актов, Большой совет по экономическим и финансовым вопросам, Совет военной и морской обороны, Высший совет по вопросам санитарии и гигиены. В эти советы входили преимущественно высшие гражданские и военные французские чиновники. Только в некоторых из них имелись представители населения, избранные местными ассамблеями, на обязанности которых лежало доводить до сведения французской администрации о нуждах страны.

Помимо этого аппарата управления на низших ступенях существовал местный административный аппарат для каждой из стран Индокитайского Союза. В Камбодже существовал режим абсолютной монархии, но с подчинением ее Франции. Король издавал законы в форме указов, не спрашивая мнения своих подданных, которые обязаны были выполнять все его предписания. Но решения короля обретали силу только после рассмотрения их представителем французского правительства, который, убедившись в их соответствии духу протектората, ставил свою подпись рядом с подписью короля. Другими словами, король фактически не имел никакой власти.

Финансы камбоджийского государства находились в руках Франции, которая оплачивала административные расходы, а также расходы на содержание короля и дворца. Король, таким образом, оказался на положении чиновника, получающего жалованье от Франции с вытекающей отсюда зависимостью.

При короле имелся Совет министров, состоявший из пяти человек, или *окхна*. Каждый из них имел свои обязанности: они занимались внутренними делами, судопроизводством, дворцом, финансами и искусствами, торговлей и сельским хозяйством, военным делом, общественными работами и народным образованием. Важные вопросы решались сообща на заседаниях кабинета министров под председательством министра внутренних дел.

Успехи народного образования за годы протектората позволили генерал-губернатору создать консультативные ассамблеи из представителей местного населения. В 1903 г. в каждом округе были проведены выборы в эти ассамблеи, которые занимались обсуждением вопросов местного характера. В 1912 г. была создана консультативная ассамблея из местного населения, где местная элита могла обсуждать вопросы налоговой политики, административного и экономического порядка, представлявшие интерес для всего населения страны. Состав этих ассамблей частично был выборным, частично определялся решением камбоджийского правительства. На них полагалось обсуждать бюджет протектората и высказывать пожелания по всем вопросам (кроме политических), по которым администрация хотела бы знать их мнение; вопросы, выносимые на обсуждение консультативной ассамблеи, должны были быть предварительно одобрены королем и генеральным резидентом. Простого решения этого последнего достаточно было для того, чтобы распустить эти ассамблеи, поэтому на них никогда не рисковали

обсуждать проблемы, которые могли бы быть неприятны для администрации протектората.

Администрация протектората находилась в непосредственном подчинении у генерального резидента, который был в свою очередь в прямом подчинении у генерал-губернатора Индокитая. Он играл при короле роль покровителя и надзирателя, следя за выполнением соглашений, поддержанием общественного порядка, контролируя любые действия камбоджийского правительства. Кроме того, в его обязанности входило исполнение всех постановлений, законов и указов, изданных генерал-губернатором. Он имел право принимать меры полицейского порядка и мог осуществлять любые перемещения чиновников во французском и местном административном аппарате. Другими словами, резидент был всемогущим, настоящим абсолютным монархом, от которого зависела жизнь и смерть его подданных. В его руках король Камбоджи был простой пешкой, которую он двигал по своему усмотрению на шахматной доске французских интересов.

Камбоджа была разделена на четырнадцать административных округов, во главе каждого из них стоял резидент, глава местной гражданской администрации, состоявшей из большого числа чиновников. Он следил за соблюдением законов в своей провинции, контролировал действия камбоджийских властей, составлял податные списки, следил за поступлением налогов, разбирал судебные дела французов и камбоджийских подданных Франции. Господство Франции в Камбодже было, таким образом, полным, распространяясь на всех — от короля до самого мелкого камбоджийского чиновника.

По соглашению о протекторате обе стороны имели строго разграниченные функции, каждая в своей сфере, в делах гражданских и уголовных. Так, в Камбодже существовала двойная юрисдикция: одна французская, предназначенная для французов и ассимилированных лиц, другая — камбоджийская, предназначенная для камбоджийцев. Ни одна сторона не вмешивалась в дела другой. В принципе эта система была проста, но на практике трудна чрезвычайно из-за множества племен и народностей, населявших Камбоджу.

* * *

Нашу эпоху характеризует всеобщее движение за освобождение колониальных народов, причем это движение возникает под влиянием элиты этих народов, элиты, которая сформировалась благодаря колониальному режиму, хотя и выступает против него. Это явление во всем мире теперь слишком очевидно, и нет ничего удивительного, что система, установленная в Камбодже французским протекторатом, представляла собой совершенный образец системы колониальной эксплуатации, хотя и принесла значительную пользу камбоджийскому народу. Эта система дала ему возможность выйти из длительного состояния летаргии, в которое он впал, после того как ушли в прошлое его великие короли. Именно протекторату Камбоджа обязана формированием своей элиты, которая дала ей возможность добиться независимости и теперь управляет страной. Сам факт колонизации рассматривается как реальность, хотя и достойная сожаления, но характерная для всего XIX в. В этой связи колониальное правление Франции в Индокитае, если сравнить его с колониальными режимами других наций в соседних странах, имеет несомненные преимущества для Индокитая, в чем можно убедиться даже путем беглого ознакомления с фактами.

Камбоджа — страна в основном сельскохозяйственная. Ее главные культуры: рис, перец, кукуруза, хлопчатник, табак, шелковица, арахис, соя, сахарный тростник, индиго, сезам. Все они выращиваются здесь с незапамятных времен; цель сельскохозяйственной службы, созданной французами, состояла в том, чтобы вывести лучшие, наиболее подходящие для Камбоджи сорта и распределить их семена среди крестьян. Таким образом были достигнуты прекрасные результаты в отношении риса и хлопчатника.

Такое же положение было и в животноводстве; в стране по традиции разводили быков, зебу, буйволов, лошадей и свиней. Задачи ветеринарной службы состояли в том,

чтобы учредить ветеринарный надзор, который позволил бы уничтожить или сильно сократить всякого рода эпидемии, в частности чуму, которая буквально опустошала стада. Поголовье скота значительно улучшилось благодаря селекции и правильному отбору производителей, что ранее было совершенно неизвестно камбоджийским крестьянам.

Леса занимают 40 тыс. кв. км, т. е. четвертую часть всей территории Камбоджи. Их эксплуатация велась беспорядочно, а сбывать продукцию фактически не было возможности. Благодаря усилиям лесной службы Индокитая удалось добиться более рациональной эксплуатации лесных богатств страны; были селекционированы лучшие породы деревьев, что дало возможность организовать обширный экспортный рынок на Западе для этого главного богатства Камбоджи.

Не менее важно было наладить эксплуатацию рыбных запасов Камбоджи. Не говоря о морском побережье страны — берегах Сиамского залива, озеро Тонлесап и затопляемые леса представляют собой чрезвычайно благоприятную среду для разнообразных пород рыб и являются одним из самых значительных в мире водоемов с пресноводной рыбой. Площадь одного только озера Тонлесап равна 10 тыс. кв. км, и оно дает 100 тыс. т рыбы в год, что служит неопенимым источником питания для населения стран Юго-Восточной Азии, поскольку оно главным образом питается рыбой. Рыба потребляется в сушеном и копченом виде, а некоторые ее виды используют для приготовления *прахок*, нечто вроде сыра из рыбы, национального блюда Камбоджи, или для *ныок-мам*, особым образом вымоченной рыбы, употребляемой в пищу главным образом вьетнамцами. Работа научной службы рыбного хозяйства позволила заметно увеличить продуктивность, модернизировав средства лова и упорядочив правила рыболовства.

Развивать хозяйство страны было бы бессмысленно, если бы параллельно не развивались пути сообщения, не строились порты и торговые центры. В Камбодже шичего этого не было, и создание системы средств связи — одно из главных достижений Франции в материальной сфере. Благодаря деятельности Службы общественных работ, созданной в 1898 г., Камбоджа имеет теперь разветвленную сеть дорог, которая связывает ее с соседними странами, проходит через труднодоступные районы, где раньше единственным средством сообщения были повозки, запряженные буйволами, или же верховые слоны. Большая работа была проделана для улучшения судоходства по Меконгу и Тонлесапу, для модернизации порта Пномпеня. Были построены мосты и паровые паромы, которые так необходимы в стране, где многочисленные реки перерезают пути сообщения.

Деятельность Службы общественных работ проявилась также в осуществлении ряда крупных общественно полезных проектов — орошения земель, водоснабжения, строительства электростанций, распределения электроэнергии — строек, которые полностью изменили облик страны.

Более того, Франция сыграла крупную роль в духовной жизни Камбоджи, выполняя гуманную миссию носителя культуры, часто замечательную: например, она организовала санитарную службу в Камбодже. Интересно, что создание медицинской службы в стране связано с событиями 1885 г. Французский гарнизон тогда быстро сократился с 60 тыс. до 1200 человек, среди которых было много больных и раненых; врач военно-морской службы, которому пришлось заниматься и пехотой, сбился с ног: в его распоряжении было всего 20 свободных коек в казармах, медикаментов и перевязочного материала не хватало. Благодаря помощи из Франции были построены сначала амбулатория, затем больница. Когда спокойствие восстановилось, больница и несколько амбулаторий были переданы в распоряжение местной медицинской службы.

В период протектората в Пномпене и других крупных городах страны были выстроены большие современные больницы; камбоджийские женщины все чаще пользовались услугами родильных домов, смертность и болезни в результате родов значительно уменьшились, легче проходил послеродовой период. Медицинское обслужи-

вание охватило постепенно самые отдаленные районы страны. Я мог сам в этом убедиться, проработав много лет врачом в Камбодже. В главном городе каждой провинции имелся французский врач. В его ведении была больница или амбулатория, где он оказывал бесплатную помощь всем местным жителям, которые к нему обращались. В сферу его деятельности входили самые отдаленные районы, причем здесь ему помогали фельдшера или офицеры медицинской службы из местного населения, которых он снабжал медикаментами и время от времени инспектировал.

Одной из его главных задач была борьба с эпидемиями; как только староста деревни сообщал хотя бы об одном случае заразного заболевания, он немедленно выезжал на место для принятия необходимых мер. Кроме того, он периодически инспектировал свой район для проверки санитарного состояния и проведения профилактических прививок. Благодаря такому постоянному медицинскому наблюдению оспа, которая ранее опустошала Камбоджу, фактически исчезла, а другие эпидемии появлялись все реже.

В этом первостепенную роль сыграл Пастеровский институт. Он был основан в Сайгоне в 1890 г. по предложению Пастера и провел большую работу по изготовлению вакцин и сывороток. Его основатель Кальмет разработал противозмеиную сыворотку БЦЖ. Ерсен открыл здесь возбудителя чумы, создал филиалы института в Пномпене и Ханое. Его заслугой является также организация борьбы с проказой.

Целью французской системы медицинского обслуживания была подготовка медицинского персонала из местного населения. Этого удалось добиться благодаря созданию Медицинского института в Ханое и медицинских школ в Сайгоне, а позднее и в Пномпене. Таким образом, стало возможным постепенно заменить французские кадры местными. В современной, независимой Камбодже вся медицинская служба на местах осуществляется камбоджийцами.

Раньше в Камбодже обучение было не обязательным и проводилось только при пагодах; там дети обучались читать на камбоджийском языке и заучивали несколько буддийских молитв. Первая французская школа была основана в 1873 г. Она имела такой успех, что постепенно подобные школы были созданы по всей стране. В последние годы протектората почти все *кхумы*, или округа, соответствующие нашим кантонам, имели начальную школу, работой которой часто руководил французский учитель. Школы при пагодах, к которым камбоджийцы привыкли, были сохранены, но «модернизированы» таким образом, чтобы программа их не отличалась от программы светских школ.

Начальное образование в школах *кхумов* постепенно усложнялось и расширялось благодаря созданию начальных школ с полной программой, а также основанию полной средней школы — колледжа Сисовата и лицея в Пномпене. Лицей Альбера Сарро работает нотой же программе, что и лицеи во Франции, и готовит к сдаче государственных экзаменов на степень бакалавра.

Искусство тоже не было забыто. В школе камбоджийского искусства в Пномпене, основанной Ж. Гролье, преподавали камбоджийцы, владевшие древней традиционной техникой. Здесь обучались будущие ремесленники и скульпторы, ювелиры, гончары и кожевники. Камбоджийские ремесленники продолжают создавать всевозможные изделия из чеканного серебра, лаки, статуэтки будд и другие поделки по мотивам кхмерских классических сюжетов, хорошо известных сейчас во всем мире.

Чтобы закончить обзор всего, что сделала Франция в Камбодже, нужно сказать о самом замечательном и наиболее бескорыстном ее создании — Французской школе Дальнего Востока — и о самом великолепном из ее свершений — реставрации Ангкора.

После событий XVI и XVII вв. и сообщений испанских и португальских авантюристов и торговцев Ангкор вновь был забыт и забыт весьма основательно. Пока принцы, недолговечные короли и узурпаторы боролись за сомнительную власть, уничтожая друг друга, лес продолжал поглощать развалины, а лианы все более опутывали покинутые здания. В XVIII в. только в нескольких произведениях, таких, например, как «Путешествия философа», написанное знаменитым путешественником Пьером Пуавром,

упоминается о существовании Ангкора. Единственным дошедшим до нас сообщением очевидца является краткий рассказ французского миссионера отца Анри Ланженуа, направленного в Камбоджу в 1765 г. по указанию Пиньо де Беэна. В 1783 г. он ненадолго посетил Ангкор, и его рассказ позволил нам установить, что в это время в храмах еще жили буддийские монахи и что туда приходили паломники, в частности из Сиама. Упоминание об Ангкоре содержится и в сообщениях Мура́.

В это же время начало развиваться французское востоковедение; в 1819 г. Ремюза опубликовал первый перевод воспоминаний Чжоу Да-гуаня; образованное общество узнало об Ангкоре, но считало его скорее городом из легенды, исчезнувшим навсегда. Новое открытие Ангкора в 1850 г. выпало на долю француза Эмиля Буйево, миссионера «Общества зарубежных миссий». Но о своем посещении он опубликовал лишь краткий рассказ, появившийся в печати в 1858 г. После него на знаменитых развалинах побывал англичанин Форест.

Если Буйево и был первым, кто вновь увидел Ангкор, то настоящая честь вторичного открытия этого города в январе 1860 г. принадлежит французскому естествоиспытателю Анри Муо. Луи Фино справедливо замечает по этому поводу: «Если отец Буйево, этот неисправимый болтун, и побывал в Ангкоре до Муо, все же Муо первый, кто сумел оценить и описать эти памятники». Посещение Ангкора явилось для Муо настоящим открытием, как бы ударом грома. В своем рассказе об этом, опубликованном в 1863 г. в журнале «*Le Tour du Monde*», он сумел заразить общество своим энтузиазмом и пробудить в нем интерес к Ангкору, который с тех пор не угасал.

После Буйево и Муо посещения Ангкора становятся более частыми, особенно официальные посещения высших чиновников протектората: адмирала Бонара в 1862 г., Дудара де Лагре в 1863 г.; кроме того, его посещали ученые: Франсис Гарнье, Луи Деллапорт, Этьен Эмонье, который скопировал и привез в Европу первые надписи на старокхмерском языке. Они легли в основу изучения кхмерской истории.

В 1898 г. Поль Думер, только что создавший Индокитайский Союз, принял решение выделить средства на открытие специального научного центра — Археологической комиссии Индокитая, которая два года спустя была преобразована во Французскую школу Дальнего Востока. Перед первым научным учреждением стояли громадные задачи; они были весьма актуальны, ибо в 1907 г., после того как Сиам возвратил провинции Баттамбанг и Сиемреап, перед этим учреждением вплотную встала задача сохранить памятники Ангкора.

Но прежде всего нужно было сделать эти памятники просто доступными, очистить их от растительности, освободить основания храмов от слоя перегноя и мусора; нужно было топором прорубать дороги среди переплетения лиан, деревьев, бамбука и колючих кустарников, которые преграждали доступ к храмам. Работа, казалось, была свыше человеческих сил; нужны были энергия и энтузиазм Коммайя, первого хранителя Ангкора, которому помогали лишь камбоджийские кули, «вооруженные» небольшими корзинами, чтобы справиться с этой сверхчеловеческой задачей, особенно если учесть отсутствие средств, материалов, машин. Только с одного верхнего, лучше всего сохранившегося этажа Ангкор Вата пришлось удалить более 50 куб. м земли и два больших вагона корней, причем корчевание некоторых из них требовало по нескольку дней работы. «Корни по 20 см в диаметре вырывались кусок за куском при помощи метровых ножниц, специально изготовленных для этой цели». Коммай оставался там в течение долгих месяцев; единственный европеец, он жил в жалкой соломенной хижине «в близости от прекрасных мощеных дорог прошлого, его пожирали полчища москитов из болот, окружавших Ангкор...».

Постепенно, однако, взгляду открывалось потрясающее величие памятников, башни Байоиа с их ликами вновь смотрели на четыре страны света; город возрождался, вырванный из плена разрушительных сил тропической природы. Эта простая работа по расчистке потребовала не менее двадцати пяти лет кропотливого труда.

После этого приступили непосредственно к реставрации памятников Ангкора и прежде всего укрепили части, грозившие обрушиться,— стены и капители. Затем Французская школа Дальнего Востока применила метод, которым пользовались при реставрации в Афинах и на Яве: анастилоз. Это была настоящая реконструкция — головоломка, которая состояла в том, что вначале строение разбиралось камень за камнем, все камни нумеровались, классифицировались, сортировались, так же как и все обломки, найденные на земле, в зависимости от места их падения, соединения и пазы очищались, а затем проводилась сборка всего здания, в случае необходимости использовались новые материалы для замены недостающих частей; на них ставили специальные пометки; всякая реставрация скульптуры, лепки, украшений и орнамента запрещалась. Можно представить себе всю эту работу, когда нужно было при помощи деревянных лебедок и бамбуковых подпорок перемещать каменные блоки, весившие сотни килограммов, а иногда и несколько тонн.

Результаты были поразительны; об этом могут судить туристы, видевшие Бантеай Срей, Прах Палилай, Неак Пеан, великанов на воротах Ангкор Тхома. В то же время, идя навстречу любителям природы, некоторые храмы были только укреплены и оставлены, так сказать, в их естественном состоянии, каткими их застали и восхищались первооткрыватели Ангкора.

Труды Французской школы Дальнего Востока не ограничились реставрацией Ангкора. Ее исследователи шаг за шагом воссоздавали историю кхмеров, которую сами кхмеры полностью забыли. Эмонье, Фино, Седее терпеливо расшифровывали надписи на санскрите или старокхмерском языке, которые позволили воссоздать эту историю. Археологи Пармантье, Маршаль, Голубев, Гролье, Стерн и многие другие восстановили хронологию памятников, историю кхмерского искусства от самых ее истоков, выяснили роль различных кхмерских правителей в создании этих памятников. Кроме того, нужно было сохранить бесчисленные статуи и произведения искусства, извлеченные из развалин. Для этого был выстроен в строго камбоджийском стиле музей Альбера Сарро в Пномпене.

Еще более удивительно то, что Франция, будучи христианским государством, дала толчок расцвету буддизма в Камбодже. Благодаря тому что были созданы Высшая школа пали и Буддийский институт в Пномпене, родилось целое поколение монахов, получивших образование на основе аналитических методов лингвистики под руководством таких ученых, как Сильвен Леви, Фуше, Фино. Сейчас сотни молодых *бхиккху*⁷⁵ поступают в институт, чтобы изучить канонические языки буддизма, углубленно толковать его тексты, готовить их критические публикации, образуя религиозную элиту, благодаря которой камбоджийский буддизм стал наиболее процветающим в Азии. Это было бесспорно бескорыстным делом, и Франция может этим гордиться.

* * *

Еще раз вернемся к истории Камбоджи, к тому ее периоду, который подвел страну к независимости. Сисоват умер в 1927 г., в возрасте восьмидесяти одного года, после двадцати трех лет мирного правления. Его сменил Сисоват Монивонг, правление которого, по крайней мере в первые годы, было спокойным; Камбоджа в это время достигла заметных успехов в области санитарии и гигиены и народного образования. Сисоват Монивонг был человеком интеллигентным и большим другом Франции, где он подолгу жил. Он даже числился в составе французской армии на положении иностранца и проходил службу в гарнизоне одного из городов на юге Франции. Он дослужился до звания бригадного генерала и очень этим гордился.

Последние годы его правления, к сожалению, были омрачены началом второй мировой войны, которая явилась для Камбоджи, как и для других колоний, периодом больших политических изменений. Воспользовавшись поражением Франции в Европе в

⁷⁵ Бхиккху — буддийские монахи.

самом начале войны, Сиам напал на Камбоджу. Ни Франция, ни Камбоджа не могли оказать ему серьезное сопротивление; сиамцы легко овладели двумя провинциями — Баттамбангом и Сиемреапом, но Ангкор остался за Францией.

Монивонг глубоко переживал эту потерю и скорбел о том, что Франция не может защитить Камбоджу. Он покинул столицу и жил в своих владениях, в провинциях Пурсат, Кампонгспы и Кампот, проявляя все большее отвращение к делам, и отказывался даже говорить по-французски с посетителями, изредка навещавшими его. Моральное потрясение ухудшило состояние его здоровья, и без того плохого. Он наотрез отказался переехать во дворец, где ему была обеспечена необходимая медицинская помощь, и умер 23 апреля 1941 г., подобно Нородому, в одиночестве и скорби, окруженный только членами семьи, женами и наложницами. Смерть избавила его от нового удара: три недели спустя Франция подписала соглашение, признававшее за Сиамом право на захваченные провинции.

Во Франции еще до смерти Сисовата Монивонга задумывались над кандидатурой преемника камбоджийского престола. Уже с момента, когда состояние здоровья Монивонга стало внушать опасения, начали подыскивать ему замену. По традиции сразу же после смерти короля должен был собраться Совет Короны, и нужно было предложить его членам уже подготовленную кандидатуру, на которую можно было бы положиться, поскольку трон в Камбодже не переходил по наследству. Принц Мониретх, старший сын короля Сисовата Монивонга, пользовался благосклонностью Жоржа Манделя, когда тот был министром колоний. Большой друг Франции, Мониретх, как и его отец, был офицером французской армии на положении иностранца. После объявления войны он вместе с младшим братом, принцем Монивонгом, прибыл во Францию и зарекомендовал себя наилучшим образом, сражаясь в качестве лейтенанта в Иностранном легионе.

Этот выбор, однако, мог вызвать недовольство в Камбодже по династическим соображениям. После смерти Нородома Франция в лице Сисовата и Монивонга оказывала покровительство младшей ветви королевского дома. Чтобы смягчить недовольство старшей ветви, необходимо было выбрать наследника из ее среды. Поэтому Франция отказалась поддержать кандидатуру Мониретха, поскольку он принадлежал к младшей ветви, и высказалась за кандидатуру принца Нородома Сианука, правнука Нородома по отцу и Сисовата по матери. Таким образом, он принадлежал одновременно как к старшей, так и к младшей ветви королевского дома. После смерти короля кандидатура Сианука была предложена Совету Короны; он был избран единогласно и провозглашен королем Камбоджи 25 апреля 1941 г. Принц Мониретх, которому тоже делали авансы, был очень расстроен тем, что его обошли, и сохранил навсегда по отношению к своему кузену враждебные чувства. По отношению к Франции он уже не испытывал такой благожелательности, как раньше, что и обнаружил в критический момент нападения Японии.

Восемнадцатилетний принц Сианук спокойно учился в лицее в Сайгоне; ему надо было прервать занятия, чтобы вступить на престол. Юный, умный, привлекательный своей красотой и манерой держаться, спортсмен, хороший наездник, этот «очаровательный принц» сразу завоевал симпатии камбоджийского народа. 28 октября во время торжественной церемонии во дворце он был коронован золотой короной с длинным острием — символом кхмерских королей, получив ее из рук генерал-губернатора Индокитая адмирала Деку. Хотя старая традиция, установившаяся в 1863 г. во время коронации Нородома, сохранилась, позиции Франции в Камбодже от этого не стали прочнее.

После подписания маршалом Петэном перемирия в июне 1940 г. Япония, которая к этому времени завоевала Китай, начала проникать в Индокитай, явно стремясь к господству над всей Восточной Азией и установлению «нового порядка» для всех семисот миллионов ее жителей. 30 августа 1940 г. правительство Виши «признало доминирующими интересы Японии на Дальнем Востоке как в области политической, так

и экономической»; в сентябре японцы получили право высадиться в Хайфоне и использовать французские аэродромы; в декабре Япония подписала с Сиамом договор о дружбе; 13 апреля 1941 г. — пакт о дружбе, нейтралитете и ненападении с СССР. 7 декабря ее авиация бомбардировала Пирл Харбор, что привело к вступлению в войну Соединенных Штатов.

Взамен уступок, сделанных Японии, Франция в течение нескольких лет могла сохранять в Индокитае видимость власти: ее войска пользовались свободой передвижения, генерал-губернатор продолжал управлять французской администрацией, французский флаг по-прежнему развевался над административными зданиями; но с этой видимостью власти было грубо покончено после японского переворота 9 марта 1945 г., который поставил Индокитай под прямой контроль Японии.

После этого на Дальнем Востоке события начали бурно развиваться: 6 августа 1945 г. была сброшена атомная бомба на Хиросиму, 9 августа — на Нагасаки, а 10 августа Япония капитулировала. Для Индокитая следствиями этой капитуляции были: выход Вьетмина из подполья и переход его к открытой борьбе, приказ о всеобщем восстании, отданный Хо Ши Мином 10 августа, взятие Ханоя его войсками, отречение императора Бао Дая 25 августа, провозглашение Хо Ши Мином 2 сентября 1945 г. независимой Демократической Республики Вьетнам, высадка французских и английских войск в Сайгоне, долгая и кровавая индокитайская война, которая привела к разгрому при Дьен Бьен Фу, подписание Женевских соглашений в ночь с 20 на 21 июля 1954 г., раздел Вьетнама на две соперничающие республики. Остановимся более подробно на том, как эти события отразились на Камбодже.

Начиная с 1943 г. духовное лицо, буддист «атяр» Хем Хиеу, преподаватель Буддийского института в Пномпене, возглавил в Камбодже движение против колониального режима. Его арест вызвал большую демонстрацию протеста, в которой приняло участие более двух тысяч бонз и огромное число камбоджийцев; но безоружные демонстранты были быстро приведены к порядку французскими войсками, а Хем Хиеу сослали на каторгу на о-в Пуло Кондор, где он и умер.

«Переворот 9 марта» был неожиданностью для французского командования в Пномпене. Полковник — командующий войсками — увидел утром, что его кабинет занят японским офицером, который сообщил ему, что тот является его пленником; французский полковник сдал оружие — такова была ответная реакция со стороны оккупационных французских войск. Все оставалось в полном порядке вплоть до японской капитуляции в августе 1945 г., которая прошла так же спокойно и без малейшего сопротивления со стороны весьма дисциплинированных японцев.

Помню, как я был удивлен, приехав в Сайгон в ноябре 1945 г. в качестве врача медицинской службы Индокитая вместе с первыми частями французских войск, присланных из метрополии, когда увидел, что как в Сайгоне, так и в Пномпене порядок обеспечивался японскими солдатами в форме и при оружии, приветствовавшими на японский манер всех французских офицеров.

Постепенно все больше французских войск стало прибывать в Камбоджу и другие страны Индокитая, но, столкнувшись с подъемом национального движения, Франция стала понимать, что лучшие дни протектората позади; новые указы правительства предусматривали создание федерации индокитайских государств, объединенных в системе Французского Союза. Именно с учетом этого состоялось обсуждение 7 января 1946 г. «модус вивенди», по которому должна была быть «в принципе» установлена независимость Камбоджи; он должен был быть дополнен новым договором, аннулирующим договоры 1863 и 1884 гг. и устанавливающим новые отношения между двумя государствами. Но тем временем все больше французских войск прибывало в страну, становясь для французской администрации дополнительным средством давления на местную общественность.

Новый договор был заключен только 8 ноября 1949 г. Он разочаровал камбоджийцев. Президент Сам Сари писал о нем: «Вместо независимости, которой все ждали, камбоджийцам предложили режим совместного управления, при котором Камбоджа делила свой суверенитет с Францией со всеми вытекающими отсюда осложнениями». По этой причине камбоджийский парламент дважды отказывался ратифицировать этот договор.

Пока правительство старалось выиграть время, камбоджийский народ, устав от ожидания, перешел к действию. Некоторое время спустя после возвращения французских войск был создан «Некхум Кхмер Иссарак» — «Единый национальный фронт», целью которого было вести совместно с Вьетмином борьбу против колониализма, за независимость Камбоджи. У него было много сторонников среди рабочих, служащих и студентов, которые охотно вступали в его ряды; в августе 1946 г. он продемонстрировал свою силу, напав на французский гарнизон в Сиенрепе и захватив склад оружия.

Следующие три года шла партизанская война, которая наносила большие потери оккупационным войскам и держала их в состоянии постоянной тревоги. Одновременно с этим по всей стране в районах и деревнях создавались народные комитеты, а принц Ютевонг, внук короля Сисовата, создал партию прогрессивных демократов; он умер при таинственных обстоятельствах вскоре после этого...

Сианук вообще не одобрял программы этой новой партии, с которой он позднее часто конфликтовал. Новый правитель был человеком либеральных тенденций. Он доказал это, когда уничтожил в 1947 г. абсолютную монархию, заменив ее монархией конституционной; тем не менее он частично сохранил автократические тенденции.

Так, в 1949 г. он не колеблясь принял решение о роспуске первого парламента, из-за того что в нем решительно преобладали демократы; ввиду того, что новые выборы ничего не дали, он их снова отменил, и так продолжалось до тех пор, пока он не сформировал парламент по своему вкусу. Он упрекал демократов в том, что они «играют в демократию», ведут страну к анархии и неспособны вырвать независимость из рук Франции. Может быть, он был и не совсем неправ; люди из руководства демократической партии, которых я знал, представляли собой в большинстве молодых интеллигентов, воодушевленных прекрасными идеалами, но совершенно не имевших политического опыта.

В 1949 г. победила революция в Китае. Французский генерал Ревер принял решение оставить Лангшон и Каобанг — французские посты на китайской границе, с тем чтобы сконцентрировать все свои силы в районе дельты. Так был открыт путь для проникновения китайского оружия в Тонкин, Лаос и Камбоджу. Генерал Салан был отстранен. В Индокитае прибыл Де Латтр, чтобы принять командование, но было уже поздно.

В Камбодже в апреле 1950 г. был создан «Центральный комитет освобождения страны кхмеров»; решение об этом было принято на съезде двухсот делегатов, принадлежавших ко всем слоям населения. В числе делегатов съезда было сто тридцать два представителя буддийского духовенства! Затем этот комитет был преобразован во временное правительство и, наконец, в правительство национального сопротивления, создававшее свои органы управления в тех районах, которые находились в руках кхмеров, и руководившее войной с французскими оккупантами. Кроме того, было установлено сотрудничество между Кхмер Иссарак, лаотьянами из Патет Лао и правительством Вьетмина.

После смерти Де Латтра командование войсками в Индокитае перешло к генералу Наварре. Но его знаменитый план уничтожения «мятежников» осуществить не удалось, как, впрочем, и планы его предшественников.

В Камбодже одно высокое лицо прекрасно отдавало себе отчет в том, кто такие на самом деле эти «мятежники»: то был король Сианук. В письме, адресованном французскому правительству 5 марта 1953 г., он разоблачал истинные намерения

Франции, стремившейся вернуть себе утраченные колонии. Он писал, что движение Свободных кхмеров имеет глубокие корни в народе, что члены Иссарака — выходцы из крестьян и горожан, поддерживаемые всем населением и большинством буддийского духовенства.

Сианук указывал, что сила движения Свободных кхмеров основана на том, что Камбоджа до сих пор не имеет политической независимости. Он требовал от французских властей, чтобы они «передали королю и его правительству ответственность за управление страной, чтобы они передали им прерогативы, которые до сих пор удерживает за собой Франция, чтобы дали возможность королю и королевскому правительству самим изыскивать средства, которые они сочтут необходимыми применить для осуществления своей власти и взятой на себя ответственности...»

Король не получил никакого ответа. 18 марта он отрядил двух сановников из своей свиты для вручения главе французского государства нового послания, бывшего уже настоящим сигналом бедствия, в котором он говорил о «дезертирстве» лейтенанта и сорока солдат королевской армии. Он предупреждал Францию, что, если она немедленно не пересмотрит свою политику, вся Камбоджа присоединится к «мятежникам». Это было совершенно недвусмысленное предупреждение: если независимость не будет предоставлена, вся королевская армия может выступить против французских войск.

Ответ прибыл через двадцать четыре часа. Президент Ориоль приглашал Сианука на ужин в Версаль. Но результат был не тот, на который Сианук надеялся; под покровом обычных заверений в дружбе ему дали понять, что его дальнейшее пребывание во Франции нежелательно и что ему «советуют» как можно скорее возвращаться в Пномпень. Вместо того чтобы последовать этому совету, он поехал в Соединенные Штаты, но был там холодно принят Джоном Фостером Даллесом, который, со своей стороны, тоже посоветовал ему вернуться к себе в страну и «помочь генералу Наварре выиграть войну против коммунистов». Все, что смог сделать Сианук, — это дать интервью газете «Нью Йорк Таймс», где он излагал свою позицию.

Это интервью наделало столько шума во Франции, что правительство решило начать переговоры с Камбоджей. Однако предложения французской стороны были столь мало обнадеживающими, что сразу же после возвращения в Пномпень король 14 июня 1953 г. отбыл в Бангкок, правда, направив Франции свои контрпредложения: объявление полной независимости Камбоджи, в ответ на которое камбоджийское правительство берет на себя новые обязательства либо в качестве члена Французского Союза, пользуясь такими же правами, как английские доминионы, либо как союзник Франции, заключив с ней договор о союзе или дружбе.

Вернувшись в Камбоджу 20 июня 1953 г., король, вместо того чтобы направиться к себе во дворец, в знак своего стремления к свободе выехал в ту часть страны, которая в составе трех из четырнадцати провинций образовала район, не подчинявшийся французским военным властям.

В ответ на новое послание короля французы сконцентрировали свои войска в Пномпене, в частности на аэродроме, и установили орудия, направив их на королевский дворец; жителям-французам было роздано оружие, столица была окружена, а для подкрепления французского гарнизона прибыли вьетнамские и североафриканские солдаты. Однако трудности, с которыми Наварра столкнулся во Вьетнаме, вынудили его в скором времени вывести из Камбоджи французские войска; военные приготовления против Сианука на этом закончились.

Правительство Ланьеля — Бидо пришло к власти. Стремясь повести дело «по-новому», оно предложило Камбодже «полную независимость», но с оговоркой, что Камбоджа останется в руках французского верховного командования до окончания войны.

27 июля Сианук ответил на это предложение, подчеркнув, что между обещанием Франции предоставить независимость Камбодже и требованием предоставить французскому верховному командованию «необходимые средства для обеспечения

оперативного управления войсками, расположенными в восточной зоне Меконга», имеется противоречие. Он требовал исключения этой статьи из соглашения и ставил условием передачу Камбодже начиная с 1 сентября 1953 г. всей власти, в том числе командования войсками и полицией.

Трудности, с которыми столкнулась Франция во Вьетнаме, вынудили ее умерить свои требования; через четыре дня после ноты Сианука посол Франции в Пномпене информировал премьер-министра Пен Нута, что Франция готова передать Камбодже всю полноту власти, в том числе и командование войсками. Но во время обсуждения вопроса о командовании войсками вновь возникли те же трудности.

В этой обстановке 1 сентября 1953 г. Сианук решил впервые выступить с заявлением о политике нейтралитета, которая позднее принесла ему столько хлопот. Он обратился к Кхмер Иссараку и Вьетминю с призывом, в котором сообщал о возрождении в скором времени независимой Камбоджи. В обращении к Иссараку он просил прекратить братоубийственную и бесцельную войну, ибо независимость Камбоджи, борьба за которую являлась главной причиной восстания, будет вскоре достигнута, и предлагал всем вернуться в родные места, где их встретят с распростертыми объятиями. Обращаясь к бойцам Вьетминя, он писал: «Хотя мы и не коммунисты, мы не будем бороться на стороне противников коммунизма при условии, что он не будет силой навязан нашему народу».

Это была честная и прямая позиция. Однако нейтрализм, который стал отныне главной политической линией независимой Камбоджи, вызвал на Западе всеобщее негодование, сопровождавшееся угрозами прекратить французскую и американскую помощь Камбодже. На эту угрозу Сианук ответил очень твердо: «То, что нас хотят лишить экономической помощи, если мы откажемся бороться против коммунистов вне Камбоджи, то, что мы обязаны считать коммунистов и коммунистические правительства своими смертельными врагами... то, что малые страны имеют право только на то, чтобы исполнять приказы их великих «союзников или друзей», которые только для самих себя оставляют право начать или закончить войну, не считаясь с желанием малой страны,— все это нас глубоко волнует... Но Камбоджа требует прежде всего независимости, а не помощи, какой бы она ни была».

Пытаясь соблазнить Сианука благами помощи со стороны Запада, из Вашингтона направили к нему сенатора Ноуланда, посла США в Сайгоне. Он обрисовал Сиануку всю опасность такой политики, указал на необходимость борьбы с коммунизмом, условия которой требуют, чтобы Франция сосредоточила только в своих руках командование войсками в Камбодже, Лаосе и Вьетнаме; он просил его согласиться на эти условия. Сианук, проявив большое мужество, категорически отказался. Но этот первый контакт с американцами положил начало целой кампании по запугиванию и вмешательству во внутренние дела страны.

Переговоры с Францией затягивались, и Сианук угрожал выходом из Французского Союза, если его требования не будут удовлетворены. Франция, которая начинала испытывать серьезные трудности в Дьен Бьен Фу, вынуждена была умерить свои претензии. Она не требовала более баз для руководства операциями «на восточном берегу Меконга», а ставила вопрос лишь об обеспечении безопасности коммуникаций с Лаосом, который был главным плацдармом в операции Дьен Бьен Фу — проблемы номер один для Франции.

Эта проблема занимала не только Францию. Корея и Индокитай для западной дипломатии являлись камнем преткновения и осложняли международные отношения. Поэтому в Берлине, чтобы решить эти две наиболее острые проблемы, в феврале 1954 г. на конференции «великих держав» было решено собрать в Женеве конференцию азиатских стран.

В Камбодже переговоры с Францией шли черепашьям шагом; потребовалось торговаться несколько месяцев, чтобы прийти 10 марта 1954 г. к соглашению, предоставившему Камбодже все основные права суверенного государства, в том числе и

военную власть. В интересах истины следует отметить, что этим соглашением Камбоджа была обязана в гораздо меньшей степени доброй воле французской стороны, нежели трудному положению, в котором оказалась Франция: силы Патет Лао и Вьетминя были у стен Луанпрананга, столицы Лаоса, французские базы в Сено и Саваннакете были окружены, план Наварры терпел фиаско в Центральном и Южном Вьетнаме, подкрепления для Дьен Бьен Фу поступали с трудом, общественное мнение во Франции волновалось и требовало окончания войны.

16 марта телеграмма генерала Наварры поставила французское правительство в известность о тяжелом положении Дьен Бьен Фу и о мерах, которые надлежало принять в случае провала операции. 20 марта генерал Эли выехал в Вашингтон с докладом, где отмечалось, что без военной помощи со стороны США поражение неизбежно. Но обстановка складывалась в пользу переговоров, а не раздувания конфликта. Заявление Хо Ши Мина корреспонденту «Экспресс» еще более утвердило всех в этом мнении.

В обстановке ожидания неминуемого разгрома Франции началась 26 апреля 1954 г. Женевская конференция. В ней принимали участие «Большая четверка», Северная Корея, Китайская Народная Республика, которую представлял Чжоу Энь-лай, впервые появившийся на международной арене, Демократическая Республика Вьетнам, Камбоджа и Лаос. Председателем конференции был представитель Азии — министр иностранных дел Таиланда.

На ход конференции оказали основное влияние следующие события: 7 мая Дьен Бьен Фу пал под ударами вьетнамской армии, а 18 июня правительство Ланьеля — Бидо рухнуло под ударами оппозиции, уступив место правительству Мендес-Франса. Мендес-Франс пришел к власти, пообещав через три недели заключить мир или подать в отставку. В ночь с 20 на 21 июля 1954 г. соглашение о прекращении огня в Индокитае было подписано. Дискуссия о Корее зашла в тупик.

Вьетнам был разделен демаркационной линией, установленной по 17-й параллели. Камбоджа и Лаос были признаны независимыми государствами; на их территории не могли размещаться иностранные военные базы; Франция обязывалась вывести из этих стран свои войска и соблюдать в дальнейшем их суверенитет, целостность и неприкосновенность их территории.

Итак, Камбоджа, наследница могучей кхмерской империи и великих королей Ангкора, пройдя через века упадка и расчленения своей территории, будучи покоренной иностранными государствами, добилась независимости и гарантии неприкосновенности своей территории. Ее положение между двумя системами как в идеологическом, так и в военном отношении было очень сложным. Каким образом удастся ей наиболее успешно выйти из сложившегося положения, заставить уважать свою независимость, признать свою концепцию нейтралитета и добиться для себя в Азии подобающего положения, несмотря на ее слабость, несмотря на то, что она вооружена только своей доброй волей? Именно об этом мы и будем говорить в следующей главе.

Глава III **СОВРЕМЕННАЯ КАМБОДЖА**

2 марта 1955 г. в политической жизни Камбоджи произошло потрясающее событие. Вместо обычного информационного выпуска в полдень камбоджийское радио передало запись заявления Сианука, в котором он отказывался от престола в пользу своего отца. Это поразило дипломатические круги и страну, ибо ничто не предвещало возможность подобного решения.

В интервью иностранному журналисту Сианук указал причины этого решения: «Я хотел показать нашей молодежи, и в частности учащейся молодежи, что совсем не ради одного только, желания быть „Его Величеством Королем“, не ради привязанности к трону и связанными с ним пышностью, величием и привилегиями, не для того, чтобы

продолжать пользоваться всем этим, правитель земли кхмеров стольким пожертвовал для страны и нации. Когда я поставил перед собой задачу бороться против иностранного господства, против великих держав, мне нужна была королевская власть... чтобы иметь возможность говорить от имени моей страны. Теперь положение изменилось. Главной задачей является развитие страны. Если я останусь на троне, отгородившись стенами своего дворца, я не смогу сохранить подлинную связь с народом, не буду знать его нужды... я буду окружен мандаринами, которые скроют от меня правду о настоящем положении вещей, у меня не будет времени, чтобы ездить по стране...

Я решил навсегда отказаться от трона, чтобы иметь возможность располагать всем своим временем и всеми своими силами, чтобы посвятить себя душой и телом только одному — служению народу для его блага...».

Первой задачей бывшего короля было создать «объединение всех сограждан, союз, который позволил бы всему народу держать в руках власть». Это была новая политическая партия Сангкум — «Народно-социалистическое сообщество», которую Сианук основал после отречения и привел к победе на выборах в сентябре 1955г. Сангкум получил девяносто одно место в парламенте, остальные места были заняты двумя крайне левыми партиями: демократической партией и народной партией, или Прачеачон, которую ее противники называли «коммунистической кхмерской партией». Сианук стал премьер-министром. Начался новый период в истории Камбоджи — период сопротивления американскому империализму.

Задачи, стоявшие перед молодым королем, были огромны. Камбоджа только что вышла из войны, которая была ей навязана. Она была обессилена длившимся почти век колониальным господством, которое последовало за столетиями кровавых войн. Франция проделала большую работу, о которой мы уже подробно говорили; в области археологии она была даже значительной, но в других областях работа была закончена лишь вчерне. В Камбодже не было промышленности, она не имела морского порта, ее сельское хозяйство на большей части территории страны было очень отсталым, а экономика дефицитной. Школы и больницы имелись почти исключительно в крупных городских центрах, и большая часть камбоджийского народа не могла ими пользоваться. Инженеры, врачи, техники, окончившие учебные заведения в период протектората, составляли лишь узкую элиту, ничтожную по сравнению с громадными потребностями страны. Семена были посеяны, но в ожидании всходов единственным богатством Камбоджи было воспоминание о ее великом прошлом, великолепие ее памятников, богатство ее земли, терпение и благородство ее народа. Принцу Сиануку досталась тяжелая задача возрождения страны.

Он мог пойти по легкому пути: согласиться на американскую помощь. Ее предлагали ему настойчиво и в очень широких масштабах, что можно было сравнить только с тяжестью сопровождавших ее условий. Но принц Сианук, имевший перед глазами пример Южного Вьетнама, не желал видеть свою страну американизированной, привязанной к политике США в Азии, превращенной в трамплин для «освобождения» соседних стран и усеянной их военными, морскими и воздушными базами.

Другая причина, чисто эмоционального порядка, также заставляла Камбоджу отклонить американские притязания. В противоположность Вьетнаму Дьема Камбоджа сохранила скрытую привязанность к Франции; несмотря на явное нежелание, Франция под давлением обстоятельств все же предоставила ей независимость; длительное сосуществование, несмотря на частые столкновения, содействовало установлению прочных связей между обеими странами; французская оккупация дала Камбодже материальные выгоды и отличалась определенной снисходительностью; французская культура наложила свой отпечаток на страну; французский язык был единственным иностранным языком, на котором говорила интеллигентная верхушка; Камбоджа не собиралась отталкивать Францию, заменив ее другими, быть может более богатыми, оккупантами, но без ее идеалов.

Без иностранной помощи Камбоджа не могла существовать. Ей нужны были кредиты для того, чтобы восстановить финансы, приобрести материалы и оборудование; стране нужны были техники, инженеры, врачи, учителя, поскольку еще не сформировались собственные кадры. Единственный для нее способ сохранить независимость заключался в том, чтобы не связывать себя ни с одним из двух блоков, которые разделили между собой мир, но принимать помощь той и другой стороны. Таково было происхождение политики нейтралитета и мирного сосуществования принца Сианука, политики, о которой он заявил в 1953 г. и которую попытался провести в жизнь.

В апреле 1956 г. в своей речи в Кампоте принц Сианук изложил основы своей политики, опиравшейся на «пять принципов мирного сосуществования» в том их виде, как они были определены пандитом Неру; но в то же время он заклеил грубый нажим, оказанный на Камбоджу со стороны США, чтобы подорвать ее нейтралитет.

Стремясь избавиться от этого давления, Камбоджа приняла помощь двух первых иностранных государств, предложивших ее; однако согласие было дано с условием, чтобы это не повлекло за собой политической или военной зависимости, чтобы на территории Камбоджи не создавались военные базы, чтобы она не была втянута ни в какой блок, чтобы она следовала своей политике нейтралитета путем контактов с другими странами независимо от их политической системы.

Франция предоставила Камбодже техников, преподавателей, врачей; она приступила к строительству глубоководного порта в Кампонгсоме на берегу Сиамского залива. В настоящее время он закончен и носит название Сиануквиля⁷⁶. Его строительство обошлось в круглую сумму — 3200 млн. фр. Камбоджа получила выход к морю, которого ей не хватало.

США наводняли Камбоджу роскошными автомобилями, грузовиками, кондиционерами, холодильниками, станками, строительными материалами; они строили школы и больницы. Общая сумма их помощи — 50 млн. долл.— была равна бюджету всей страны. Однако главные усилия США были сосредоточены на кхмерской армии, чтобы «страна могла сохранить свою независимость перед лицом коммунистической угрозы». Это лицемерное заявление главы американской экономической миссии прекрасно показывало, какой смысл США вкладывают в понятие «нейтралитет» и насколько небескорыстна их помощь, идущая вразрез с политикой нейтралитета Камбоджи. Для Сианука было необходимо как-то уравновесить влияние компрометирующих его «друзей».

В этой ситуации принц — глава правительства предпринял ряд поездок, в том числе в Дели и Бандунг, где он побывал во время знаменитой конференции и подтвердил свое стремление соблюдать «пять принципов». Он был сердечно принят в Рангуне, Дели, Карачи, Багдаде, где установил полезные контакты с руководителями этих стран, затем он направился в Париж, где был принят президентом Коти. В Варшаве ему была оказана сердечная встреча со стороны польского народа, а польское правительство приняло решение установить с Камбоджей дипломатические отношения, обменяться с ней делегациями деятелей культуры, а также оказать ей важную техническую помощь, в том числе предоставить ей в дар хирургическую клинику, оснащенную самым современным оборудованием.

Последним пунктом его путешествия была Москва. Здесь он установил связи между Камбоджей и СССР: Камбодже была гарантирована полная поддержка на основе «пяти принципов», в Москве и Пномпене учреждались посольства, было договорено об обмене культурными и торговыми миссиями и о значительной экономической помощи. В качестве первого вклада Камбодже была подарена большая современная больница, которую решили строить в Пномпене. Из Москвы принц направился в Камбоджу, остановившись по дороге в Праге и Белграде.

⁷⁶ После переворота 18 марта 1970 г., устранившего Сианука от власти, этот порт вновь получил название Кампонгхом. (Прим. перев.)

Отметим различные подходы к вопросу об оказании помощи. Американская помощь в значительной мере состояла из предметов роскоши: автомобилей, холодильников, кондиционеров. Эти предметы покупали лишь немногочисленные представители финансовой олигархии, давая возможность посредникам американской стороны наживать значительные состояния. Действительно полезными были только станки и промышленные изделия, которые выпускались в США в количествах, превышающих спрос, и от которых они стремились избавиться любым способом. Но все это ни в какой степени не могло помочь Камбодже создать свою собственную промышленность; капиталистическая страна — это совершенно ясно — не может содействовать развитию промышленности в другой стране, предпочитая вывозить туда свою собственную продукцию. Поэтому вся эта помощь фактически никак не коснулась камбоджийского народа; неловкости чисто психологического порядка со стороны представителей стран, от которых Камбоджа получала помощь, привели к тому, что в народе росло чувство неприязни к тем, кто оказывал эту помощь.

В то же время усилия СССР и других социалистических стран направлены на то, чтобы помочь Камбодже поднять уровень жизни ее народа, модернизировать сельское хозяйство, создать собственную промышленность, стать независимой и в экономическом отношении. Советские специалисты не только помогают камбоджийцам использовать предоставленную им технику, но и учат их самостоятельно производить ее, работать на построенных у них заводах.

Помощь Камбодже со стороны Франции осуществляется по традиции в области культуры. Из Франции в Камбоджу направляются учителя, ученые, врачи, которые оказывают помощь, не думая о личных корыстных целях. Начальное обучение в стране получают на родном языке 220 тыс. детей; из них 80 тыс. с десятого класса учат французский язык. В стране имеются двенадцать лицеев и колледжей, где получают среднее образование более 6 тыс. учащихся; почти все преподаватели — французы. В Пномпене лицей им. Декарта и начальная школа им. Нородома находятся в ведении французской культурной миссии. Высшее и среднее техническое образование можно получить в Национальном институте юридических наук, Королевской медицинской школе, в Школе земледелия, скотоводства и лесоводства. Почти все преподаватели этих учебных заведений — французы. Французская школа Дальнего Востока продолжает свою деятельность по реставрации и охране памятников в сотрудничестве с камбоджийцами, готовя из них квалифицированных специалистов.

Помимо культурной деятельности французская помощь выразилась также, как уже говорилось, в сооружении в Кампонгсومه, на побережье Сиамского залива, первого порта, который Камбоджа может использовать для вывоза своих товаров.

Можно сказать, что благодаря ловкой политике Сиа-нука Камбоджа сумела занять выдающееся место в Азии. Этим она обязана твердой политике нейтралитета, которую Камбодже удавалось осуществлять, невзирая на препятствия, встречавшиеся на ее пути. Несмотря на яростные нападки, оскорбления и многочисленные ловушки, которые ожидали Камбоджу на этом пути, ей удалось остаться на позициях нейтралитета, не попав в зависимость ни к одному из блоков, которые разделили между собой мир. Камбоджа значительно выиграла от этого, ибо каждая страна стремилась предложить ей помощь большую, чем та, которую предлагали соперники. Сам факт подобного соперничества позволил Камбодже не попасть в плен ни к одной из конкурирующих сторон, поскольку соперник всегда был готов занять место «благодетеля», который обнаружил свои небескорыстные намерения. Так сложилась почти уникальная ситуация, которой Сианук очень ловко воспользовался.

* * *

Пройдя через все политические перипетии, Камбоджа сумела остаться прибежищем мира на нашем беспокойном земном шаре, разрываемом на части

соперничающими блоками и существующем под угрозой войны. Здесь, конечно, тоже идет политическая борьба, но она не потрясает основ жизни страны⁷⁷.

Камбоджа — конституционная и парламентарная монархия⁷⁸, король ее — Нородом Сурамарит⁷⁹, королева — Коссамак Неариреак. Все дела страны находятся под контролем провинциальных и национальных советов кхмерского народа, которые являются надконституционными органами, где делегаты всех направлений свободно обсуждают все вопросы и высказывают свою точку зрения. После выборов 11 сентября 1955 г., как мы уже отмечали, власть находится в руках Сангкума — «Народно-социалистического сообщества». Именно с 1955 г. с небольшими перерывами во главе правительства стоял принц Сианук.

Однако, хотя Камбоджа и вступила в период независимого развития, хотя изменились формы и характер ее управления, жизнь народа осталась прежней; тот, кто знал Камбоджу двадцать лет назад, с радостью отмечает, что все, что ему было в прошлом мило, осталось неизменным. Ибо невозможно жить в Камбодже и не полюбить этот мягкий, миролюбивый, чувствительный и гостеприимный народ, естественная веселость которого выражает его простой и прямодушный характер.

Религия в жизни камбоджийца играет первостепенную роль, и монахи пользуются в обществе влиянием, которое трудно понять, исходя из представлений материалистического Запада. Они свободны от всех общественных обязанностей; их личность священна — даже если монах совершил преступление, он предстает перед судом только после соответствующего решения религиозных властей. При обращении к монахам камбоджийцы пользуются специальным языком и соответствующими выражениями.

Монахов очень много. По статистике Министерства культов, их число в последние годы достигло 37 533; все они распределены между 2653 пагодами, и это при том, что население страны равно 2400 тыс. жителей⁸⁰. Повсюду, в городах и деревнях, можно встретить целые вереницы бонз⁸¹, одетых в прекрасные одежды светло-желтого цвета, и это зрелище представляет собой одно из очарований Камбоджи. Монахи держатся с исключительным достоинством; их сдержанность является приятным контрастом по отношению к европейской свободе поведения, в частности с женщинами. Правила запрещают бонзам говорить с женщиной или пожимать ей руку, они точно соблюдают это правило, и даже в поезде или автобусе вы никогда не увидите бонзу, сидящим рядом с женщиной. Между ними всегда садится какой-нибудь любезный попутчик.

Буддийские монахи не принимают обета на всю жизнь, они всегда могут сбросить монашеское одеяние. Обычай, которому здесь часто следуют и в наши дни, требует, чтобы молодые люди проводили один или два испытательного срока в пагоде, примерно в возрасте двенадцати и двадцати лет. Там они остаются на несколько месяцев, иногда на два-три года, некоторые на всю жизнь. В это время молодые послушники заучивают наиболее распространенные молитвы, постигают наставления религии и приучаются почитать бонз, не говоря о заслугах, которые они приобретают благодаря этому для будущих воплощений. Они получают там общее образование в сравнительно большом объеме, и поэтому среди камбоджийских юношей почти нет неграмотных. Эти «модернизированные», как мы бы сказали, школы при пагодах являются одним из самых важных факторов в формировании интеллектуальных и моральных качеств юных камбоджийцев.

⁷⁷ В настоящее время Камбоджа является ареной вооруженной борьбы, вызванной вмешательством США во внутренние дела этой миролюбивой страны. *(Прим. перев.)*

⁷⁸ Правительство Лон Нола провозгласило Камбоджу республикой 18 марта 1970 г. *(Прим. перев.)*

⁷⁹ Умер в апреле 1960 г.

⁸⁰ По данным «Ежегодника Большой Советской Энциклопедии 1961» население Камбоджи на апрель 1959 г. исчислялось в 4845 тыс. *(Прим. перев.)*

⁸¹ Термин «бонза» взят из японского языка и употребляется только европейцами. Камбоджийцы предпочитают употреблять слово «духовенство» или «бхикку» — слово, взятое из пали, обозначающее буддийского монаха.

Хотя буддийские монахи не принимают обетов, они очень строги в соблюдении правил морали. Прежде всего, это пять заповедей, предписывающих буддисту не убивать, не красть, не прелюбодействовать, не лгать, не употреблять наркотиков и алкогольных напитков... Для монахов третья заповедь заменяется абсолютным воздержанием; кроме того, они должны соблюдать пять особых заповедей: не есть после полудня, не посещать собраний мирян, не употреблять украшений и духов, не пользоваться сидением или ложем, возвышающимся над землей, не принимать золота и серебра.

Церемония посвящения очень проста: послушник надевает желтое платье и произносит «тройную формулу»⁸², т. е. тройное обращение к Будде, Закону и Общине. Он отказывается от имущества и должен жить только милостыней. Каждое утро длинная вереница монахов проходит по улицам города или деревни, каждый держит в руках чашу для подаяний, молча протягивая ее проходящим и принимая милостыню, не поблагодарив.

Тот факт, что буддизм не знает определенного и всепроникающего бога, делает ненужной молитву в том виде, как ее понимают христиане. Монахи собираются вместе в определенное время, но лишь для того, чтобы читать или петь *сутры* — отрывки из священных текстов; это ничего общего с молитвой не имеет, а делается лишь с одной целью — успокоить душу и расположить ее к размышлениям⁸³. Остальное время монах читает или размышляет, поклоняется «ступам»⁸⁴ или изображениям Блаженного, возлагая цветы. Причем делают это не для того, чтобы получить «благодать», а из чувства уважения ученика к учителю. Единственными элементами религиозной обрядности являются пост и публичная исповедь в грехах, которая происходит в день полнолуния и в день новолуния (*упосатха*). В этой религии без догм и без бога все обязанности монаха состоят в уединенных размышлениях, во внутренней и строго индивидуальной работе.

Сколько раз, бывало, останавливался я в деревенских пагодах, где всегда так хорошо встречают пришельца, где прохожий всегда найдет чашку чая, миску риса, кувшин освежающего кокосового молока, циновку в тенистой *сала*, предназначенной для гостей. Все эти пагоды похожи одна на другую и стоят, как правило, в небольших рощицах. Их архитектура ничего общего не имеет с архитектурой древних кхмерских храмов; величественным ансамблям, куда помещали брахманских или буддийских идолов, нет места в скромном культе буддизма Хинаяны. По одну сторону, немного дальше, находятся помещения для монахов — несколько хижин на сваях, обычный и вместе с тем очаровательный тип камбоджийского жилища; по другую сторону расположены помещения, куда допускаются все посетители: это храм, сала для послушников, сала для монахов, где они собираются на трапезу и по праздникам, сала для гостей. Храм бывает обычно небольшого размера и представляет собой простое прямоугольное здание, сооружаемое из дерева или камня, а теперь также и из бетона. Вход в храм с восточной стороны. Крыша кроется, как и в древности, глазурированной черепицей ярких цветов. Острые углы крыши приподняты и украшены изображениями драконов и макар. Внутри храма верхние перекрытия поддерживаются колоннами из покрытого красным лаком дерева. В глубине находится алтарь, на котором стоит большая позолоченная статуя Будды, а также статуи меньших размеров, перед которыми кладут палочки благовоний, разноцветные бумажные ленты, цветы, рис и фрукты. В храме всегда царит полумрак.

Между храмом и жильем монахов находится большой барабан, сделанный из дерева и обтянутый кожей буйвола. В этот барабан бьют, чтобы созывать верующих на различные церемонии. Глухие удары в барабан и пение монахов — вот характерные звуки камбоджийской деревни.

⁸² Обращение к «трем блаженным»: Будде (*Буддха*), Закону (*дхамма*), Общине монахов (*сангха*).

⁸³ Если иногда в тексте мы употребляем слово «молитва», то только для удобства изложения.

⁸⁴ Ступа — большое каменное строение в форме остроконечного купола, в котором хранятся мощи одного из буддийских святых.

Камбоджийский буддизм в своей основе сохранил многочисленные пережитки не только брахманизма и буддизма Махаяны, но и пережитки древних анимистических культов Индии с их нагами и якшами. Эти пережитки древних религий особенно заметны в народных обрядах и даже проникли в монастыри. И в наши дни нередко можно видеть в укромном уголке у ограды пагоды маленький грубый алтарь. На нем обычно стоит статуэтка, кусок камня — простой булыжник черного цвета, который символизирует *неак-та* — хранителя домашнего очага, духа природы, почитаемого камбоджийцами, которому они приносят рис, вино, фрукты, жареного цыпленка. По окончании церемонии вино выливается на землю, а продукты уносятся домой, где их съедают в кругу семьи.

Все эти верования глубоко проникли в душу крестьян, которые составляют подавляющее большинство камбоджийского населения. Миротворительный и сентиментальный по характеру, камбоджиец в то же время обидчив, отличается насмешливым нравом и часто подвержен неожиданным приступам гнева. Камбоджиец воздержан и экономен, и хотя посадка риса, сбор урожая сахарной пальмы и другие крестьянские работы требуют от него обычно тяжелого труда, он ценит и часы отдыха, когда он мечтает, размышляет или просто жует свой бетель. Он большой фантазер и не любит однообразной работы, требующей усидчивости. Он предпочитает обрабатывать свое жалкое рисовое поле, сделать собственными руками пирогу, повозку, однотрунную скрипку, ибо он почти всегда немножко музыкант, а не работать на плантации, где бы он регулярно получал заработную плату.

Чувствительный, эмоциональный, воспитанный на сказках, он живет в атмосфере, насыщенной образами легенд. Но хотя камбоджиец и полон интереса к любви Рамы и Ситы, хотя он и старается ничем не прогневить богов земли и охотно сворачивает с пути, чтобы совершить подношение в виде банана или чашки риса на алтарь *неак-та*, все же больше всего ему нравится буддийская пагода. Почитать Будду, подавать милостыню бонзам, поститься и произносить «тройную формулу» в день новолуния — эти действия необходимы, чтобы подняться на новую ступень в будущих воплощениях, и крестьянин выполняет их весьма старательно.

Религия накладывает отпечаток на всю жизнь камбоджийца. Простое дело — постройка новой хижины — требует бесконечных предосторожностей, чтобы не вызвать гнев духов. Для этого нужен совет прорицателя, который после долгих вычислений, с учетом знака собственника, определяет наиболее благоприятный день для начала работы; однако для того, чтобы работа шла хорошо, нужны еще всякого рода сложные церемонии, а когда заканчивается строительство, выбирают наиболее благоприятный день, чтобы вступить во владение домом.

Камбоджийские дома всегда строят на сваях. Это делается для того, чтобы в них не проникала вода и животные, а также чтобы избежать встречи со злыми духами, которые бродят по земле. Чтобы полностью обеспечить себе эту изоляцию, они срезают даже самую маленькую веточку дерева, если она касается крыши дома, а также любой корень, который может прорасти под домом. В конструкциях домов соблюдаются нечетные числа, и сваи, на которых стоит дом, должны быть пяти- или семиметровые, но никогда не шести- или восьмиметровой высоты.

Каждое крупное событие в жизни камбоджийца подчинено сложному ритуалу обычаев. Помолвка и женитьба совершаются в соответствии с очень строгими правилами, хотя и менее строгими, чем роды, в связи с возникающими здесь особыми обстоятельствами. Если женщина умирает во время родов, она возвращается на землю в виде злого духа, особенно опасного, ибо злоба его усиливается за счет ребенка, потому что он не появился на свет.

Подношения делаются прежде всего богам домашнего очага: в маленькую корзинку члены семьи кладут падди, связку бананов, пять восковых свечей, пять палочек благовоний, пять ниточек, скрученных из хлопка, и двенадцать су. Во время родов

женщину кладут в плетенку из бамбука, под которой разводят костер из сучьев, чтобы отогнать злых духов. Но поскольку вампиры и привидения могут проникнуть в хижину вместе с дымом и огнем, костер окружают колючими растениями. В течение трех дней после родов молодая мать не должна иметь никаких контактов с внешним миром. Священнослужитель, или атяр, накладывает на дом запрет, и каждый вечер в хижине зажигают свечу или палочку благовоний.

По случаю «выздоровления» женщины обычно происходит семейное торжество, на котором главную роль играет повитуха, принимавшая роды. Около огня она расстилает большой лист банана и кладет на него рис, мясо, рыбу, бананы, сладости и три палочки благовоний со словами: «Три дня прошли, и я объявляю, что все закончилось». Затем она читает длинную молитву, берет из огня пылающие головни и гасит их в большом котле с водой. После этого роженица кланяется повитухе и повязывает ей на запястье хлопчатобумажную нитку с пожеланиями доброго здоровья. Та отвечает том же и в свою очередь перевязывает запястье припои руки роженицы хлопчатобумажной ниткой, в то время как отец перевязывает ей левое запястье. Обе руки ребенка тоже перевязываются нитями хлопчатобумажной пряжи.

Смерть роженицы представляет большую опасность для оставшихся в живых членов семьи, но и смерть любого другого члена семьи также таит в себе угрозу, поэтому необходимо принять меры предосторожности; из трупа могут родиться птицы — вестники несчастий, злые духи, привидения, а дух усопшего может покинуть рай или ад, куда он последовал за своим обладателем, чтобы вернуться в родные места и из чувства мести мучить своих родственников.

Бонзы, приглашенные родственниками, окружают ложе умирающего и читают над ним священные тексты, чтобы привести его в состояние умиротворения и отвратить от злых мыслей. Как только он испустит дух, в ногах ложа усопшего зажигают светильник — лампу, огонь которой позднее будет использован для кремации; в ногах ставят чашку риса и кладут листья бетеля. Листья священной смоковницы кладут на глаза, ими закрывают также ноздри, уши, грудь, ноги и руки умершего. Омыв усопшего и припудрив ему лицо рисовой мукой, тело закутывают в белую хлопчатобумажную ткань и помещают в гроб из дерева коки, причем качество гроба зависит от достатка семьи.

В Камбодже, как и в Индии, кремация — наиболее распространенный способ погребения. В назначенный день гроб несут к месту кремации, в то время как атяр выливает на землю три кувшина воды и бросает камень, чтобы умерший не преследовал живых членов семьи. Погребальная процессия никогда не имеет печального характера, как у европейцев; смерть для буддистов не является горем, ибо она всего лишь переход к новому существованию, которое может быть лучшим, чем предыдущее. В процессии принимают участие бонзы в повозках, украшенных цветами, родственники умершего, музыканты, и она чаще бывает похожа на карнавал, чем на шествие сосредоточенности и скорби.

На поляне, предназначенной для кремации, над тем местом, где будет зажжен огонь, возвышается *мен*, помост из бамбука, задрапированный кусками хлопчатобумажной ткани или цветной бумаги. Похоронная процессия трижды обходит вокруг этого сооружения, затем гроб ставят на костер, который сыновья усопшего разжигают факелом, зажженным от принесенной из дома лампы. Бонзы уходят гуськом, вскоре за ними уходят и музыканты; у костра остаются родственники умершего, поддерживая огонь. Когда тело сгорит полностью, близкие заливают костер водой, а атяр при помощи лопаты придает пеплу вид лежащего человека; дети умершего собирают на поднос обгоревшие кости. Вернувшись в дом покойного, атяр помещает их в урну, которую ставят на маленький домашний алтарь, рядом со статуей Будды. Богатые семьи позднее переносят эту урну в «ступу», или «четдей».

Многочисленные праздники камбоджийцев, как и вся их жизнь, подчиняются, как мы уже отмечали, периодическим чередованиям, характерным для муссонного климата.

Обычно год делится на три периода: сухое, прохладное время года, которое приходит вместе с северо-восточным муссоном и длится с новолуния в декабре до новолуния в феврале; жаркое время года, его приносят южные муссоны, и оно охватывает период с мартовского до майского новолуния; период дождей приходит с западным муссоном и длится с июня до ноября. Этим сменам времен года сопутствуют традиционные праздники, почти все религиозного происхождения, которые отмечают с различными вариантами в большинстве стран Юго-Восточной Азии. Мы не можем описать здесь их все, укажем только самые главные.

Наш календарь — солнечный, тогда как календарь стран Дальнего Востока — лунный. Их новый год, вместо того чтобы начинаться всегда 1 января, начинается в разное время, в зависимости от года, соответствуя пятнадцатому дню убывающей луны в месяце *пхалкум*, обычно в марте или апреле. Праздник нового года продолжается три дня, во время которых обычно соблюдается полное воздержание, прекращаются всякие ссоры, ничего не продается и не покупается, не убивается ни одно животное. В королевском дворце в первую ночь праздника стреляют из орудий, чтобы прогнать злых духов.

В первый день нового года каждый убирает свой дом и сжигает в нем палочки благовоний, чтобы очистить его до прихода бонз, которые читают молитвы в память усопших членов семьи, держа в руках хлопчатобумажную нить, привязанную к урне или «ступе», где находится прах.

Необходимо совершать добрые дела, чтобы иметь заслуги в новом году. Эти добрые дела заключаются в том, что люди убирают пагоду и алтари и строят в монастырях девять небольших холмов из песка в честь *тевод*, хранителей мира, один в центре, другие в восьми направлениях частей света. В каждой куче песка помещают бумажные флажки, а длинная хлопчатобумажная нить, закрепленная деревянными кольшкками, окружает все девять песчаных холмиков, оставив небольшой вход внутрь этого круга.

На другой день настоятель монастыря начинает читать молитвы, держась за конец этой нити. Верующие проходят круг и три раза обходят все сооружение, следуя вдоль нити так, чтобы с правой стороны у них оставался центральный холм, символизирующий гору Меру, ось вселенной. Они идут, бросая на каждую песчаную горку несколько щепотей шафрана, рисовой муки и выливая несколько капель духов. После этого вся процессия возлагает цветы на алтарь Будды, ставит на него палочки благовоний, восковые свечи, разноцветные бумажные флажки.

В день праздника бонзы, собравшись в пагоде, спрятав лицо за веером, читают молитвы, на которые верующие отвечают хором под руководством атыра, а женщины в это время готовят пищу для монахов. Окончив еду, бонзы торжественно обмывают статую Будды, затем они все совершают омовение и надевают новые одежды, которые были им пожертвованы верующими. В это время мирянам рекомендуется совершать также и другие добрые дела: омыть ноги бедного соседа и дать ему жвачку бетеля, еще лучше купить живого зайца, черепаху, рыбу или птицу и выпустить их на свободу. Таковы обряды, которыми в камбоджийской деревне отмечают начало нового года.

Через несколько дней торжественно отмечается начало сельскохозяйственного года: праздник первой борозды. Сходным образом этот праздник отмечается и в Индии, Китае, Вьетнаме или у тямов. Цель его — умиловить божества земли, которые могут разгневаться за то, что их собственность раздирают лемехом плуга. В прежние времена церемония проходила на королевском рисовом поле, и никому в королевстве не разрешалось начинать полевые работы до ее завершения. Теперь, когда в стране уже нет священного рисового поля, церемония проводится чисто символически в Пномпене на большом поле, вблизи королевского дворца, где в прежние времена совершалась кремация лиц, принадлежавших к королевскому дому.

Накануне праздника в честь божеств строятся пять маленьких домов на сваях, где бонзы каждый день читают молитвы. Утром в день праздника король, королева и

приглашенные занимают места на трибунах, солдаты выстраиваются в две шеренги с ружьями, взятыми на караул, а между шеренгами движется процессия, возглавляемая придворными музыкантами. Хотя короли и присутствуют на празднестве, непосредственного участия в нем они не принимают,— их обычно заменяют актеры. Актер, изображающий короля, одет в камзол красного шелка, расшитый золотом, на голове у него высокая остроконечная тиара, какую носят камбоджийские короли. Он сидит в паланкине, который несут четверо слуг. Затем следует актриса, изображающая королеву. Она одета в затканый шелком сарафан и сидит «в позе лотоса» в гамаке, подвешенном на шесте, который несут два человека. Над их головами слуги держат зонты, эмблему королевской власти. За королевской четой следуют сановники в ярких костюмах. Трижды обойдя вокруг священный участок, «король» сходит на землю. В это время раздается глухая музыка раковин.

«Король» берется за ручки плуга, в который впряжена пара быков, покрытых роскошными попонами, с рогами в золотых футлярах. Земля, утоптанная ногами многочисленных прохожих, конечно, не может быть вспахана на самом деле; все делается чисто символически: деревянный лемех плуга лишь скользит по поверхности земли. За королем, всегда под своим королевским зонтом, следует королева в окружении свиты. На бедре у нее висит корзина, и она делает вид, будто бросает в землю семена. Вся эта процессия, символизирующая пахоту и сев, трижды обходит участок священной земли.

Затем быков выпрягают. Приближается момент, которого присутствующие на празднике крестьяне ждут с особенным нетерпением, ибо сейчас будет решаться судьба предстоящего года (по крайней мере, так они считают). На циновку ставят большие чаши, наполненные рисом, кукурузой, бобами, сезамом, травой, водой и вином. Приблизившись к ним, быки, естественно, наклоняются над чашей, содержание которой привлекает их больше всего, и выбор королевских животных и определяет прогноз на предстоящий год: если они прежде всего подойдут к рису или кукурузе, то урожай в предстоящем году будет обильным, если они станут есть траву, значит, предстоит падеж скота, если подойдут к воде — предстоят наводнения, если к вину — королевство подвергнется нападению. Однако равнодушие быков к вину делает эту возможность чрезвычайно редкой.

Начало западных муссонов и наступление сезона дождей служат для крестьян сигналом к напряженным полевым работам. В первые месяцы этого периода земля еще суха и тверда, летнее солнце уже не так сильно печет, вода набирается в водоемах; в это время пахут, сеют, высаживают рис и собирают урожай кукурузы.

Для буддийских монахов этот период является началом убывания *восса*⁸⁵, которое отмечается большими религиозными праздниками. «Торжество вступления в священное убывание» отмечается в первый день убывающей луны месяца *асатх* (обычно в июле). Под руководством атьяра делают громадную свечу из самого чистого воска, высотой 93 см, без фитиля, над ней возвышается настоящая свеча с фитилем, потоньше и высотой 29 см. Она похожа на наши пасхальные свечи, так же украшена узорами из цветного воска, золотой и серебряной фольгой.

В день, когда начинается праздник, верующие во главе с атьяром направляются в монастырь, неся «свечу убывания», которая укреплена на своеобразных носилках нитями хлопчатобумажной пряжи. Все держат в руках маленькие свечки, различные дары, кокосовые орехи. Дети в первых рядах процессии испускают крики радости, музыканты бьют в барабаны, цимбалы и гонги. Согласно ритуалу трижды обойдя вокруг монастыря, процессия входит в залу, где сидят монахи, читая молитвы.

Глава монахов зажигает большую свечу, верующие ставят принесенные с собой свечки на алтарь, а также кладут свои приношения и бесчисленные палочки благовоний. Атьяр в белой одежде приседает перед верующими, трижды повторяя приветствия, некогда

⁸⁵ Восса — период дождей (Прим. перев.).

произнесенные Буддой. Затем он обращается к Будде с просьбой принять «мед пчел», верующие повторяют за ним это обращение, а затем распределяют среди монахов свои приношения. Произнеся еще одну общую молитву, верующие удаляются. После этого свеча заменяется чашей с маслом, в которой плавают фитиль. Затем фитиль зажигают, и он не должен гаснуть в течение всех трех месяцев, когда длится восса,— за этим день и ночь следит специально назначенный монах.

Конец праздника в сентябрьское новолуние отмечается новой церемонией. Монахам подносят дары и новое платье, затем свеча убывания торжественно передается настоятелю монастыря, причем монахи читают соответствующие молитвы, вечером в большой сала монастыря монахи хором читают *патимук* — правила поведения, затем публично исповедуются в грехах.

В этот же вечер совершается очень трогательная церемония. На маленькие плоты из банановых стеблей, украшенные цветами и листьями лотоса, ставят блюда с рисом, пирожными, орехами арека, арбузами, сахаром, мелкой монетой. По четырем углам их зажигают свечи и благовония. Монахи спускают эти плоты по реке с пением молитвы, которую можно перевести так: «Плывите в те края, на те поля, где ваш дом, плывите в горы, в камнях которых вы жили. Но возвращайтесь назад! В следующий раз в этот же месяц, в это же время ваши дети и внуки будут думать о вас, и вы вернетесь, вы вернетесь!». Эта молитва — обращение к душам предков, которые, пребывая на небесах или в аду, ждут, когда настанет их новое воплощение. И нет ничего красивее зрелища этих огоньков, которые уплывают во тьму камбоджийской ночи.

Религиозные и официальные праздники Камбоджи многочисленны, но самый популярный из них, несомненно, праздник вод. На этот праздник в Пномпень ежегодно прибывают сотни тысяч камбоджийцев из самых отдаленных деревень, не говоря о многочисленных иностранных туристах.

Этот праздник знаменует окончание периода дождей и изменение течения в Тонлесапе, причины которого мы объясняли выше. В первый день праздника король вместе с семьей выходит из королевского дворца; усевшись в золотой паланкин под зонтом, король торжественно направляется в плавучий дом, стоящий на якоре у набережной. Перед ним и происходит торжество.

Если отвлечься от религиозных обрядов, которые совершаются *баку*, придворными брахманами, и которые в общем мало интересуют народ, главное содержание праздника — это гонки на пирогах, а также рассечение длинного шнура, протянутого между двумя берегами реки, что символизирует изменение течения вод. Это самая популярная часть празднества.

Пироги выдолблены из целого ствола дерева, они узкие, заостренные, изящной формы. Резные корма и нос высоко подняты над водой; они изображают головы наг с выпуклыми глазами, разрисованные яркими красками; эти изображения обладают неким табу. На носу помещен небольшой алтарь, куда кладут на листе банана подношения духам вод: рис, фрукты, цветы, шелковый шарф, две свечи и палочки благовоний.

Эти пироги принадлежат прибрежным деревням, столичным или провинциальным монастырям; в течение всего года они хранятся в сала и пользуются ими только раз в году, в праздник вод. На пирогу сажают сорок гребцов, выбранных среди самых сильных и ловких. Гребут они коротким деревянным веслом, по форме напоминающим ложку. Загребной на носу криками и движениями, которые в ходе гонки все учащаются, задает ритм гребцам. На корме сидит рулевой и при помощи длинного весла направляет пирогу. В центре сидит шут, который тут же импровизирует всякого рода шутки и прибаутки, часто весьма вольного содержания, сопровождая их гримасами и жестами.

Пироги собираются у берега «четырёх рукавов», выше плавучего дома короля. Затем они, числом около сотни, медленно поднимаются вверх по течению, чтобы стартовать в Тонлесапе, в километре вверх по течению. Проезжая мимо короля и

придворных, шут приветствует их песней, прибаутками, шутками, иногда весьма дерзкими, кривляясь и жестикулируя.

По сигналу распорядителя соревнований каждая пара соревнующихся пироги быстро устремляется вниз по течению, стараясь превзойти соперников в скорости, повинуюсь ритму, заданному загребным. Экипажам пироги за счет короля выдают короткие рубашки яркого цвета, одинаковые для каждой лодки. Прекрасное зрелище представляют сидящие в пирогах люди, одетые в зеленые, желтые, красные, голубые рубашки и гребущие во все возрастающем ритме, в то время как пироги летят как на крыльях по красноватой воде Тонлесапа. На берегу за ними следят черно-белые толпы народа с кое-где вкрапленными желтыми одеждами бонз. Зрители криками подбадривают гребцов, и все это происходит при ослепительно голубом небе, под яркими лучами осеннего камбоджийского солнца.

Соревнования продолжаются три дня, побежденные выбывают, победители снова и снова встречаются друг с другом. Это обычно происходит во второй половине дня. А вечером четыре тысячи гребцов заполняют улицы города и веселятся, как дети,—останавливаются перед многочисленными разносчиками, без счета тратят деньги, которые они заработали тяжелым трудом, большую часть ночи проводят в пирушках, обсуждая события дня, и, в конце концов, найдя родственную душу, уединяются в укромном месте.

Те, кто остался на берегу реки рядом с продавцами супа или кофе, торгующими прямо под открытым небом, любуются иллюминированными судами, плывущими в ночи. Каждая организация, каждое министерство задолго готовило иллюминацию и украшения для этих судов. Для их украшения использованы знамена, разноцветные драпировки, яркие гирлянды разноцветных лампочек, изображающие фигуры людей, различные символические и декоративные мотивы. Они немного напоминают повозки во время карнавального шествия на Западе, только здесь украшения судов отражают род деятельности учреждения, которое занималось этим. Судно министерства иностранных дел, например, украшено бесчисленным количеством знамен различных стран мира, суда министерств сельского хозяйства, промышленности, связи, национальной лотереи и другие украшены часто совершенно неожиданным образом. Все они движутся по реке в сиянии света, под звуки оркестров.

Плавучий дом короля тоже участвует в празднестве. Он превращается в зрительный зал. Приглашенные любуются классическими камбоджийскими танцами в сопровождении традиционного камбоджийского оркестра *махори* и *пунат*, перекрывааемыми звуками ксилофонов, печальных напевов камбоджийских скрипок и флейт. Всю ночь вокруг королевского плавучего дома толпится народ, слушая шум празднества, который доносят из дворца громкоговорители.

В последний день праздника все пироги собираются вместе на старте; баку перегораживает реку длинным хлопчатобумажным шнуром. Глава брахманов садится в лодку и вооруженный богато украшенной саблей подъезжает к шнуру; два или три раза он делает вид, будто разрубает шнур, каждый раз обращаясь к богам за помощью, ибо его действие должно повернуть вспять течение вод. В действительности течение уже изменилось задолго до праздника, но символика слеталась. Наконец, ударом сабли он разрубает шнур, и в образовавшуюся брешь устремляются пироги, гребцы которых гребут, повинуюсь бешеному ритму. Это происходит в то мгновение, когда на небе появляется луна.

В это время внутри плавучего дома король в окружении баку славиг появление луны, чтобы привлечь к королевству милость богов воды. При звуках священных раковин монах подносит королю очистительную воду в раковине, инкрустированной золотом и лежащей в золотой чаше. Король берет раковину левой рукой и, устремив взор на луну, которая восходит в небе, наливает немного воды в правую руку и смачивает, себе лицо и

волосы, повторяя таким образом древний жест омовения кхмерских королей⁸⁶. Затем пальмовой ветвью, смоченной священной водой, король кропит присутствующих, простершихся перед ним.

В деревнях жители также собираются, чтобы приветствовать луну; это считается искупительным обрядом для будущего урожая. Подсчитывая капли воска, которые скатились с горящих свечей на банановые листья, крестьяне делают предположения о том, каким будет урожай. Очень жаль, что эти обычаи постепенно исчезают, сам праздник вод тоже почти утратил свое религиозное значение, став просто народным праздником, главная цель которого состоит в том, чтобы привлечь тысячи иностранцев и содействовать процветанию столичной торговли.

То же вырождение наблюдается и в области современного камбоджийского искусства и народных ремесел. Очаровательные деревянные пагоды с их изящным силуэтом, приподнятыми углами крыш, с резными фронтонами, выполненными в традиционном стиле, слишком часто уступают место постройкам из бетона, не представляющим собой ничего красивого или оригинального.

Однако камбоджийский народ от природы одарен художественными способностями и особенно талантлив в живописи, скульптуре, ткачестве и танцах; все, что он создает, будь то резное панно пагоды, статуэтка Будды, сампот, тележка, ручка инструмента, деревянная чаша,— все отличается своеобразным изяществом формы, несомненным вкусом, выработанным веками блестящей цивилизации.

Как случилось, что это чувство прекрасного деградировало? Несомненно, это произошло в результате разрыва с эпохой расцвета кхмерского искусства, а также из-за отсутствия интереса у последующих камбоджийских правителей к прошлому своей страны, из-за слишком явного преклонения перед всем, что шло с Запада. Затрачивая слишком много труда, чтобы заработать искусством себе на чашку риса, большинство камбоджийских ремесленников оставило свои занятия, обратившись к возделыванию рисовых полей или к торговле. А те, кто удержался, стремились привлечь новую европейскую клиентуру, снабжая ее поделками, отличающимися ложной экзотикой, которая этой клиентуре нравилась, изготавливая для рынка предметы весьма сомнительного вкуса, и тем не менее они привлекали невзыскательных туристов.

Однако здесь наметились изменения благодаря одному французу, человеку со вкусом, большому знатоку и любителю кхмерского искусства. Этим человеком был Жорж Гролье. Вместе с несколькими старыми ремесленниками он создал в 1918 г. «Школу камбоджийского искусства», которая возродила традиции кхмерского искусства, обучая юных камбоджийцев ремеслам их предков, прививая им любовь к традициям, к классическим декоративным мотивам. Статуи, резьба по дереву и слоновой кости, чеканка серебра, сампоты, которые выходили из художественных мастерских этой школы, экспортировались во Францию и познакомили французов с традиционным кхмерским искусством, в то же время позволяя ремесленникам существовать на доходы от своего труда и совершенствоваться в своем искусстве. Но нужно добиться, чтобы это возрожденное искусство не застывало в массовом изготовлении одних и тех же моделей: изображений вечных будд на наге, чеканных браслетов или серебряных портсигаров с орнаментом, из наг и гаруд.

Будем надеяться, что молодое государство Камбоджа, добившись независимости, обретет вновь свою силу в области искусства, которая отличала кхмеров в прошлом, что, индустриализируясь и модернизируясь, страна кхмеров не забудет, что она является наследницей культурных традиций предков и что ей предстоит их возродить.

Если не считать благородного сословия, в этом народе, основную массу которого веками составляли крестьяне — пахари и рыбаки одновременно, интеллектуальная элита складывалась из священников—брахманов и буддистов, не говоря о строителях

⁸⁶ Церемония, которая состояла в том, чтобы вылить освященную воду на голову короля во время коронации.

кхмерских храмов и скульпторах Ангкора, иногда лицах духовного звания, но чаще выходцах из народа. Даже в недалеком прошлом в Камбодже не было средних слоев населения. Китайцы, вьетнамцы, европейцы занимались торговлей и свободными профессиями. В период протектората чиновники-камбоджийцы, числившиеся на административной службе вместе с частью интеллигенции, получившей образование во французских университетах, начали складываться в буржуазию, лучшие представители которой управляют страной.

Несомненно, в независимой Камбодже этот класс будет укрепляться, черпая новые силы из народа. Получая образование в новых учебных заведениях, представители этого класса дадут стране административные кадры, кадры инженеров, врачей, преподавателей, ученых, артистов. И тогда Камбоджа не будет более в глазах иностранцев всего лишь хранителем руин Ангкора и бледной тенью исчезнувшей цивилизации, но государством зрелым, развивающимся и крепнущим, которое является полноправным членом в сообществе цивилизованных наций.

Андре Миго

КХМЕРЫ

(история Камбоджи с древнейших времен)

Утверждено к печати

Институтом востоковедения

Академии наук СССР

Редактор *О. М. Гармсен*

Младший редактор *Н. И. Иванова*

Художник *А. П. Плахов*

Художественный редактор *И. Р. Веский*

Технический редактор *Т. А. Патеюк*

Корректор *М. К. Киселева*

Сдано в набор 11/X 1972 г. Подписано к печати 22/1 1973 г. Формат 84 X 108 ^{1/32}. Бум. № 2. Печ. л. 11. Усл. п. л. 18,48. Уч.-изд. л. 19,46. Тираж 6700 экз. Изд. № 3061. Зак. № 1103. Цена 1 р. 11 к. Главная редакция восточной литературы издательства «Наука». Москва, Центр, Армянский пер., 2. 3-я типография издательства «Наука», Москва К.-45, Б. Кисельный пер., 4.